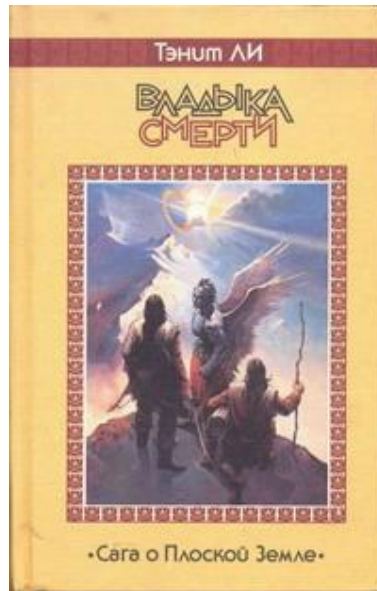


Танит Ли Владыка Смерти

Сага о Плоской Земле²



Танит Ли Владыка Смерти

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВЛАДЫКА СМЕРТИ И КОРОЛЕВА

Глава 1

Наразен, повелительница леопардов и королева Мерха, стояла у окна и наблюдала за разгуливающей по городу чумой. На чуме было желтое одеяние, под стать цвету болезни — желтой лихорадке; желтое, словно пыль, прилетевшая с равнин, засыпавшая город Мерх и теперь душившая его, желтое, как зловонная грязь, в которую превратилась прежде широкая река, протекавшая через Мерх. Наразен в бессильной ярости мысленно обратилась к Чуме: «Что же мне сделать, чтобы избавиться от тебя? — И ей почудилось, что дама в желтом оскалилась и скорчила гримасу, ответив: „Ты и сама знаешь, но не сможешь этого сделать“. Потом пыльный смерч унес чуму, а Наразен с досадой захлопнула ставни.

На стенах королевской спальни висело полированное оружие, а сами стены были расписаны сценами охоты и сражений, пол устилали шкуры леопардов и тигров, добытых Наразен. По ночам постель согревали хорошенькие девушки, очередные любовницы королевы. Король Мерха растил и воспитывал Наразен скорее как сына, наследника престола, нежели как дочь, и такое воспитание развило в принцессе странные наклонности, хоть будущая королева и была красавицей.

За год до описываемых событий Наразен со свитой избранных придворных отправилась охотиться на леопардов. Ее охотничье снаряжение было золотым, а охотничьи собаки казались белыми, словно снег. Ярко-рыжие волосы Наразен украшал головной убор из тонких золотых нитей и жемчуга, а глаза сверкали как у хищников. Но в тот день королева и ее свита не встретили ни одного леопарда.

Добравшись до излучины реки, в те времена еще темной и прохладной, по берегам которой росли огромные старые деревья, колесницы остановились. Пока собаки утоляли жажду, спутники Наразен заметили юношу, сидящего под деревом. Его красота ослепляла, и, несмотря на то, что незнакомец гулял совсем один, без слуг и охраны, он был в богатых одеждах. У ног его лежал белый деревянный посох, украшенный двумя большими изумрудами.

— Приведите ко мне этого юношу, — приказала Наразен, когда ей доложили о незнакомце, и слуги тут же выполнили ее приказ. — Теперь объясни мне, откуда ты взялся, — потребовала королева Мерха. — Ты находишься в моем королевстве, но ты чужестранец, раз в одиночестве бродишь в этих краях в такой богатой одежде. Неужели никто не предупредил тебя, что дикие звери, идущие на водопой, издали чувствуют запах человеческого мяса, а разбойники моего королевства, впрочем, как и любого другого, любят драгоценные камни?

Юноша поклонился, пристально рассматривая королеву. Такой взгляд она когда-то уже видела и ошибиться не могла... это был недобрый взгляд. Но отвечал незнакомец вежливо:

— Меня зовут Иссак. Я чародей и сын чародея. Я не боюсь ни зверей, ни людей, ибо знаю заклинания, которые могут обезопасить меня.

— Тогда ты счастливее или хвастун, — сказала Наразен. — Ну-ка, покажи мне свое искусство.

Юноша вновь поклонился. Он поднял посох, и тот превратился в белую змею с изумрудными глазами, которая трижды обвилась вокруг его шеи. После этого он тихонько свистнул, и река забурилась от множества маленьких разноцветных рыбок, резвящихся на поверхности и выпрыгивающих из воды. Потом снова свистнул, но по-другому, и с деревьев, словно листья, слетели птицы и устроились на его плечах и руках.

Придворным понравилось это представление, и они захлопали в ладоши. Но Наразен, недовольная дерзким взглядом незнакомца, сказала:

— А теперь пусть появятся леопарды. Птицы сразу же вспорхнули на деревья, а рыбки камнем ушли в глубину реки. Юноша, назвавшийся Иссаком, задержал взгляд на королеве и, слегка нахмурившись, свистнул в третий раз. Из-за деревьев медленно вышли десять золотистых леопардов. Их пятнистые гибкие тела казались почти неразличимы в тени листвы, но у всех хищников были глаза Наразен. Королева улыбнулась, знаком подозвав оруженосцев, но едва только отвела для броска руку, сжимавшую копье, юноша-колдун сорвал с шеи змею и бросил наземь. Тотчас змея превратилась в посох и глубоко вонзилась в землю, а леопарды исчезли.

— Значит, это была только иллюзия, — разочарованно вздохнула Наразен, — обман. Я не люблю, когда меня дурачат.

Иссак улыбнулся и вежливо сказал:

— Как бы то ни было, прекраснейшая из королев, думаю, ты не властна приказывать мне.

Наразен не привыкла обсуждать, что она может, а что нет. Обернувшись к одному из стражников, она сказала:

— Дайте этому лицедею несколько монет. Он выглядит голодным, а дорогое платье, вероятно, тоже иллюзия.

Иссак отказался от платы.

— Мне не нужны деньги. Я изголодался по иной пище и жажду другой награды.

— И какой же?

— Королевы Мерха.

Ни один мужчина не смел говорить с Наразен подобным образом. Гнев охватил королеву, но при этом она почувствовала странное беспокойство. Тем не менее, она старалась казаться беспечной:

— Поскольку ты, скорей всего, варвар и не знаешь хороших манер, я не стану приказывать выпороть тебя.

— Никто, кроме тебя, не сможет ударить меня, — ответил колдун.

Одна из собак королевы, чувствуя гнев хозяйки, зарычала на Иссака, но чародей протянул к ней руку, и зверь тут же лег и заснул.

— А теперь, прекрасная Наразен, — продолжал юноша, — ты должна кое-что понять. Я могу заколдовать тебя, как эту собаку, однако я не стану этого делать. Несмотря на надменный тон и высокое положение, ты пробудила во мне страсть. Сегодня ночью ты станешь моей, и никакая сила не сможет этому помешать.

Странно, что, произнося дерзкие и страстные речи, колдун оставался печальным.

Наразен сделала знак стражникам. Они бросились вперед, чтобы схватить чародея. Но стоило им протянуть руки, как Иссак исчез так же, как и его леопарды, и хотя воины долго и бестолково метались среди деревьев в поисках следов юноши, они ничего не сумели отыскать.

Наразен вернулась в город в странном настроении. Королева не считала себя тираном, хотя порой бывала жестокой. Теперь же ее охватило страстное желание отплатить незнакомцу за дерзость. Владычица Мерха не сомневалась, что намерения колдуна достаточно серьезны, и понимала: он имеет шансы на успех, учитывая то, как он преуспел в магии. Не испытывая влечения к мужчинам, Наразен могла бы смилостивиться над Иссаком, если бы он повел себя как-то иначе...

Но тут ей вспомнилось странное, трагическое выражение его лица, отмеченное печатью безнадежности и боли... Наразен с шумом распахнула бронзовые двери своих покоев и кликнула придворных колдунов.

Черный цветок ночи распустился в небе, а внизу, у подножия королевского дворца, будто большой цветник, замерцали разноцветные фонари Мерха. Наразен приказала удвоить стражу у ворот дворца и не пропускать посторонних. Возле покоев королевы встали два великана с медными дубинками, косясь друг на друга и надеясь, что сегодня-то они смогут продемонстрировать свою силу. На внутренней стороне двери повесили череп гиены и другие страшные амулеты — изделия придворных колдунов. В комнатах Наразен стоял запах ароматических курений.

Шло время, и, по мере того как затихал городской шум, росли сомнения королевы. Из окна она видела, как гаснут фонари-цветы Мерха: вот потух алый, потом золотой, напоследок разорвав мирную темноту голубыми пальцами-лучами, Наразен подумала о придворных колдунах, шепчущих заклинания и хвастающихся друг перед другом в королевской приемной. Она вспомнила, что, так и не притронувшись к пище, отослала служанок. Потом королева подумала о девушке с длинными льняными волосами, целый месяц делившей с ней ложе, наконец, о чародее Иссаке и засмеялась про себя над ним, над его искусными фокусами, его хвастовством, его страстью. Королева даже пожалела его...

Вот Наразен вышла в приемную и сквозь пурпурный дым бронзовых жаровен увидела своих колдунов, заснувших за работой, прямо на полу, усыпанном магическими принадлежностями — кусочками костей, серебряными цепочками и полированными четками. Королева подошла к бронзовым дверям и распахнула их. У дверей на страже, словно огромные замшелые деревья, замерли два великана, и хотя их глаза были широко открыты, они ничего не видели. По залу металась зеленая птица. Стоило Наразен открыть двери, птица пролетела мимо нее и впорхнула в приемную. Затем, сбросив оперение, она превратилась в зеленый драгоценный камень, который упал на пол и раскололся надвое. Из него в потолок ударил яркий луч света. Когда же он померк, перед королевой возник чародей Иссак.

Он смотрел на Наразен, и его лицо казалось очень бледным. В руках он держал голубую розу: об этом цветке часто говорили, но редко кому доводилось его видеть. Иссак протянул розу Наразен и, когда королева отвергла подарок, сказал:

— Если ты предпочитаешь сапфиры, пусть будет так.

Наразен едва не онемела от удивления, но все же у нее хватило сил произнести:

— Видно, ты и в самом деле опытный колдун. И что же, следующим номером в твоей

программе буду я?

— Если ты уступишь моей любви...

Королева внимательно рассматривала бледное лицо Иссака и руку, в которой дрожал стебель розы.

— Я не сплю с мужчинами, — возразила Наразен.

— Сегодня ночью это случится.

— Возможно, — пробормотала королева. — Выпей со мной, и мы обсудим это.

Исак не остановил Наразен, когда она подошла к шкафчику с винами. Королева налила своему гостю крепкого напитка, а сама ограничилась безобидным финиковым шербетом.

— А теперь, — продолжала Наразен, наблюдая, как чародей медленно пьет вино, — ответь мне на один вопрос. Ты — могущественный колдун, хотя прежде, чем использовать свое искусство, ты пытаешься ухаживать за мной. Ты говоришь о страсти, но при этом бледен, как человек, охваченный страхом или печалью. Ты добиваешься меня при помощи подарков, хотя грозишься взять силой. Почему?

Исак глотнул из кубка, и к его бледному лицу прилила кровь.

— Я отвечу тебе, прекрасная Наразен, — сказал он. — Как ты знаешь, я волшебник и в свое время имел дело с демонами, в особенности с дринами, безобразными карликами из Нижнего Мира. Я хотел стать еще могущественнее, и дрины привели меня в дом искусного мага, намного старше и коварнее меня, сказав, что я смогу многому научиться у него. Но, как оказалось, дрины ценили этого негодяя за его жестокость. Этот колдун заключил со мной сделку, в виде платы за обучение я должен был каждую ночь спать с ним. Тогда я был молод и глуп, но мечтал стать мудрым и могущественным. Мне казалось, что плотские удовольствия, даже извращенные, — ничто по сравнению со знаниями, которые я получу. Поэтому, несмотря на то, что мой учитель был грязен, стар и груб, я согласился. Ну, а потом каждую ночь мне приходилось терпеть его. Целый месяц я был его учеником днем и его любовником с наступлением темноты. Мне казалось, что это слишком высокая плата за обучение, но я не знал истинной цены. Каждую ночь вместе с его семенем распутство и грех проникали в меня, в мою плоть и душу. И каждый раз, когда это происходило, колдун терял год жизни. Чтобы возместить себе потерянное время, он сверх всего забрал у меня за каждый день обучения год моей жизни. Такой оказалась природа его заклятий, и, когда я, не в силах более терпеть, собрался уйти, он сказал: «Ты уходишь от меня, Исак, магом, познавшим большую часть моего искусства. Правда, есть еще один дар, которым я наградил тебя. Хотя в тебе остались пыл и сила молодости, я наделил тебя всеми своими пороками и страстями. Время от времени ты будешь совершать поступки, от которых я получал наслаждение: ты станешь насиловать девушек и грабить мужчин. Однако не огорчайся понапрасну, тебе не придется долго мучиться. За этот месяц ты прибавил к моей жизни тридцать лет, и только три года жизни осталось тебе. Не сомневайся, ты весело проведешь оставшееся время». И я, — продолжал Исак, выпустив из пальцев недопитый кубок, — стал таким, как и обещал мерзкий старик. Когда я увидел тебя, вся сила страшного наследства увлекла меня сюда. Голубая роза — единственное, что осталось от моей прежней души.

Потом Исак уронил голову на руки и разрыдался, как ребенок.

— Ты должен противостоять этому колдовству, — объявила Наразен.

— Я пытался, — вздохнул Исак, — но это сильнее меня.

— Ну, не плачь, — попыталась утешить его королева.

В ее душе презрение смешалось с жалостью, и, позабыв об опасности, Наразен подошла и по-братски положила руку на плечо колдуна. Слишком поздно она заметила, что слезы Иссака уже высохли. В тот же миг чародей схватил ее.

Наразен была сильной и гибкой, но Исак обладал невероятной силой. Он повалил красавицу на пол. Лицо его налилось кровью, покраснелось, как у пьяницы или сумасшедшего, а из глазниц чародея на Наразен смотрели глаза другого человека, чужого и страшного.

Одной железной рукой колдун держал королеву, другой разорвал ее платье, словно оно было бумажным. Иссак дышал тяжело и часто, как собака, и слюна его капала ей на грудь.

Но Наразен вовсе не была наивной девушкой, какой пыталась казаться, и потому, разливая напитки, припрятала в рукаве маленький острый нож, который держала в шкафчике для вин, обычно этим ножом открывали бутылки. Когда колдун навалился на королеву, стараясь овладеть ею, Наразен перестала сопротивляться и расслабилась.

— Такой ты мне даже нравишься, — прошептала она, — не хнычущий, а властный. Давай же возьми меня, мой дорогой. Отпусти мои руки, и я сама помогу тебе.

Однако Иссак освободил только левую руку королевы, крепко держа правую. Тогда Наразен начала ласкать и целовать насильника, и он, от удивления забыв об осторожности, отпустил ее. Королева осторожно вытащила припрятанный в рукаве нож и ударила колдуна в ухо.

Завопив от страшной боли, Иссак упал возле Наразен, но теперь в душе королевы не осталось и тени сострадания. Подбежав к стене, она схватила одно из копий и вонзила его прямо в сердце чародея с такой силой, что острие насквозь пробило тело и вонзилось в пол.

Иссак умер не сразу. Прежде с ним произошла отвратительная перемена. Тело его ссохлось и покрылось трупными пятнами. Плоть разлагалась на глазах. Она растаяла, словно кусок льда на солнце. Теперь королева увидела подлинный облик колдуна, то, во что превратил его учитель. Только хитрые заклинания, которым выучился Иссак, позволяли ему сохранять иллюзию молодости и красоты. Теперь он выглядел отвратительно. Внешний вид Иссака соответствовал черной душе колдуна. Но, словно не чувствуя боли, Иссак ухмыльнулся и прокричал Наразен:

— Вот и истекли три года, отпущенных мне моим учителем. Я умру на полу твоего дворца... Ты безжалостно исполнила приговор. А теперь я расскажу тебе о твоей судьбе, Наразен из Мерха. Мне еще хватит сил наложить на тебя заклятие, и ты не сумеешь заставить меня замолчать. Ты предпочитаешь не спать с мужчинами, так пусть то, что могло бы доставить тебе величайшее наслаждение, принесет страшные муки... За год в землях Мерха произойдет много событий. Сначала подуют ураганные ветры и принесут в Мерх три засухи, которых люди боятся больше всего: высохнет вода в реках, пропадет молоко у всех домашних животных и, наконец, иссякнет плодородие женского чрева. Богатая страна превратится в бесплодную пустыню, реки станут грязными, желтая пыль осядет на губах и ресницах людей, и не родится ни один ребенок, ни один зверь. Земля станет бесплодной, как чрево королевы. Голод и Мор будут разгуливать по улицам, играя с людьми как кошки с мышками. Люди будут вопить, видя жуткие знамения; они станут взывать к богам, умоляя облегчить их участь, избавить от бед, сказать, когда же, наконец, придет конец всем несчастьям. И тогда оракул скажет им: «Мерх будет как Наразен. Когда прекрасная Наразен родит ребенка, тогда и ее страна возродится. Когда Наразен принесет дитя, тогда к земле вернется плодородие». И они, о королева, придут и станут стучать в дворцовые ворота и требовать, чтобы ты спала с мужчинами. И тогда, несмотря на унижения, стыд и отвращение, ты, королева, будешь спать со всеми мужчинами, будь то принц, нищий, свинопас или бродяга. Каждый будет входить в твою дверь и выходить, не оставив в тебе плода. И единственной причиной этих бед станешь ты сама. Ты уподобишься скорпиону, жалящему себя же и умирающему от собственного яда. Твое бунтующее чрево никогда не воскреснет. Никогда от семени живого мужчины не принесешь ты плода, и твое королевство погибнет. Мерх будет как Наразен. Если твой народ не убьет тебя, ты вечно будешь скитаться по земле... Когда же ты останешься совсем одна, вспомни об Иссаке.

Потом тело колдуна обмякло, но перед смертью глаза его переполнились печалью, и он прошептал:

— Наразен, яд учителя заставил меня наложить на тебя проклятие. Я сам никогда не сделал бы этого, любимая.

Внезапно изо рта Иссака хлынула кровь, и жизнь покинула его тело.

Когда стихли слова проклятия, Наразен похолодела. Но вместе с останками Иссака,

погребенными в безымянной могиле, за городскими воротами, там, где хоронили преступников и самоубийц, она похоронила память о нем. Однако в глубине души королевы проклятие оставило свой след, Наразен не забыла о нем.

Целый месяц дули сильные ветры. Они раскрасили город во всевозможные оттенки охры, засыпав его пылью равнин, и Мерх стал маленьким адом. Ветры сменились засухой, выпившей всю воду в реке. Стада не могли напиться, вымя животных опустело. Вслед за тем пропало молоко у женщин, им нечем стало кормить новорожденных младенцев, а потом исчезли те, кому оно было нужно, — все дети рождались мертвыми. Ни в Мерхе, ни в его окрестностях не стало женщин, гордо выставлявших напоказ большие округлые животы. За все лето не было ни одного дождя. Страшная жара выжгла весь урожай. Наступил голод, и чума танцевала на улицах Мерха то в красных одеждах, то в желтых...

Как и предрекал Иссак, люди обратились к богам. И согласно предсказанию, боги жсжалились и ответили людям, но, возможно, это были слова жрецов, видящих лишь раскаленные гроты или пересохшие родники там, где когда-то текла зеленая и прозрачная вода. Оракулы сказали: «Мерх будет как Наразен. Когда у королевы Мерха родится ребенок, кончатся бедствия. Когда лоно Наразен станет плодородным, тогда страна возродится, но, пока королева суха, как кость, страна будет такой же, а то и еще хуже».

Самое удивительное, что прорицание оракулов совпадало с проклятием Иссака — или того, кто властвовал над его душой. Королеве не оставалось ничего другого, как поступать согласно пророчеству колдуна. Однако Наразен верила, что существует лазейка, какое-то упущение в проклятии, и если бы королева смогла ее найти, она спасла бы страну от гибели, и подданные вновь полюбили бы ее. Ибо если Наразен что-то и любила, то это было королевство Мерх. Если ей суждено принять позор ради спасения Мерха, она не станет отступать, и не будет ни унижена, ни оскорблена этим.

И Наразен открыла двери своей спальни. Не великаны стояли теперь у входа, охраняя ее покои, а толпа мужчин. Одних все происходившее смущало, другие же, наоборот, держали себя самоуверенно, разглядывая повелительницу Мерха, как быки корову. Подходящее наказание для такой женщины как Наразен, но не это занимало ее мысли. Королева учтиво кивала каждому из мужчин. Все они были достаточно известны. Королева вела их за собой, и они входили спальню, а затем в Наразен. Она терпела, и подданные хвалили ее за это. А когда королева не зачала, знатные люди послали самых крепких, здоровых мужчин королевства послужить ей. Позднее в спальню королевы допустили и чужеземцев.

Этот год выгорел и осыпался желтой шелухой. И Наразен, крутившаяся в его пламени, казалась такой же выгоревшей и высохшей. Лишь душа ее не сгорела в этом огне. Сохранилась и ее красота. Королева по-прежнему притягивала взгляды мужчин. И еще у Наразен осталась гордость, хотя в дальних странах теперь ее называли Шлюхой из Мерха — ведь никто не верил, что она не получает удовольствия от своего наказания. Страдания, которые прежде раздирали ее, постепенно притупились. Королева стала бесчувственной, носила черные одежды, чтобы быть похожей на тень. «Остерегайтесь, когда будете проходить через Мерх, а то Шлюха съест вас вместе с вашими фаллосами, — говорили путники друг другу. — Всем известно, Наразен всегда голодна, да и страна ее голодает».

Пришла зима, тяжелая холодная зима. В стране царили голод и разруха, словно по цветущим равнинам прокатилась волна огня. Высоко в горах лежал снег, но и там его покрывали хлопья саж. Даже зима заболела в Мерхе.

Наразен бродила по высокогорным тропам. Она спала с пастухами и подпасками. Когда она, обнаженная, появлялась перед ними, ее тело цвета майского меда и огненно-рыжие волосы возбуждали их. Мужчинам казалось, что это богиня спустилась с небес осчастливить их. Они мечтали о сыновьях, зачатых ими в прекрасном теле богини. Сыновей не было, но любовники Наразен об этом не знали. Королева спала с разбойниками. Один из них полоснул ее ножом, и повелительница Мерха приказала убить его. Всю злость от собственной беспомощности выместила она на этом несчастном. В ее постели не осталось места для

женщин, так же как больше не было и пронзенных копьями леопардов у ее ног. Ложь с Наразен делили только мужчины, а сама королева стала леопардом на их копыях. Она ничего не чувствовала и жила, как будто во сне. Наразен могла быть только такой — гордой и прекрасной, без стыда несущей бремя позора. Но по-прежнему она оставалась бесплодна, и страна умирала.

Зима, наконец, с радостью покинула Мерх. Весна принесла новые ураганы, лето — желтую пыль. Чума, отоспавшись за зиму, надела просторные одежды желтой лихорадки и бродила по улицам города, стуча в двери домов.

И тогда настал день, когда Наразен пробудилась от сна, сковывавшего ее. Она выглянула из окна, увидела ад, в который превратился ее Мерх, и подумала: «Все мои попытки закончились неудачей. Я должна была хранить свое тело для себя, вместо того чтобы сдавать его внаем. Я стала добычей, теперь же пора вновь превратиться в охотницу». И тогда посмотрела она чуме в глаза и подумала: «Что же мне сделать, чтобы избавиться от тебя?» И чума ответила: «Ты и сама знаешь, но не сможешь этого сделать». Тогда Наразен с шумом захлопнула ставни, отгородившись от пыли и зловония Мерха.

Но королева догадалась, что надо сделать, когда услышала, как неподалеку от дворца какая-то женщина заплакала и стала причитать:

— Мой милый умер от лихорадки! Мой любимый умер!

Услышав стоны несчастной, Наразен вздрогнула всем телом, неожиданно осознав, в кого превратил ее Исак, и сжала кулаки, ибо поняла, наконец, где проходит путь, ведущий к спасению.

Глава 2

Ночью Владыка Улум бродил по полю битвы. Битва давно закончилась (как кончаются любые забавы, даже самые лучшие), и теперь здесь воцарилась тишина. Победители с добычей усаkali на север, оставив позади себя только Смерть... Когда стихли все звуки, из засады появились вороны; со всех сторон сбегались шакалы, чтобы начать междоусобную войну среди куч, холмов, гор безмолвных и неподвижных тел. Тут и там в темноте мерцали огоньки светлячков, но все они быстро погасли. Только звезды неизменно, неугасимо сияли в небе. Сверкающая россыпь на равнине неба, тишина и безмолвие... Как будто на небесах тоже шла битва и там теперь тоже лежали трупы, отличающиеся от земных лишь тем, что были прекрасны и светились в темноте.

Но все же это были лишь звезды, освещавшие для Владыки Улума поле боя: то, что еще заслуживало внимания.

Улум был черным, атласно-черным, как шкура пантеры, блестяще-черным, как отшлифованный черный жемчуг. Его высокая стройная фигура казалась отлитой из тьмы, а длинные белые волосы, как и одеяния, были цвета слоновой кости. Белые волосы и белый плащ колыхались и мерцали в темноте, и казалось, что это клубы дыма скользят по полю битвы. Лицо Улума редкой, необъяснимой красоты всегда носило маску отрешенности. Люди смотрели на бесстрастное лицо Владыки Смерти и не могли впоследствии вспомнить его. Лик Улума ускользал из их памяти, как вода утекает между пальцами, как морская волна уходит в прибрежный песок во время отлива.

На поле боя протекал неглубокий ручей. Те немногие, кому хватило сил добраться сюда и напиться воды перед смертью, уже умерли, и теперь их лица и руки скрылись под водой, окрасив ее в темный цвет крови. В нескольких шагах от ручья лежал еще живой молодой воин. От боли все плыло у него перед его глазами, но он все же заметил, как высокая тень Улума скользнула мимо, на мгновение закрыв звезды. Воин позвал его. Голос несчастного звучал тише, чем шелест травы в поле. Тем не менее, Улум подошел к несчастному.

Воин был очень молод. Его раны выглядели ужасно, но казалось, он видит Улума. Юноша еще раз прошептал свою просьбу, и Улум склонился к нему, чтобы расслышать.

— Если в вас есть хоть капля сострадания, принесите мне воды.

— Я никогда не испытываю сострадания, — ответил Улум. — Кроме того, вода в ручье скверная.

— Вы ищете своих родных? — прошептал юноша. — Утром сюда придут женщины. Они станут искать среди убитых своих мужчин. Наши враги разрешат им это. Придут моя мать и сестры. Они заберут то, что оставят от моего тела шакалы, и отнесут домой. В этом году мне не придется собирать урожай.

— Урожай уже собран, — возразил Улум. Его огромные глаза были полны грусти и напоминали колодец непролитых слез.

— Дайте мне воды или любого питья, сладкого или горького, — попросил юноша.

— У меня есть только один напиток, — спокойно ответил Улум, — но, возможно, он тебе не понравится. Подумай хорошенько. Может быть, ты еще доживешь до утра.

— Ночь холодна, а я очень хочу пить.

— Ну что ж, — вздохнул Улум. Из-под плаща он достал флягу и чашу из желто-белой полированной кости. В чашу он налил питье. Жидкость не имела ни цвета, ни запаха, ни определенного вкуса. Улум приподнял голову юноши рукой и протянул ему чашу.

— Через три часа, — сказал Улум, — наступит утро...

— Все равно звери успеют добраться до меня, — сказал юноша. — Я не вынесу этой жажды.

— Тогда пей, — приказал Улум и поднес чашу к его губам.

Молодой воин выпил и прошептал:

— Это вкус летней травы... — А затем добавил:

— Больше я ничего не хочу... — и закрыл глаза навсегда.

Следом за Улумом на холм поднялась группа женщин. Они не несли светильников, ибо пришли слишком рано, украдкой, боясь врага-победителя, не подчинившись его жестоким указам. Они, суетясь, сбились в кучку, и темнота окутала их, как плащ, но, увидев Улума, они со стоном отпрянули. Когда же Владыка Смерти миновал их, одна женщина очнулась от страха и прокричала ему вслед: «Я знаю тебя, ты, шакал!» — и плюнула на землю, где только что ступила нога Владыки.

Глава 3

В пяти милях к востоку от города Мерха поднималась стена гор. Чтобы пересечь их, путнику нужно было семь дней. По ту сторону гор лежала бесплодная равнина, а за ней стоял лес древних мертвых кедров. Эта часть пути занимала два дня. За лесом открывалась дикая страна, где растения и животные взбунтовались против законов природы. Здесь цвели розы с огромными колючками, взлохмаченные, как кошки, попавшие в куст шиповника; яблоки были соленые, а плоды айвы — горькие, как полынь. В непроходимых зарослях жили яркие птицы, но они не пели песен. Звери в этих краях были свирепыми, но им редко удавалось поохотиться на человека, ибо люди избегали этих мест. В трех милях к востоку от мертвого леса раскинулся сад, в котором росли дикие гранатовые деревья. Плоды их были ядовиты и имели нездоровый зеленоватый оттенок, а в центре сада стоял синий дом. В этом жилище, известном как Дом Синего Пса, обитала колдунья.

Наразен, стремясь разузнать поподробнее о Доме Синего Пса, расспрашивала придворных колдунов и других магов, живших в Мерхе. Ее народ потерял всякое терпение и начал именовать Наразен Шлюхой. «Она не может зачать, потому что похоть выжгла ее чрево», — говорили одни, бегая, как стая гиен, по улицам Мерха и разнося мерзкие слухи, другие писали имя королевы на стенах домов, добавляя самые мерзкие эпитеты. Дошло до того, что несколько человек ночью ворвались во дворец — они хотели убить повелительницу Мерха. Тогда Наразен обнажила меч и собственноручно убила их. Наконец королева поняла, что цель ее поисков лежит за пределами города. Она отправилась в опасное путешествие, взяв с собой только десять воинов, — остальная стража осталась в Мерхе во дворце. Наразен

пересекла горы, каменистую долину, проехала через мертвый кедровый лес и оказалась в дикой стране.

На одиннадцатый день путешествия королева и ее отряд выехали на луга, которые окаймляли сад колдуньи. Здесь Наразен спешила и пошла дальше одна.

Хотя уже наступил день, в саду ведьмы царил полумрак. Дом Синего Пса внезапно появился перед Наразен. Два синих столба поднимались по обе стороны бронзовой двери, над которой розовым огнем горел высокий светильник из голубого стекла.

Наразен подошла к двери и постучала рукояткой кнута. Дверь тотчас же отворилась. В дверном проеме стоял пес. Семи ладоней ростом, он был искусно сделан из голубой эмали. Пес открыл пасть и залаял, но лай его показался королеве речью.

— Кто ты? — пролаял пес.

— Та, которой нужна твоя хозяйка, — ответила Наразен.

— Это и так понятно. Но я обычно докладываю ей, называя имя гостя.

— Тогда доложи, что я Наразен, королева Мерха.

— Те, кто лжет, умирают, — прорычал пес.

— Тогда не лги и оставайся среди живых, — огрызнулась Наразен. — Иди и доложи обо мне своей хозяйке-колдунье. Я не собираюсь беседовать с шавкой.

Пес завилял хвостом, как будто ему понравилась надменность Наразен, и лизнул ее руку языком, похожим на сухое горячее стекло.

— Прошу следовать за мной, — сказал он. Внутри дома все было голубым. Собака проводила Наразен вверх по лазурной лестнице, в комнату с множеством голубых светильников. Внутри каждого из них горел розовый огонек.

— Садитесь, — предложил пес. — Вам принести чего-нибудь освежающего?

— Я не буду ни есть, ни пить в этом доме, — сказала Наразен. — Ходят слухи, будто твоя хозяйка так мудра, что немногие осмеливаются войти в ее дом. А еще говорят, что сюда легче войти, чем выйти.

Раздался необычный звук, словно керамические плитки потрескивали в огне камина, — это смеялась собака. А потом портьера на дверях качнулась в сторону, и в комнату вошла колдунья.

Наразен много слышала о таинственной Хозяйке Синего Дома. Многие знали о ней, но мало кто ее видел. Одни говорили, что колдунья напоминала василиска и ее взгляд обращал людей в камень, другие говорили, что она старая карга. Но перед Наразен стояла юная девушка, не старше пятнадцати лет, стройная, как шелковая нить. Наготу ее прикрывали лишь выгоревшие темные волосы, которые ниспадали почти до пола. Время от времени из-под завесы волос появлялась тонкая белая рука, изящная ножка, бедро или грудь, похожая на бутон водяной лилии. Наразен понимала, что эта красота — творение магии, но, когда королева увидела колдунью, сердце ее затрепетало. А юная ведьма пересекла комнату, села у ног Наразен и, улыбаясь, внимательно оглядела гостью. Губы чародейки казались нежными, как первый розовый луч рассвета.

— Я готова выслушать тебя, старшая сестра, — сказала колдунья. — Ведь ты же не ради забавы проделала такой путь, чтобы найти меня.

Наразен взяла себя в руки. Она старалась не обращать внимания на Синего Пса, хотя тот с явным удовольствием грыз в углу синюю фарфоровую кость; королева заставила себя забыть про манящее тело колдуньи, проглядывавшее сквозь покрывало волос. Наразен рассказала о своей беде, Иссаке и мерзких пороках его наставника, о чуме и о бесплодии Мерха; о том, что земля не сможет приносить плоды до тех пор, пока она, королева, не родит ребенка.

— Но тебе придется выйти замуж и жить с мужчиной, чтобы вырастить и воспитать ребенка, — сказала ведьма.

— Да, это правда, хотя я и не люблю кобелей. Я отдавалась самым разным мужчинам, безумцам и вонючим разбойникам. Я отдавалась всем, не щадя себя, но оставалась бесплодной. Таков яд этого проклятия-скорпиона: мое чрево никогда не понесет от семени

живого мужчины.

— Что ж, это искусное проклятие, — сказала колдунья. — Показать дорогу и преградить путь по ней. Но колдовство есть колдовство. Проклятие такого чародея, как Иссак, невозможно снять... Для этого искала меня, королева?

Наразен заметила лукавый блеск в глазах ведьмы. «Она поможет мне», — подумала Наразен и ответила:

— Я искала тебя, так как слышала, что Хозяйка Дома Синего Пса общается с могущественной особой, одним из Владык Тьмы...

— Допустим, это так, но чем это поможет Наразен из Мерха?

— Я поняла, что Мерх может быть спасен только, если я рожу ребенка, и для этого мне придется спать с мужчиной. Но обычные мужчины не подходят. Но если я не могу родить дитя от «семени живого мужчины», то почему бы мне не попробовать переспать с мертвецом?

Некоторое время колдунья молчала, а потом еще шире заулыбалась.

— Королева Мерха достаточна умна, — сказала она наконец, откинув назад волосы и открыв Наразен чистое бледное лицо, раньше скрытое под волосами, и удивительное украшение — вокруг талии ведьмы позвякивала гирлянда маленьких белых косточек — человеческие пальцы, нанизанные на золотую цепочку. — Что ж, — продолжила колдунья. — Допустим, я смогу уговорить Владыку Тьмы, и он поможет тебе, если пожелает. Я позову его, но, придет он или нет, не знаю. Он никому не подчиняется... а я всего лишь его служанка. И все же он может снизойти и исполнить мою просьбу. Если он придет, будь готова преодолеть страх, ибо он внушает страх простым смертным. Не так-то просто пригласить его, но еще труднее сделать так, чтоб он выслушал тебя. И как ты понимаешь, он заключит с тобой сделку.

— Я слышала об этом, — кивнула Наразен.

— Ты можешь отказаться, — продолжала ведьма. — Даже поговорив с ним, ты имеешь право отказаться. Он никого не принуждает. Но отказаться не так-то просто. Ты все еще хочешь, чтобы я позвала его?

— Да, хочу, — сказала Наразен.

Тогда Хозяйка Синего Дома задрожала всем телом, то ли от ужаса, то ли от радости. Она свистнула, и пес выбежал из комнаты. Померкли огни в светильниках. Затем колдунья подошла к столу и открыла стоящую там шкатулку из слоновой кости. Внутри лежал барабан, такой крохотный, будто сделанный для маленького ребенка. Но этот барабан не был детской игрушкой. Его изготовили из человеческих костей, а кожу, обтягивающую его, сняли с тела прекрасной девственницы.

Колдунья уселась у ног Наразен и начала выстукивать ритм быстрыми легкими движениями пальцев. И тут Наразен заметила то, чего не видела раньше. Третий палец левой руки колдуньи был отрезан до второго сустава. Наразен вспомнила косточки фаланг вокруг талии колдуньи, но тут во всех лампах разом погасли огни.

То, что вошло в дом, было не простой темнотой, а тьмой огромной черной раковины, спрятанной в глубине земли, абсолютной тьмой. В ней остались лишь шепот, дыхание, вздохи и легкий стук барабана колдуньи.

Садилось солнце, бросая на землю красные лучи. Они осветили двери лачуги, перед которой остановился Улум. Молодая женщина у входа поклонилась ему.

— Прошу вас, заходите, чувствуйте себя свободно в моем доме, — сказала она.

В жалкой тесной комнате на лоскутном одеяле сидели несколько детишек, серьезных и мрачных, как совы, а на кровати лежала маленькая девочка трех-четырёх лет.

— Я послала мужа за доктором, но он еще не вернулся, — продолжала женщина. — Очевидно, вы опередили его?

— Да, — кивнул Улум, переступив порог. Владыка принес с собою покой, больной ребенок почувствовал это. Веки девочки тихонько опустились. Но мать заволновалась.

— Я сожалею, — сказала она, — но сейчас мы ничего не сможем заплатить вам.

Однако я обещаю, что вы получите все деньги от продажи поросят, когда наша свинья родит.

Улум наклонился над больным ребенком. Тесная и жалкая каморка наполнилась зыбким мерцанием, похожим на серые сумерки, хотя небо за дверью еще пылало закатом.

— Подождите, — взмолилась мать. — Скажите, кто вы?

— Вы и сами знаете, — ответил Улум. Мать стиснула руки.

— Я думала, вы доктор, но ошиблась, — прошептала женщина. — Прошу вас, уйдите.

— Вы непоследовательны, — вздохнул Улум. — Вспомните, что последние три ночи вы умоляли меня избавить вас хотя бы от одного из детишек, которых вам нечем кормить. От одного из малышей, которые должны быть одеты и согреты.

— Да, это правда, — пробормотала мать, — Я вижу, боги наказали меня за мою злобу.

Она заплакала и спрятала лицо в ладони. Улум наклонился над кроватью, легко коснулся сердца ребенка, повернулся и вышел. Когда он покинул лачугу, две бесстрастные ледяные слезы скатились с его белых ресниц на полевые цветы, растущие у двери, и те завяли.

Но остальные дети беззаботно болтали, им показалось, что это вечерний ветер ворвался в комнату, и стало чуть холоднее, чем раньше. Больной ребенок затих...

Улум следовал за солнцем на запад. Несмотря на могущество и власть, тьма не всегда подчинялась ему. Он шел быстрее, чем обычный смертный, но солнце всегда обгоняло его. Красное, как хна, оно пряталось за краем земли, но не навсегда.

Улум остановился посмотреть, как ночь опускается на землю. И как только тьма накрыла его, послышался мягкий приглушенный звук, напоминающий то ли стук дождевых капель, падающих на потрескивающую от солнца землю, то ли крылья мотылька, хлопающие в полете, — звук, неразличимый для человека. Но Улум услышал его и понял, чьи нежные пальцы выстукивают дробь на коже барабана.

Какое-то время Улум стоял, раздумывая. Его глаза, еще полные ледяных слез, обратились на восток. На его лице ничего нельзя было прочесть. Оно ничего не выражало, но весь облик Владыки передавал определенное настроение. Возможно, Улума создали боги, очень давно, в дни бесформенного хаоса. А может быть, он появился потому, что потребовался простым смертным.

Молодая колдунья, затаив дыхание, продолжала выстукивать сложный ритм. Косточки на цепочке вокруг ее тонкой талии щелкали, ударяясь друг о дружку. Потом в темноте, обволакивающей Дом Синего Пса, появилась дышащая жаром, опаляющая, но ничего не согревающая тень.

В дальнем конце комнаты в синеватом свечении появился поджарый, мертвенно-бледный Пес.

Косточки застучали, когда она преклонила голову перед Псом, и ее волосы рассыпались по полу.

— Мой господин, — прошептала ведьма, — прости твою служанку за то, что побеспокоила тебя.

Пес подошел ближе. Он был благороден, но вид его вызывал дрожь. Любой другой, встретив такую собаку, испугался бы, но не Наразен. Мгновение — и пес исчез, а на его месте появился мужчина, прекраснее которого королева никого в жизни не встречала. Но и более странного она тоже не встречала: белый плащ, белые волосы, но черная кожа и мертвые фарфоровые глаза. Тут-то королева и почувствовала страх. Не перед мужчиной. Не именно перед Владыкой Смерти. Ее страх напоминал мрачную печаль, приходящую по ночам в тяжелые часы уныния; страх полной безнадежности; неминуемая бездна, поглощающая человека незаметно, безболезненно.

Владыка не удостоил взглядом Наразен, он пристально смотрел в лицо ведьмы. Почему-то глаза его показались королеве слепыми. Затем Улум проговорил ровным, тихим голосом:

— Я здесь.

— Мой господин, — стала бормотать ведьма, глядя на него снизу вверх, — ко мне

пришла одна дама. Она хочет обратиться к тебе с просьбой.

— Пусть говорит, — приказал Улум. Колдунья встала и кивнула Наразен. Королева покинула свое место и вышла вперед, приблизившись к мужчине в белом плаще. Она смело взглянула в бездонные глаза Улума и почувствовала, что его взгляд заворачивает ее все сильнее и сильнее.

— Надеюсь, вы понимаете, — сказала Наразен, — что я не дрожу от страха. В конце концов, никто не может избежать встречи с вами.

Тогда Владыка Смерти — реже его называли Улумом — один из Владык Тьмы, приказал королеве:

— Скажи мне, чего ты хочешь.

— Чтобы спасти мою страну и корону, я должна родить ребенка, — ответила ему Наразен. — Но на мне лежит проклятие. Я не могу родить дитя от живого мужчины. Я должна зачать его от мертвеца. А мертвые — ваши подданные, мой господин.

Колдунья хлопнула в ладоши. Появился каменный трон, задрапированный белым бархатом. Золотые подлокотники трона венчали золотые головы скалящихся собак. Жемчужины сверкали в их глазницах. Владыка Смерти сел на трон и задумался над тем, что сказала ему Наразен. Наконец он промолвил:

— Это можно сделать. Но сможешь ли ты вынести объятия мертвеца?

— Объятия любого мужчины отвратительны мне, — откровенно ответила Наразен, несмотря на то что Смерть явилась в облике мужчины. — Живой или мертвый самец — невелика разница... Может быть, мертвый даже лучше.

— А известна ли тебе цена?

— Очевидно, когда я умру, я должна буду навеки стать вашей рабыней. Полагаю, что все люди платят вам таким образом.

— Нет, — покачал головой Владыка Смерти Улум. — Я Владыка пустого королевства, я покажу тебе. Одно условие ты узнаешь сейчас: после смерти ты должна будешь оставаться со мной тысячу лет. Не больше, но и не меньше.

Наразен побледнела, но отступить не собиралась:

— Это и в самом деле небольшой срок. Но зачем я вам?

Улум взглянул на нее. Сердце Наразен сжалось, но она поборолла страх.

— Ну же, — взмолилась она. — Прошу, не упорствуйте, скажите мне.

Что-то переменялось в лице Улума.

— Жизнь не растоптала тебя, — промолвил он. — Большинство тех, кто ищет меня, — жертвы собственных пороков. Они внутренне сдаются прежде, чем зовут меня. Но ты сожгла все зло и грязь, которые низвергли тебя в пучину. Я буду рад твоему обществу. Именно его ты продашь мне на тысячу лет. Не тело, нет. Тело станет моим в любом случае, как только ты умрешь. Оно будет лежать в земле до тех пор, пока само не станет землей. Не нужна мне и твоя красота — я не люблю ни мужчин, ни женщин. У Смерти нет ложа, у Смерти нет возлюбленной. Подумай, каким посмешищем станет Смерть, если обзаведется потомством, порожденным его семенем. Нет, мне нужна твоя душа. Я сохраню ее и верну в твое тело, а потом ты будешь служить мне тысячу лет. Когда же время истечет, твоя душа вольна будет покинуть меня.

— И это все? — быстро спросила Наразен.

— Нет, еще одно: не требуй от меня после смерти рассказов о жизни живых, — сказал он. Наразен воскликнула:

— Покажите мне свое королевство, подарите возможность зачать ребенка, я согласна с вашими условиями!

Из тени за троном до нее донесся шипящий голос колдуньи:

— Ты слишком нетерпелива! Держи себя в руках!

Тут Владыка Смерти произнес несколько слов, которых Наразен не поняла, ведьма вздохнула и не произнесла больше ни слова.

Тогда Улум поднялся со своего каменного трона. Его плащ взметнулся подобно белой

волне, и Наразен оказалась закутанной в него. Комната колдуньи пропала. Наразен вдруг обнаружила, что она, завернутая в белое крыло плаща, висит в темноте высоко над землей. Огни человеческих жилищ горели внизу, а звезды сияли над головой. Плащ Смерти был огромен. Он окутывал королеву со всех сторон, так что она не касалась Улума.

— Куда дальше? — спросила Наразен.

— Во Внутренний Мир; туда, где находится мое королевство.

Владыка Смерти, кружась, устремился к земле. Перед ними открылась широкая долина. Когда они снизились, Улум вытянул руку, и земля разверзлась. Оказалось, что Смерть бывает везде и поэтому может править всем миром. Наразен показалось, что она очутилась на огромном кладбище, наполненном умирающими, будь то люди, деревья или цветки, листки или травинки. Даже в морях, живущих по собственным законам и правилам там, где властвовали самые могущественные чародеи, даже там погибали рыбы, обитающие у поверхности, и чудовища глубин, — даже туда Владыка Смерти приходил по собственному усмотрению, и никто не мог противостоять ему... Но вот земля покорно разверзлась, открыв широкий проход, Улум с Наразен из Мерха нырнул в мир подземелий.

Наразен ничего не видела. Происходящее напоминало ей падение во сне. Лица и видения проносились в голове королевы, а не перед ее глазами. Один раз ей показалось, что она попала в водоворот, где, толкаясь, плавала толпа призраков. Но и они вскоре исчезли. Владыка Смерти уносил Наразен все глубже и глубже, пока, королева не очутилась на равнине, где было очень тихо и темно.

Королева больше не могла сдержать страх.

— Неужели это могила? — удивилась она.

— Потерпи, — приказал Улум, Владыка Смерти. — Ты увидишь и услышишь все, что можно видеть и слышать в моих владениях. Ты вошла сюда живая, поэтому пока не в состоянии оценить красоту этого мира. Как дух мертвого человека, не освободившийся от забот бренного мира, возвращается навестить землю, не имея плоти, так и ты здесь — призрак в мире мертвых.

Наразен напрягла зрение. Она не слышала ни одного звука, пальцы ее трогали пустоту, и нечего было положить в рот, чтобы почувствовать вкус. Королева ощущала себя, как и сказал Улум, живым призраком в стране мертвых.

Но для Наразен оказалось достаточно и того, что она видела сейчас. Пожалуй, этого оказалось даже слишком много. Женщина содрогнулась в глубине души, и это та, кто нанизывала леопардов на копье и бесстрашно сражалась в битвах наравне с отважными воинами.

Владыка и королева стояли на вершине скалы. У их ног раскинулись холмистые равнины с разбросанными тут и там валунами. Слева темнела мрачная цепь гор. Все, что их окружало, было серого цвета, скала цветом напоминала свинец. Из трещин росли серые пучки растений, похожие не на траву, а на волосы старой женщины, такие же тонкие и хрупкие. Из широких расщелин пробивался более темный мох. Равнина внизу казалась пустыней, покрытой серой пылью, а там, где каменистые холмы отбрасывали тень, она была черной. Небо Внутренней Земли выглядело пасмурно белым и печальным. Ни солнца, ни луны или звезд не существовало в Нижнем Мире. Небо не менялось, только иногда случайное облако проплывало по нему, словно горсть остывшего пепла. Тут царила тишина. Ее нарушали лишь порывы ветра, который бессильно шумел и завывал. Но ему едва хватало сил гнать облака, поэтому они плыли очень медленно. Огромный плащ Смерти повис, будто складки его наполнились свинцом.

Заметив, что Наразен дрожит, Владыка Смерти спросил ее:

— Это не твоя земля. Почему ты боишься ее?

— Вот куда вы привели меня... Вот куда все человечество должно прийти после смерти...

— Пройди со мной через эту страну, — предложил Улум, — и, если ты увидишь хоть одного человека, скажи мне.

Они спустились со скалы. Владыка Смерти отбрасывал тень, черную, как смола, но у Наразен не было даже тени. Они пересекли пыльную пустыню, миновали каменистые холмы, за которыми раскинулся лес. Деревья напоминали колонны из серого сланца. Странники вышли к реке, белой, как молоко. В ней отражалось небо. Наразен видела лишь ее поверхность. Ничто не нарушало покой вод.

Они шли долго. Небо оставалось неизменным, время, похоже, остановилось. Наразен, живой призрак, не чувствовала усталости. И сколько она ни смотрела, ни вглядывалась, ни вслушивалась, она не слышала голоса ни человека, ни животного. На ветвях каменных деревьев не было птичьих гнезд. Ни одно живое существо не обитало здесь.

— Ты не права, — отозвался Улум, читая мысли Наразен. — Тут живу я... Но иногда встречаются и другие заключившие сделку со мной — тысячелетие в обмен на услугу, которую могла выполнить только Смерть.

Наразен взглянула на Владыку.

— Значит, души мертвых отправляются в другое место. Если это так, то мне жаль вас, — холодно сказала она. — Даже судьба Мерха не стоит того, чтобы навеки оказаться в таком мире.

— Подожди, — сказал Улум. — Ты еще не все видела.

Они пошли дальше, и Наразен, гроза леопардов, вновь поборов страх, с презрением и насмешкой наблюдала за своим спутником.

Впереди показался дворец, сложенный из гранита. Высокие каменные колонны поддерживали крышу дворца-призрака. Внутри не горел ни один факел — там царила прохладная полутьма. В главной зале, ожидая хозяина, стоял гранитный трон без украшений. Владыка Смерти сел, опершись подбородком на руку. Он уставился в пустоту, и слезы скатились с его ресниц. Король скорби — таким сделали его боги или кошмарные видения людей. Меланхоличная безнадежность посреди каменной пустыни...

И тогда Наразен услышала мелодию, поразившую ее. Она огляделась. Через множество сводчатых дверей в зал вошли мужчины и женщины. Вместе с ними появилась музыка, заглушая слабый шум ветра. Как только люди заполнили зал, все вокруг изменилось.

Стены зала оказались задрапированы пурпурными, алыми, красными и золотыми тканями. Расцвели огнями свечи в золотых светильниках. На полу сплелись выложенные мозаикой драконы. Под куполообразным потолком из миллионов драгоценных камней, кружась, забили крыльями голуби. Блики — голубые и красные, зеленые и фиолетовые, черные и белые — превратили птиц в маленькие радуги. Столы из цветного стекла были уставлены изысканными блюдами и напитками.

Владыка Смерти замер на троне, но только теперь трон был из чистого золота. Над Владыкой колыхался стяг цвета крови. Золотая цепь на шее и перстни на пальцах Улума вспыхивали мириадами огней, белое одеяние сверкало серебром и самоцветами. Рубиновый обруч придерживал длинные белые волосы, а на коленях Владыки покоился скипетр из слоновой кости, увенчанный серебряным черепом.

Без сомнения, это был Владыка Смерти. Наразен взглянула на него, и он ответил ей, и только ей, и лишь она услышала его голос:

— Перед тобой иллюзия, которую создают эти мужчины и женщины, воображая, что они мои придворные, а я их император. В этой зале нет ничего реального, только обрывки воспоминаний о Верхнем Мире и его богатствах. Мертвые воссоздают их, пока находятся здесь, ведь они не в состоянии вынести Внутреннюю Землю в ее подлинном виде.

— А как это у них получается? — невозмутимо спросила Наразен.

— Видишь ли, их души живы, и, хотя тела мертвы, души все еще в телах. Все они заключили со мной сделку на тысячу лет. Душа каждого человека — настоящая чародейка. Только живое тело препятствует этому.

— А вы, Владыка, держите души здесь, чтобы они развлекали вас? — с раздражением бросила Наразен. — Неужели вы не можете найти себе развлечений на земле?

— Земля не принадлежит мне, хотя я и земное создание, — ответил ей Улум. — Я

часто бываю там, но всегда по делу.

Наразен развернулась и прошла между мертвыми мужчинами и женщинами, чьи души томились в телах, как в темницах. Плоть несчастных полностью сохранилась. Мертвых не затронуло ни разложение, ни могильные черви, ни пожиратели падали. Тела сохранили тот возраст, когда их застигла смерть, и казались живыми. Большинство выглядели совсем молодо, одни умерли от болезней, другие погибли от ран — и эти раны были заметны, хотя старательно замаскированы. Молодой воин, заколотый мечом, носил на груди золотую розу. Другой, умерший оттого, что камень пробил ему глаз, вставил в глазницу сапфир — и, казалось, видел им так же хорошо, как и здоровым глазом. У колонны сидела очень бледная женщина, не пережившая родов и потерявшая много крови. На коленях она нянчила маленького тигренка, размером с грудного младенца. Она даже дала ему грудь, и он осторожно сосал молоко, а женщина улыбалась. В центре зала два седобородых старика играли в кости, смеясь словно юноши. Улум подошел к Наразен.

— Здесь нет боли, и, несмотря на возраст тела, души не ощущают груза прожитых лет и усталости. И настоящего вина тоже нет. Они лишь вообразили себе его, хотя ощущают его вкус, наслаждаются им и скоро захмелеют. Эта страна — чистый лист бумаги, где каждый может писать, что пожелает.

Наразен поверила ему. Вино и еда были не настоящими. Ни души, ни мертвые тела не нуждались в них. И удивительного интерьера тут тоже не было. Не существовало и птиц под радужным куполом, а тигренок был фантазией женщины, горевавшей по ребенку, оставленному в мире живых.

— И вы считаете меня такой же дурой, как все они? — удивилась Наразен. — Вы думаете, я сяду и стану тосковать по внешнему миру, создам его подобие, чтобы это опьянило меня, стану развлекать вас целое тысячелетие? Нет. Я скажу вам об этом сейчас, пока я здесь, в вашем мрачном королевстве.

— Ты не выдержишь, — произнес Улум.

— Посмотрим, — возразила Наразен. — Возможно, вы измените свое мнение, когда я надоем вам так же, как эти безмолвные птицы. И тогда вы подарите мне свободу прежде, чем окончится мой срок.

— И не мечтай, — сказал Владыка Смерти.

— Я мечтаю о том, что мне нравится, — вновь возразила Наразен. — Никогда я не стану ничего делать для вашего удовольствия, мой господин.

Лицо Владыки Смерти ничего не выражало, однако едва заметная тень скользнула по нему.

— Все же мне кажется, ты согласишься на мои условия, — продолжал он.

— Если только ради Мерха... Да, я согласна. Наразен заметила окно. Оно выходило в сад, где росли цветы и деревья, а за ними виднелись вечерние холмы и сверкающая река под молодой луной, изогнутой, как бледно-зеленый лук. Королева засмеялась, вспомнив ныне бесплодные мертвые земли Мерха такими, как они были прежде. Ради возрождения страны она могла вытерпеть все, даже если придется тысячу лет бороться с Улумом, Владыкой Смерти.

В следующее мгновение все растаяло, как дым. Владыка и королева вернулись на землю.

Глава 4

Колдунья вышла из дома и прокралась в сад, где росли ядовитые гранатовые деревья. Она потеряла покой от зависти к Наразен, к ее независимости и к тому, что сейчас королева путешествовала с Улумом.

Хозяйка Дома Синего Пса уже в двенадцать лет была хитрой и сообразительной. Два года она училась у магов и колдунов, торгуя своим телом на улицах, чтобы заработать деньги для платы за обучение. Ни один из ее учителей не обманул ее так, как был обманут

Иссак, потому что девочка оказалась хитрее и изворотливее лисы. Звали ее Лилас. Когда маленькой колдунье исполнилось четырнадцать лет, однажды, бредя домой с непристойной оргии, она, за час до рассвета, встретила с Владыкой Смерти. Это произошло на неприглядной полянке среди колючих кустов, где возвышались три виселицы с преступниками. Лилас хорошо училась и знала многое, доступное лишь опытным магам. Увидев черного господина в белых одеждах, она остановилась под скрипящими на ветру виселицами. Сердце ее учащенно забилося, зубы застучали, руки похолодели, а во рту пересохло. Лилас поняла — это тот редкий случай, который подворачивается лишь однажды, и есть два выхода: воспользоваться им или упустить, а потом сожалеть об этом всю жизнь. Лилас выбрала первый путь. Она подошла к Улуму и робко обратилась к нему.

Они говорили недолго — Владыка и колдунья. Небо разгоралось на востоке, и качающиеся тени висельников превратились из черных в красновато-бурые. Тогда Владыка Смерти и девица заключили сделку. Он взял у Лилас нечто, являвшееся поручительством, и пообещал взамен кое-что другое. Девица ушла с именем Владыки на устах и потом стала делать лишь то, что ей нравилось... Ведьма прекрасно жила в Синем Доме уже двести лет и собиралась жить дальше, так как не состарилась ни на день, ни на час, ни на минуту со дня своего пятнадцатилетия.

Однако теперь, снедаемая завистью, она прокралась в сад и сорвала ядовитый плод с дикого дерева. Неожиданно дерево справа от нее скрипнуло, расколовшись, словно от удара огромного топора, и оттуда вышел Улум, а следом за ним Наразен.

Ведьма поклонилась Улуму так низко, что ее волосы, рассыпавшись по земле, закрыли узловые корни гранатовых деревьев.

— Решено! — промолвил Владыка, а потом повернулся к Наразен. — Как ты понимаешь, тебе придется кое-что отдать в качестве залога.

Королева Мерха не ответила, а колдунья сказала ласково, чтобы скрыть злобу:

— Моя уважаемая старшая сестра должна отдать мне палец левой руки или хотя бы одну верхнюю фалангу.

— Я готова, — кивнула Наразен и стянула кольца с этого пальца.

Она заметила, что все живые мертвецы при дворе Владыки Смерти были лишены этой части тела, равно как и колдунья из Синего Дома.

Лилас носила косточки людей, заключивших договор с Улумом, на золотой цепочке, обмотанной вокруг талии, и, когда долг был заплачен, то есть душа и тело отправлялись во Внутреннюю Землю, ведьма брала косточку, молола ее в порошок и выпивала с вином. Эти кости стали связующей печатью на договоре между смертью и жизнью, именно они сохраняли молодость колдуньи. Что же касается ее роли, то она была посредником, отыскивая людей, готовых заключить сделку с Владыкой Смерти.

Лилас подбежала к Наразен. Ей не терпелось заполучить палец королевы.

Улум прикоснулся к третьему пальцу левой руки Наразен, и тот потерял чувствительность до второго сустава. Когда нож ведьмы алчно сверкнул в полумраке, Наразен не ощутила боли, из раны не вытекло ни капли крови.

— Готово, — сказала Лилас.

— Итак, дело сделано, — проговорила Наразен. — И сколько мне теперь ждать?

— Как она нетерпелива, мой господин, — хихикнула колдунья.

— Я заплатила за товар и теперь имею право потребовать его. Я прошу лишь об одном одолжении, могущественный Владыка Тьмы. Пусть тот, с кем мне придется спать, не слишком долго лежал в земле.

— В сделках я педантичен, — ответил Улум, — и уже сделал скидку на твое положение. Возвращайся на опушку кедрового леса и жди. Завтра ночью я исполню свою часть сделки.

Затем Улум взглянул на колдунью. Она прислонилась к дереву, опираясь на него одной рукой, а в другой сжимала палец Наразен.

— Научи царственную госпожу всему тому, что она должна знать, точно так, как учили

тебя. Лилас снова поклонилась до земли:

— Ваша служанка повинуется вам, самый могущественный из Владык.

Колдунья на коленях подползла и прижала губы к тому месту, где только что стоял Владыка Смерти, позаботившись о том, чтобы Наразен видела это. Но королева не обратила внимания. Ее прошиб холодный пот, в голове звенело. Тогда она стала растирать свое тело, пытаясь согреться.

Глава 5

Над лесом окаменевших деревьев пылало солнце, но лучи его не пробивались сквозь черный навес ветвей. Когда солнце село, наступили синие сумерки, в отличие от солнечных лучей они беспрепятственно проникли под кроны деревьев.

Малиновый шатер Наразен раскинулся на опушке леса. Перед шатром горел воткнутый в землю факел, невдалеке вокруг костра расположились шесть стражников королевы. Воины коротали время за игрой, двигая маленькие кружочки раскрашенного дерева по расписной доске. Солдаты нервничали, даже ругались вполголоса. Двое караульных обходили лагерь. А еще одна пара из десятка стражников, отправившихся с Наразен, ночью дезертировала, бежав в луга мимо сада колдуньи.

Наразен сидела в шатре и ждала. Она приготовилась, отбросив страх и сосредоточившись в мыслях на Мерхе. Перед ней стояла чаша крепкого темного ликера, но она едва пригубила напиток. Возле чаши лежал деревянный ларец.

В кедровом лесу часовой неожиданно вздрогнул и вытаращил глаза, но это всего лишь три черные ящерицы пробежали мимо лагеря королевы.

Один из стражников, сидя у костра, пробормотал:

— Я не уверен, что готов признать Наразен своей королевой и повелительницей. Сначала она ведет себя как мужчина и спит с женщинами, потом становится шлюхой и раздвигает ноги для каждого мужчины. Теперь же она домогается покойников.

Но капитан стражи ударил стражника по лицу и приказал замолчать.

— Королева делает все, чтобы спасти нашу страну, — объяснил капитан.

Но глаза его говорили другое: «Пусть она будет сукой, шлюхой или ведьмой, но она платит мне жалованье».

Юноше было всего шестнадцать лет, когда он умер. Брат убил его в тот самый день, когда Наразен возвращалась к своему шатру в кедровом лесу.

Старший брат, грубый и сильный, выполнял всю тяжелую работу на отцовской сыромятне. Младший, по словам старшего брата, был ленив и предпочитал бродить у реки, среди цветов на высоких стебельках, которые, склоняя венчики к воде, словно предлагали юноше тоже полюбоваться своим отражением.

— Ты девчонка и ведешь себя, словно баба! — закричал старший брат и, забыв — а возможно, и нет, — что в руке у него острый нож для выделки кожи, ударил брата. Нож глубоко вонзился в тело, ранив юношу. Кровь потекла на пол сыромятни. Младший брат закрыл глаза и упал. Вскоре он умер, побелев, как холодный мрамор.

Женщины рыдали, когда готовили тело младшего брата в последний путь. Они говорили, что не было юноши в деревне красивее его. Они обмыли бескровное тело, расчесали русые волосы и скрыли страшную рану, забинтовав шею мертвеца шелковым шарфом. «Смерть жестока», — неосмотрительно решили женщины.

Деревенские жители отнесли юношу на кладбище с каменными склепами. Старший брат, тяжело ступая, шел за гробом. Он натер лимоном глаза, чтобы они стали красными и влажными. Никто не видел, как он ударил брата, а в деревне он сказал, что младший брат споткнулся о лавку и случайно напоролся на нож.

Юношу в гробу положили в склеп и закрыли двери обители мертвых. Священник и родственники на ночь остались возле склепа охранять тело.

За два часа до полуночи дверь склепа отворилась, и оттуда вышел мертвый сын

кожевника. В лице его не было ни кровинки, на голове был надет венок, сплетенный женщинами. Не глядя ни вправо, ни влево, он прошел по тропинке между охваченными ужасом стражами, повернул к каменной стене могильника, а потом налетевший порыв ветра унес его. Родные стали молиться, священник потерял сознание. Старший брат с воплями убежал и утопился в одном из огромных чанов сыромятни, где вымачивали кожи...

Наступила полночь. Стражники Наразен сидели неподвижно, будто окаменев вместе с кедровыми деревьями. Костер давно погас, а факел перед шатром едва тлея.

И вдруг из леса налетел ветер. Обрушившись на лагерь, он разметал пепел потухшего костра, стал играть одеждами и волосами скованных страхом людей. Постепенно ветер стих.

Тогда из леса вышла белая фигура.

Медленно, так же медленно, как двигалась эта фигура, поднялись и попятились солдаты. Они расступились, отойдя дальше, чем требовалось, чтобы пропустить к шатру хрупкого юношу с венком на голове и шелковой повязкой на шее. Солдаты пятились до тех пор, пока их спины не наткнулись на холодные колонны кедровых стволов. Юноша прошел мимо них и остановился у шатра королевы.

Наразен, застыв перед нетронутой чашей и деревянным ларцом, заметила колыхание малинового полотнища у входа в шатер. Но она не двинулась с места, а лишь прищурила глаза, чтобы разглядеть, кого же прислал ей Улум, Владыка Смерти.

Через мгновение она перевела дыхание и улыбнулась.

Встав со своего места и подойдя к призраку, она внимательно осмотрела и даже дотронулась до него.

— Ну что ж, — сказала Наразен, — твой хозяин неплохо обошелся со мной.

С этими словами королева увлекла мертвеца в центр шатра. Податливый, словно маленький ребенок, юноша во всем слушался королеву. Смерть лишила его воли, и теперь с разрешения Владыки Смерти он стал рабом Наразен. Королева оглядела гостя, обошла вокруг и внимательно посмотрела ему в лицо.

Улум учел пожелание Наразен, как и обещал. Юноши еще не коснулось разложение. Тело осталось свежим и гладким, прикосновение к нему доставляло удовольствие; оно сохранило запах жизни и радовало взгляд. Голубые глаза юноши были открыты и лишь слегка подернулись поволокой, как бывает у спящих. Взгляд его казался скорее рассеянным, чем отсутствующим, а томные и чрезвычайно мягкие движения походили на движения пьяного. Юноша, который при жизни был больше похож на девушку, чем на мужчину, обладал девичьей красотой. Он был стройным, и очертания его тела казались скорее округлыми, чем угловатыми. Несмотря на смертельную бледность, два бутона на его груди, как и губы, все еще сохраняли теплый оттенок рассвета — цвет губ колдуньи. Округлое лицо напоминало лик девы, по-юношески гладкое, с нежными очертаниями, похожее на мраморное изваяние. Топазы украшали его чело цвета слоновой кости, а в длинные волосы женщины вплели цветы, словно несчастный собирался на пир или на свадьбу.

Наразен уложила тело юноши на ковре. Потом она достала деревянный ларец, полученный от колдуньи, и открыла его. Внутри находился свернутый в кольцо плетеный шнур. Наразен обмотала этот шнур вокруг неподвижного тела юноши, вокруг плеч и торса, между пальцами изящных рук и вокруг покорных чресел.

Конец шнура упал на пол возле светильников, в них взвилось пламя, будто выхваченное из ножен лезвие клинка.

Королева вытянулась рядом с телом прекрасного юноши и коснулась губами его лица, похожего на лицо девушки.

— Если твое тело помнит что-то, — прошептала Наразен, — то представь, что я какой-то мужчина, которого ты любил. Представь, что я — это он. Я не оскорблю тебя. Но этой ночью я стану твоим любовником.

Потом королева встала на колени перед юношей и склонилась, лаская его тело. Руки и губы королевы скользили по коже юноши, пахнущей благовониями и сохранившей аромат жизни.

В мерцании света лампы задрожала странная тень. Неяркий огонь облизывал сетку светильника маленькими язычками, а рядом с ним появилась змея с янтарной чешуей, спрятавшая голову в тени, — вот чем стал шнур из деревянного ларца.

Наразен текла, как река, через тело юноши. Ее рыжие волосы, освободясь, разметались, окружив мертвеца красным светом, подобно малиновому шатру. Ее руки скользнули на мель речного ложа, меж прекрасного золотого тростника, прокладывая курс, чтобы река вошла в свое русло.

В свете догорающей лампы янтарная змея вздрагивала, вытянувшись во всю длину и переливаясь. Теперь она вся была на свету. Лишь ее голова по-прежнему оставалась в тени.

Пальцы Наразен обвили корень реки, ее исток. Она наклонила голову, чтобы глотнуть немного воды.

В мерцании светильника змея двигалась резкими толчками, пульсировала. Потом змея стала рекой, которая волновалась и текла по речному ложу. Голова колдовского создания ударялась об пол и вдруг поднялась из тени и застыла в воздухе. Змея танцевала на хвосте.

Наразен приподнялась. Она заключила юношу в объятия на коврах малинового шатра. Свет серебряными кинжалами скользил по спине Наразен, так же как по телу корчившейся змеи. Наразен смотрела в девичьи глаза юноши, на копье мужчины, вонзившееся в нее, и думала о Мерхе. Сейчас она стала леопардом и боролась, как леопард, пронзенный копьем. Королева выгнула спину и потянулась, наслаждаясь кровью леопарда, наслаждаясь его смертью.

Змея подняла голову, раскрыла пасть и зашипела, рассыпая по шатру дождь огненных игл.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПЛАЧУЩИЙ РЕБЕНОК

Глава 1

С приходом весны Мерх снова стал зеленым и золотистым. Его широкая река цвета темного нефрита, вновь прохладная и чистая, извивалась между огромными деревьями. Животные Мерха приходили напиться к ее берегам, в заводях поселились длинноногие птицы. В земле созревало молодое зерно, свежие плоды росли в цветущих садах. В озерах появилась вода, а в округлых грудях женщин — молоко. В стойлах снова раздавались крики молодняка, а в домах плакали маленькие дети. Люди называли эту весну временем Плачущего Ребенка. Но была еще одна причина для такого названия...

Когда Наразен вернулась с востока, она увидела исцеленную землю, здоровую и благополучную. Больше месяца королева провела в кедровом лесу. Возвращаясь, она знала, почему Мерх вновь стал плодородным, ведь он был подобен Наразен. Королева сняла проклятие Иссака со своей страны: она возвращалась с ребенком.

Везде, где бы она ни проходила, люди становились перед ней на колени. Они приносили ей венки полевых цветов и кувшины с вином, приходили к ней с корзинами зерна, чтобы Наразен благословила его. Теперь королева стала их богиней плодородия. В городе люди падали ниц перед своей владычицей, разливали благовония на тех улицах, где она должна была пройти. На площади перед дворцовыми воротами нескольких горожан повесили за то, что они оскорбляли королеву в дни чумы. Начальник стражи Наразен, охранявший дворец во время отсутствия королевы и следивший за порядком на улицах, вышел с важным видом и поклонился своей повелительнице, прикрыв глаза, чтобы не видеть ее живот, Наразен так же стойко терпела свою беременность, как и все, что предпринимала раньше во имя спасения Мерха. Но она ощущала себя рабыней, таскающей в животе тяжелый жернов. К тому же ребенок не стремился покинуть чрево. Он клубочком свернулся в животе королевы и спал. Казалось, что он не собирается родиться в положенное время,

Наразен с отвращением думала о ребенке. Он был ленивым, этот ребенок от мертвеца. Возможно, он тоже оживший мертвец... Королева не могла ни ездить верхом, ни охотиться. Ей не хотелось ни есть, ни пить. Она не хотела видеть своих любовниц. Толстая, как огромный кит, выброшенный из воды на безжалостную землю, она терпела все неудобства. «Выйди, жернов, освободи меня. Ты уже сделал свое дело». Королева считала, что должна убить ребенка, как только он родится. Ведь в душе она оставалась воином и мужчиной. Да, она непременно убьет ребенка.

Наконец ребенок зашевелился. Боль мечом рассекла тело Наразен. «Я не буду унижаться перед тобой, — подумала королева. — Это ты будешь пронзительно кричать, а не я».

И правительница Мерха не издала ни звука, хотя ребенок разрывал и раздирал ее чрево, как кусок полотна.

— Она умрет, — скорбно шептали лекари, склонясь над Наразен. — Даже ее чрево отказывается верить в то, что принадлежит женщине, и поэтому королева не может освободиться от ребенка. Она умрет...

— Я не умру, — отвечала Наразен с обидой и яростью. — Я запомнила того, кто сказал эти слова.

Прошло два дня и две ночи. Дни, будто расплавленное серебро, и ночи, как горячая черная кровь. Она вспоминала Иссака, его рассказ о том, как его обманули дрины, карлики из земель демонов... Теперь королеве казалось, что эти дрины поселились в ее животе и постоянно били молотками по своим наковальням, как заправские кузнецы; раскаленным металлом служили ее страдания, а драгоценными камнями — сгустки жуткой боли.

— Да, — утврждали лекари, — королева умрет.

Наразен уже не могла отвечать. Она думала:

«Нет, я не умру, но завтра же убью всех мужчин в королевстве. Всех, кто своей похотью причиняют женщинам такие страдания».

Пришел третий день. Он незаметно подкрался к дверям дворца в шелковых туфлях. Сразу же за ним устремился четвертый, он принес облегчение.

— Королева, поблагодарите богов за то, что они даровали вам ребенка — воскликнул девичий голос.

— Если это мальчик, задушите его, — прошептала Наразен.

— Это девочка, Ваше Величество! — воскликнул главный лекарь.

Наразен очнулась. Тело ее превратилось в сгусток боли, но она осталась жива, лежала на кровати. Вокруг на стенах, расписанных военными и охотничьими сценами, сверкало оружие.

Главный лекарь и его помощники поднесли младенца к окну, рассматривая его с явным изумлением. Но один из них остался у изголовья королевы. Он нагнулся и поднес к губам Наразен небольшую чашу. Жидкость потекла в рот женщины, и ей пришлось проглотить горький напиток. Лекарь с чашей выпрямился и выскользнул в дверь.

Наразен показалось, будто паук жалит ее в сердце. Она открыла глаза и сквозь трепещущую кровавую пелену разглядела женщину в синем, размалывающую что-то в ступке. Все закружилось перед глазами королевы, алая дымка превратилась в багровый туман, напоминающий густое вино, и Наразен поплыла, как размолотая косточка в этом вине, а где-то далеко-далеко засмеялся Синий Пес.

«Неужели я так слаба и не переживу эти дурацкие роды?» — спрашивала сама себя Наразен. Она чувствовала, что погружается в ледяную воду и та смывает ее выдержку и надежду.

Королева еще успела подумать о чаше горького напитка, о странном лекаре, быстро выскользнувшем из ее покоев. У Наразен были враги: многие завидовали королеве, а некоторые просто ненавидели ее. Неужели именно сейчас, когда ей удалось спасти королевство, и она может жить, вновь наслаждаясь властью, ей суждено умереть из-за одного-единственного глотка отравленного зелья? Нет... Но холодный поток в ее жилах

становился все сильнее и шумел, как море...

Доктора оживленно разговаривали у окна. Кожа ребенка, которого они разглядывали, напоминала молоко, и дневной свет, казалось, проходил сквозь нее. Дитя шевелило ножками и ручками, но не плакало. «Ты тоже молчишь», — подумала Наразен. А потом королева разозлилась, она ведь рассчитывала царствовать в Мерхе лет шестьдесят или больше. Ради этого она переносила насилие, распутство, колдовство, продала в рабство свою душу и, наконец, выносила младенца, заставила его выжить. Теперь все это у нее отняли. У Наразен не осталось сил даже для того, чтобы злиться.

И тут она увидела в воздухе у стены спальни черную тень. Еще не Смерть, но предвестника Смерти.

— Так, — сказала Наразен, — меня обманули...

— Нет, — ответила тень. — Я не властен над часом твоей кончины. Этим распоряжается твоя судьба. Твои враги повинны в этом. Смерть, словно ночь, приходит в положенный срок, но не вольна выбирать момент своего появления. Владыка Смерти не всемогущ.

Наразен вымученно улыбнулась:

— Я слишком слаба, чтобы спорить. Но остерегайся меня, когда я попаду в твое царство праха. Я вновь обрету силу в стране праха. Это будет скоро. Я знаю.

Лекарь, отравивший королеву, мчался по коридорам дворца. Стрелой влетел он в комнату начальника стражи. Тот, развалившись на широком диване, ел плод багрового цвета. Начальник стражи был красив, но слишком ленив.

— Господин Жорнадеш, королева очень больна, — сказал лекарь.

— Ты прав, к сожалению, — ответил Жорнадеш, продолжая жевать.

— Такие мучительные роды, — продолжал лекарь. — Она потеряла много крови. Кроме того, ребенок был зачат при помощи колдовства, извращения и порока... Скоро нам придется надеть траурные одежды — смерть Наразен неизбежна.

— И когда же это случится? — спросил Жорнадеш.

— На закате, — ответил лекарь. — Осмелюсь почтительно напомнить, ваша светлость, что доза яда, который я дал королеве, подобрана с большой тщательностью. Это зелье очень эффективно. Я также посмею сказать вашей светлости, что я очень старался, выбирая лекарство. Никаких следов не обнаружится при условии, что королева будет незамедлительно похоронена.

— А ребенок? — нетерпеливо спросил Жорнадеш. — Он тоже мертв?

— Нет. Он жив, но, говорят, урод, — сказал лекарь. — Лучше всего похоронить его вместе с матерью.

— Конечно, так будет лучше, — согласился Жорнадеш, выплевывая косточки. Он всегда испытывал отвращение к противоестественным наклонностям королевы Мерха и удивлялся, почему престол должен принадлежать такой женщине. Во время отсутствия королевы, оставшись единственным хозяином во дворце, он много размышлял. Теперь Наразен оказалась на смертном ложе, а воины Жорнадеша были готовы захватить власть в Мерхе. Отныне Жорнадеш сам станет править государством. Чтобы не прогневать богов, он решил не убивать новорожденного инфанта. Пролить кровь невинного младенца было бы позором даже для такого жестокого человека, как он. Похоронить дитя живьем — другое дело. Пусть боги вмешаются, если хотят не допустить греха. Жорнадеш был доволен собой. Он все продумал. Дав денег лекарю, он отослал его, а следом отправил своего человека, чтобы тот расплатился с отравителем другой монетой — острым ножом. Затем Жорнадеш послал за кувшином желтого вина и девушкой с винно-желтыми волосами. Теперь он ждал хороших вестей.

Наразен умерла на закате. В ее спальне бродили лишь тени, но на улицах горели факелы. За три часа до полуночи Жорнадеш стал королем Мерха, а у королевы Наразен остался лишь серебряный гроб.

Ее тело увезли по реке.

Стояла безлунная ночь. Тусклые светильники на носу и корме корабля не могли развеять ночную тьму. Священники шептали молитвы, гребцы в темных одеждах сушили весла, отдавшись во власть течению. Ладья плыла вдоль берега, как призрак, закутанный в погребальный саван. С берега никто не наблюдал за медленно плывущим кораблем, так как весть о смерти Наразен продвигалась еще медленнее, чем похоронная процессия. А те, кто видел ладью, приняли ее за нечто сверхъестественное. Потом налетел ветер. Он принес запах ладана и звуки ритуальных молитв в память умершей, а еще тонкий, кристально чистый плач, разорвавший кожу ночи, как серебристое лезвие кинжала.

Новорожденный долго не плакал. Он вступил в мир безбоязненно, радуясь спасению из ненавистой клетки, утробы матери. Но теперь ему угрожала смерть. Ребенок начал всхлипывать, но никто не пытался успокоить младенца. Все его боялись. Никто не знал, что с ним делать — убить или оставить в живых. Его положили в большую круглую чашу из красной меди, и там он копошился, пытаясь найти точку опоры на гладких стенках или отыскать нечто похожее на мягкий холмик, из которого должно бежать молоко. Чаша оказалась еще более ненавистой, чем чрево Наразен. По ее медным стенкам стучали черные капли дождя. Они били в глаза ребенку, а река, словно в насмешку, раскачивала его колыбель.

Река бежала к северным окраинам Мерха. Раскидистые деревья проплывали мимо траурной ладьи, ветви склонившихся над водой черных ив сплетались, как волосы. На них зелеными драгоценностями сверкали светлячки. Вскоре на черной лужайке над рекой показалась каменная ограда с бронзовыми воротами.

Процессия сошла на берег. Священники размахивали кадилами, солдаты несли гроб с королевой и чашу с ребенком, беспомощно шевелившимся внутри. Они вошли через бронзовые ворота и проследовали по улицам, где не горело ни одного огонька, ибо в них не было смысла. Здесь никто не выглядывал из окон и не произносил приветствий. Это было кладбище Мерха. Наконец процессия поднялась на возвышение. Там находился склеп из красного камня, где на протяжении трех столетий хоронили правителей Мерха. Сюда же принесли Наразен.

Священники поспешили совершить похоронный обряд. Вокруг в тусклом свете фонарей поблескивали человеческие кости, кое-где сверкали драгоценности. Но если происходящее и побеспокоило усопших королей, то они остались безучастными.

Ребенок все еще кричал, словно хотел потревожить предков, призвать их на помощь. Маленький зверек голода грыз его внутренности. Устав кричать, малыш начал тихонько хныкать. Но эти звуки без труда заглушало бормотание священников. Малыш вытягивал ручки и ножки, но вокруг был только холод и тени, и даже чернокожая нянька, резко качавшая чашу-колыбель, больше не заботилась о нем. Наконец тусклый свет и неясное бормотание пропали. С лязгом захлопнулись двери склепа... И тогда ребенок, зачатый от мертвеца, остался один на один со Смертью во дворце мертвых.

И в этот момент появился Владыка Смерти.

Зрение у ребенка еще не прояснилось, но в те дни даже новорожденный мог узнать Владыку Улума.

Владыка Смерти подошел к младенцу. Его изящная длинная рука черной птицей повисла над ребенком, но так и не коснулась его. Желто-зеленые глаза малыша напоминали драгоценные камни их глубоких горных пещер. Именно их взгляд удерживал Улума, отталкивал его. В глазах ребенка Улум разглядел трогательное, слабое, но все же непобедимое желание жить, а Владыка Смерти не был ни убийцей, ни разбойником.

Отвернувшись, он подошел к Наразен и поднял ее тело из серебряного гроба. На королеву надели черное одеяние, украсили его поясом из рубинов, на руки и на шею повесили золотые цепи, а в уши — серьги из топазов. Все-таки она правила Мерхом, и Жорнадеш, захватив трон, оставил ей часть бывшего великолепия. Волосы королевы были распущены и напоминали тонкую красную вуаль, но теперь их оттенок изменился и стал синим. Ее кожа и даже белки золотистых глаз, которые открылись от прикосновения Улума,

тоже приобрели синий оттенок.

— Я не сопротивляюсь, — проговорила Наразен. — Я готова следовать за вами.

Она обняла Улума за плечи. Ребенок почувствовал, как черный мужчина и женщина с синеватой кожей провалились прямо сквозь пол склепа. Теперь рядом с ним никого не осталось.

Младенец собрал последние силы и пронзительно закричал, будто понимая, что крик — единственное, что отличает его сейчас от мертвых.

Но кто из живых, услышав ночью крики, доносящиеся с кладбища, поспешит туда?

Внизу, у подножия города могил, прибрежные реки ивы сменил густой лес. Стояла безлунная ночь. Там танцевали черные тени. Распустились ночные цветы, а светлячки, рассеявшиеся на бледно-желтых лепестках, напоминали капельки света.

В эту ночь среди деревьев бродили двое демонов эшва. Временами они пускались в пляс под музыку шуршащих на ветру листьев.

В Нижнем Мире было три разновидности обитателей: карлики дрины, изготовившие различные вещи; царственные ваздру, и эшвы, основным занятием которых были грезы. Они грезили, жили в грезах и мечтали о грезах... Они любили гулять по ночам — безмолвные и прекрасные.

Две эшвы, оказавшиеся в ту ночь неподалеку от кладбища, были женщинами. В их черных волосах извивались серебристые змеи, а два черных кота, замороженные магией демонесс, кружились у их ног.

Вдруг тишину ночи разорвал отчаянный крик ребенка. Эшвы остановились, покачиваясь в воздухе. Они не испытывали сострадания, но были очень любопытны и обожали вмешиваться в дела людей.

Слившись в одно целое, скользнули они между деревьями, а два черных кота побежали за ними следом. Эшвы подлетели к каменной ограде кладбища. Для них не существовало материальных преград; они пролетели над стеной и поплыли над городом могил, как сухие листья. Демонессы скользили над улицами города мертвецов, прислушиваясь к крикам ребенка, которые становились все слабее, затихая. Эшвы не боялись смерти. Они избегали только солнечного света и опасались недовольства их повелителя князя ваздру, величайшего из князей Нижнего Мира. Добравшись до возвышения, выложенного мраморными плитами, они подлетели к двери склепа, сложенного из красного мрамора.

Одна из демонесс подула на двери, погладила их нежными пальчиками, и те тихо застонали. Черные коты прыгали по мраморным плитам, играя с цветами, которые притащили с собой из леса. Вторая демонесса вздохнула и закрыла глаза.

Наконец дверь открылась, несмотря на сложный замок. Она больше не могла противиться колдовской ласке.

Ребенок уже не кричал, а только всхлипывал. Он лежал в медной чаше, не двигаясь, не в силах бороться с маленьким зверьком под названием голод, грызущим его изнутри. Эшва, открывшая двери, осторожно проскользнула в склеп и, коснувшись ребенка, почувствовала его тепло. Она сразу же поняла, что этот малыш не такой, как другие.

Эшва склонилась к нему, и змеи, извивающиеся в волосах демонессы, слегка задели его. Младенец задрожал. Очарованная эшва лизнула веки ребенка, ощутив соленый вкус слез, подула в его ноздри дыханием демона, напоминавшим ароматное зелье. Ребенок поймал руку эшвы, засунул ее палец в свой ротик и начал сосать его.

Тогда демонесса улыбнулась. Она вынула ребенка из чаши и взяла с собой, укутав своими волосами, а змеи, развернувшись, заглядывали в лицо младенца, но он не замечал их.

Эшва поспешила на восток, к равнинам Мерха, и за ней последовала ее подруга. Следом за демонессами, пока хватало сил, бежали коты.

Недалеко от реки, в пещере под высокой скалой, было логово самки леопарда. Наразен никогда не охотилась на нее, хотя и убила ее самца. Теперь самка нашла себе пару где-то в другом месте и, когда отступила засуха, обрушившаяся на Мерх, изменившая сезон спаривания, принесла потомство. Сейчас огромная кошка спала в пещере со своим

единственным детенышем. Прошло два часа после полуночи, осталось два часа до рассвета, до наступления времени охоты. Но сейчас в сны кошки вошло что-то светящееся и дразнящее. Это было так приятно, что она проснулась.

Эшвы выманили самку из пещеры. Когда она скользнула в ночную тьму, демонессы дунули ей в глаза и поглаживали бархатистую пятнистую шкуру, пока огромная кошка не улеглась рядом с ними. Тогда они прижали ребенка к ее животу и засунули ему в рот янтарный шарик соска. Ребенок крепко держался ручонками за мягкую шерсть огромной кошки и сосал. Его тело мягко покачивалось, ритмично сжимаясь и расслабляясь. Сладкое молоко с мускусным запахом наполняло желудок. Насытившись, младенец перевернулся на спинку и тут же заснул.

Глава 2

Хотя демоны время от времени размножались, они делали это не так, как люди. Любовь для них стала развлечением и искусством, а их семья было бесплодным, поэтому демонессы не могли рожать детей и прекрасно обходились без этого. Возможно, эшвы, забравшие ребенка Наразен из склепа, в отличие от других, стали питать к младенцу материнские чувства. Но, скорее всего, малыш для них был игрушкой, и на его месте мог оказаться детеныш пантеры или змеи. Так или иначе, но эшвы провели много месяцев, нянчась с младенцем, хотя время в стране демонов течет совсем не так, как в земле смертных. В Нижнем Море годы пролетают иногда за день, а порой быстрее или медленнее. Тем не менее, эшвы долго возились с ребенком.

Днем они оставляли его одного, но всегда в безопасном месте, например в брошенном дупле филина. Как бы то ни было, но, оставляя ребенка, они всегда зачаровывали его, поглаживая прядями своих волос, и навевали на него крепкий сон. Малыш все это время даже не шевелился. Никто не смог бы его найти. Если зверь подходил к этому месту, он не чувял ничего и уходил прочь. По ночам эшвы брали ребенка с собой. Они вскармливали младенца молоком леопардов, лисиц и диких оленей, а позже травами, цветами и разными плодами. Дитя, столь странно рожденное, росло под опекой прекрасных странниц и участвовало в их ночных прогулках. Он привык к бессловесному языку эшв. Перед тем как малыш произнес первое слово человеческой речи, он уже мог позвать птицу, летящую под облаками, и змею, выползающую из-под камня. И хотя ни один смертный не мог увидеть демонов, этот младенец знал об эшвах все, благодаря своим сверхъестественным способностям командовал ими и ничего не боялся. Если бы он воспитывался среди людей, это была бы уже совсем другая история.

Черты обоих родителей странным образом смешались в их чаде. Цвета их волос — рыжий и белокурый — придали волосам ребенка оттенок созревших абрикосов. Цвета глаз родителей — золотистый и голубой, — смешавшись, сделали глаза малыша шафраново-зелеными. Он был прекрасен, как его отец и мать, но близость между мужеподобной Наразен, королевой Мерха, и по-женски прелестным мертвым юношей наложила отпечаток и на ребенка: младенец не был ни мальчиком и ни девочкой, а и тем и другим одновременно. Воистину, подходящая игрушка для эшв.

Демонессы не воспитывали ребенка и решили ничему его не учить. Но, общаясь с ними, он сам многое узнал. Инстинкт, отец всех человеческих чувств, вел его с той же легкостью, с какой пузырьки воздуха поднимаются со дна озера. Все дни напролет ребенок проводил в снах и грезах, а ночами гулял среди теней. Иногда он вместе с эшвами летал над землей. Внизу мелькали сверкающие огнями города и равнины морей, выглядевшие в лунном свете стеклянными равнинами. Ребенок видел горы, окрашенные в розовый цвет лунным сиянием. Пустыни казались ему снегами.

Эшвы и малыш давно покинули Мерх. Они много путешествовали. Иногда ребенок замечал на темных равнинах людей, но видел их глазами демона, или почти демона... В полночь он не раз танцевал с черными детенышами пантеры, а над ним плыли эшвы,

кружась под тихую музыку — шорох листвы.

Несомненно, демонессы вскоре устали бы от своего подопечного или просто забыли бы о нем. В одну прекрасную ночь, увлеченные чем-нибудь другим, они бы не вернулись за ребенком туда, где его оставили; хотя они по-своему и любили его. Эшвы есть эшвы. Однако, прежде чем произошло неизбежное, один из князей ваздру призвал эшв к себе в Драхим-Ванашту, подземный город демонов. Много земных суток могло пройти за один час Нижнего Мира. Зато, если бы поручение князя ваздру оказалось сложным, то время на земле по сравнению с подземным текло бы медленно и незаметно, как песок на морском берегу. Но даже мечтательные эшвы понимали, что нельзя оставлять беззащитное человеческое дитя на произвол судьбы, ведь младенец непременно умрет, если о нем некому будет позаботиться.

И тогда демонессы отнесли ребенка в старый сад, где в голубых сумерках с деревьев слетали белые цветы, устилая гладь пруда. Младенца посадили возле статуи мальчика, играющего на дудочке. Статуя казалась очень старой. В трещинах рук гнездились муравьи. Ребенок, заинтересовавшись, немедленно превратился в существо женского пола. Маленькая девочка положила головку на каменное бедро, ее абрикосовые волосы обвилились вокруг его ног.

— Посмотрите-ка сюда, — говорили муравьи, и ребенок понимал их. — Еще одна статуя. Но на ней нет трещин, и она движется.

Вдруг из зарослей цветущих деревьев возле пруда появился отвратительный карлик. Его ноги были такими кривыми, что живот почти волочился по земле. На поясе, явно хвастаясь, он носил огромный меч из сверкающего металла, украшенный ослепительными драгоценностями. Лицо карлика напоминало омерзительную маску, разбитую вдребезги и склеенную без должного умения. Любой обычный ребенок, увидев такое чудовище, зажмурился бы от страха и расплакался, не испытывая ни малейшего любопытства. Но малыш, выросший на руках эшв, ничуть не испугался. А ведь карликом был не кто иной, как один из низших демонов, дрин.

— Ха! — воскликнул дрин, слизывая толстыми губами муравьев. — Если бы вы были бы чуть побольше и спустились вниз, мы бы неплохо провели время.

Дрины любили заниматься любовью с насекомыми Нижнего Мира.

Но тут появились эшвы. Они скользнули над прудом, словно два темных лебедя. Увидев их, ребенок мгновенно изменился. Его органы преобразовались. Превращение произошло произвольно, подобно тому как хамелеон меняет цвет или цветок закрывается на закате солнца. Изменение формы тела оказалось не слишком приятным, но вполне естественным для ребенка.

Зато у дрин превращение малыша из девочки в мальчика вызвало приступ дикого непристойного смеха. Он низко поклонился эшвам, поцеловав их лодыжки, и поздравил с необычной находкой.

Ребенок не знал языка дрин, но чувствовал, что речь идет о нем. Он понял: эшвы собираются покинуть его. Печаль, присущая только людям, охватила малыша, он испугался и начал всхлипывать, тараща золотисто-зеленые глаза. Карлик подошел к нему и надел на шею серебряную цепь с драгоценным камнем точно такого же цвета, как его глаза.

— Взгляните, повелительницы, — обратился дрин к демонессам, — теперь у вашего воспитанника три глаза. На этом камне я вырезал имя, как вы приказали.

Малыш посмотрел на символ, выгравированный на драгоценной гемме. Он не мог прочесть то, что написали демоны на одном из семи языков Нижнего Мира, но все же понял, как должно оно звучать. Там было написано — Симму, что на языке демонов означало Дважды Прекрасный.

Эшвы подошли к ребенку и поцеловали его. Их поцелуи напоминали легкий огонь, голова у него закружилась, и он закрыл глаза. Дрин запрыгал, крича:

— Поцелуйте и меня! Поцелуйте меня тоже!

Но эшвы не обратили на него внимания. Они унесли ребенка, а дрин остался один, ворча и прыгая на одной ноге.

В нескольких милях к западу от того места стоял храм. Вокруг него раскинулись рощи и пастбища. Там цвели сады и стояло несколько усадеб. Белые птицы вили гнезда на крышах домов и летали повсюду. Монахи, жившие в храме, проповедовали сдержанность и скромность, но само здание храма окружали желтые столбы, украшенные золотыми обручами. Тут и там стояли статуи богов и мудрецов, руки и лица которых были вырезаны из слоновой кости и инкрустированы серебром.

У дверей храма, за час до восхода солнца, эшвы оставили ребенка. Они грустно улыбались своим туманным и озорным мыслям о том, какого шалуна сюда принесли. Затем они посмотрели на малыша и прослезились.

Увидев их слезы, ребенок тоже заплакал, впервые с тех пор, как его унесли из склепа в Мерхе.

Но восток бледнел, ожидая восхода солнца. Птицы махали крыльями, как веерами, взлетая на крыши домов, и эшвы покинули плачущего ребенка. Они закружились в водовороте темного узора волос и одежд, растворились в темноте и вернулись в Нижний Мир еще до того, как последняя звезда исчезла с небосвода.

Солнце встало. Вскоре из храма вышли четверо молодых монахов и обнаружили ребенка, сидящего на ступеньках, — голого мальчика, в возрасте двух лет, с зеленой драгоценной геммой на шее. Малыш горько плакал. Появление монахов не успокоило его, он не реагировал на их слова и продолжал плакать, даже когда они взяли его и унесли в храм. И в последующие дни его глаза были наполнены слезами — он никак не мог утешиться.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ВЛАДЫКА НОЧИ

Глава 1

Теперь для Симму наступило время жизни среди людей, время забвения. Он напоминал дерево зимой — дремлющее растение без плодов и листьев. Весна пробуждает дерево; она бы пробудила и Симму. Но до его весны было еще очень далеко.

Эшвы ушли, а вскоре исчезли и воспоминания, связанные с ними. Забывая эшв, месяцы, проведенные с ними, и то, что он едва не стал одним из них, околдованный их чарами, мальчик не помнил своего прошлого — кем он был и кем мог стать. Теперь он превратился в простого смертного, приобрел человеческие черты.

Симму оставался мальчиком, ибо все в нем теперь стало мужским. Он забыл о том, что мог выглядеть иначе. Теперь необычный малыш ничем не отличался от обычного беспризорного ребенка, лишнего рта, который невозможно прокормить. Конечно, он забыл имя, которым его нарекли демоны. В человеческих языках не существовало аналога знаку, начертанному на камне дринов. Благочестивые братья, приютившие малыша из милосердия, назвали его Шеллом, что означает «фраковина», утверждая, что нашли мальчика в море слез. Монахам понравился яркий зеленый камень, и они милостиво приняли его в уплату за содержание ребенка, положив драгоценность в сокровищницу храма.

Шелл, который прежде звался Симму, вырос при храме. Таких, как он, было несколько. Братья охотно брали под свою опеку каждого, кто не имел явных физических недостатков и обладал приятной внешностью — не могли же боги принимать к себе уродов или калек. Предпочтение отдавалось тем детям, рядом с которыми находили плату в знак надлежащего почтения и благодарности. Живя среди опоясанных золотом колонн, дети служили богам, восхваляя идеалы бедности и смирения.

У воспитанников храма был отдельный двор, где они играли, резвились и бегали под присмотром многочисленных послушников, в чьи обязанности входила забота о мальчиках, поскольку женщинам запрещалось ступать на священную землю храма. Хотя многие питомцы были слишком юны, они неуклонно подчинялись жесткому распорядку: дети

просыпались, ели и ложились спать всегда в одно и то же время. Любой, даже самый маленький из них ежедневно совершал молитву перед изваяниями двух богов, возвышающихся над стенами храма. Детей заставляли преклонять перед ними колени и низко опускать головы. Тех же, кто осмеливался всхлипнуть или засмеяться, наказывали. Боги вселяли суеверный страх в сердца детей. Лик одного был синим, другого — красным. Их головы венчали серебряные короны, а нижняя часть туловища изображала животное: синий бог был тигром, а красный — овном. Они считались повелителями стихий: Синий Тигр обладал властью над штормовыми ветрами, а Красный Овен — над летней засухой. Боги эти остались от старого культа, гораздо более древнего, чем тот, что исповедовали теперь в храме. Считалось, что тигр и овен охраняют детей, и воспитанники относились к ним со странной смесью предупредительного почтения и насмешки.

Мальчиков, когда им исполнялось двенадцать лет, принимали в братство. С шести лет обучали их чтению и письму. В десять лет они приступали к изучению потемневших от времени свитков и пыльных книг, составляющих огромную библиотеку. Много занимаясь, дети изучали историю земли и войн, что на ней велось; они изучали предания, пытались осознать сущность их мира, имевшего странную плоскую форму, подобную блюду, на котором моря и горы окружала неизвестная субстанция — океан или эфир. Им открывались тайны природных богатств и законов этой земли, людей и животных, населяющих ее. Кроме того, будущих послушников посвящали в таинства ритуалов и учений храма. Мальчики читали заветы великих пророков и мессий, поучавших, что необходимо покоряться божьей воле, ценить каждого человека и творить лишь добро.

В полумиле к востоку от монастырской ограды находились хозяйственные постройки. Сюда допускались женщины. Они стирали одежды монахов и шили новые, готовили еду и пекли хлеб. Неподалеку возвышался Дом Даров. Туда охотники приносили десятую часть своей добычи, земледельцы — двадцатую часть собранного урожая. Купцы отдавали монахам одну пятую часть своего годового дохода, полученного от продажи товаров. Иногда какой-нибудь богач преподносил дар храму — малахитовое блюдо или нитку жемчуга, чтобы братья помолились за него. Когда девушка из богатой семьи выходила замуж, она просила благословения богов в Святилище Дев, расположенном в роще к западу от храма. В знак благодарности она должна была заплатить столько золота, сколько весила ее правая рука. Когда женщине приходил срок разрешиться от бремени, ее муж в благодарность богам приносил кувшин вина. Если же рождался мальчик, и он был здоров, его отец жертвовал храму небольшую раку. Стоила же она кошель серебра, или семь снопов пшеницы, или три овцы.

Перед праздниками — а их было пять в году — несколько молодых монахов избирались для паломничества по всему краю. В их обязанности входило благословлять каждого пришедшего к ним и исцелять болезни. За паломниками следовали две или три повозки, на которые складывали дары, полученные в знак признательности. Перед праздником сбора урожая в путь отправлялся сам настоятель монастыря. Он правил колесницей, крытой балдахином и влекомой четырьмя белыми быками. За ним следовали аж пять повозок.

Облачение настоятеля шилось из желтого шелка, символизирующего могущество света и чистоту дня, и было украшено рубинами и изумрудами — камнями мудрости и любви. Молодые братья носили одеяния из желтого полотна. Зимой они надевали плащи из шерсти, подбитые желтым мехом пустынной лисицы. Все монахи отращивали волосы, ибо верили, что подстригаться — грех и для мужчин, и для женщин. Но еще большим грехом считалось бритье бороды, поэтому монахи тщательно ухаживали за своими волосами и смазывали их душистыми маслами из кувшинов, стоявших в Доме Даров. Каждый вечер огромный зал монастыря убирался, словно для пиршества. Братья ели и пили в свое удовольствие. Вина, мяса, хлеба и сладостей — всего у них было вдоволь. Религия запрещала монахам удовлетворять только одно плотское желание — возлежать с женщиной или мужчиной. Все остальное они могли себе позволить. Тем не менее, монахи ели только раз в день, хотя им

разрешалось съесть немного фруктов и хлеба утром и в полдень. Раз в году, в середине зимы, монахи постились: ели лишь рыбу и пресный хлеб, а вместо красного вина пили белое.

Издавна повелось, что заболевших привозили в монастырь. Мужчин оставляли во Внешнем Дворе, а женщин — в Святилище Дев. Монахи осматривали больных, и их исцеляющие прикосновения и снадобья творили чудеса. Бывало, больной появлялся во время обеда, тогда помощь запаздывала, и Смерть опережала монахов. «Увы, боги суровы и требовательны», — вздыхали братья. Дважды в день монахи преклоняли колени перед богами и возносили им хвалу за их великодушие и всепрощение.

Это была богатая страна, и народ в ней жил глубоко верующий, поэтому храм доил ее, как хорошую корову.

Среди роскоши, ритуалов и святынь рос Симму, получивший имя Шелл. Он все забыл и находился словно во сне, но все же был прекрасен и изменчив.

Глава 2

Когда Симму, названному Шеллом, исполнилось десять лет, в храме появился еще один мальчик, на год постарше. Его отправил сюда отец, один из королей кочевого племени далекой страны Южных пустынь. Мальчика звали Зайрем. Он был сыном короля и его любимой жены, но так получилось, что именно он внес разлад в их жизнь.

У кочевников была коричневая кожа, волосы цвета глины и красноватые глаза, а мальчик, рожденный женщиной их племени, оказался темноволосым и смуглым, словно тень ранней ночи, с глазами цвета зеленой воды, отражающей голубое небо.

— Что это значит? — воскликнул король, ворвавшись в свой алый шатер. Он давно подозревал жену в связи с каким-то чужестранцем. Но несчастная женщина была верна мужу и, пытаясь убедить его в своей правоте, спросила, встречал ли он когда-нибудь в этих краях человека, похожего на его сына.

— У него волосы моей матери, — добавила она. — А глаза как у моей бабушки.

— И ты хочешь, чтобы я поверил, что ребенок не унаследовал ничего, кроме внешности предков по материнской линии? — воскликнул король.

— По крайней мере, он такой же красивый, как и его отец, — смиренно ответила женщина.

Король смягчился, услышав это, и больше не вспоминал о случившемся. А ребенок был и в самом деле очень красив. Время шло. Мальчик, взрослея, становился все привлекательнее. Он отличался от остальных мягкими манерами, необыкновенными зелено-голубыми глазами, за что и полюбился женщинам своего племени. Лишь старики избегали смотреть на него.

— Не к добру этот темный цвет, — говорили они. — Как козы королевского стада носят клеймо, отличающее их от других, так и эти темноголовые уже с самого рождения отмечены и заклеены — судьба предназначила их в слуги демонам и Черному Шакалу, Владыке Ночи. — И, сказав так, старики сплевывали, дабы очиститься от этих слов.

Тот, кого величали Черным Шакалом и Владыкой Ночи, носил множество имен и титулов — таким созданиям люди старались придумывать самые абстрактные и необычные имена. Но никто не называл его истинного имени, хотя всем оно было известно — Азрарн, князь демонов, Владыка Тьмы.

Несмотря на эти разговоры, любимая жена короля горячо привязалась к сыну, юному отпрыску королевской династии. Замечая, что с годами мальчик становится все красивее, она все больше опасалась за его жизнь.

«Кругом враги, — размышляла она. — Молодые завидуют ему, а старики его ненавидят. Все знают, что демоны бродят по ночам, но ведь мой сын ночью спит! Он добр и невинен. А вдруг мужчины возьмут его на охоту, приведут в логово львов и оставят там безоружным — тогда мальчик погибнет. Или кто-нибудь вскрыет ему вены, когда малыш будет отдыхать в полдень в тени пальм. Став взрослым, он может жениться на какой-нибудь

стерве, а ее братья убедят ее в том, что она обручилась с дьяволом, и та отравит его».

Мать горевала, но ни с кем не могла поделиться своими печальми. Ей не у кого было спросить совета и неоткуда ждать помощи. Ведь даже ее муж относился к сыну с неприязнью.

Однажды, когда Зайрему уже исполнилось пять лет, мужчины ушли на охоту, а в стане появилась таинственная старуха. На ней были отвратительные зловонные шкуры, а в ее спутанных волосах позвякивали железные кольца и отшлифованные временем кости. Вокруг запястья старухи обвилась живая золотая змея. Взгляд у бродяжки был пронизательный и чистый, как у молодой девушки.

Испугавшись, женщины племени держались подальше от нее, но любимая жена короля, пережившая слишком много страхов, чтобы бояться еще чего-нибудь, подошла к старухе и спросила, чего она хочет.

— Отдохнуть в тени и испить холодной воды, — ответила старая карга, а заметив Зайрема, добавила: — Вот и все, пожалуй.

Но жена короля нахмурилась. Она провела старуху в свой шатер и усадила на дорогие ковры. Собственноручно она поднесла ей хлеба и лучшего вина из королевских запасов, а для змеи поставила блюдце молока. Затем женщина достала ларец из красного песчаника и вынула оттуда свои серьги из бирюзы, золотые браслеты, янтарные кольца для ног и напоследок — птицу из оникса, принадлежавшую еще ее матери, и три большие жемчужины. Она разложила все это перед старухой.

— Очень красиво, — прошамкала та, прищулив молодые глаза.

— Возьми все, — попросила ее женщина. Старуха оскалила девять оставшихся зубов.

— Ничего в мире не делается просто так, — произнесла она. — Что же ты хочешь взамен?

— Безопасности для моего сына. Хочу, чтобы он остался жив, — ответила мать Зайрема и излила душу перед старой колдуньей.

Когда она умолкла, карга проговорила:

— Ты подумала, что я ведьма... и ты оказалась права. Я сделаю все, что в моих силах, для твоего мальчика, но он может и не отблагодарить меня так, как ты, ведь нет такого блага, вместе с которым не пришла бы беда. Когда стемнеет, приводи своего ребенка к лиловым скалам и жди там. Тебя встретят и проводят ко мне.

— А если я не приду?

— Тогда и я не смогу тебе помочь, — промолвила ведьма и поднялась, скрипя костями. Женщина указала на драгоценности, но ведьма остановила ее:

— Мне ничего этого не надо. Я назову свою цену ночью.

Когда возвратился король и его воины, любимая жена короля вышла к мужу, поцеловала его и попросила:

— Простите меня, мой господин, я оставляю вас одного этой ночью. Голова раскалывается от боли, я мечтаю только об одном — прилечь в шатре и остаться наедине с ночной тишиной.

Король все еще любил жену и выполнял все ее просьбы. Она же тайком привела в шатер Зайрема, а когда сумерки окутали землю, они незаметно проскользнули в пальмовые заросли и поспешили к лиловым скалам. Мальчик всю дорогу смеялся — ночная прогулка казалась ему веселой игрой.

Закат раскрасил горизонт в зеленые тона. В воздухе не чувствовалось даже легкого дуновения ветра. Вдруг с запада налетело облако. Оно опустилось на землю, окутав Зайрема и его мать. Женщина, испугавшись, прижала сына к себе, а в следующий момент все пришло в движение, но уже через секунду замерло, и облако медленно рассеялось. Мать и сын не могли узнать места, где оказались, они не знали, как попали сюда.

Вокруг раскинулся сад с необычными деревьями. Из-за высоких каменных стен не было видно ничего, кроме черного беззвездного неба. Под ногами лежал мягкий зеленый песок, и четыре медные лампы, висящие по углам сада, выхватывали из темноты черные

деревья с оранжевыми плодами и кусты, источающие странный аромат. А в центре сада стоял ярко освещенный каменный колодец. И хотя женщина была очень испугана, ей очень хотелось заглянуть в него. Не вода, а огонь сверкал в глубине колодца. И тут появилась ведьма. Она вошла в сад через дверь в каменной стене и, заботливо прикрыв ее за собой, подошла к жене короля.

— Ну, вот вы и пришли, — сказала ведьма. — Теперь я хочу кое-что тебе поведать. Там, в глубине колодца, куда ты заглядывала, горит древний огонь земли. Если ты ступишь в него, то мигом обратишься в пепел. Так будет с каждым, за исключением маленьких детей. Скоро все в этом мире научатся коварству и жестокости. Но дети еще многого не знают. В них нет злобы. Чем младше ребенок, тем лучше. Тогда огонь воздвигает защиту против любого зла. Никакое оружие, никакие болезни не смогут причинить вреда тому, кто однажды испытал силу огня. Только время властно над ним, только смерть от старости страшна ему. Но их время течет медленно — восставший из огня проживет не меньше двухсот лет.

Жена короля слушала ее, побледнев и широко раскрыв глаза. Ведьма продолжала:

— Я говорю это потому, что твоему мальчику уже почти пять лет. Лучше бы он был новорожденным младенцем. Сейчас огонь причинит ему боль. Сможешь ли ты вынести его крики, когда он ступит туда, чтобы стать неуязвимым и никогда больше не чувствовать боли?

Жена короля затрепетала. Она крепко прижала мальчика к себе, а он, не понимая, о чем идет разговор, разглядывал удивительный сад.

— Я выдержу это, — наконец выдавила она. — Но если ты обманешь меня и не поможешь ему, я тебя убью!

— Неужели убьешь? — захихикала карга. Ее позабавил гнев женщины.

— Да, несмотря на твою магию. Я разорву тебя голыми руками и зубами перегрызу тебе глотку! Старуха ухмыльнулась, оскалившись.

— Никакого обмана, — прошамкала она. — Хорошо, что ты напонила про зубы. — Ведьма придвинулась к матери Зайрема, ее ясные глаза засверкали. — Посмотри сюда. — Старуха показала на свои глазницы. — Когда мое зрение к старости ослабло, я с помощью заклинания купила себе новые глаза. Это глаза молодого мужчины. Он умирал и отдал их мне, чтобы выжить. «Лучше быть слепым, но живым», — сказал он. «Вот именно», — согласилась я. Смотри, какие замечательные глаза у меня теперь. Но мои несчастные зубы — они почернели, болят и выпадают! А у тебя зубы острые, крепкие и белые. Достаточно острые и крепкие, чтобы разорвать горло несчастной старухе. Отдай мне свои прекрасные зубы! Это моя цена за услугу твоему сыну!

Жена короля вздрогнула, но, взглянув на Зайрема, поцеловала его и ответила:

— Решено. Такая плата означает честную сделку. В тот же миг ведьма схватила ребенка. Она обвязала шнурком его темные вьющиеся волосы и поставила на край колодца. Зайрем, испугавшись, в ужасе обернулся, но не успел сделать и шагу, как ведьма, крепко вцепившись в шнурок, столкнула его в огненную бездну. Сжимая шнурок, она окунула мальчика в жуткий огонь неуязвимости, и пламя охватило все тело ребенка.

Как и предупреждала ведьма, мальчик кричал от боли, но такого жуткого крика его мать не ожидала. Она зажала уши руками и тоже кричала, пока не охрипла. Женщине казалось, что она вместе с сыном чувствует нестерпимую боль.

Когда, наконец, оба голоса смолкли, ведьма вытащила из колодца бесформенное обугленное и почерневшее тело и осторожно положила его на зеленый песок.

Увидев, что стало с ребенком, женщина зарычала, словно зверь, и бросилась на ведьму. Но та только рассмеялась.

— У тебя больше нет клыков, чтобы укусить меня, — сказала старуха и улыбнулась ослепительно белыми, ровными, молодыми зубами. А жена короля действительно осталась без зубов. — Потерпи минутку, — попросила ведьма. И не успела она произнести это, как обугленное создание на песке забилося в судорогах. Черная обугленная корка сошла с его тела, словно грязь с сосуда из слоновой кости. Мальчик целым и невредимым застыл на

песке, а от черноты остался лишь глянцевый блеск темных волос и черные пушистые ресницы. И еще в мальчике появился какой-то отсвет пламени, словно блики солнца на золоте.

— Он мертв? — прошептала мать, видя, что мальчик не шевелится.

— Мертв! — засмеялась ведьма. — Посмотри, он дышит! — Она подвела женщину поближе и вдруг, выхватив нож, изо всей силы всадила его в сердце Зайрема.

Мать мальчика дико закричала.

— Ну и глупая же ты, — засмеялась ведьма и показала ей нож. Клинок погнулся и сломался, словно его пытались вогнать в каменную стену, а на теле ребенка не было даже царапины.

Мать Зайрема вела себя очень осторожно, уходя из стана Алых шатров. Но, как гласит мудрость людей пустыни, нельзя закрыть кувшин так, чтобы внутрь не попало ни песчинки. У короля были и другие жены, а у тех — сыновья. Один из мальчиков после ужина вышел умыться к пальмовому дереву и заметил, как мать Зайрема вместе с сыном скрылась в сумерках. Между женами и сыновьями короля никогда не прекращалось соперничество. Мальчик решил, что нужно обязательно проследить за Зайремом и его матерью.

Женщина вернулась около полуночи, и один взгляд на нее привел маленького шпиона в ужас — лицо несчастной было белым, волосы спутаны. Она очень торопилась, задыхалась, хватала воздух ртом, и мальчику почудилось, что в темном провале ее рта нет зубов. Не успела бедняжка войти в свой шатер, а юный соглядатай уже побежал к своей матери, чтобы все ей рассказать. А уж та, конечно, поспешила к королю и сообщила, что мать Зайрема всю ночь резвилась с демонами и сейчас вернулась со своим сыном-демоном, а зубы свои отдала в обмен на заклинания.

Король заподозрил неладное, поверив в колдовство, тем более что всегда недолюбливал темноволосого Зайрема. Остаток ночи он шагал взад-вперед по своему шатру, а когда заря разлилась по пустыне и смыла ночь, направился к шатру любимой жены. Он пересказал ей сплетни, обвинив во всех грехах земных, и добавил, что хотел бы убедиться в целостности ее зубов.

Мать Зайрема поняла, что ни правда, ни ложь не спасут ее. Тогда она решила объединить их, чтобы выиграть время.

— Мой повелитель, — заплакала женщина, — я боюсь признаться в том, что натворила. Вижу, как глупо поступила, воображая, что могу что-то скрыть от вас. Будьте же милосердны ко мне! Я жаловалась на ужасную головную боль, но на самом деле у меня страшно болели зубы. Я давно уже мучилась с ними, но старалась сохранить это в тайне, лишь молила богов освободить меня от страданий. Однако все оказалось бесполезно. И вот, наконец, в наших краях появилась женщина, сведущая в травах. Я поведала ей о своем горе. Знахарка сказала, что никто и ничто не поможет мне, если не вырвать зубы, потому что их корни сгнили и, хотя с виду они здоровы, вскоре яд их отравит мое тело. И поэтому, мой господин, я, стыдясь, тайно отправилась к этой женщине, и та согласилась вырвать мне зубы. А твой сын, которого я взяла с собой, был единственной моей отрадой. Теперь ты, конечно, бросишь меня, потому что я безобразна, и тогда я умру от горя.

Короля тронуло раскаяние любимой жены, и он поверил ее рассказу. Он заверил свою жену, что будет любить ее по-прежнему, а зубы — не единственное ее украшение. Король признал женщину виновной лишь в том, что она хотела обмануть его и рисковала своей жизнью и жизнью ребенка в страшной пустыне, он пожурил ее за это.

Затем он послал за своим недостойным сыном-сплетником, наказал мальчишку, а его мать, придумавшую небылицы, в знак дружбы подарил другому королю. Но, отдавая ее, он предупредил:

— Остерегайся речей этой лисицы, ибо лживы они.

Прошло пять лет. Годы всегда идут своим чередом, оставляя след в памяти людей. Племя Шатров кочевало по пустыне, меняя пастбища и оставляя за собой вытопанные луга. Бывали времена неурожая и засухи, и тогда люди просили у небес дождя, но случалось, что

дождей было так много, что даже мелкие ручейки выходили из берегов.

Зайрему исполнилось десять лет, и, хотя любимая жена короля больше не родила ни одного ребенка, мальчик уже не был младшим сыном короля. Да и мать Зайрема больше не была любимой женой.

У короля появилась новая жена. Глаза ее напоминали красный янтарь. Она многое знала, вырастила несколько сыновей и теперь стала любимицей короля. Но все же ни один из ее сыновей не мог соперничать красотой с Зайремом.

Старцы привыкли к Зайрему и перестали повторять, что его смуглая кожа — символ ночи. И иногда даже беседовали с мальчиком. Но за их дружелюбными улыбками скрывалась тень чего-то невысказанного, но готового сорваться с языка, словно заржавевший нож, который в любую минуту можно вычистить.

Зайрем рос молчаливым и мечтательным. Укачивая малыша, его мать плакала и повторяла:

— Что помнишь ты, любимый мой? Забудь все... Не было огня, не было боли, не было сада с зеленым песком. И даже если когда-то ты вспомнишь об этом, не говори ничего, ничего...

И ей удалось заставить мальчика забыть обо всем. У него оставались лишь смутные воспоминания об испепеляющем огне и мучительных страданиях — ночные кошмары его детства. А потом Зайрем отбросил их, как змея сбрасывает старую кожу. Но все же он помнил, что огонь оставил на нем свой знак, дал ему больше, чем его красота, — нечто такое, о чем ему не положено знать. Ребенок чувствовал, что он не такой, как остальные, но никогда не задавался вопросом — почему, полагая, что ответа не существует. Зайрем жил в стране, где все были чужими для него. Он встречал тех, кто называл себя его братьями и родственниками, но не видел ни одного, кто бы был похож на него или говорил на языке его души. Поэтому в сердце его не пробрались ни подлость, ни зависть. Он не ждал ничего от чужой страны.

Среди сыновей короля росла зависть и неприязнь к Зайрему. Как-то раз сын, тот, которого король наказал (ему теперь было пятнадцать), собрался на охоту.

— Пусть и этот юнец идет с нами, — сказал он, потрепав Зайрема по голове. — Мы позаботимся о нем. Он слишком много крутится возле женщин, и никогда еще не видел львов.

Мальчики отправились охотиться на львов — три королевских сына, трое их друзей и Зайрем.

На вершинах, каменистых холмов в лучах полуденного солнца отдыхали золотоглавые львы с телами цвета пыли. Их было четверо — три самки и огромный самец с черной, словно опаленной дневной жарой, гривой.

Этим львам уже был знаком запах человека, и, когда ветер донес его до них, они поднялись с камней. Изогнутые ноздри их широко раздувались, глаза сузились, а хвосты хлестали по бокам. Охотники приблизились к ложбине, где над небольшой заводью склонилась смоковница. Они знали, что львы, где-то неподалеку: это было место их обычной охоты.

— Вы с собаками пойдете туда, — сказал трем своим приятелям, указывая на север, наказанный сын короля. Потом три сына короля задумались.

— Жаль, что у нас нет годовалого козленка. Его крики привлекли бы львов, — сказал старший мальчик. Брови охотников сомкнулись на переносице, и они обругали себя за забывчивость. Но потом, похоже, в их головы закралась злая мысль.

— А что, если мы возьмем юного Зайрема и оставим его, как приманку для львов? Он сочный и нежный, словно годовалый козленок, наш дорогой Зайрем... Ведь ты не будешь возражать, братец? А мы будем рядом с копытами наготове.

Мальчик лишь пристально взглянул на братьев, но те засмеялись и отвели его на каменистую тропу.

— Ты ведь не станешь возражать, если мы привяжем тебя к этому камню, милый

Зайрем? — спросили они и, схватив мальчика, быстро связали его, а затем удалились на безопасное расстояние посмотреть, что будет.

Вскоре четыре бледно-золотистые тени соскользнули с холма. Львы приближались, нахлестывая себя по бокам хвостами и злобно сверкая маленькими раскаленными глазками.

Зайрем наблюдал за львами. Он не боялся их, хотя один только вид львов вселял в людей ужас, и все, что мальчик слышал о них, отнюдь не улучшило их дурной славы.

Огромный самец прыгнул первым. Он изогнулся словно натянутая тетива лука или выпущенная стрела, и страшные когти вцепились в мальчика. Раздался странный звук, словно кто-то разорвал огромный лист бумаги.

Но вот лев оглушительно зарычал и отпрыгнул в сторону. Его движения неожиданно утратили стремительность и упругость, зверь застыл в изумлении, словно мраморное изваяние. Больше он не пытался нападать. Но львицы сделали несколько стремительных прыжков... В конце концов, и они тоже отступили от Зайрема, кроме одной, обнюхивавшей и облизывавшей мальчика. Огромная кошка жадно лизала Зайрема, желая сожрать его, ощущая вкус того, что не могла съесть.

Издалека невозможно было понять, что происходит, и потрясенным братьям показалось, что львица отдает дань почтения Зайрему. Они задрожали от страха. Львы не только не убили мальчика, хоть и должны были это сделать; они поклонялись ему!

Три брата спрятались среди камней, подавленные и испуганные. Они смотрели, как львы, закончив свой ритуал, поднялись по склону холма. Когда звери скрылись из глаз, братья бросились к Зайрему, схватили его и швырнули на лошадь, которая в ужасе захрипела. Глаза несчастного животного налились кровью — ведь мальчик пропитался запахом львов. Братья поскакали обратно в стан, к шатру своего отца.

День угасал, и в лучах умирающего солнца лагерь кочевников казался залитым кровью. В красном свете заката братья рыскали по лагерю в поисках короля, а найдя его, швырнули мальчика к его ногам.

— В горах Зайрем покинул нас, а когда мы последовали за ним, то увидели, что четыре льва облизывают его и лапаются к нему, — закричали они. — А все потому, что демоны водят с ним дружбу. Несомненно, ему покровительствует сам Владыка Ночи. Так всегда говорили наши мудрые старики.

Суеверный страх короля заставил его поверить злым словам. Однако правитель чувствовал, что не должен доверять завистливому мальчишке.

— А что ты скажешь на это? — воскликнул король, обращаясь к Зайрему. — Почему львы не причинили тебе вреда?

— Я и сам не знаю почему, — ответил мальчик. Слова эти король расценил как дерзкое высокомерие. Он поднял руку и хотел ударить сына по лицу. Но, ударив, почувствовал, что руку его обожгло, словно огнем. Этого оказалось достаточно.

Король пришел в ярость. Он созвал на совет военачальников, советников и старцев, чей почтенный возраст давал им право присутствовать на совете. Все они расположились вокруг королевского шатра, а сам король сел в кресло из черного дерева, стоящее на красно-желтом ковре, и они стали обсуждать, что делать с Зайремом. Три королевских сына вышли и поведали историю со львами, заставив своих приятелей подтвердить их слова, будто они тоже были свидетелями, хотя на самом деле они ничего не видели. И тогда старики счистили ржавчину с ножей своей потаенной злобы и снова заговорили о темных волосах, несчастях и князе демонов...

Мать Зайрема на совет не позвали. Она была лишь женщиной, о ней просто забыли. Они не дали слова и Зайрему, оставив его стоять на краю ковра. Один из присутствующих швырнул в мальчика ком земли, но тот упал далеко в стороне, даже не задев несчастного. Другой бросил камень и тоже не попал. В конце концов сам король, рассвирепев, поднял копьё и метнул его в сына, но копьё разлетелось на сотни кусков, не причинив мальчику вреда. Все вздохнули с облегчением и удовлетворением. Один Зайрем смотрел на обломки копья, и ужас застыл в его глазах.

Глава 3

В самом сердце пустыни в оазисе жили святые люди. Их жилищем служили развалины крепости. Под одной с ними крышей обитали ястребы, совы и ящерицы...

Король посадил Зайрема на спину вороной лошади и крепко привязал его к седлу. По обе стороны седла он развесил колокольчики и амулеты, дабы оградить себя от злого духа, который вселился в мальчика. В сумерках король и его свита отправились к развалинам, гоня черную лошадь перед собой.

Привязанный к лошади, Зайрем впал в мрачное отчаяние. Он не произносил ни слова. Теперь его окружали не просто чужаки и враги, теперь он сам себе стал врагом. Все считали его демоном, и, должно быть, так оно и было. Мальчика испугало не то, что в него бросали копье, а то, что оно не могло ранить его. Зайрем так и не вспомнил огненный колодец. В пять лет весь мир кажется чудесным и таинственным, боль забылась, а огонь стал для него еще одним чудом.

Сейчас, в окружении подданных своего отца, видя холодную ненависть в их глазах, Зайрем испытывал к ним симпатию. В какой-то миг он представил себя на их месте, словно невзначай взглянув в зеркало, и неожиданно увидел себя в облике зверя.

Процессия добралась до развалин, когда яркий лунный свет разлился по небу. На вершинах башен в белых лохмотьях перьев сидели совы, у подножия башен застыли отшельники, в грязных бурых лохмотьях. Гордыня — это грех, говорили они и, показывая, что гордыня несвойственна им, носили грязные рубища и никогда не мылись. В разговорах с людьми они объясняли: «Мы лишь бедные дети, желающие обрести вечную жизнь. Нас ценят боги. Когда вы станете пылью под ногами, мы восстанем во славе». Если кто-то предлагал им золото, эти оборванцы сердились, отворачивались или смотрели себе под ноги, пока золото не исчезало из рук предлагавшего. «Мы слишком просты, чтобы принимать земные богатства, — говорили они надменно. — Да не построй себе дворца в этом мире, — провозглашали они, копаясь в грязи среди развалин. — Собирай сокровища в стране богов». А хвора, они объявляли во всеуслышание:

«Боги посылают нам испытания», как будто богам больше нечего было делать, как только придумывать различные ухищрения, чтобы убедиться в их добродетели. Но если заболел кто-то другой, не из их ордена, они торжествующе кричали; «Вот оно, наказание за ваши безмерные слабости. Раскаивайтесь же теперь! «

Тем не менее, отшельникам приписывали магические силы: говорили, что они могут одолеть демонов или, по крайней мере, тех, кого люди принимали за демонов.

Король приблизился к воротам крепости и обратился ко всем святым сразу, поскольку между собой все они считались равными:

— Вот мой сын. Он одержим дьяволом. Силы мрака не позволяют причинить ему никакого вреда, заставляют даже львов поклоняться ему.

Не сказав ни единого слова, бурые совы в лохмотьях поднялись со своих мест и окружили Зайрема. Молча перерезали они путы, связывавшие мальчика, молча сняли его с лошади. Мальчик молчал, и только глаза его молили о помощи.

— Он останется с нами на месяц, — сказал один из старцев.

— Возвращайтесь, когда луна родится вновь, — объявил другой.

Король мрачно кивнул и уехал со своими воинами. Мальчика отвели в развалины.

Сначала отшельники расспрашивали его, а когда Зайрем молчал или просто не мог ответить, они жгли голубые курения, развязывающие язык любому человеку. Из того, что мальчик говорил под действием голубого дурмана, стало понятно, что Зайрем как-то связан с огненным колодцем. Отшельники, опьяненные наркотическим зельем, толком ничего не поняли, но посчитали, что чуют демона. Поэтому они заперли Зайрема в тесной келье без окон и оставили его там на семь дней без пищи, дав только глиняный кувшин с гнилой водой. «Если дьявол поселился в нем, то, лишив обитель демона привычных благ, мы тем

самым заставим его выйти», — говорили святые. Но когда на восьмой день они выпустили Зайрема, в его глазах было то же безумие, что и раньше. Они били мальчика плетью, стараясь сделать вместилище нечистой силы еще более неудобным, но плети вспыхивали и рвались в руках. Это уж точно был губительный знак дьявола.

Когда все попытки отшельников не увенчались успехом, они пошли на хитрость. Мальчику разрешили есть вволю и позволили ему бродить, где вздумается, среди развалин и по всему оазису. Святые старцы же внимательно наблюдали за ним и подмечали все, что Зайрем — или демон, поселившийся в нем, — станет делать.

Но мальчик уходил на зеленый берег заводи и садился там, уставившись на воду невидящим взглядом. Он не делал ничего другого в течение четырнадцати или пятнадцати дней. Когда его звали к столу, он покорно шел; когда его запирали на ночь в келье, он не протестовал. Как только его оставляли в покое, он уходил к заводи и усаживался на берегу. Трудно было найти картину более наивную и прекрасную.

Вопреки своим верованиям, отшельники оказались глубоко тронуты увиденным. Решение пришло само собой, как день расцветает во тьме, — нет никакого зла в мальчике, который все время размышляет, даже в самый ясный день. Кстати, таких дней, по поверьям, демоны избегали.

Наконец святые пришли к мальчику и разложили перед ним различные предметы, которые, считалось, отпугивали силы тьмы. Зайрем ничуть не испугался: он подержал в руках каждый из магических предметов и положил их назад. Он оставался спокойным, а безумие и мука теперь затаились слишком глубоко, чтобы простые люди могли их разглядеть. Когда с Зайрем говорили, он отвечал неторопливо и серьезно.

— Дьявол изгнан, — сказали святые, — Теперь, сын короля, ты должен верно служить богам кочевников. Помни, мир безрассуден, тщеславен и грешен. Путь к богам пролегает по крутым и скользким ступеням, его преграждают ловушки, каменные завалы и острые клинки недругов.

— Выходит, боги не желают, чтобы человек когда-нибудь достиг их, раз создают такие преграды на его пути? — тихо произнес Зайрем.

— Люди сами воздвигают преграды, — ответили святые. — К тому же есть тот, кто преследует смертных со сворой черных и красных псов, пожирающих павших. Бойся Владыки Ночи, Искусителя! Помни, он всегда рядом и один раз едва не заполучил тебя.

После этих слов холодный тягучий страх заполнил сердце Зайрема.

— Доверься небесам, — сказал один из отшельников, ласково поглаживая мальчика. Он сам старался забыть о страстях, которые почти заглушили приступы благочестия, но, видимо, так до конца и не уничтожили. — Берегись голоса плоти и его желаний. Держись подальше от женщин. Твоя мать навлекла на тебя беду, связавшись с темными силами. Посвяти свое тело и душу богам, и они уберегут тебя от тех, кто охотится в ночи.

Когда король вернулся за ответом, святые рассказали ему то, что им удалось узнать. Они объявили, что мальчика лучше отдать в прислужники в какой-нибудь храм, чтобы он был в большей безопасности.

— Но вы излечили моего сына от неуязвимости, которая отличает его от других?

— Нет, — сказали святые. — Он защищен от любого оружия и от насильственной смерти. Это нерушимое условие заклания, которое мать наложила на него. Пока он сам толком не понимает, каков он. Если он будет жить в смирении, то может никогда и не узнать этого и не почувствовать всей власти этого дара. Оставь мальчика с нами, и мы укажем ему верный путь.

Но король забрал сына, повергнув тем самым святых в уныние. Пользуясь своей королевской властью среди племен, кочующих по пустыне, он отослал Зайрема на север, в великий храм. Вместе с ним он послал двух лошадей, навьюченных сундуками с жемчугом и золотом.

— Если уж моему сыну суждено быть жрецом, он будет одним из лучших. Тогда люди смогут узнать, что он мой сын, и я смогу им гордиться, — сказал на прощание король.

Но мать Зайрема, свою жену, король отправил в изгнание за то, что она наложила заклятие на сына. Одни говорили, что ее приютил другой народ, другие — что она погибла, и из ее костей выросло дерево в самом сердце безмолвных дюн.

Однажды купец-караванщик расположился на отдых под сенью этого дерева. Он надеялся найти здесь воду, но ее не оказалось.

— Как же может дерево зеленеть в пустыне, ведь за три мили вокруг нет ни капли воды? — удивился купец.

Он побледнел, когда дерево ответило ему:

— Мои слезы поят меня.

— Кто это сказал? — воскликнул купец. Оглянувшись, он посмотрел на слуг, стоящих поодаль... Только дерево могло заговорить с ним. — Это ты сказал? — обратился купец к дереву. — Если так, должно быть, ты эльф?

Но, словно дуновение ветра, донесся до него едва различимый шепот:

— Принеси мне весть о моем сыне.

— Скажи мне его имя, — попросил купец. Но то ли дерево не помнило имени, то ли не пожелало назвать его.

Рассказывали, что годы спустя какой-то человек вырыл яму под корнями дерева, желая добраться до живительной влаги, питавшей его. После долгих трудов он нашел немного воды — но она оказалась соленая.

Глава 4

— Взгляните сюда, избранники богов! — закричал толстый монах, приведя Зайрема во двор воспитанников. — Этого мальчика зовут Зайрем. Он сын короля, но посвящен храму, как и вы. Отныне он ваш брат.

Дети уставились на Зайрема. Впрочем, так сделали бы дети любой расы, любой эпохи и любого возраста. Новый мальчик, худенький и смуглый, внимательно разглядывал их. В его взгляде смешались любопытство и грусть.

Толстый монах был уродлив. За его пребывание здесь в свое время неплохо заплатили, как и сейчас за Зайрема. Он перевел взгляд со смуглого мальчика, стоящего рядом с ним, на другого послушника, напоминавшего кусочек солнца, сверкающего во дворе, укрытом тенями. Этого очень беспокойного и странного мальчика с огненно-желтыми волосами звали Шелл.

Толстый жрец не любил его.

В глазах Шелла горели яркие зеленые искорки, как у рыси. Он был очень молчалив, слова редко срывались с его губ. Чаще слышался его смех, предостерегающий возглас или просто мелодичный свист. Когда его нашли на ступенях храма, он плакал. Те, кто оставили малыша возле храма, не научили его говорить. Монахи утверждали, что прошло целых полгода, прежде чем ребенок соизволил, наконец, произнести первое слово. Даже теперь, научившись бегло читать про себя, он отказывался читать вслух. Его наказывали, но пользы это не приносило — ни читать, ни молиться вслух он не хотел и редко произносил в ответ больше чем «да», «нет» или «может быть». В то же время все существо Шелла звучало: его руки и ноги, его тело пели своими движениями. Он бегал, словно олень, ходил, танцуя, не по годам грациозно и изящно. Он подпрыгивал так высоко, что лишь ему одному удавалось срывать сливы с дерева, раскинувшегося над Нефритовым Двором. Остальные дети подбирали падалицу или трясли дерево. Даже во сне тело Шелла разговаривало; прищуренным рысьим глазом, дрожанием губ или ноздрей, подергиванием рук юноша напоминал зверя или неведомый музыкальный инструмент, играющий сам по себе. Была и еще одна странность. Хотя ворота запирались на ночь, Шелл всегда мог выйти из храма. Неизвестно, как преодолевал он высокие отвесные стены и зачем бродил по окрестным лесам. Казалось, ночь и луна призывают его, и никакие запоры не могут удержать. Даже два монаха, неусыпно охранявшие спальни воспитанников, не замечали, как Шелл выходит из

храма, и спохватывались, лишь найдя опустевшее ложе. Если же мальчик оставался на ночь в стенах храма, то вовсе не из-за того, что хотел угодить старшим, просто этой ночью он не чувствовал зова странствий.

Что искал он в ночи?

Говорили, что Шелл, вырвавшись из стен храма, ложится на ветвь дерева и свистит, и соловьи вторят ему. И еще рассказывали, что Шелл бегают наперегонки с лисами и учит их, как залезать в крестьянские дворы. Однажды произошел такой случай: черная кобра заползла в класс, ужасно испугав воспитанников, но Шелл спокойно подошел и, издав тихий шипящий звук, поднял змею. Кобра легла ему на плечо и ласково потерлась головой о его лицо. Потом мальчик унес змею и осторожно выпустил на лугу. Шелл боялся только одного — вида любого мертвого существа. Он не любил смотреть на мертвых ящериц и мышей, но никогда не показывал своего страха. И он ни разу не присутствовал при смерти мужчины или женщины...

При виде Шелла монахи испытывали душевное беспокойство, тревогу и гнев. Но они считали ниже своего достоинства признаться, что в такое состояние ввергает их бездомный подкидыш.

Для всех остальных детей храма Шелл легко мог стать и жертвой, и героем — и тем, и другим. Прибавьте его изменчивость, явно нечеловеческую сущность, которую очень хорошо чувствовали дети, но совершенно не понимали взрослые и вечно занятые монахи, — все это мешало Шеллу играть отведенную ему роль. Он был загадкой. Дети едва соприкасались с ним и старались уравновесить свои чувства, но это им удавалось с трудом...

Теперь же они рассматривали еще одного избранного, суть которого не могли постичь, выделив его из общей толпы так же безошибочно, как и Шелла. Говоря по правде, уродливый монах тоже обратил на это внимание, и это не прибавило ему теплых чувств по отношению к новичку.

Шелл напоминал пламя, а Зайрем — притушенную лампу, дитя Света и дитя Тени. Как между двумя полюсами существует магнетическая связь, так и эти две противоположности, казалось, были связаны одной незримой тугой нитью.

— Итак, — сказал монах, отдав все распоряжения, — внимание! — И его знаки отличия заколыхались, словно листы бумаги, подхваченные шаловливым ветром. — Благоговейте! — воззвал он. — Чтите богов!

Лицо сына Сумрака, Зайрема, вытянулось и застыло. Ему снова напомнили о том, кто идет по его следу.

Глава 5

Наступил вечер. Солнце, словно бронзовый кувшин розового масла, лило вечерние лучи на крыши храма. Старшие мальчики ужинали в верхнем дворе, том самом, где возвышались статуи богов стихий — Синего Тигра и Красного Овна. Час назад сюда приносили младенцев на богослужение, а сейчас здесь стояли столы. Старшие воспитанники болтали и переругивались, словно стая обезьян. Время от времени наставники трепали кого-нибудь за уши, чтобы провинившийся вел себя подобающим образом. Боги — Синий Тигр и Красный Овен — бесстрастно взирали на происходящее. День угасал, и с его уходом на землю ложилась вечерняя прохлада, в воздухе разливался терпкий аромат деревьев, к которому примешивался запах ладана.

Шелл, как обычно, сидел у подножия Красного Овна. На это место никто больше не претендовал. В стене, окружающей двор, как раз напротив Красного Овна, не было одного камня, и сквозь дыру виднелись розовые облака, клубящиеся над рощей, раскинувшейся в полумиле от храма. В окнах Святилища Дев и Дома Женщин уже зажглись огоньки. Если человек обладал орлиным зрением, то с этого места — если постараться — можно было увидеть женщин. Шелла, впрочем, интересовал лишь приход ночи, и ничего более. На ужин он ел фрукты, но все знали, что иногда он жует траву, листья и цветы из садов храма. На

другом конце низкого стола, напротив Шелла, не притрагиваясь к еде, застыл Зайрем.

Он сидел, опустив голову, и неподвижно глядел в свою чашку с водой. Его лицо, словно тайной, было окутано темными вьющимися волосами.

— Если ты сын короля, то почему ты здесь? — решил спросить Зайрема мальчик, сидящий рядом. — Он что, тебя больше не любит?

— Его мать танцевала со змеей в пещере, — предположил другой. — Она подняла юбку, и змея заползла в нее. А через месяц она снесла яйцо, из которого вылупился Зайрем. — Мальчик захихикал. То ли он говорил очень тихо, то ли наставники сидели слишком далеко, но никто не вмешался.

— Да нет, все было гораздо хуже, — возразил первый. — Я слышал, что его мать продала свое тело демонам. А Зайрема все бросили: князь демонов тоже невзлюбил его.

Зайрем не отреагировал. Почувствовав злобную сущность мальчиков, он подумал о матери. Мальчик считал, что она все еще живет в своем шатре. Пока он размышлял, один из мальчиков тихо подкрался и попытался ударить новичка, но вскрикнул — его рука натолкнулась на что-то твердое и горячее.

Шелл поднялся. Сразу же наступила тишина, нарушаемая лишь тихим шепотом — разговор продолжался, но все внимание теперь сосредоточилось на Шелле. Даже взрослые встревожились, хотя ничем старались не показывать этого.

Станный послушник отошел в дальний угол двора. Он дотронулся до стены и, сняв с нее что-то, вернулся назад к столу, ступая мягко, по-кошачьи. Мальчики сгрудились в стороне, толкаясь и перешептываясь. Один второпях даже ушиб ногу и теперь поглаживал ее. Шелл наклонился к Зайрему и положил перед ним маленькую белую птичку. Птичка почистила перышки, просвистела одну ноту и, наклонив головку, клюнула хлеб на тарелке.

— Шелл — волшебник, — тихо пробормотал кто-то.

Шелл обернулся и посмотрел на мальчика, ударившего Зайрема. Он смотрел пристально и долго; наконец лицо мальчишки скривилось, он вскочил и убежал прочь.

Зайрем же смотрел только на белую птичку. Шелл окунул пальцы в чашку с водой и брызнул в лицо мальчика, который подшучивал над новеньким. Тот вздрогнул, хотел вскрикнуть, но не смог.

Шелл никогда не делал ничего подобного. Как-то один задира бросил в него камнем. Шелл отыскал этот камень и всюду следовал за обидчиком с камнем в руках. Он ничего не говорил, просто держал камень на виду. В конце концов, у обидчика началась истерика. Но это случилось два года назад.

Наконец шутник, с мокрым лицом, тоже убежал прочь. Шелл вернулся на свое место у подножия Красного Овна.

Вскоре птичка доклевала хлеб и, вспорхнув, исчезла в черном небе.

Никто больше ничего не говорил Зайрему — ни хорошего, ни плохого.

Три раза солнце рождалось и умирало.

Каждое утро на Дворе Мудрости мальчики преклоняли колени перед алтарем и зажигали светильники перед идолами. Недолго же они внушали священный трепет, эти боги стихий, — ведь те, кому исполнилось девять, теперь обедали у их подножия. Потом воспитанники садились за книги или, устроившись под деревьями, покрытыми красными цветами, изучали ритуалы храма. Они кормили рыбу в Священном Пруду и толпой спешили на обед, а днем прогуливались по аллеям храма, беседуя со своими учителями.

— Да не введут вас в искушение богатства храма, — наставляли учителя. — Лилия должна быть прекрасной, чтобы пчела опылила. Храм должен радовать взор, дабы привлечь богов и людей. Одевайтесь в нарядные одежды, носите кольца — но будьте скромны. Простота должна жить в сердце, а не только во внешности.

Две морщины проступили на лбу Зайрема, но учителя не считали нужным обсуждать это с детьми десяти-одиннадцати лет и притворились, что ничего не заметили.

Шелл охранял аллеи, и острое зрение помогало ему. Он ел цветы — безжалостно и в то же время красиво, как будто съедал только что пойманного маленького зверька. Иногда он

встречал Зайрема. Суеверия пустыни мучили мальчика. Сын короля старался увидеть, есть ли у Шелла тень. Тень была. Шелл, понимая, что ищет Зайрем, смеялся, как смеется лисица.

Закончился третий день. Сумерки голубым мечом сразили слабое тело дня. Так было всегда: ночь всегда приходила неожиданно, и день, не успевая скрыться, сраженный, истекающий кровью, затихал, закрыв глаза в бесконечной черноте.

Зайрем проснулся, ощутив прикосновение пальца ко лбу, и услышал тихий голос:

— Пойдем.

— Куда? — спросил мальчик, хотя постоянно, даже во сне, ожидал чего-то подобного.

— В ночь, — ответил Шелл.

Зайрем знал ночь. Перед глазами пронеслись тусклые воспоминания: путешествие в сад зеленого песка, опаляющий ужас огненного колодца, дорога назад на руках женщины — а над всем этим ночь, яд, плещущийся в бокале.

— Нет, — ответил Зайрем.

Шелл беззвучно повернулся и растаял во тьме. Зайрем последовал за ним прежде, чем осознал, что делает.

Шелл двигался неслышно, но и Зайрем старался не шуметь — пустыня преподавала ему свои уроки.

Хотя луна уже взошла, снаружи царила тьма — огромная желтая полная луна, низко повисшая над землей, почти не давала света. Она набросила на себя вуаль одинокого облака и скрыла за ней свое лицо. Никто не сторожил ворота — все равно ночным прогулкам Шелла помешать было невозможно.

Они взбирались на стену, как два кота — янтарный и дымчатый, используя каждое крохотное углубление, малейший выступ, цепляясь за плющ, достаточно прочный, чтобы выдержать проворного худенького мальчика. Потом одежды их подхватили сизые голуби и помогли влезть на стену, мальчики спрыгнули с нее и нырнули в бархатное ничто ночи.

Они растворились в этом черном океане, и листва накрыла их своим шатром.

— Я покажу тебе дом лисы, — сказал Шелл. Мальчики бродили по рощам и лесам. Зайрема зачаровала, одурманила ночь, но для Шелла ночь была таким же привычным временем, как день.

Сидя под деревом, мальчики съели по плоду вкуса ночи — сочный черный вкус.

— Ночь — это самое лучшее, — сказал Шелл. — Даже лучше, чем восход луны. Но я не помню почему. — Он редко, очень редко говорил так много.

— И я знаю нечто, чего нельзя помнить, — отозвался Зайрем. — Лучше бы мне все забыть.

— Я тоже не хотел вспоминать, — промолвил Шелл, — но когда я увидел твои волосы, то почти вспомнил.

— Монахи лгут, говоря о величии своих богов? — вдруг спросил Зайрем, Шелл тихо засмеялся:

— Да.

— А может, и все остальные люди лгут!

— Да.

Мальчики пили из ручья, внимательно наблюдая друг за другом, ибо каждый из них впервые понял, что в мире есть еще человек, кроме него самого, который так же необычен.

Глава 6

Дни, которые в детстве и юности кажутся такими длинными, постепенно бегут все быстрее, меняя в человеке все — его душу, тело и ум. Для старых монахов эти шесть лет прошли незаметно; так скользит по траве змея, не оставляя следа. Но за шесть лет мальчик может стать мужем.

Почтенные служители храма отдыхали во дворе под полуденным солнцем. Они только что отобедали и теперь мечтали о следующей трапезе. Едой они всегда были недовольны —

то слишком много красного перца, то слишком мало черного, то грецкие орехи запекли неправильно, птица оказалась чересчур жирной. Ведь еда — это дело важное, а в храме культивировалась настоящая любовь человека к поглощаемой пище. Но для молодых еда — лишь утоление голода, источник энергии.

Старики недовольно заворочались и забормотали что-то себе под нос, когда мимо прошел один из молодых послушников. Они всегда были строги к молодым, а уж к этому особенно.

Юноше исполнилось семнадцать — высокий и стройный, он выделялся среди своих раскормленных собратьев. Его нельзя было не заметить — черные волосы локонами спадали на плечи, вились по спине поверх желтой мантии. Кроме того, он ходил босиком. Подошвы его ног огрубели от песка пустыни, и он не признавал ни сандалий, ни шлепанцев и вел себя словно нищий, каких полно за оградой храма. Вот он обернулся. Его лицо, словно изображение бога на монете, казалось медным, будто вычеканенным самим солнцем, а глаза — цвета прохладной воды, утоляющей жажду.

— Говорят, — сказал один монах, — что у нашего брата всего три хитона и он их стирает сам.

— Еще говорят, — произнес второй, — что серебряное ожерелье, которым Верховный Жрец одарил каждого мальчика при посвящении, этот неблагодарный отдал старому идиоту-крестьянину, потерявшему руку и попрошайничающему у ворот храма.

— А я скажу, — молвил третий, — что бесстыдство его поведения переходит все границы. Он хочет сделать то, о чем должно позаботиться небо.

— Точно, — подтвердил первый. — А ведь его предупреждали; «Да не осмелюсь исполнить дело небес — все само исполнится должным образом!» А этот выскочка отвечал: «Если небеса слишком ленивы, то я — нет».

— Позор-то какой! — вскричали служители Храма. — Ага, вот и еще одно дьявольское отродье! — добавили они.

Тот, о ком шла речь, только что закончил свой Час Службы, который каждый шестнадцатилетний жрец должен был посвящать богам. Каждому молодому брату приходилось чистить статуи богов и их пророков, переписывать свитки и книги, наблюдать за приготовлением пищи для богов и за их садовниками, приводить в порядок священные канделябры на тысячу свечей в Великих Гробницах. Второй юноша, вызывающий негодование монахов, тоже ходил босиком, тоже был высоким и стройным. Его желтый хитон и огненные волосы напоминали сверкающее пламя. От него исходил внутренний свет, ярче, чем от драгоценных камней, которых, кстати, юноша не носил.

Старейшины облизали пересохшие губы, наблюдая, как встретились два юных служителя и вместе пошли куда-то, ступая по земле босыми ногами.

— Тут что-то не так... Надо бы проследить, — ворчали старики. В их давно заросших паутиной очагах страсти снова затеплились угольки желания — их фантазии рождали развратные сцены, которые могли происходить между Зайремом и Шеллом, образ тех греховных и запретных действий, которых храм не допускал для своих сыновей и в которых, в общем-то, не было ничего преступного.

Может, это и странно, что два прекрасных юноши томились в своего рода тюрьме среди мужчин, но если бы в стенах храма и появились бы женщины, то не нашлось бы ни одной, чья красота могла сравниться с красотой этих монахов. Они и в самом деле любили друг друга. И это произошло вполне естественно: они вместе росли, вместе стали мужчинами. Они чувствовали себя легко только вместе и не требовали ничего друг от друга. К тому же ни Зайрем, ни Шелл не были людьми в полном смысле слова.

В Шелле, как это ни парадоксально, присутствовала порочная невинность эшв, которая и удерживала его от греха в понимании остальных братьев. Для эшв все, буквально все, было наполнено чувственностью, все было сексуальным. Восход луны казался им величайшим наслаждением для сердца и глаз. Любое прикосновение считалось любовью, огнем. Для эшв все представлялось любопытным, все являлось частью их грез. У них были желания — но

они хотели лишь наслаждений и воспламенялись от музыки взгляда, никогда не задаваясь вопросами и не занимаясь поиском источника тех чувств, которые переполняли их. Продлить миг наслаждения — вот главное из их желаний. Если страсть без тревоги и спешки пробудила само существо Шелла, то он и не пытался погасить ее или отыскать истинную ее причину. Время для эшв не имело особого значения. Шелл же забыл это ощущение безвременья. Для него время значило много.

Что же касается Зайрема, то детство оградило его от того, о чем говорили монахи... Забытая боль, сломанное копье, дни со святыми людьми, их совет... Он боялся вспомнить лишнее. Тот охотник, который идет по его следу, не должен схватить его. Удовольствия плоти, любые наслаждения страшили его, хотя он их и не познал. Он отвергал богатства, которые давал сан жреца, отвергал с презрением, рожденным тайным страхом. Он хотел разозлиться, очистить себя гневом и отречением; но иногда ему хотелось утонуть, словно камень, в омуте своих дум и лежать там, в тишине и покое, не зная слов и жизни людей, забыв о том, что он тоже человек. Только с Шеллом он мог расслабиться. Шелл редко говорил, предпочитая слушать. Шелла нельзя было принудить, но именно он подарил Зайрему краски ночи — целый мир, где можно стать свободным и хранить молчание. Шелл сделал для него очень много, но и он не смог противостоять довлеющему над Зайремом знаку скользких ступеней, ведущих в темный провал пасти хищного пса, где обитал Владыка Ночи, князь Тьмы — Демон.

— Завтра первый день Праздника Весенней Луны, — сказал Зайрем, когда юноши гуляли под кронами деревьев. — Меня избрали одним из тех, кому пришло время идти в восточные деревни. Надеюсь, монахи не передумают. Я хочу сделать что-нибудь действительно полезное для людей — так я и сказал им. Почему я должен становиться волхвом или лекарем, если никогда не смогу кого-нибудь спасти? Что такое храм, если не грязная лужа, где, как свиньи, роются в приношениях обманщики? И разве наместники богов могут быть похожи на этих людей?

Шелл разжал кулак — на его ладони лежала красная бусина. Это означало, что он тоже выбран для путешествия на восток. Их взгляды встретились: в глазах Шелла заблестел озорной огонек:

— Ты и я за стенами храма?.. Им никогда не вернуть нас.

Мимо проходил молодой толстый монах по имени Беяш. В его ухе болталась серьга из яшмы, которую он получил в награду за то, что двадцать раз переписал священный текст.

— На восток? Я тоже, — сказал он. — Наконец-то мы увидим женщин. Хорошо бы не только больных. Но вы-то, милые птишки, уже, конечно, полетали и повидали женщин, а? С кем это вы встречаетесь по ночам в рощицах?..

Зайрем сердито, как учили его отшельники, взглянул на задиру. Он ничего не ответил — когда к нему и Шеллу присоединялся кто-то другой, он редко говорил. Его гнев таился глубоко внутри.

Но толстый брат Беяш, почувствовав, что сказал лишнее, опустил глаза:

— Прости, Зайрем, я только пошутил. Но я хотел предупредить тебя. Говорят, что какая-то ужасная женщина появилась в восточных землях. Она за деньги продает свое тело!

— Мне жаль ее, — только и сказал Зайрем.

— Не жалей. Она соблазнительница и богохульница. Говорят, она красит лицо. И еще она любит вводить в искушение молодых и красивых. Ах, Зайрем, Зайрем...

Незаметно Шелл тихо присвистнул. Птица, пролетавшая над ними, неожиданно сделала большую кляксу прямо на голову омерзительного толстяка.

А потом юноши ушли, не слушая его жалобные возгласы.

— Как удастся тебе повелевать животными? — спросил Зайрем. Они шагали в лучах утреннего солнца по дороге на восток, окутанные облаком белой пыли, поднятой ослиами и повозками, на которых ехали другие посланцы храма. Время от времени братья шли пешком, но только для того, чтобы размять затекшие ноги. Только двое сумасшедших юношей решились бы проделать весь путь пешком. — Впрочем, ладно, — продолжал Зайрем. — Я

уже спрашивал тебе об этом, но ты сам ничего не знаешь.

Шелл улыбнулся мечтательной улыбкой эшв. Он взглянул на друга, и глаза его наполнились светом чистой невинной любви. Его взгляд говорил: Я бы сказал тебе, если б знал.

Вскоре показалась первая деревня.

С полей и виноградников сбегались мужчины, из домов выбегали женщины и дети. Все они низко кланяясь молодым монахам. Они несли им вино с медом и белый хлеб. Эти люди экономили на всем и копили деньги, чтобы всей деревней купить серебряное блюдо для храма. Монахи же принимали их дары с изысканной небрежностью. Потом они торопливо благословили деревню. Есть больные? Нет, хвала богам, только один старик страдает от гнойных язв. Ну да они сами заживут. Никто и не ждал, что святые люди станут выполнять такую грязную работу.

И тут вперед вышел Зайрем — словно дым, несомый ветром через высокие колосья.

— Где старик? — спросил он, и сталь прозвучала в его голосе.

Две или три женщины проводили молодого монаха.

— Посмотрите-ка на эту собаку. Он хочет остаться с этими шлюхами, — злобно зашептали остальные монахи вслед Зайрему.

Но женщины вовсе не были красавицами. Тяжелая работа, жаркое солнце и холодные ветра оставили свой след на их лицах, а молодых девушек прятали от глаз служителей храма по приказу самого настоятеля.

Зайрем вошел в низкую хижину, где лежал больной старик, и сердце его сжалось. Ведь и сам юноша нес боль в сердце своем. Ее отголоски жили в его памяти, хотя боль никогда уже не приходила к нему. Действуя очень осторожно, Зайрем взялся за дело, подбодренный тем, что его оставили наедине с больным.

Шелл не пошел с ним — он не был целителем. Он уселся под деревом, играя на самодельной деревянной дудочке. Прищурившись, рассматривал он хижину, и новое чувство вливалось в него. Шелл, по природе своей эшва, купался в этом чувстве, согретый его горькой сладостью. Это чувство люди называли ревностью.

Братья ушли, не дожидаясь Зайрема, украшенные гирляндами цветов — дарами жителей деревни. Когда же Зайрем, наконец, появился в дверях хижины, только Шелл да орава ребятишек, зачарованно слушавших игру на дудочке, встретили его. Мужчины вернулись к своей работе, а у любой из женщин при виде Зайрема начинало трепетать сердце, и ни одна из них не осмелилась остаться, чтобы поговорить с ним наедине.

Юноши продолжили путешествие, следуя за облаком пыли впереди.

Зайрем задумался. Глаза его сияли. Вскоре он заговорил:

— Я думаю, мне нужно уйти из храма. Кажется, я нашел свое призвание. — Шелл внимательно посмотрел на своего товарища. — Когда я сделал все, что мог, для этого старика, я почувствовал, как тень, преследующая меня, исчезла. Бремя спало с моих плеч. Что-то произошло между нами — тем больным и мною.

— Да, — тихо согласился Шелл.

Через час они подошли ко второй деревне и нагнали монахов. Им подали полуденную трапезу — фрукты, сладости и много вина. Одна женщина привела своего ребенка, страдающего падучей болезнью, но ей пришлось подождать. Вскоре, от пребывания под жарким солнцем и от страха, у ребенка начался припадок. Трапезничающие с недовольством отворачивались. Зайрем, как только появился, сразу направился к малышу и вставил палец меж его зубов, чтобы в судорогах тот не прикусил язык. Когда припадок окончился, Зайрем взял мальчика на руки и стал его укачивать. Лицо юноши светилось непонятной нежностью. Чувство это вызвал не ребенок, а что-то проснувшееся в нем самом. Отчасти изумление, потом радость и еще боль. Когда мальчик уснул, Зайрем отвел его мать в сторону и рассказал ей о лечебных травах, а потом подошел к повозке, где храмовые слуги упаковывали подарки, и забрал необходимые снадобья. Мать бедного ребенка, иссохшая, старая женщина, вдруг заплакала. И как будто родник, переполненный чувствами, забил в Зайреме — его глаза тоже

наполнились слезами.

Всех больных этой деревни отводили к Зайрему.

То же самое произошло и в трех следующих деревнях.

Молодые монахи насмеялись над ним, но люди стекались к Зайрему, они спешили, еще не слыша его слов, не дожидаясь, когда он выйдет к ним, словно видели в его появлении знамение, знали, что он шел именно к ним, а не просто путешествовал с целью получить свою долю восхвалений и даров.

В сумерках посланцы храма добрались до последней за этот день деревни, где и решили расположиться на ночлег в небольшой часовне.

В этот вечер по всей деревне горели светильники, и мужчины с факелами и колокольчиками провожали монахов до ночлега. Часовня была чисто выметена, украшена цветами, окурена благовониями, на стенах висели вышитые ковры. Пастухи на ужин монахам забили корову и овцу, и теперь мясо жарилось на дворе, под деревьями корицы. Красные языки пламени взметались в синюю ночь, за стеной жители деревни негромко распевали хвалебные песни, будто радовались тому, что их пища съедена, а их золото утекло в храм.

На улице, в свете, падающем из окон часовни, Зайрем осторожно промыл гноящиеся глаза несколькими детям. Вдруг к нему подошла старушка и пожаловалась на боль в спине, но как только Зайрем прикоснулся к ней, женщина объявила, что ей стало лучше. Наверное, так оно и было.

Шелл, играя на деревянной дудочке, смотрел, как его друг медленно входит во двор часовни. Перед этим Зайрем искупался в реке, и капли воды блестели в его волосах.

— Да, — сказал он, усаживаясь рядом с Шеллом под деревом. — Да.

— Хотел бы я заболеть, — вдруг неожиданно, как всегда, заговорил Шелл.

Зайрем вздохнул и закрыл глаза.

— Я готов проспать три ночи за одну такую, — сказал он, словно не слыша.

В этот момент в воротах часовни возникла какая-то суета, послышалась женская брань. За стеной стихло пение — деревенские женщины сыпали проклятиями. Пастухи, готовившие мясо, попятились от костра. Монахи в изумлении уставились на ворота.

И было от чего; во двор вошла женщина. Она была одета в малиновое платье, на шее ее сверкало ожерелье белой эмали, на запястьях звенели стеклянные браслеты — красные, зеленые, бледно-лиловые, а на лодыжках блестело золото. Ее волосы цвета начищенной бронзы вились, словно руно молодого барашка, и доходили ей до пояса. Она была такой же смугло-коричневой и стройной, как все деревенские женщины, но намного красивее их. В ушах ее сверкали серебряные серьги, которые слегка покачивались в такт движениям. Ее нарумяненное лицо напоминало утреннюю зарю, а сильно накрашенные глаза казались черными. Никто не пытался остановить ее, хотя и во дворе, и за стеной не стихали крики.

Женщина взглянула на молодых братьев, разглядывавших ее, не отрываясь, и вступила в неровный круг света костра, покачивая бедрами. Пламя высветило ее фигуру, обрисовав сквозь тонкие одежды грудь — тут было на что посмотреть.

— Я продаюсь, — заявила она. — Кто хочет меня купить?

Ей ответило гробовое молчание, несмотря на то, что пастухи и мужчины, стоящие в воротах, были людьми дикими и необузданными. Кровь прилила к лицам одних братьев, другие, наоборот, побледнели, беспокойно ерзая. Глаза монахов горели огнем, и блики костра здесь были ни при чем.

— Смотрите, — сказала блудница, демонстрируя свое тело. — Мне, как и храму, тоже воздаются почести и дарят богатые подарки. — Она направилась к молодым монахам. Они почувствовали аромат ее платья, непохожий на запахи храма. — Ах, — произнесла она, — какая жалость! Я думала, братья даруют мне благословение. Я думала, что они целители и излечат меня от ран, которые нанесли мне деревенские мужланы, когда я спала с ними. Взгляните, все монахи, несмотря на свою святость, боятся прикасаться ко мне. Одно прикосновение рождает страсть.

Кто-то вскочил на ноги и закричал. Это был Беаш, толстый молодой монах с серьгой в ухе:

— Ты назвала себя продажной — продажная тварь ты и есть.

— Конечно, — улыбнулась женщина. — Я всегда говорю правду.

— Тогда убирайся вон, потаскушка, — торжественно объявил Беаш. Его лицо и губы дрожали; он торопливо хватал ртом воздух и пожирал женщину глазами. Дыхание его стало прерывистым, учащенным. — Ты оскверняешь святой двор.

— Нет, нет, — возразила блудница. — Я пришла сюда, чтобы вылечиться. — Платье медленно соскользнуло с ее плеча, обнажив гладкую кожу и грешную грудь, зрелую пышность которой подпортил синяк — фиолетовое пятно, похожее на следы зубов.

— Посмотрите, как со мной обращаются, — продолжала она. — Сжальтесь! Разве вы не вотрете мне свою целебную мазь, разве не излечите прикосновением святых пальцев?

Глаза Беаша утонули в складках жира.

Блудница засмеялась:

— Ну ладно... Я слышала, среди вас есть кое-кто добрее, чем ты. Все говорят о темноволосом юноше, стройном и прекрасном, словно тень новорожденной луны. Его я и буду умолять. Уж он-то позаботится обо мне.

Блудница давно уже заметила Зайрема, сидящего под деревом, и теперь не спускала с него глаз. Приблизившись к нему, женщина встала рядом, а потом опустилась перед ним на колени и встряхнула прекрасными волосами.

— В самом деле, — промурлыкала она, — говорят, что одно твое прикосновение может излечить несчастного. Давай проверим. — Она взяла руку Зайрема и положила себе на грудь. — Ах, возлюбленный, — выдохнула она, — мужчины приносят мне золото, но я готова сама заплатить, лишь бы лечь с тобой. Одно то, что ты будешь рядом, развеет мои греховные помыслы. Твои глаза безмятежны, словно заводь в сумерках, но сам ты дрожишь. Трепещи же, трепещи, мой возлюбленный!..

Зайрем убрал руку. Что-то ужасное и опустошительное промелькнуло в его глазах — блудница не смогла рассмотреть, что это тоска.

— Ты слишком красива, чтобы так жить, — тихо сказал Зайрем. — Какой бес завлек тебя в эту пучину?

— Бес, зовущийся мужчиной, — ответила она. — Пойдем. Измени меня.

— Ты должна измениться сама. В этом никто тебе не поможет...

— Как будет угодно моему господину. — Блудница наклонилась к Зайрему и прошептала:

— Двести шагов к югу, за деревней, где у старого колодца растут тополя. Там мой дом. Я поставлю лампу на подоконник, и буду ждать тебя. Не приноси мне даров — только свою красоту и тело.

Зайрем не ответил. Блудница поднялась и одернула платье. Встряхнув гривой бронзовых волос, она пересекла двор и, улыбаясь, вышла за ворота. Снаружи опять раздались крики, но постепенно все затихло.

— Это отвратительное пренебрежение к заповедям храма! — закричал Беаш. — Эти люди еще заплатят за то, что позволяют таким женщинам жить в своей деревне.

— Нет, ее дом стоит в двухстах шагах за деревней, — оправдывались пастухи. — К ней ходят только богатые, а как мы можем препятствовать богатым?

— Храм будет бороться с распутством. Дом блудницы надо сжечь, а хозяйку забросать камнями. Она отвратительна.

В черной тени коричневых деревьев все так же негромко пела дудочка Шелла. Она не умолкала на протяжении всего этого спектакля. Ее звуки стали для монахов такими же привычными, как ночной ветер в листве. И вдруг мелодия оборвалась.

— Когда ты пойдешь к ней? — спросил Шелл своего друга. Но, возможно, то был не голос, а шорох ночных листьев.

— Я не пойду, — ответил Зайрем.

Он отдыхал под деревом. В глазах его застыла мука. Рука же, которая касалась распутной груди, безвольно лежала на земле.

— Беяш пойдет, — сказал Шелл.

— Кто-то должен пойти и вытащить несчастную из той ямы, куда она упала.

— Тогда иди и подними ее.

Зайрем повернулся к другу, но Шелл застыл, сжав губы, как высеченное из камня божество, которое ничего не говорит и ни во что не вмешивается.

Пастух принес блюдо с едой. Зайрем, как обычно, ел вяло и без аппетита. Шелл выбирал красные фрукты и хищно вгрызался в их нежную мякоть.

Беяш все еще сыпал проклятиями, но его крики теперь раздавались где-то в стороне. Остальные монахи собрались в часовне, устав от еды, вина и путешествия, мечтающая только об одном — удобно улечься где-нибудь и всласть поболтать о распутной женщине.

Зайрем и Шелл остались одни. Огонь умирал, задыхаясь в сером дыму. Пастухи сочли за благо незаметно исчезнуть. Ночная птица заливалась трелями на крыше часовни. Серп месяца висел над землей, словно обломок кольца.

— Я помню, — заговорил Зайрем, — в детстве мы часто перелезали через стены Храма и убегали в неизведанную ночь. В пустыне ночь такая же, как день, — в ней нет ничего таинственного. А здесь ночью все — и листва, и травы — пропитано тайной.

Юноша поднялся и пошел к воротам. Шелл тоже встал, по-кошачьи потянулся и последовал за другом.

В деревне все спали. Окна были темны, на улицах никого. Жители опасались увидеть лишнее — и юноши, облаченные в желтые одежды храма, незамеченными добрались до старого колодца, где росли тополя.

Когда последние дома остались позади, тропинка свернула к югу. Зайрем остановился и спросил:

— Почему ты ведешь меня туда?

Шелл взглянул на него и, казалось, сказал взглядом: «Никто никого не ведет; ты сам выбрал эту тропу».

— Нет, — возразил Зайрем и, повернув на север, зашагал к холму, возвышавшемуся над деревней, пробираясь сквозь заросли оливковых деревьев.

Шелл не пошел за ним. Неслышно, мягкими рысьими прыжками он понесся по тропинке, ведущей к колодцу. Он шел туда не потому, что желал распутную женщину, а потому, что видел, как Зайрем желал ее. Спящее прежде желание пробудилось в нем.

Шелл сгорал. То мягкое пламя, которое до сих пор питало его, и природы которого он не знал, сейчас вырвалось и жгло его душу. Подобно эшвам, Шелл охотнее прыгал в огонь, чем бежал от него. Он был готов лопнуть от ревности, но корчился, наслаждаясь ее уколами. Любовь, словно лиловая вуаль, затуманила его зор; словно грусть, изменила весь мир. Сначала больные и увечные со своими недугами и слабостями, теперь эта женщина — они могли украсть его возлюбленного. Но женщина казалась более реальной, с ней было легче соперничать. «Тогда иди и посмотри на нее, поверни клинок ревности в своей ране, узнай все до конца», — сказал себе Шелл.

Ее дом рядом с колодцем выглядел добротнее других домов в деревне — каменное строение с дверью из крепкого дерева. Сквозь витую решетку низкого окна пробивался тусклый свет лампы.

Шелл бесшумно выскользнул из тени и припал к окну, глядя сквозь решетку.

Прекрасная блудница сидела за туалетным столиком перед бронзовым зеркалом и гребнем расчесывала бронзовые волосы. Она улыбалась своему отражению, убаюканная лаской гребня и своими мыслями.

Пламя сжигало Шелла. Лампа хорошо освещала женщину, и он ясно различал, как двигаются мускулы ее рук, как блики огня, отражаясь от золотого гребня, играют в ее пышных волосах.

Шелл отступил от окна и обошел вокруг дома — раз, другой, третий — так зверь

бродит вокруг жилища человека — осторожный, любопытный, зачарованный, замышляя что-то коварное, но еще не зная, как это осуществить.

Блудница не видела и не слышала его. Но она почувствовала, что поблизости кто-то есть.

Она подошла к двери и, открыв ее, смело шагнула за порог с лампой в руке.

— Кто там? — спросила она. — Подойди. Я не причиню тебе вреда.

Шелл стал тенью, деревом, невидимкой. Но тут из тени тополей раздался другой голос:

— Это я, — и, трусливо озираясь, к блуднице вышел Беяш.

— А, это ты? — удивилась женщина. — Я ждала другого. Ну, что тебе надо? Хочешь пристыдить меня?

— Я был слишком суров, — начал Беяш, бочком пододвигаясь поближе. — Откуда я знаю, что толкнуло тебя на грешный путь? Может, боги нарочно послали меня сюда, чтобы я смог избавить тебя от греха.

— Так-так, — усмехнулась распутница. — Моя цена высока. Ты знаешь это?

Беяш придвинулся еще ближе. Он был уже совсем рядом с женщиной.

— Покажи, — хрипло прошептал он. — Дай мне увидеть твою грудь еще раз.

— Как, только одну? У меня их две.

— И обе они болят? — прошептал Беяш, облизав трепещущие губы.

— Может быть — смотря что ты мне дашь. Беяш полез за пазуху и достал что-то блестящее — это была серебряная чаша, один из даров храму, а в чаше сверкала пригоршня небольших алмазов — подношение одного из жителей деревни.

— Дань храму, — узнала сокровища блудница. — А если их хватятся?

— Там еще много осталось, — прохрипел Беяш. — К тому же писарь, который хранит список даров, в моих руках. Он согрешил со своей сестрой и теперь в полной моей власти, потому что я знаю об этом.

— Много даров, — задумчиво произнесла прекрасная грешница. — Тогда, пожалуй, завтра ты принесешь мне еще что-нибудь.

— Как пожелаешь, — согласился Беяш. Блудница указала на дверь:

— Входи.

Толстяк вошел, качаясь, будто пьяный.

Когда за ним закрылась дверь, Шелл снова прокрался к окну. Беяш схватил груди женщины. Он, словно обезумев, сжимал и гладил их, как будто решив навсегда оставить их образ в своей памяти. Вскоре женщина оттолкнула его от себя и скинула платье. Блестящими заколками она стянула свои локоны в узел, и теперь обнажилось все ее тело цвета темного меда — тонкая талия и широкие бедра, сильные и упругие, словно лапы львицы. Она достала из сундука хлыст, сплетенный из конского волоса, и, приподняв подол хитона, пощекотала Беяша, а потом вдруг начала хлестать его. Беяш орал, а меж его бедер поднимался оживающий фаллос. Потом женщина усадила монаха на ложе, а сама, встав на колени и раздвинув бедра, опустилась на жреца сверху — и приняла его в свое лоно. Она танцевала на нем, как танцует змея, а Беяш мямлил и тискал ее, извивался, словно навсегда забыл покой. На мгновение лицо его поднялось над плечом женщины — раскаленное, пунцовое лицо, со сверкающими белками закатившихся глаз. Из широко открытого рта по подбородку стекала слюна. Потом из груди монаха вырвался хрип, и он повалился на ложе, словно мертвый. Женщина сразу же встала и скрылась в другой комнате. Послышался звук льющейся в таз воды, Шелл прислонился к стене, дрожа от странного чувства — сладострастия. Наконец-то он подобрал ему имя в себе. Он даже не пошевелился, чтобы отойти от окна. Шелл наблюдал за Беяшем — вот монах зашевелился, сел, вот застегнул хитон. Лицо Беяша из пунцового стало бледным. Наконец он заговорил, обращаясь к женщине:

— Ты никому не расскажешь?

— Я? — удивилась та. — Кому мне рассказывать, кроме монахов твоего храма? Что мне рассказывать, кроме того, что ты приходил, пытаешься избавить меня от греха?

— Ты не должна им ничего говорить, — сказал Беяш.

— Я не скажу, — отвечала женщина, — если ты пойдешь к повозке с драгоценностями и принесешь золото — не меньше, чем весят обе твои пухленькие ручонки.

— Только не золото, — простонал Беяш. — Я не посмею взять золото.

— Посмеешь, — заверила его женщина. — Ты ведь такой храбрый. Ты не побоялся украсть серебро и алмазы. Ты не испугался прийти в дом блудницы и поиграть с ней своим инструментом. Ты принесешь мне золото, бравый святоша.

Беяш вскочил на ноги.

— Ты подлая потаскуха, — заявил он. — Ты сама завлекла меня сюда! Я никогда и не думал приходить к тебе. Ты, колдунья, заколдовала меня, — Если бы я и могла заколдовать кого-то, — ответила блудница, — то не стала бы тратить сил на тебя, боров... Завтра же я иду в храм.

Из окна Шелл видел, как Беяш прокрался к столику, схватил тяжелое бронзовое зеркало и, сжав его в руках, ринулся через комнату и пропал из виду. Послышался глухой звук удара, который невозможно описать или воспроизвести, потом звон металла, затем Шелл слышал стук, словно на землю бросили тук шелка.

Мгновение спустя появился Беяш. Он опять казался возбужденным, хотя лицо его и побледнело. Зеркала в его руках уже не было, но зато он сжимал серебряную чашу и камни, которые подарил блуднице. Снова спрятав их за пазуху, Беяш внимательно огляделся, словно хотел удостовериться, что ничего не забыл. Затем он открыл дверь, крадучись вышел на улицу и так же осторожно прикрыл дверь за собой. И в этот момент он заметил Шелла, притаившегося у окна.

Беяш воззвал к богам. Его колени подкосились, и он рухнул на землю.

— Брат мой, Шелл, ты все видел?.. Она была колдуньей. Боги направляли мою руку. У меня не было выбора. Я стал рукою правосудия. Шелл, не рассказывай ничего. Мы же друзья. Ради нашей дружбы, не рассказывай ничего остальным монахам.

Но Шелл молча смотрел на убийцу, глухой к его мольбам, он казался безжалостным, вселяя ужас в сердце Беяша.

— Где же Зайрем? — рыдал толстый жрец. — Да, он тоже должен быть рядом, раз ты здесь. Не говори Зайрему! Не говори никому!

Отбросив всю осторожность, разбуженный и одновременно опустошенный тем, чему он стал свидетелем, смущенный и встревоженный событиями, происшедшими вовсе не с ним, Шелл неумолимо смотрел на трясущееся тело Беяша. Наконец, толстяк встал и заковылял прочь.

Когда он скрылся из глаз, Шелл вошел в дом — ведь он всегда шел к огню, а не от него. Прежде всего любопытство эшв, а уж потом страх слабого человека.

Он увидел ширму с нарисованным на ней лесом. За ней на ковре были разбросаны булавки для волос. Посреди комнаты лежала женщина — ее волосы разметались по бронзовому зеркалу, которым Беяш сломал ей шею.

Шелл стоял, глядя на мертвое тело. Юноша боялся Смерти. Он мог приласкать живую кобру, но не мог видеть дохлую мышь. Никогда прежде Шелл не видел мертвого человека. Нет, не правда — однажды видел.

Та покойница лежала в черном платье, прямая и холодная, кожа ее отливала небесной лазурью. Ей уже не было дела до ребенка, которого положили в склеп вместе с ней.

Ребенок кричал — он видел Смерть.

Шелл все вспомнил. В глазах его потемнело. Воспоминания наполнили его душу ужасом. Полуослепший, выбежал он из дома и ринулся в ночь, пытаясь затеряться в бесконечности. Он забыл обо всем, кроме Смерти. Шелл летел мимо деревни, вверх по склону холма, словно зверь, спасающийся от огня.

Глава 7

Среди оливковых деревьев блестела темная поверхность пруда, на которой колыхались

осыпавшиеся бело-зеленые цветы. Зайрема, как и многих других, рожденных в пустыне, привлекал блеск воды, поэтому он подошел к пруду и сел на берегу. Глядя на плавающие цветы, юноша вспоминал старые развалины и святых людей, вспоминал заводь, возле которой сидел, борясь с самим собой, стараясь забыть или, наоборот, вспомнить, пытаясь освободиться от оков Тьмы и Света. Еще он думал о женщине, о Владыке Ночи, который перестал быть для него реальностью, превратившись в символ Тьмы, спрятавшейся внутри него.

Внезапно на противоположном берегу под деревьями мелькнула чья-то фигура. Чуть позже она бесшумно появилась совсем рядом — и это было вдвойне поразительно, потому что Зайрем знал, кто это, хотя и не находил в этом человеке ни одной знакомой черты. Шелл остановился рядом с другом, широко раскрыв глаза и глядя на него невидящим взглядом. Зайрем поднялся, накидка соскользнула с его плеч.

— Что случилось? — спросил он. Его захлестнула волна той тревожной беспомощности, какую он испытал, общаясь с больными в деревнях. Шелл всегда был близок ему, но теперь стал еще ближе. — Что случилось, брат мой? — нежно повторил Зайрем.

— Смерть, — ответил Шелл. И это слово, произнесенное вслух, вдребезги разбило что-то внутри него. Он закрыл лицо руками и зарыдал.

Это совсем не было похоже на Шелла. Хоть его аура и менялась постоянно, но всегда олицетворяла нечеловеческую сосредоточенность в себе, и казалось невероятным, что он может рыдать, впадать в отчаяние... что эта аура может измениться.

Зайрем обошел вокруг пруда.

— В конце концов, может, это дело рук демонов, бродящих в ночи, — решил он.

Шелл поднял голову. Он плакал, как плачут эшвы, — всем своим существом. Инстинктивно он чувствовал, что движется к свершению чего-то важного. И он, не вытирал слез, молчал.

— Ты сказал — Смерть, — вновь заговорил Зайрем. — Чья смерть?

— Везде Смерть, — прошептал Шелл. Он подошел к другу и положил голову ему на плечо, уткнувшись в темные выющиеся волосы, напоминавшие Шеллу — как и людям пустыни — волосы демона. Наконец присутствие Зайрема успокоило Шелла. Воспитанник эшв боялся отпустить друга, чувствуя, что Смерть удаляется в водовороте белых крыльев. Потом Шелл обвил руками Зайрема. Соприкосновение их тел, таких похожих между собой, не вызывало ощущения близости.

Зайрем не обнял друга. Они редко касались друг друга. Обычно Шелл использовал ласки, свойственные эшвам, — прикосновения взглядом или дыханием. Для Зайрема же ощущение прикосновения плоти к плоти означало только угрозу, и ничего больше. Только тел больных касался он с большей готовностью — они не соблазняли, так как не были способны на это. С ними Зайрем чувствовал себя в безопасности... И тут Зайрем подумал о блуднице. Тело Шелла показалось ему телом женщины, и стрелы то ли холода, то ли жара пронзили все его существо.

— Хватит, — сказал он, отодвинувшись от Шелла. — Что я, дерево, чтобы вешаться на меня? Ты мне скажешь, кто так напугал тебя?

Шелл заморгал. Взор его стал осмысленным, и даже более того.

— Я скажу тебе... позже, — ответил он и, повернувшись, медленно отошел от Зайрема. — Жди меня, — донесся его голос, и Шелл растворился в ночных тенях. Зайрем остался ждать, готовый пробыть на этом месте целую вечность.

Шелл бежал по лесу. Он подпрыгивал и спотыкался. Смерть и страх отступили на второй план.

Теперь душу Шелла наполнило упоительное безумие жизни и знания. Он знал, что достиг наивысшей точки магии и готов совершить чудо. Теперь ему оставалось только сломя голову мчаться вперед. И он несея среди оливковых деревьев, не разбирая дороги, а воспоминания об эшвах просыпались в нем.

Но вот Шелл прильнул к дереву. Весна была в этом дереве и в сердце прижавшегося к нему существа. Кора намокла от слез, ибо все это время боль терзала сердце Шелла — боль перемен, но вместе с тем предвкушение неведомого ранее наслаждения. Наконец призрачная фигура выскользнула из-за дерева.

Луна уже закатилась, только звезды еще мерцали в розовеющем небе.

Волосы цвета абрикоса, кошачьи глаза Шелла — они остались прежними. Но многое изменилось: исчезла юношеская бородка, превратившись в золотой пушок, лицо стало гладким и нежным. Прозрачные руки скользнули по серебристой коже. Изменилось все тело — оно больше не было мужским. Живот Шелла стал плоским и втянутым, точеная талия плавно устремилась вверх, расцветая прелестными бутонами небольших высоких грудей. Тело девушки и лицо красавицы.

Девушка наклонилась и подняла желтое монашеское одеяние, которое сбросила, еще будучи мужчиной, а потом завернулась в него, словно белый язык пламени в отсветы костра.

Наступила весна, и Симму все вспомнила.

Медленно тянулись часы. Зайрем задремал на берегу пруда. Подул легкий ветерок, осыпая юношу светло-зелеными цветами. Сын пустыни привык спать на открытом воздухе. Среди шатров кочевников, или гуляя с Шеллом, ему редко приходилось спать иначе. И конечно, он давно уже привык к легкой походке Шелла, ведь его друг уходил и возвращался ночью, словно хищный зверь. Поэтому Зайрем и не проснулся, когда пришла Симму.

Зайрема разбудило прикосновение прохладных губ.

Мгновенно остатки сна слетели с него. Юноша приподнялся на локте и замер. Обнаженная девушка лежала рядом, опираясь на локоть, и смотрела на него — девушка, сотканная из шелка, летних трав и гладкой слоновой кости. Но глаза ее и волосы принадлежали другому. Зайрем испугался. Он был очень возбужден — красавица зажгла в нем страсть еще до того, как он проснулся. Его плоть жаждала незнакомки, но разум ее отвергал. Девушка легко и почти невинно дотронулась до груди Зайрема, но от этого прикосновения он вздрогнул, словно его пронзила молния.

— Я — мечта, — сказала девушка нежным и чистым голосом, — твоя мечта. Кем же я еще могу быть? Видишь, я и юноша по имени Шелл, и девушка. Я пришла к тебе, как обычно делают женщины, но я не женщина. Так возьми, Зайрем, то, что твое по праву. Люди не могут распоряжаться своими мечтами. Если ты сделаешь это, даже боги не смогут обвинить тебя — ни один человек не может согрешить с мечтой, в этом нет зла.

Сказав так, Симму легла на спину, прикрыв глаза, и не произнесла больше ни слова, больше ни разу не коснулась тела Зайрема.

Но юноша не мог отвести взгляда от ее тела. Его мучила жажда — и вот вода готова была хлынуть в его ладони. Зеленый цветок пролетел над ними, несомый ветром, и опустился на грудь Симму. Юноша протянул руку, чтобы убрать его, но неожиданно рука его легла на девичью грудь, придавив цветок. Зайрем видел перед собой Шелла в облике девушки, его рука чувствовала биение сердца, нашептывающего имя друга, зовущего его. Теперь Зайрем знал, что это его мечта. И, забыв все советы и предостережения, он припал губами к губам Симму. Тогда, обвив руками его шею, девушка увлекла его на ложе из трав...

Глава 8

В отчаянии и страхе, Беяш, пошатываясь, вернулся по тропинке к деревне. Но, оказавшись на окраине ее, он остановился, решив все хорошенько обдумать. Часовня более не могла служить убежищем Беяшу, совокупившемуся с нечистой женщиной, а потом убившему ее. И что хуже всего — всему этому нашелся свидетель.

Однако, рассудил монах, был всего лишь один свидетель — ненадежный и не внушающий доверия Шелл.

Так легко оказалось убить женщину! У него это получилось почти естественно. Он ударил блудницу, желая свершить правосудие и положить конец ее слабым угрозам. Беяш

никогда раньше не думал, что способен так быстро принять решение и без колебаний осуществить безжалостный поступок. Теперь он раздумывал, как бы ему убить Шелла. В конце концов, Зайрема ведь не было с ним, и, вероятно, его вообще не было поблизости. А Шелл сейчас один бродит где-то в ночи. Да, это выход, и без сомнения боги подсказали его Беяшу. Найти и убить Шелла — этого хрупкого слабого мальчишку, эту надоедливую язву. А потом спрятать труп. Завтра, когда узнают, что Шелл исчез, а блудница мертва, все поймут, что Шелл согрешил с этой сукой, а потом убил ее и сбежал.

Беяш вернулся к дому блудницы, тщетно пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след Шелла. Вдруг на влажной земле позади колодца он наткнулся на отпечаток босой ноги. Шелл не мог вернуться в деревню, иначе ему пришлось бы пройти мимо Беяша. Значит, он бежал к холмам, в оливковые заросли. Беяш пошел по следу, стараясь ступать как можно тише.

Мерцающее отражение звезд на поверхности пруда привлекло его внимание. Он увидел больше, чем просто пруд. Он смотрел издали, и расстояние многое скрывало от него. Сменить же укрытие было невозможно. Беяш припал к земле, понимая, что шпионит за Зайремом и Шеллом. Он предполагал, что Шелл теперь один, но сейчас молодой монах уже не казался убийце такой легкой добычей, хотя по-прежнему казался очень уязвим. Всего несколько секунд понадобилось Беяшу, чтобы придумать новый план, который понравился ему даже больше, — он казался более коварным.

Беяш поспешил назад, в спящую деревню, к повозке, где храпел болван писарь, согрешивший со своей сестрой.

Зайрем проснулся с чувством утешения и облегчения. Бледное солнце нового дня зеленоватым золотым цветом сверкало сквозь листву оливковых деревьев. Мир благоухал. Очнувшись, юноша вспомнил сон. Он сел, выпрямившись, с широко раскрытыми глазами. Его вдруг переполнило отвращение. Но ведь это был просто сон — многие невероятные детали его, казавшиеся такими реальными, убедили Зайрема в этом. Рядом никого не было. Утро казалось прекрасным — свежее и чистое. Юноша подумал, что если этой ночью он и нарушил бы свои клятвы, то теперь узрел бы знак своего позора — в безмолвном пейзаже или в затхлом воздухе.

Немного успокоившись, Зайрем направился к часовне. Он так и не нашел Шелла и надеялся, что не встретит его: ведь Шелл был главным персонажем его сна, и Зайрем не знал, сможет ли он теперь честно посмотреть другу в глаза. Стыд, который отшельники насадили в нем, дал всходы и расцвел буйным цветом.

Молодой монах подошел к деревне и понял, что не ушел от своего позора.

На улице, у ворот часовни, толпились молодые монахи и слуги, приехавшие с ними. Их окружили жители деревни. На их лицах любопытство смешалось со страхом и нетерпением, словно они ждали чего-то необыкновенного. Перед толпой, на тропинке, стоял писарь, у которого хранился список всех подношений, дарованных храму. Писарь заламывал руки и тряс в воздухе кулаками. В глазах его было отчаяние. Беяш, стоя неподалеку, разговаривал с братьями, но, увидев приближающегося Зайрема, замолчал. Лицо Беяша, как и лица сельчан, выражало нетерпение и испуг.

Первым заговорил рыжеволосый монах. Он был на год старше остальных и поэтому считал, что несет ответственность за всех остальных ему охотно и льстиво вторил Беяш.

— Зайрем, — окликнул юношу рыжеволосый, — здесь творится что-то странное. Из повозки с дарами украли одну вещь.

Зайрем остановился. Он застыл посреди улицы, с недоумением уставившись на своих товарищей.

— Всем хорошо известно, — продолжал старший брат, — что даже разбойники в этих набожных землях почитают богов и не смеют красть у храма. Как ты думаешь, кто мог совершить это богохульство?

Зайрем не проронил ни слова. Теперь он вдруг почувствовал камень на своей шее, веревки, связывающие его руки, и запах львов ударил ему в ноздри.

— Он не ответит, — сказал Беяш.

— Тогда пусть говорит писарь, — провозгласил рыжий брат.

Писарь уронил голову на грудь.

— Не трясись, — подбодрил его Беяш. — Твой долг быть искренним и духовно преданным своей семье, отцу и благочестивой сестре. Скажи им все, что знаешь.

— Я... — начал писарь. Потом он с мольбой оглядел окружающих, стараясь не замечать Зайрема, закрыл глаза и выпалил:

— Я проснулся и наблюдал за входом в повозку, на которую складывали подношения. Человек схватки серебряную чашу — одно из подношений, и убежал. Я решил проследить за ним — но боялся выдать себя и поэтому не догнал. Этот человек — без сомнения, один из наших братьев — вышел из деревни и направился на запад, по тропинке к старому колодцу. Там есть дом. Я слышал, в нем живет распутная женщина. Около дома его встретил другой мужчина. Эти двое обнимались и целовали друг друга в губы. Целовались они долго. Вдруг свет из окна упал на них, и я увидел, что у одного волосы желтые, как у лисы, а у другого темные. Потом черноволосый постучал в окно и распутная женщина, открыв дверь,пустила их.

— Успокойся, — пробормотал Беяш, похлопав писца по плечу. — Я доскажу остальное. Этот бедняга прибежал ко мне и рассказал все, что видел. И хотя я знаю этого человека как добродетельного и набожного, я усомнился в том, что услышал, — скажите, разве я не прав? В панике, не разбудив никого — слишком велико оказалось мое смятение, — я попросил писаря проводить меня к дому грешницы. Приблизившись, мы оба — писарь и я — увидели двух юношей, которые вышли из дома и, смеясь, направились к холму среди оливковых зарослей. К своему ужасу и горю, я узнал обоих. Мы пошли за ними — писарь и я. И мы увидели — сжальтесь над нами, могущественные боги! — что эти двое, не насытившись женщиной, возлегли друг с другом и свершили мерзостный акт.

Сухой шелест прокатился среди односельчан.

— Ты уверен в этом? — сурово осведомился рыжий монах, находчивый, словно какой-нибудь балаганщик.

— Увы, — горестно вздохнул Беяш, пряча глаза. — Они оба вздымались и опадали, словно волна, набегающая на берег, пока не замерли в экстазе и не упали без движения.

— Их имена? — вскричал рыжий.

— Зайрем и Шелл.

Внимательные монахи и жители деревни заметили, что Зайрем, с безразличием внимавший рассказу убийцы, вдруг побелел, как кость.

— Что ты скажешь на это? — закричал рыжий монах.

— Ничего, — ответил Зайрем. Но его едва различимые юношеские морщинки вдруг стали глубже, лицо словно раскололось на куски.

— Где твой приятель Шелл?

Но Зайрем сказал все, что хотел, и замолчал.

— Наверное, нам надо послать за блудницей и спросить у нее, что она знает.

Сразу же группа сельчан сорвалась с места. Добравшись до дома распутницы, они стали колотить в дверь дома и, не получив ответа, вошли без спроса. Женщина была мертва. Несмотря на грубое отношение к ней, многие считали, что она весьма привлекательна и даже полезна. Ее смерть совсем не обрадовала сельчан. Они ничего плохого не видели в том, чтобы накопить денег, а потом потратить их на хорошенькую блудницу — ведь та не разрешала даже прикоснуться к ее груди, пока ей не принесут три куска серебра. А эти монахи, давшие обет безбрачия, украли подношения богам, да еще и убили женщину. В сердцах мужчин вспыхнули гнев и ревность. Они поверили в то, что убийство совершили Зайрем и Шелл.

А Зайрем молчал. Ни Шелл, ни серебряная чаша с алмазами не объявились. Теперь ни монахи, ни селяне не сомневались истинности рассказанного. И даже те, чьих детей вылечил молодой целитель, подходили и плевали в него. И старуха сказала, что боль в спине снова

вернулась, и прокляла Зайрема.

А где же был Шелл?

Симму, девушка, в эту ночь ставшая женщиной, проснулась за час до рассвета. Она приподнялась и, любуясь по-детски невинным прекрасным лицом своего возлюбленного, нежно коснулась кончиком языка его век, длинных и темных, словно нарисованных, ресниц, скрывавшихся в тени. Чем больше она смотрела, тем больше ее переполняли радость и восторг, теперь ей уже никто не был нужен, чтобы разделить ее чувства. Она ушла в гущу деревьев, чтобы в одиночестве упиваться своей радостью.

У Симму не осталось никаких мыслей — ни магических, ни женских, ни воспитанных в детстве демонами — ни единой логической мысли или представления об окружающем мире. Прежде Симму была юношей, молодым монахом. Но это осталось в прошлом. Она освободилась от этого. Позже, когда Симму полностью осознает случившееся, она вернется к Зайрему, и он пойдет с ней, или она с ним, — туда, куда приятно идти вдвоем. Инстинктивно, вспомнив свое прошлое, вспомнив, что воспитывали ее эшвы — вечные скитальцы, Симму представила свою жизнь чередой бесконечных странствий...

За оливковыми деревьями тропинка сбегала вниз по склону к темному лесу, где росли более высокие деревья, где в траве мерцали бледные цветы. Такие места любили эшвы. Симму встретила восход солнца, лежа в черно-зеленой листве на ветке дерева. Она взобралась туда с грациозностью кошки. Рассвет напомнил ей детство, когда она вот так же лежала, спрятанная высоко в ветвях. Откинувшись на спину, она думала только о Зайреме. Симму еще не готова была вернуться к нему и предпочитала дразнить себя его отсутствием. Так, замечтавшись, она и не заметила, как чары сна эшв, сберегавшие ребенка, овладели ею. Она не хотела спать, но, тем не менее, уснула. В то время как Зайрем проснулся и, пытаясь избавиться от дурных предчувствий, направился к деревне, прямо в западню, Симму лежала в ветвях дерева, нежась в грезах любви.

Ее пробудили невнятные крики.

Симму отреагировала на окружающий шум, как это сделал бы зверь. Она замерла, безмолвная и неподвижная, став частью дерева, но той его частью, что наблюдает и слушает.

Несколько нечесаных мужчин из деревни, ругаясь, протопали под деревом. Двое из них остановились прямо под ветвью, на которой лежала Симму.

— Думаю, все бесполезно, — сказал один. — Этот негодяй уже скрылся. Говорят, он очень странный. Не удивлюсь, если теперь на нас падет небесная кара — голод или чума.

— Попридержи-ка язык, — отозвался другой. — Хватит нам уже неприятностей. В любом случае темноволосый убийца в надежных руках. Он уже на пути к храму — говорят, он очень кроток. Но позабавиться с блудницей, а потом убить ее... Ее убили, чтобы она молчала. Пусть она и была грешницей, зато дело свое знала отлично. В какой еще деревне была такая продажная девка? Богатеи за семь миль ехали, чтобы повеселиться с ней. А что теперь? Двое безумных монахов свернули ей шею, желтоволосый смылся, а на другого, черного, как демон, храм наложит епитимью — три дня в неделю он будет есть только пресный хлеб или что-нибудь в этом роде.

— Нет, нет, — прервал его первый с мрачным удовольствием. — За то, что он совокупился со своим братом, его накажут плетью. И еще я слышал, как один из служителей храма сказал, что за убийство негодяя засекут до смерти.

— Дали бы мне эту плеть, — прогудел второй. И, воспрянув духом, они отправились дальше в лес в поисках Шелла.

Неописуемая волна растерянности и злости захлестнула Симму. Целую минуту она не могла прийти в себя, будто не жила среди демонов и ничему у них не научилась. Все же ей удалось быстро взять себя в руки, заполнив разум паутиной образов. Почти сразу же хаос сменился желанием действовать, глаза замерцали зеленым холодом, от которого пробирал озноб. Девушка подумала о тех, кто собирался причинить вред Зайрему.

О том, что все происшедшее — работа Беяша, она знала совершенно точно, словно прочла его мысли. Девушка вспомнила, что негодяй упоминал писаря, который боялся

его, — все тут же сложилось в единую схему. Логика верно служила Симму, когда того требовали обстоятельства. Что же касается мертвой женщины, Симму ни о чем не жалела. Подобно эшвам она думала лишь о том, что ей нравилось.

Симму соскользнула с дерева и заросшей тропой выбралась из леса, миновав оливковую рощу. На южном пологом склоне холма паслись овцы. Она еще раньше заметила их следы, ведущие сюда. Приблизившись к стаду, Симму прошептала что-то животным, прошла среди них, тихо и незаметно, как летний ветерок. Посреди стада на камне сидела девочка лет пятнадцати — она присматривала за овцами. Симму осторожно подкралась к ней сзади и, не дав девочке опомниться, легонько сжала пальцами ее лоб, вложив в прикосновение чары эшв. Голова девочки поникла. Она лишь глупо улыбнулась и даже не пыталась возражать, когда Симму забрала ее домотканое платье и платок, которым та повязывала волосы.

Вскоре на западной дороге, ведущей к храму, появилась босоногая деревенская девушка. Волосы ее были прикрыты лоскутным платком, она шла, опустив голову. Через час она вышла на луг, где паслись кони. Встав у изгороди, она тихонько свистнула. К ней подбежал молодой жеребец. Симму беззвучно попросила:

— Унеси меня, брат, унеси скорей. Жеребец обнюхал Симму и перескочил через изгородь.

Что-то пронеслось через деревни и фермы, скрытое облаком белой пыли. Люди провожали глазами это облако и спрашивали друг у друга:

— Кто это скачет так быстро?

Небо и солнце утонули в пыли. Все цвета слились в бесконечную радугу. Все внимание Симму сосредоточилось на одной-единственной цели.

Девушка не могла догнать монахов. Она бросилась в погоню слишком поздно. Но конь нес ее вперед, подгоняемый тихим монотонным напевом.

Когда стемнело, девушка увидела впереди земли храма, деревни — россыпи огоньков далеких окон — и сам храм — дворец света и ночи. Тогда Симму отпустила жеребца: он был весь в мыле и очень устал. Потряхивая гривой и негромко фыркая, конь повернул назад и растаял в сгустившейся тьме цвета индиго.

Симму побежала быстро, как леопард.

Теперь огней горело больше, чем обычно, — вдоль дороги, среди деревьев. Люди собирались, чтобы решить судьбу нечестивца Зайрема. Симму узнала все, что хотела, ловя обрывки фраз у дверей винных лавок и среди полей, ошестинившихся копьями колосьев. Даже влюбленные, скрывая свои грехи, отдыхая, говорили о богохульстве молодого монаха. Сам Настоятель судил Зайрема и признал его вину. Ему даже стало плохо, когда он впервые услышал целиком всю историю. Юноша не оправдывался и не просил о снисхождении. Придя в себя, Настоятель объявил, что завтра на рассвете Зайрем умрет под плетью.

Симму подобралась как можно ближе к храму туда, где она могла безбоязненно появиться в облике женщины, — в Святилище Дев, расположенном неподалеку. Женщины и девушки прогуливались по лужайке перед Святилищем, обсуждая новости и громко ахая. Их жизнь проходила без любви, и любая весть о падении мужчины приносила радость, но они никогда не задумывались почему.

Симму встала под деревом, укрывшись от их взоров. Неожиданно с дерева прямо ей в руки спорхнула птичка.

— Взгляни на Зайрема моими глазами. Лети над стеной, найди двор, запомни слова тех, кто там... Найди Зайрема. Вернись ко мне и расскажи все, что увидишь.

Птичка растворилась во тьме.

Симму села под деревом, укутавшись черной тенью. Звезды роняли слезы между ветвями дерева.

Одна из них скатилась к ногам девушки — это вернулась птичка.

Девушка заглянула в глаза птички, словно в открытую книгу — мозаику, составленную из осколков увиденного в храме.

— Вот толстый увалень, дай-ка я замараю его накидку... Ага, вот еще один, и его пометим... Холоден камень под моими ногами, отдавший последнее тепло солнца. Слушай! Червяк шевелится в земле... Схватить его клювом! Ах, нет, уполз... Ой! Птица в воздухе, нарисована прямо на стекле — это же я! Ага, вот и двор, где растет кривое дерево, там в каменной клетке кто-то сидит... Лампа не горит, мотыльки не выются, склевать нечего. Он сидит, обхватив голову руками. Это тот самый... Когда он умрет, я позову своих кузин. Мы вырвем его волосы и сошьем в них гнезда. А моему дорогому родственничку, ворону, понравятся его глаза, похожие на два драгоценных камня... Да, но сейчас он на севере, пирует на похоронах какого-то короля.

— Стоп, — приказала птичке Симму. — Зайрем связан? Кто охраняет его?

«Никаких оков, дверь заперта, решетки на окнах. Снаружи трое. У них лампа, но ее запах отпугивает всех насекомых. Они трясут гремящими белыми шестигранными улитками. Я видела однажды такую в траве. Хотела склевать ее, но она оказалась твердая... Думаю, что сама выключу ему глаза. Почему воронам всегда должно доставаться самое лучшее? «

Симму разозлилась, и птица, почувствовав это, забилась в страхе, закричала.

Женщины у Святилища услышали птичку. Они засуетились.

— Если воробей кричит ночью — это знамение...

Симму они не видели, лишь белое мерцание, проскользнувшее сквозь рощу. Девушка вновь была нагой, как в прежние дни, проведенные с демонами, только повязка скрывала ее волосы.

Несколько часов ждала Симму у стены храма. Ночь казалась бесконечной, черной перчаткой сжимала она землю, оставляя взамен лиловое дыхание тайны. Один раз мимо Симму прошел один из послушников. Встав у куста, он, смущаясь, справил нужду и скороговоркой пробормотал молитву, прося у богов прощения. Симму возненавидела его, и ее ненависть вонзилась меж лопаток монаху, словно клинок. Жертва бросилась прочь, не понимая, что случилось, почему бежит.

Когда ночь полностью вступила в свои владения, Симму слилась с ней. Она снова стала почти мужчиной. Цепляясь руками и ногами за стену, она полезла через нее, как часто делала, будучи мальчиком.

«Тебя заточили в храме, любимый? Разве им удавалось когда-нибудь удержать нас?»

Глава 9

Симму не знала, что Зайрема нельзя убить, что он неуязвим. Тот и сам не знал этого. Львы, сломанное копьё — все это казалось полузабытым сном, хотя и остался связанный с ними ужас. Теперь Зайрем в одиночестве сидел в темном каменном чулане, смирившись с тем, что завтра на рассвете умрет. Он думал об этом с какой-то ненавистью. Зайрем снова превратился в молчаливого ребенка, неспособного опровергнуть несправедливое обвинение в ужасном, непостижимом преступлении. А все дело в том, что он чувствовал себя по-настоящему виноватым.

Во дворе, где росло кривое мертвое дерево (это был Двор Грешников, и сюда редко кто заходил из монахов), два послушника, поставленные охранять Зайрема, играли в кости. Монах средних лет наблюдал за ними. Играть разрешалось, поскольку играли мальчики не на деньги, а на засахаренные фрукты. Но сегодня монах казался слишком встревожен, чтобы внимательно следить за игрой. Грех, совершенный Зайремом, поверг его в мучительные раздумья. Немолодой монах попытался вызвать в сердце Зайрема слезы сожаления, хоть какой-то признак того, что тот мучается, — чтобы боги получили с кровью и раскаяние Зайрема. Но сердце юноши молчало.

Утром этот монах собирался сказать палачу: «Бей без пощады. Бей так, чтобы его проняло до глубины души. Чем мучительней будет агония, тем скорее боги даруют ему прощение». В храме были три плети: одна окована железом, другая — бронзой, а третья — полностью металлическая. Обычно, прежде чем пустить в дело, ее раскаляли докрасна на

жаровне.

Послушники играли в кости. Сидевший за столом слева прошептал:

— Ставлю засахаренную айву, что Зайрем будет кричать. Шесть против одного, что он закричит после первого же удара плети. У него нет жира, чтобы смягчить удары.

— А я говорю, что закричит он только на десятом ударе, а сознание потеряет на пятнадцатом.

Бросили кости. Выпала полустертая четверка.

— Значит, на четвертом ударе.

— Или вообще не закричит.

Монах встревоженно окинул взглядом стену. На мгновение ему показалось, что наверху мелькнула какая-то тень — светло-серый кот с горящими глазами. Но больше он ничего не разглядел.

— Скажи-ка мне, чем это ты обмотал мои ноги? — ворчливо поинтересовался страж, сидящий слева, — То же самое я хотел спросить у тебя. Оба заглянули под стол. В неясном свете тусклой лампы они разглядели веревку, связывающую их и блестящую, словно змеиная чешуя. С губ их уже готов был сорваться визгливый крик, ведь это настоящая змея обвила их своими кольцами, но слова застряли у них в горле, когда перед собой на столе они увидели раскачивающуюся кобру.

— Не двигайтесь, — хрипло прошептал монах, чьи ноги тоже оказались связанными. — Это второй выродок, Шелл, наслал на нас змей.

Трое монахов, обливаясь потом, наконец увидели Шелла, который легким шагом пересек двор. Волосы его были повязаны лоскутом материи. Он бросил на тюремщиков Зайрема только один взгляд, полный неприязни и отвращения.

Шелл скользнул мимо стола, и три пары настороженных ушей уловили странное шипение. Оцепенение, охватившее благочестивых людей, походило на мутную пелену — на кошмар, наполненный отвратительными видениями.

Стражи Зайрема лежали на земле — немощные, стонущие, и тела их дергались, словно в судорогах. Симму легко и нежно — как это делали эшвы — прикоснулась к замку на двери каменной темницы, и дверь, словно заговоренная, открылась.

Зайрем не обернулся. Он вообще не сделал ни единого движения. Симму подошла к нему и запустила руку в черную гриву волос, сжала их — жестко и больно — и запрокинула голову юноши так, чтобы их глаза встретились. Зайрема уже держали однажды вот так, за волосы, когда он болтался в воздухе внутри огненного колодца.

Юный монах изменился. Никакой мягкости, никакой радости. Лицо его выражало лишь ненависть и муку. Глаза мрачно сверкали. Он вскочил на ноги и сжал руку Симму, словно железными тисками. Когда, наконец, он обрел дар речи, то в его словах не было ни признательности, ни любви.

— Ты разрушил мою жизнь, ты убил во мне то хорошее, что было или могло быть. Ты омерзителен и отвратителен. Ты толкнул меня в грязь. Нет, я не огорчаюсь, что ты бросил меня после того, что произошло. Я не скорблю ни о лжи, ни о смерти. Но ты, проклятая ползучая тварь... Не знаю, как сумел ты обмануть меня, но знаю лишь одно — никогда тебе не быть рядом со мной!

Сказав так, Зайрем опять опустился на пол и уронил голову на грудь. Потом глухим голосом добавил:

— Но не только ты... Здесь есть и моя вина. Оставь меня, позволь мне быть самим собой. Старые люди говорили, что я должен принадлежать демону, Владыке Ночи.

— Что же, тогда будь счастлив, — произнесла Симму, найденыш эшв, и звук ее голоса разрезал воздух, как сверкающий нож. — Демоны и люди — как море и песок. А тот, кого вы зовете Князем демонов, — закваска в тесте, из которого испечен хлеб этого мира.

Зайрем окаменел, услышав это. Новая мука сменила старую боль.

— Значит, и в самом деле демоны существуют?

— Конечно...

— И это тебя я считал своим другом — тебя, посланника демонов! Чему тут удивляться! Это ты завлек меня в пучину ночи!

Симму потеряла дар речи. Вместо языка заговорили ее глаза — слезы брызнули из них, но лицо оставалось холодным и презрительным. Симму вышла и растворилась в тени за темницей. А Зайрем сидел и смотрел на распахнутую дверь и на трех монахов, лежащих в забытии во дворе. А потом вдруг он почувствовал, что должен идти.

Симму не было видно. Зайрем в одиночестве вскарабкался на стену. Он упал в глубокую тень у подножия стены — ведь он очень ослаб после всех этих переживаний.

— Не пришел еще мой час умирать, — сказал он сам себе. — Я все еще не исполнил своего предназначения. Может быть, как мне и предрекали, я смогу стать слугой демонов? Тогда я отыщу Владыку Ночи, если он и в самом деле существует. Пусть он заберет меня к себе — мне не остается ничего другого!

Зайрем уходил все дальше от храма, держась в тени, хотя и не скрываясь. Он шел всеми брошенный и несчастный, шел без всякой цели, куда глаза глядят.

А Симму находилась неподалеку. Она осталась, чтобы забрать то, что принадлежало ему, или послать кого-то, кто заберет это.

Желто-зеленая гемма эшв, камень с рунами, означающими имя Симму на языке демонов, лежал в одном из сундуков сокровищницы храма вместе с другими драгоценностями — золотом, серебром, различными самоцветами. Симму знала, где лежит зеленый камень, ибо в детстве жрецы, показывая ему драгоценность, говорили; «Вот этот жалкий, но приятный для глаз камешек — благодарность богам за то, что ты среди нас».

Все сундуки в сокровищнице были открыты, чтобы каждый входящий мог усладить свой взор созерцанием богатств храма. Поэтому крыса с розовыми глазами, заглянувшая в сокровищницу, тоже сразу увидела их. Она юркнула в окно, спустилась по занавесям, забралась в сундук. Отыскав камень эшв, она схватила его и отнесла владельцу.

Симму повесила камень на серебряной цепочке дринов себе на шею. Обнаженная, лишь с повязкой на голове и геммой на шее, она поспешила за Зайремом. Колдовская путеводная нить и любовь вели ее.

Шагая все дальше и дальше, девушка вспоминала, как в детстве странствовала по земле. Вскоре она подошла к хижине пастуха. На кустах возле дома сохли одежды, и Симму выбрала кое-что для себя.

Зайрем спешил на юг. Он шел без цели, без определенного плана. Откуда-то у него появилась мысль, что ему нужно добраться до дальних южных пустынь. Он выбрал дорогу наугад и теперь шел, слепой и глухой, почти онемевший, не подозревая, что Симму следует за ним. А если бы он знал об этом, то повернулся и проклял бы ее или его.

Когда на востоке встало солнце, много миль оказалось между Зайремом и храмом. Достаточно много, чтобы люди, встречавшие его, не слышали о бегстве монаха из заточения, хотя уже слышали о его преступлениях и узнавали его по темным волосам.

— Вот тот монах, который забавляется с блудницами, а потом убивает их!

— Ну, что я говорил? Монахи не стали его наказывать, они выгнали его.

— Ага, вот и работай на них!

Но, хотя селяне и называли Зайрема изгоем, он все еще оставался монахом и носил поношенные одежды храма. У земледельцев не хватало смелости убить его, а камни, которые они швыряли, лишь вскользь задевали беглеца, как будто боги защищали монаха. Он не чувствовал боли, и люди удивлялись этому.

Следом за одиноким монахом по дорогам брела девушка. Все видели, как вздымается девичья грудь под убогими одеждами.

Симму, ловко притворяясь невинной нищенкой, обманывала людей, читая книгу путешествия Зайрема по его следам. Смятые цветы означали, что ноги Зайрема топтали их. Пыль хранила его запах, деревья, в которых отразилась его тень, многое могли рассказать Симму.

В полдень черная птица, сидевшая на камне, на безмолвный вопрос Симму: «Не

проходил ли здесь Зайрем?» — хрипло человеческим голосом прокричала: «Не проходил ли здесь Зайрем?» Симму, поколебавшись, позвал птицу, подержал ее возле своих губ, что-то нашептывая, а потом пошел дальше.

Из всех прочих демонов эшвы были менее всего склонны к мстительности. Их жестокость рождалась и умирала мгновенно, все прошлое забывалось. Но Симму был и женщиной, и мужчиной одновременно, и он не забыл Беяша.

Глава 10

Наутро в храме узнали, что их посетил чародей. Поднялся шум, монахи потребовали жертвы и молитвы. Во всех направлениях разослали группы мужчин, вооруженных ножами и отмеченных знаком храма, чтобы те поймали и привели Зайрема обратно. Но эти люди боялись даже близко подходить к тем местам, где мог оказаться Зайрем, ведь он, без сомнения, был чародеем и заключил союз с дьяволом... Его так и не выследили. В конце концов, храм, устроив пышную церемонию, с согласия богов, предал обоих отступников вечной анафеме. Потихоньку все успокоились, стараясь забыть свою неудачу и страх перед убийцей.

А новые неприятности начались месяцем позже. Беяш проснулся на заре, потому что какой-то хриплый и нечеловеческий голос за окном кричал:

— Беяш убил блудницу! Беяш, и никто другой. Монах, совершивший преступление, спал один в своей келье, как и все остальные монахи, и никого не было рядом. Когда же он проснулся и в ужасе огляделся, то заметил большую черную птицу, скачущую по подоконнику. Птица снова закричала:

— Беяш убил блудницу! Беяш, и никто другой.

Беяш решил, что все монахи в храме услышали этот крик, хотя на самом деле, кроме него, его никто не слышал. Несчастный зарылся в подушки и стал ждать, когда за ним придут. Но никто так не явился. Тогда монах осторожно выглянул из-под одеяла. Ужасная птица исчезла.

«Плохой сон, — решил Беяш. — Я совершил мерзкое деяние и поэтому должен задобрить всевидящих богов. Я должен их убедить, что поступил верно».

Беяш встал непривычно рано для себя и, отказавшись от завтрака, возложил пищу на алтарь одного из богов. Он помолился и облобызал ноги вырезанных из слоновой кости изваяний. Но когда Беяш поднял взгляд, то снова увидел черную птицу — и это уже не было сном, — взгромоздившуюся на голову серебряного пророка. Птица опять заорала:

— Беяш убил блудницу! Беяш, и никто другой. Убийца рухнул на пол, а потом бросился вон из храма. Но, выбегая, он столкнулся со своими приятелями-монахами. Они решили расспросить приятеля, в чем дело. Пока Беяш бормотал что-то невнятное, птица вдруг подлетела и уселась ему на плечо. Несчастный побелел, как мел, и в отчаянии ждал, когда она заговорит. Но на этот раз птица почему-то молчала, только искоса поглядывала на убийцу одним глазом. Монах попытался согнать птицу, но та не улетала. Она вцепилась в его плечо, как будто Беяш был для нее самым любимым существом на свете.

— Беяш завел себе птичку, — засмеялись монахи. Птица так и не улетала. Весь день она сидела на плече Беяша. Во время трапезы она клевала с его тарелки и пила из его чашки.

— Смотрите, эта птица просто обожает Беяша, — умилялись остальные монахи.

На ночь она устроилась в его келье, усевшись на подушку, — монах так и не смог ее прогнать. Несчастный лежал, словно окаменев, стараясь не заснуть, опасаясь ее когтей и клюва. Когда, наконец, измучившись, он задремал, птица заорала ему прямо в ухо:

— Беяш убил блудницу! Беяш, и никто другой.

Но при людях она всегда молчала.

«Может, она и дальше будет молчать», — подумал Беяш.

Но глаза птицы, похожие на бусины, пугали его. «Может, — говорили эти глаза, — в один прекрасный день я не стану молчать». Беяш перестал есть. Он похудел. Кожа болталась

на нем вторым желтым хитомом. Монах стремился к уединению, а когда он вынужден был находиться в обществе, пот градом струился по его лицу.

— Послушай, Беяш, сын мой, — мягко упрекнул его Настоятель, — не подобает тебе таскать эту птицу перед ликами святых. Ты должен положить конец своим дурачествам.

— Я не могу, отец мой, — пробормотал Беяш. За эту дерзость Настоятель лишил его яшмовой серги.

Десять раз солнце садилось и вставало, а птица по-прежнему сидела на плече Беяша. Когда же ему удавалось согнать ее, она тут же возвращалась, и клюв ее довольно чувствительно напоминал о себе.

На одиннадцатое утро Беяш, совершенно одуревший от страха и ослабевший от бессонницы, вбежал во Двор Саламандры, посреди которого находился обширный подводный сад. Беяш схватил большой каменный кувшин, стоявший на верхней ступени, и ударил им птицу, сидевшую на плече, но та моментально взлетела вверх. Тогда монахи швырнул кувшин ей вслед, но птица увернулась, и кувшин рухнул на голову Беяша. Несчастный скатился по ступенькам и сломал себе шею.

Глава 11

Несчастный Зайрем шел на юг, пока путь ему не преградила широкая зеленая река. Люди здесь не жили, и поэтому тут не было ни моста, ни переправы. Юноша счел это дурным знаком и повернул на запад по берегу реки. Зайрем скитался уже два месяца. Он не смотрел по сторонам. Люди перестали кидать в него камни. Но едва ли Зайрем замечал, что ни один из них так и не задел его, — может, это и не стоило его внимания. Там, где люди уже не знали о беглеце, его узнавали по одежде. Другие, решив, что Зайрем — странствующий монах, давали ему кров и пищу. Беглец принимал все с вежливым безразличием. Мир казался ему затянутым туманом, и он брел сквозь этот туман, надеясь отыскать черную тень, которая заберет его, тень ночи, называемую Азрарном. Зайрем искал его, хотя так до конца и не верил в его существование. Но, даже сомневаясь, он ждал встречи с ним, и кровь стыла в жилах от предвкушения этой встречи.

Река мелела. Поднимаясь к ее истокам, Зайрем видел, что водный поток становился все уже и теперь извивался ручейком между каменистыми предгорьями. Юноша карабкался все выше, и вскоре воздух стал чистым и прозрачным, как кристалл. Желтые орлы парили в небе над его головой, земля, раскинувшаяся перед ним, казалась желтой, и только река оставалась зеленой.

В этот день Зайрем миновал четыре деревни. Люди, завидев его, тыкали в него пальцами. Любое событие в этих краях становилось сенсацией. А через час после того, как юноша исчезал из виду, жители вновь выстраивались вдоль дороги, глаза на девушку с абрикосовыми волосами, которая шла, ступая по следам, оставленным в пыли первым путешественником.

На закате, когда Зайрем вошел в четвертую деревню, из дверей грязной хижины к нему выбежала женщина.

— Не ходи дальше, путник. Там дикие и таинственные места. Никто не отваживается идти туда после захода солнца.

Зайрем остановился, разглядывая незнакомку. Казалось, внутри него что-то дрогнуло.

Женщина, тронутая его взглядом и красотой, пригласила странника в жилище своего отца — поужинать и переночевать. Словно слепой, Зайрем позволил отвести себя в дом.

Здесь жили в скромном достатке. Запеченная рыба из зеленой реки, черные фрукты... Старик любил поболтать, а женщина пристально смотрела на Зайрема — ей не хватало мужчины. Они оба тепло приняли его — и у каждого оказались на то свои причины.

Беглец едва притронулся к еде, слушая болтовню старика.

Вскоре он спросил, почему люди боятся земли на западе.

— Зловещие слухи ходят о ней, — протяжно произнес старик. — Говорят, там бродят

отвратительные твари. Звери и нелюди. Еще когда был жив отец моего отца, в тех краях заблудился ребенок.

Трое мужчин отправились на его поиски. Ночь пришла и ушла, и только один из ушедших на поиски вернулся, но и он до конца дней своих оставался идиотом.

— Там полно ловушек и трясин, — добавила женщина. — Там есть соленое озеро. Рогатые кони приходят танцевать на его берегу. Но оно далеко, до него много миль пути.

Кроме того, там стоит стена, и никто не может перебраться через нее, кроме демонов.

— Демонов... — повторил Зайрем, но так тихо, что только женщина, прислушивавшаяся к каждому его слову, услышала это.

Когда юноша собрался уходить, женщина постаралась удержать его. Встав в дверях, она стала сулить ему вечную любовь, но он отстранил несчастную и ушел, растворившись в ночи. Когда женщина зарыдала у дверей, мимо проскользнул еще один путник — тот, кто сидел все это время на улице, глядя в освещенное окно. Симму вот уже два месяца следовала по пятам за Зайремом, следила за ним через окна домов, любовалась им, когда он спал на земле.

Ни одна тропинка не выходила из деревни. Только тонкая ниточка реки вилась вдаль. Да и та скоро достигла своего истока — трех слабеньких ручейков, стекающих со скалы. Луна еще не поднялась. Мир, лежащий дальше, казался расплывчатым — искромсанная равнина, уходящая вниз и убегающая вдаль, к темному небу цвета черной крови.

Разглядев, что лежит впереди, Зайрем заколебался. Пелена спала с его глаз. Он начал понимать, как далеко зашел и каким может оказаться его конец. Неожиданно ему почудилось, что черная земля впереди — это ворота в ад, в Подземный Мир, владения демонов.

Очнувшись от раздумий, он вдруг почувствовал, что рядом с ним кто-то есть. Быстро обернувшись, он увидел на пригорке позади себя женский силуэт с длинными волосами.

Зайрем разозлился. Он решил, что, сгорая от любви, женщина из деревни последовала за ним. Юноша резко махнул рукой, прогоняя ее. Но женщина не двинулась с места. Тогда он вернулся на пригорок, чтобы прогнать ее. В темноте подошел он к ней и, лишь оказавшись совсем рядом, узнал каскад волос, который мог принадлежать только одному человеку, которого он хорошо знал.

— Я надеялся, что избавился от тебя, — произнес Зайрем. — Я не шутил, когда предлагал выбрать тебе другую дорогу, лежащую подальше от меня. Мне противно дышать, когда ты рядом. Воздух становится ядом. Ты — мой стыд и крушение моих надежд. Я не хочу тебя видеть. Я отдамся во власть разврата и разложения, но не потерплю и воспоминания о тебе. Пусть всемогущие боги покарают тебя. У них должно хватить гнева, если они и самом деле существуют. Если же богов нет — тогда тебе придется довольствоваться моей вечной ненавистью. Будь ты проклят, изыди, уйди с глаз моих!

Все время, пока Зайрем с мрачной одержимостью вещал, он видел перед собой только то, что хотел видеть, — загадочное лицо Шелла.

Но когда янтарная луна поднялась над землей, он вдруг понял, что перед ним стоит женщина — та девушка, с которой он провел ночь под цветущими оливами, девушка из его греховного сна, — но в то же время она была Шеллом.

Зайрема охватил страх. Он испугался, потому что ничего не понимал. Все поплыло перед его глазами, и он бросился прочь, в сторону Врат Преисподней.

Стена...

Она протянулась на три мили, преграждая путь в мертвые земли, лежащие за рекой, сложенные из каменных глыб, плотно пригнанных друг к другу. Один из князей возводил ее целый век. Тут и там среди камней белели черепа — строитель стены любил подобные украшения. По его приказу для услады были убиты слуги, чтобы усладить взор господина. Эти зловещие символы не добавляли ничего хорошего к дурной славе этих мест.

Сотни или тысячи лет назад эта земля сгорела дотла. Она казалась черной днем, еще чернее — ночью. Туманы стлались над ней, выползая из болот, а дальше, милях в восьми к

западу, в розовом свете красно-коричневой луны замерло соленое озеро. Экзотические уродливые деревья с блестящими, словно медь, плодами росли на его берегах. Туда приходили единороги — танцевать, сражаться и заниматься любовью.

Этой ночью они, будто порожденные человеческим страхом и малодушием, появились перед Зайремом, отчаянно желавшим отдаться Тьме.

Три свирепых единорога цвета алой смолы и старой пожелтевшей кости с витыми рогами из потускневшего старого золота ничуть не напоминали белых голубей. Они появились из отвратительных лесов, где звенели, качаясь, металлические плоды. Когда же из чащи выскочил перепуганный заяц, единорог втоптал его в землю передними копытами, искромсал зазубренной пилой золотистых зубов и, отшвырнув прочь кровавое месиво, величаво прошествовал дальше.

Жуткая компания кружилась и носилась по берегу озера. Блестящий угольно-черный песок хрустел под их копытами. У одного единорога на боку сверкал серебристый шрам, будто его обожгла звезда. Он бросился на своего спутника — другого единорога, и они сцепились рогами. Опустив головы и зарываясь копытами в песок, эти двое злобно рассматривали друг друга глубоко посаженными глазами. Поединок начался. Витые рога скрещивались, беспощадно ударялись друг о друга, зловеще скрипели, высекая искры, скрежеща друг о друга, и снова расходились, словно два костяных меча. Третий единорог, обделенный противником, вставал на дыбы и лягался, пытаясь сразиться с луной.

Зайрем уселся на камень в сотне шагов от них.

Он наблюдал за единорогами, зачарованный их зловещим видом.

Для него не составило труда перебраться через стену с черепами. Однако, не зная, куда идти, он понял, что неспроста попал на берег озера, где танцуют единороги. Юноша лениво размышлял, что будет, если единороги почуют его запах и примчатся, чтобы расправиться с ним точно так же, как недавно их вожак поступил с зайцем. И в то же время скиталец знал, что некая темная сила хранит его. Или думал, что знает...

Единорог с серебристым шрамом встал на дыбы, оторвав от земли своего противника. Казалось, они подпирают небо: их рога сцепились, глаза выкатились. Третий единорог пронзительно завизжал, пролетая под арку, созданную телами двух других животных, и вонзил ужасный рог по очереди в каждого из соперников. Но удары были легкими, скорее даже осторожными. В ту же секунду, когда потекла черная кровь, на берегу озера появилась четвертая фигура.

Симму шла нагая, только волосы ее были повязаны косынкой, да еще зеленая искра огня мерцала на ее шее. Движение девушки напоминали волны стелющегося тумана болот. Издали они казались призрачными и невесомыми.

Единороги, расцепившись, ждали Симму, чтобы вызвать ее на поединок. Они рыли черный песок, опустив головы, и готовились бить врага копытами и колоть рогами. Запах собственной крови пьянил их. Но девушка шла прямо к ним, подходя все ближе и ближе. Ветер взметнул длинные пряди ее волос к луне, она вскинула руки, словно их тоже поднял ветер, и начала танцевать. Но совсем не так, как танцуют единороги. Это был танец эшв, волшебный танец.

На берегу все стихло, лишь ветер шуршал в траве. Симму танцевала, и злость единорогов плавилась, словно красный и золотой воск, звери постепенно успокаивались. Вскоре они опустили на колени и положили головы на песок, их хищные пасти приоткрылись, а пушистые ресницы сомкнулись. А Симму все танцевала.

Волшебный танец длился, пока озеро, небо и весь мир не затянуло туманом. Симму танцевала, окутанная покрывалом волос. Раньше она не создавала чар танца эшв. Ее нынешнее знание исходило из зеленого камня, оно находилось внутри нее, в ее сердце.

Наконец красавица устала. Она прошла между единорогами, но звери оставались неподвижными, лишь ресницы их подрагивали, словно листва.

Симму подошла к камню, где сидел Зайрем. Казалось, юноша не видел ее, хотя и смотрел на то место, где она стояла.

— Я связала тебя чарами, — объявила девушка. — Хочешь, отпущу тебя?

Зайрем медленно покачал головой:

— Нет, оставь меня связанным.

— Когда ты меня увидел, то в тебе проснулась ненависть. Но когда единороги собрались растерзать меня, ты побледнел.

— Ты — демон, — проговорил Зайрем. — Я не стану отвергать тебя. Позови весь свой род демонов.

— Я не из рода демонов, — сказала Симму. — Но камень у меня на шее может призвать сюда тех, кто когда-то был со мной. А вот они уж точно демоны. Девушка подошла к Зайрему и поцеловала его. Единороги на берегу слились в единую массу. Их головы то вырисовывались на фоне луны, то тонули в темноте...

В глубокой тени скал соединились мужчина и женщина. Они плыли в море любви, глядя друг другу в глаза, пока пелена наслаждения не затуманила их взоры.

Луна зашла, и теперь широко открытые глаза Зайрема казались совсем черными.

Отшельники крепко вбили ему в голову, что нужно бояться себя и своей радости. Служители храма против воли научили юношу презирать богов. Человечество убедило его в собственном вероломстве. Теперь он остался ни с чем, только Симму одарила его своей любовью, но Зайрем не мог заставить себя сказать или даже подумать, что Любовь — это не все.

Всех демонов, странствующих по земле, привлекал дух заклинаний, необычный аромат колдовства. Они не могли оставаться в стороне от дел людей и не хотели противостоять этому соблазну. В общем-то, они нашли компромисс — демоны старались никогда ни во что не вмешиваться, ну, может быть, изредка помогали слабым; хотя дрины и их младшие родичи, глупые развратные дриандры, могли помочь чародеям в каком-нибудь грязном деле, просто ради интереса.

Эшвы, почти два года опекавшие Симму, давно забыли о ней. Слишком короткая была у них память. И ни один обитатель Подземного Мира не наткнулся на Симму, пока он жил в монастыре. Это казалось странным, ибо сам дух магии остался в мальчике, которым Симму был раньше. Но сейчас, в этой необузданной стране, Симму, использовавшая чары эшв, носящая дар эшв — камень, отшлифованный дринами, — была для демонов как маяк в ночи, и она это инстинктивно чувствовала.

Симму просто надеялась, что приемные родители найдут ее. Как ребенок, выросший в змеиной яме, согретый кожей змей, приученный к их яду, Симму и представить не могла, что демоны — существа опасные. Так же интуитивно она принимала свои невероятные превращения, изучала гемму, шептала и дула на нее, танцевала на берегу озера и ждала демонов — без страха, лишь с надеждой.

Наступила вторая ночь, а Зайрем и Симму по-прежнему оставались на берегу озера. Единороги исчезли и больше не возвращались; даже луна изменила свою форму. Весь день, пока под жгучими лучами солнца пузырилась вода в соленом озере, Зайрем и Симму (он знал теперь ее настоящее имя) проспали в тени деревьев. Зато ночь вновь оказалась бессонной, ночь чувств и боли. Этой ночью Зайрем ушел с опущенной головой, размышляя о своем грехе и его сладости. Он решил вернуться к Симму, когда луна чуть-чуть опустится над лесом; вернуться с сердцем, переполненным страстью и отчаянием.

Когда Зайрем ушел, Симму перестала колдовать и тут же обнаружила рядом с собой еще одно живое существо.

Перед ней стоял демон эшва, привлеченный ее чарами. Любой, кто когда-либо встречал демонов, никогда бы не принял Зайрема за одного из них — несмотря на черные волосы и красоту. Появившийся эшва был мужчиной. Его волосы были цвета черного дерева, глаза — как у соболя, а тело — словно бледный луч. Все в нем выдавало утонченность и коварство, дивную и совершенную красоту.

Трепет прошел по телу Симму, потому что существами этого племени она восторгалась с детских лет. Девушка непроизвольно потянулась к нему, но демон игриво и злобно

отстранился. В его глазах Симму прочла: «Ты знаешь наши обычаи, по крайней мере некоторые из них, но ты не одна из нас. Ты обитаешь в примитивном солнечном мире. Твое тело скоро станет слабым и превратится в прах. То, что ты делаешь с заклинаниями и чарами, неплохо для смертного, но для нас до смешного наивно. Твоя поступь звучит как удары грома, мы же двигаемся бесшумно, словно порывы ветра».

Симму задела его слова. Она приняла речь демона как вызов и проговорила:

— Ты пришел по зову этого зеленого камня. Он привел тебя сюда. Но скажи мне, как призвать Владыку Ночи, Аззарна Прекрасного, твоего господина, одного из Владык Тьмы?

Она назвала несколько имен с уважением и внезапно нахлынувшим обожанием, перешедшим к ней от воспитывавших ее демонесс. Эшва отпрянул от девушки.

«Ты расскажешь в этом...» — только и сказали его глаза.

Симму рассмеялась.

— Аззарн, — громко повторила она. — Аззарн, князь демонов... Его что, нельзя вызвать?

Эшва вновь вздрогнул. В его мозгу возникла картина, которую увидела и Симму. Его можно было призвать, заиграв в серебряную свирель, сделанную самим Аззарном, но и то не всегда. А если Владыка Ночи придет — берегись. Глаза эшвы смеялись, но в глубине их затаился ужас.

На мгновение Симму охватила гордость, но она тут же поняла, что обманывает себя. Зайрем ждал от нее чудес, проявления ее силы, равной силам низших демонов.

— Послушай, милый, — ласково заговорила Симму, — найди мне Аззарна. Скажи, что его ждут, преклонив колени. Уговори его.

Эшва улыбнулся, и девушка прочла в его улыбке:

«Я не твой слуга, смертная».

Симму ударила по камню на своей груди. Теперь и она заговорила без слов: «Этот камень создали дрины. Думаю, с ними договорюсь. Я смогу переманить их на свою сторону, и они приползут к Аззарну на животах... Увидишь, Аззарн накажет тебя за то, что ты ничего не сказал ему о Зайреме, который готов преклониться перед ним».

Эшва опустил глаза. Он странно задрожал и, не ответив, растаял в ночи.

Когда из-за черной завесы ночи появился Зайрем, Симму встретила его словами:

— Возможно, тот, кого мы ищем, придет сюда.

— Кто? — спросил Зайрем. Его лицо побелело. Даже прекрасные глаза посветлели. Весь мир перевернулся с ног на голову: невозможное смешалось с реальностью, огонь — с водой. Он притянул женщину к себе и забылся в ее объятиях, пусть таких же зыбких и непрочных, как окружающий мир. И поэтому у него не было причин оставаться в этом мире.

Они лежали рядом, после любовного танца, и ждали.

Ночь принесла с собой прохладу. Волны озера лениво лизали песок. Звенели плоды на деревьях. Но вот темнота стала рассеиваться. Влюбленные зашевелились, прильнули друг к другу, ненадолго погрузившись в пучину плотских утех, и, вновь вынырнув в мир реальный, замерли в ожидании.

Пришли второй день и третья ночь. Отыскав куст с лиловыми ягодами, любовники утолили голод. Наступил холодный вечер. Пришлось развести костер, и пламя его казалось зеленым. Неподалеку бежал ручеек, Зайрем и Симму пили из него, словно олени, томимые жаждой. Им все время хотелось быть вместе, ибо страсть оказалась для них новым чувством и стала всем, что они имели. Они постепенно превращались в двух голодных животных, без конца совокупляющихся. Им казалось, что они уже целую вечность провели на этом берегу и проведут еще столько же, ожидая пришествия, придуманного ими самими, чего-то, что никогда не случится.

На четвертую ночь Симму освободилась от объятий юноши и подошла к мерцающему костру. Она легче, чем Зайрем, теряла и находила, почти всегда действуя стихийно. Усевшись на камень рядом с языками пламени, напоминавшими кошачьи глаза, она бросила в огонь гемму эшв. Ни единая вещь, вышедшая из Подземного Мира, не могла быть

уничтожена на земле так, чтобы об этом не узнали демоны. Симму оскалилась, словно волчица, наблюдая, как зеленый камень чернеет в изумрудном пламени костра.

К утру костер прогорел, а камень по-прежнему остался зеленым.

Зайрем все это время сидел на берегу соленого озера, глядя на мерцание ленивых вод. Он пытался разглядеть рыбу там, где ее никогда не было, и чувствовал себя опустошенным, досыта наевшимся собственным унынием. Либо демонов не существовало, либо они не желали общаться с людьми.

Солнце садилось. Одинокая птица парила в небе, изредка взмахивая крыльями, купаясь в вечерней заре. Озеро потускнело и теперь мерцало, словно розовое зеркало.

Симму, скорчившись, сидела у костра, а Зайрем продолжал вглядываться в воду. Неожиданно они услышали тихое похрустывание угольно-черного песка. Оба вскочили и замерли. На западе среди теней возник чей-то силуэт и, покачиваясь, направился к ним. Но это был совсем не тот, кого они ждали.

Вдоль берега медленно брел сгорбленный старик. Его бесформенное черное одеяние развевалось на ветру, железная проволока стянула длинные волосы в пучок на затылке.

Старик подошел сначала к Зайрему. Лицо незнакомца напоминало опаленную огнем потрескавшуюся скалу, а глаза показались юноше старыми и безумными.

— Черные земляные крабы, — прошипел старик. Голос его оказался властным и сковывающим. — Я ищу черных крабов, которые приползают сюда размножаться.

Зайрем, отупевший от страха и долгого бесплодного ожидания, молчал.

Старик сделал рукой странное грациозное движение.

— Кем ты меня считаешь? Может быть, сумасшедшим?

Юноша оглядел незнакомца, а потом произнес:

— Ничего нет в этом соленом озере...

— Выходит, ты считаешь меня сумасшедшим, — повторил старик. Его голос то повышался, то понижался, напоминая жуткую и невозможную музыку. — Однако я не такой сумасшедший, как те, кто пришел сюда в надежде вызвать Владыку Ночи.

Зайрем схватил старика за плечо. Но от прикосновения к нему словно искры посыпались из-под ладони юноши.

— Значит, ты маг? — сказал юноша.

— Даже могущественные маги трепещут лишь от одного упоминания имени Аззарна.

Зайрем отвернулся. Он несколько раз оглянулся, пытаясь различить что-то в тумане. Старик отправился туда, где горел зеленый огонь. Рядом стояла Симму, в крестьянских лохмотьях, и разглядывала его. Как только старик приблизился, Симму взмахнула руками — словно распахнула перед ним ворота.

Подойдя к костру, старик неожиданно плюнул в огонь. Голубые язычки пламени взметнулись вверх. Симму упала на колени — не понимая почему. У нее потемнело в глазах, когда она заметила сумасшедший огонь во взгляде старика. Но его огонь не показался Симму безумным. Она почувствовала лишь непостижимую всепроникающую глубину, внушающую благоговейный страх своей бесконечностью.

— Ты танцевала ночью, — произнес маг. — Я видел твой танец. Я еще много чего заметил. На севере скончался толстый жрец Беяш. Он упал с лестницы и зашибся насмерть. Я смотрю, это совсем не радует тебя, моя крошка, с твоей-то ненавистью к Смерти и твоим нежеланием даже врагов отдавать под ее опеку.

Симму задрожала. Она не смела взглянуть на мага. Не видела, как он бросил взгляд через плечо, и Зайрем обернулся, словно его позвали, и вернулся к костру.

— Если ты маг, — сказал юноша, — то научи меня, как вызвать князя демонов.

— Вызвать? — переспросил старик. — Его ты не вызовешь. И обращаться к нему тоже не станешь, если только ты в своем уме. Зачем тебе подвергать себя такой опасности? Может, тебе сказали, что вызвавший его может попросить о какой-нибудь услуге? Сказки не обязательно правдивы.

— Я хочу служить ему.

— Служить ему? Думаешь, ему нужен слуга-человек? Думаешь, ему мало демонов? Тебя обманули, Зайрем. Ты не слуга Тьмы.

Лицо юноши побелело.

— Теперь уже поздно говорить об этом, — выдохнул он. — Я зашел слишком далеко.

— Послушай, — прошептал старик, и голос его пел, словно заклиная. — Послушай, — пел старик, и ночь повиновалась ему. Его слушали деревья, земля и воды озера. Зайрем тоже слушал, опустившись на землю возле костра. И тогда старый маг рассказал юноше его историю. Он не утаил ничего — ни шепот среди шатров, ни тревоги матери Зайрема, ни крадущейся поступи женщины-ведьмы — казалось, он видел все это своими глазами. Он поведал о той ночи, когда облако отнесло мать с ребенком в сад с зеленым песком, об огненном колодце и о том, как купали в нем мальчика. Старик назвал и цену абсолютных успехов Зайрема. Но дело в том, что, сжигая слабость смертного, огонь сжег удачу и счастье сына короля кочевников. Таков древний закон богов. Он старше, чем само время. Люди не должны иметь слишком много. Восторг и неуязвимость тоже входили сюда. Вину придает вкус опасение, что чашу могут украсть. А поскольку чаша Зайрема оказалась в безопасности, его долей стало безрадостное существование. — Вот какова цена, — сказал маг, — и даже демоны не заплатили бы ее. Не силы Тьмы виновны в том, что ты несчастлив, а свет огня.

Пот струился по лицу юноши, глаза его блеснули... Наконец взяв себя в руки, он спросил:

— И что теперь?

— Ничего, — ответил маг.

— Я не верю ни одному твоему слову, — сказал юноша.

— Не веришь? Иди и докажи, что я ошибаюсь. Зайрем встретил его взгляд с ненавистью и мольбой. Потом, словно пес, изгнанный из дома, поднялся и шагнул в черноту ночи. Ночь впустила его и сомкнулась за его спиной.

Симму, готовая вскочить и броситься следом, почувствовала, что рука мага крепко держит ее за запястье. Колдовство сковало девушку нерушимой цепью, и Симму понравилась эта цепь.

— А теперь поговорим о тебе, — продолжал маг. — Твоя мать была королевой страны Мерх. Она умерла, и ты теперь королева. Ты хочешь править им?

Симму, зачарованная прикосновением мага, закрыла глаза. Королевство для нее ничего не значило. Она думала только о Зайреме, затерявшемся в темноте, и все, чего она хотела, — это успокоить его. Но цепи, так понравившиеся ей, крепко держали ее. Она положила голову на плечо старика и вздохнула.

А когда девушка очнулась, старика рядом не было, и костер давно умер.

Когда луна уже зашла, а заря еще не родилась, Зайрем вступил в страну, живущую по своим законам.

Долина выглядела устрашающе, вдобавок источала зловонный запах. Повсюду торчали черепки и камни, острые, как клинки мечей. Высохшие деревья напоминали скелеты. Так могла выглядеть лишь обитель Смерти.

По пути Зайрем подбирал черепки и отшвыривал их в сторону. Так добрался он до самого сердца страны, где огромные метеориты разорвали плоть земли, изуродовав ее глубоким ущельем, по дну которого бежал черный ручей с прожилками красного яда. Самое подходящее место для Смерти. Может быть, эта земля тоже была частью судьбы Зайрема.

Юноша остановился на краю ущелья.

Он крикнул, обращаясь ко всем, кто мог его слышать:

— Вот он я! Если я кому-нибудь нужен, пусть он заберет меня.

Долина молчала. Тишина красноречиво ответила несчастному скитальцу.

Теперь Зайрему стало ясно, что он не может умереть. События лишь подтверждали то, что сказал старик у озера. Умирать было страшно, но жить тоже страшно.

Зайрем шагнул с обрыва ущелья в пустоту. Трудно сказать, чего он хотел этим

добиться, — может, просто проверить, есть ли граница проклятию, обрушившемуся на него. Может быть, он еще захлебнется жалостью к себе, когда эти скалы, пронзив его тело, принесут страдание и смерть. Но скалы пощадили юношу. Он упал, словно погрузился в дымчатый бархат — ни синяка, ни царапины. Когда Зайрем поднялся на ноги, взглянул вверх, на отвесные стены ущелья, он понял, с какой высоты упал, и не только остался в живых, но даже не причинил себе ни малейшего вреда. Ужасный крик вырвался из его горла. Он больше не сомневался в словах старого мага.

Зайрем подхватил с земли острый осколок кремня. Он вонзал его себе в сердце, шею, резал им вены на руках, но даже не поцарапал кожу. Тогда юноша прыгнул в ручей и с головой окунулся в отравленный поток. Он лежал, опустив лицо в воду, и волосы его шевелило течение. Несчастный чувствовал, как кипящий яд в его горле и желудке превращается во что-то мягкое и успокаивающее. Самая страшная отравка лишь доставляла ему наслаждение.

Юноша не мог вынести ужаса неуязвимости. Не мог существовать в одиночестве, без цели. Он снова поднялся, снял пояс жреца и сделал петлю. Закрепив ее на суку одного из высохших уродливых деревьев, он спрыгнул вниз. Но когда петля затянулась, юноше показалось, что дерево злорадно прошептало: «Зайрем слишком красив, чтобы умереть», — и пояс порвался.

Растянувшись на камнях, несчастный даже не пытался подняться. Холодный дождь хлестал его по лицу, заливая глаза. Вдруг за мутной пеленой дождя промелькнула какая-то тень.

Поборов изумление и протерев глаза, Зайрем на фоне бледного дождливого неба увидел мужскую фигуру. Человек был черным, чернее, чем сама ночь, а его белое одеяние и белые волосы — белее, чем день, — оставались сухими под дождем.

— Ты звал меня, — произнес человек, оказавшийся вовсе и не человеком, а самим Владыкой Смерти. — Ты звал меня, но я не могу прийти к тебе. Не могу — еще много лет и много столетий. Я дам тебе только это. — Он наклонился и положил руку на лоб Зайрема так, что все чувства, весь мир исчезли для него, и даже сны не могли проникнуть в эту темницу беспамятства.

Симму склонилась над краем ущелья. Зайрем лежал на дне, неподвижный, как камень, на шее — обрывок веревки, и сломанный сук неподалеку. Девушка знала, что Владыка Смерти побывал здесь — как осенний лист знает, что его погубит зима.

Симму не совсем поняла волшебную сказку, которую рассказал старый маг. Может, та предназначалась только для Зайрема и была понятна ему одному. Огненный колодец так и остался для Симму загадкой. Она видела, что Зайрем лежит мертвый на дне ущелья. И ее жизнь умерла вместе с ним.

Она стояла, и женственность покидала ее. Симму снова стала мужчиной — юношей, замершим на коленях у края пропасти... А потом Симму вскочил на ноги и бросился прочь от этого места, гонимый своим вечным страхом.

Симму плакал на бегу, и само небо рыдало над Зайремом.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ТА, КОТОРАЯ МЕДЛИТ

Глава 1

В королевстве Мерх — стране, ничего не значащей для Симму, правил Жорнадеш, бывший начальник стражи Наразен. Именно он послал лекаря, который отравил королеву синим напитком, а потом самозванец заточил младенца — настоящего наследника в гробнице его матери и захватил престол. Все шестнадцать лет, прожитых Симму, Жорнадеш оставался правителем Мерха. Когда Симму, вновь став мужчиной, рыдая, бежал по черной

земле, Жорнадеш лежал на шелковых подушках во дворце Мерха, делая вид, что занят государственными делами.

Бывший начальник стражи растолстел, стал тучным, завел себе нового статного начальника стражи. Король утруждал себя лишь приемом пищи и совершенствовался, занимаясь любовью с женщинами. Новый правитель купался в роскоши, жирел на пастбищах этой страны. Но, несмотря на его бездарное правление, страна оставалась богатой и процветающей. А что досталось Наразен? Ничего. Ни обрядов, ни ритуалов у ее мавзолея. Никто не скорбел о ней, пусть даже фальшиво. Ни одного золотого шпиля не воздвигли в память о ней. Зачем беспокоиться о покойниках? Ведь души умерших редко остаются в этом мире, чтобы беспокоить живых и наблюдать за их делами. Но душа, заключившая договор со Смертью, еще тысячу лет не сможет покинуть свое тело — такой душе есть дело до событий на земле, Жорнадеш сменил шелковые подушки на серебряную кровать и шелковистое тело девушки. А потом король Мерха задремал, и ему приснился сон: на его ладони лежал синий камень, в который он жадно вглядывался, восхищаясь его блеском. Но вдруг камень начал меняться. Превратившись в синего паука, он пополз по его руке. Потом пришло другое видение: синий цветок благоухает в вазе, но, когда Жорнадеш наклонился, чтобы насладиться его ароматом, цветок вдруг превратился в руку, а рука вцепилась в его горло. И вот перед Жорнадешем появился синий холм, но вдруг он раскололся и извергнул из своих недр несметные полчища синих скорпионов, термитов, ядовитых змей и жуков. Вся эта мерзость поползла по телу Жорнадеша. Тварей становилось все больше, и они заживо пожирали правителя Мерха. Жорнадеш с криком проснулся.

Правитель не любил, когда нарушали его покой. Он хотел, чтобы даже в снах царил мир. Жорнадеш заснул снова, но опять увидел тот же сон. Тогда он грузно спрыгнул с постели, послал за лампой и велел позвать придворных чародеев.

— Если кто-то замышляет зло против меня, то оберните его чары против него же самого, — приказал своим слугам Жорнадеш, — и пусть негодяй погибнет в собственной ловушке.

Но чародеи не нашли никаких знаков колдовства.

Жорнадеша такой их ответ не устроил, и он отправился снова спать. Увидев этот сон в третий раз на заре, король криком поднял на ноги весь дворец.

Чародеев привели снова, но теперь им напомнили, что в тайной комнате под королевскими апартаментами спрятаны приспособления, которые могут помочь заговорить.

Чародеи посовещались, и один из них сказал:

— Ваше величество, мы не можем обнаружить ничего. Да и кто, в самом деле, станет желать вам зла? Ведь вы же справедливый и добродетельный правитель. Но если вас что-то тревожит, мы можем помочь. Мы слышали об одном мудреце, который живет за городом. Говорят, он обладает даром провидения. Если вы желаете, можно послать за ним.

Говоря так, чародей надеялся отвести от себя гнев Жорнадеша, чтобы тот обрушился на другого человека. Недаром же старца, к которому придворные посоветовали обратиться, считали странным. К их большому облегчению, Жорнадеш согласился увидеться с мудрецом.

Отшельник выглядел настоящим дикарем. Он питался фруктами и сырым мясом, одевался в шкуру леопарда. У него была борода до колен и бритая голова. Его привели к королю, но, казалось, вид напыщенного правителя не произвел на мудреца никакого впечатления. Когда ему объясняли, что Жорнадеш хочет услышать толкование своего сна, мудрец попросил рассказать сон. Когда король закончил рассказ, мудрец растянулся во весь рост на мозаичном полу, потом глубоко вздохнул. Его глаза закрылись. Вскоре он начал корчиться, стонать и извиваться, а потом взревел ужасным голосом:

— Берегись! Жорнадеш и Мерх, берегитесь! Она не забыла того, что забыли вы... Берегитесь воды, берегитесь незапертых ворот, берегитесь шагов на улице в глухую полночь; когда она придет, не залает ни один пес!.. Берегитесь той, которая медлит.

Потом мудрец замолчал, открыл глаза и поднялся на ноги как ни в чем не бывало.

— Ну и что все это значит? — напыщенно произнес король.

— Откуда я знаю? — презрительно ответил мудрец. — Я ничего не знаю о силе, которая владеет мной. Я только пересказываю то, что мне сообщают свыше.

— Схватить его и выпороть! — приказал король.

— Но за что же меня бить? — с удивлением спросил мудрец.

Но его все равно связали. А когда солдаты принялись стегать его кнутом, он не издал ни звука, на его лице не отразилось и тени боли, хотя кровь струилась по его спине. В конце концов оба палача испугались — они уверяли, что мудрец не чувствует боли, хотя спина его исполосована, а они — хоть на их спинах рубцов не было — ощущали каждый удар, словно кто-то хлестал их по спинам. Палачи прекратили истязание и, хныча, проклиная колдуна, бежали из дворца. А мудрец, окровавленный, но веселый, покинул город.

Жорнадеш страшно разозлился.

— Кто это «та, которая медлит» — кто это может быть?

Чародеи собрались вокруг правителя Мерха.

— Может, о милостивый повелитель, это беспокойная душа, привидение? Возможно, великодушный наш повелитель, это Наразен? Ее смерть несомненно была естественной и неминуемой... С тех пор вы так мудро правили Мерхом и украсили наш город жемчужиной своего неподражаемого царствования.

— Наразен... — прошептал Жорнадеш и побледнел.

Солнце еще не достигло зенита, а Жорнадеш уже по всему Мерху объявил месяц скорби по Наразен.

— Кто это — Наразен? — спрашивали дети, рожденные уже после ее кончины.

— Одна дохлая сука, — усмехались старики, помнившие ее.

— Шлюха, — говорили старые женщины.

— Мужененавистница, — отвечали мужчины. Неблагодарный народ забыл о самоотверженности Наразен, о ее стойкости и всем, что она сделала для спасения страны, все растворилось в кислоте недовольства и недоброжелательности. К тому же совсем не обязательно было говорить о ней хорошо, раз теперь вместо нее страной правил Жорнадеш.

Однако для Наразен воскурили фимиам богам, и во всех храмах пропели панихиду. Хвалебные гимны Наразен распевали простые горожане. По улицам шествовали процессии, стуча в гонги и призывая людей почтить имя мертвой.

Жорнадеш облачился в грубую серую рясу и отправился на север вдоль реки — к склепу Наразен. Здесь, над мраморной плитой, священники вновь совершили похоронный обряд — долгий и пышный, какой следовало устроить шестнадцать лет назад. Затем Жорнадеш обратился к самой гробнице и заверил Наразен, что с этих пор ее будут чествовать каждый год. А потом он приказал вскрыть склеп, ибо привез шкатулки с драгоценностями, чтобы украсить усыпальницу и останки Наразен. Но когда участники процессии подошли к дверям, то обнаружилось, что здесь кто-то уже побывал. Священники увидели множество костей, но гроб Наразен оказался пуст. Не осталось ни клочка одежды, ни пряди волос королевы — лишь толстый слой пыли покрывал дно гроба: ни тела, ни скелета.

Священники испугались, а душу Жорнадеша заполнили дурные предчувствия. Он спешно вернулся в Мерх и заперся во дворце. Здесь, выставив снаружи многочисленные отряды стражи, а внутри собрав самых сильных телохранителей, правитель Мерха трясся от страха. Наконец он заснул и снова увидел тот же проклятый сон.

Глава 2

Наразен стояла на прибрежной серой гальке перед широким каналом, наполненным стоячей мутно-белой водой, в которой отражалось такое же белое небо, три дальних холма страны Смерти и сама Наразен. Королева казалась слишком яркой среди одноцветного ландшафта — ее кожа посинела, словно гиацинт, белки глаз приобрели синий отлив, а

зрачки казались желтыми, словно топазы, сверкавшие в ее серьгах. Шумный, но слабый ветер Внутреннего Мира безуспешно пытался разметать ее красные волосы. Они теперь стали длиннее, чем при жизни. Ногти тоже удлинлись и приобрели цвет индиго. Наразен рассматривала свое отражение без всякого сострадания. Ей одинаково противны были тот и этот свет, боги, люди, демоны и даже сам Владыка Смерти. Однако королева еще не вычеркнула себя из жизни, не сложила оружия. Подняв глаза, она вдруг на мгновение ощутила смутную ностальгию. Дальний берег реки вдруг расплылся, превратившись в золотую равнину, обожженную темно-золотыми тенями. Там, среди высоких колоннад деревьев, промелькнул пятнистый золотой леопард...

Наразен одернула себя, разгоняя видение, — ветер тут же унес его прочь. А бывшая правительница Мерха поклялась, что никогда не предастся мечтаниям о навсегда потерянном мире; никогда — ни чтобы порадовать себя, ни чтобы развлечь своего мрачного хозяина. Она не могла отрицать, что отныне Владыка Смерти — ее повелитель. Наразен, в отличие от других обитателей Внутреннего Мира, сдержала свою клятву и не создавала никаких миражей. Среди блеска и пестроты человеческих иллюзий только она одна выбрала существование отверженной. Наразен презирала мертвых, предающихся грезам о живых. Остальные обитатели этих мест избегали и не любили хмурую королеву. Ее даже порой боялись больше, чем самого Владыку Смерти, ведь Улум никогда не сердился на своих рабов; проявлял к ним снисхождение, словно печальный, призрачный и внушающий страх отец. Смертные, заключившие с ним договор и отбывающие тысячелетие в его владениях, соперничали друг с другом, стараясь своими фантазиями развеять его меланхолию. Но только не Наразен.

Когда она появлялась во дворце Улума, каменные стены становились серыми и тусклыми, музыка замолкала, а буйные узоры фантазий рассыпались. Их обломки таяли на полу у ног бывшей королевы Мерха. Обитатели Внутреннего Мира бранили ее, оскорбляли, упрашивали присоединиться к ним и немного повеселиться. Наразен молчала, не замечала их. Она оставалась королевой — и королевой безжалостной.

Когда Улум, проходя по дворцу, останавливал на ней взгляд, Наразен насмешливо кланялась.

— Я же предупреждала вас, что вам будет приятно общаться со мной, — говорила она. — Так наслаждайтесь моим обществом. Это единственное удовольствие, которое я вам доставлю за все тысячелетие.

Однако Наразен редко бывала во дворце Смерти. Чаще она путешествовала по мертвой земле, безнадежно пытаясь отыскать что-то новое — мох, который отличался бы цветом от серых камней, новый цвет в красках рассвета или едва различимую мелодию песенки заблудившегося ночного ветра. Конечно, она ничего такого не находила, да и не верила, что отыщет.

— Неужели ради этого я продала свою душу, и спала с мертвецом, и вынашивала ребенка в своем ненавистном чреве?.. Да, ради этого... — думала она.

Когда Наразен оглядывалась вокруг, ее ненависть и гнев могли разрушить горы, но те почему-то не рушились. Иногда, забывая про свою злость, бывшая королева Мерха замечала стоящего неподалеку на холме или на равнине Улума, безмолвно наблюдающего за ней. Тогда она подходила к нему и спрашивала:

— Я еще не надоела вам, мой господин?

Но по каменному лицу Владыки Смерти, черному, словно воронье крыло, ни о чем нельзя было догадаться, а его бездонные пустые глаза говорили ей еще меньше.

У Наразен было странное отношение к Улуму. Она боялась его — не так, как люди боятся смерти, а как живое воплощение ужаса. Но она воспринимала его слишком легкомысленно. Видимо, Наразен таким способом боролась со своим страхом...

Как-то раз, стоя на берегу опостылевшей ей реки, Наразен вдруг поняла, что ее господин отлучился. Да и сложно было не понять этого. Какое-то смутное облегчение возникало в самой атмосфере Внутреннего Мира, когда Улум покидал его.

Наразен задумалась.

Говорили, что в покоях Улума хранится хрустальный глаз, который может показать любое место в мире, если попросишь. Наразен, правя Мерхом, много слышала о нем от своих слуг. Попад в Нижний Мир, все годы королева мечтала заглянуть в хрустальный глаз — поступок, на который не отважился бы ни один из обитателей Внутреннего Мира.

Не боясь, что ее застигнут врасплох, Наразен вернулась в мрачный дворец Смерти, отыскивала его покои и вошла. Ей не помешали ни замки, ни стража — их не было: обычно никто не решался заходить сюда.

Перед Наразен лежало множество темных и пустых комнат. Хотя, возможно, предметы, которыми Улум окружал себя, были слишком необычными и чуждыми для человеческого восприятия, и королева не могла их постичь. А может, Владыка Смерти на самом деле обитал в ином месте. Как бы то ни было, Наразен не нашла ни кресла, ни стула, ни скамьи. Она подумала, что и слухи о хрустальном глазе — глупая выдумка. Но стоило ей об этом подумать, как перед ней возник кристалл в золотой оправе. Вероятно, он, как и все остальные предметы, изначально был невидимым для человеческого глаза, либо существовал в иной форме, которая по желанию королевы изменялась, либо его здесь не было, и мысль Наразен вытащила его из другого измерения. Когда-то Улум говорил ей, что души в мертвых телах могут творить чудеса.

Бывшая королева Мерха не стала ломать голову над этой загадкой, а просто взяла хрустальный кристалл и, стерев с него пыль, поднесла к глазам. Поначалу шар был мутным, но вскоре муть рассеялась, и тогда Наразен поняла, что перенеслась из Внутреннего Мира в реальный, прямо в Мерх. Она увидела носилки из металла, обтянутого шелком. На них восседал король Жорнадеш, окруженный свитой женщин, а жители Мерха разбрасывали цветы на его пути.

Наразен подозревала, что именно он захватил ее трон, но реальность привела ее в бешенство.

— Тьфу, — плюнула она и швырнула хрустальный глаз на пол, но он, конечно, не разбился. — Если б я могла наложить проклятие, как Исак, то прокляла бы Жорнадеша за то, что он убил меня. И не его одного.

Тут королева почувствовала, что мир вокруг меняется, атмосфера вокруг стала давящей, зловещей, но тем не менее более приятной — вернулся Улум.

Уверенно, не медля ни секунды, Наразен бросилась к двери — кажется... Но дверь открылась сама, и в комнату вошел Улум.

— Берегитесь, — моментально нашлась Наразен. — В ваши покои забрался вор!.. Но что же мне украсть, мой господин? Легендарные камни? Бесценные ковры?

Улум не шевельнулся. Он молчал и бесстрастно смотрел на мертвую женщину. Ничто не удивило его. По крайней мере, ничто из происшедшего.

— У меня есть просьба, — после затянувшейся паузы заговорила Наразен.

— Говори, — разрешил Улум.

— Я слышала, у вас есть хрустальный глаз, через который можно увидеть весь мир. А еще я слышала, что вы иногда отпускаете своих жалких рабов ненадолго в мир людей. Вот я и прошу вас позволить мне посетить землю. Всего на одну ночь и один день.

— Тех, кто тоскует по старому миру и жаждет увидеть его еще раз, я и в самом деле отпускаю, — ответил Улум. — Но, как правило, после путешествия они становятся еще несчастнее. И за это приходится платить.

— Владыка Смерти, оказывается, по натуре своей купец, — усмехнулась Наразен. — И какова же цена?

— Тебе она не понравится, — ответил Улум. — Все, что ты видела и делала в мире людей, тебе придется запомнить и представить мне в своих видениях.

Наразен улыбнулась:

— Тогда я нарушу свою клятву. Вы будете наслаждаться моими приключениями, вы, бедный демон в человеческой оболочке.

— Никто не разговаривает со мной так, как ты, — заметил Улум.

— Другого обращения вы не заслужили.

Выйти из царства Смерти оказалось совсем не сложно, просто никто не знал, как это сделать. На третий палец левой руки Наразен, где не было фаланги, Владыка Смерти надел золотой перстень с кусочком кости вместо драгоценного камня.

После этого Наразен оставалось лишь шагнуть со свинцовой скалы, куда Улум привел ее. Она ощутила, как темная пустота подхватила ее и понесла вверх. Коридор тьмы вел прямо к Реке Снов — той самой, в водах которой блуждали и плакали в страхе спящие души. Наразен уже трижды прошла по этому пути — два раза при жизни и один раз мертвой. Сейчас она без особого интереса смотрела по сторонам, с нетерпением ожидая того, что ждет ее наверху. Она собрала всю свою волю, желая появиться в нужном месте. Как стрела, устремилась она вверх. И потом все разом изменилось. Королева снова очутилась в мире людей.

Но только теперь королева поняла разницу. Другие мертвые плакали, вновь оказавшись здесь. Однако Наразен изменила бы себе, если бы почувствовала что-нибудь, кроме гнева.

Остался час до заката. Солнце низко висело в золотом небе, и темно-золотистая дымка сумерек уже затопила землю. В медовом свете мир людей казался мягким и нежным. Вода в широкой реке цветом напоминала пиво. Поля пестрели, словно шкура леопарда. Стены города, возвышающиеся вдаль, казались темно-шафрановыми, как свежее выпеченный хлеб. Оттуда доносились блеяние овец и ленивые крики пастухов. Мерх! Его запах казался Наразен знакомым до боли, словно аромат ее собственного живого тела. Мерх — золотой и ласковый. Мерх, который не ждал Наразен, не скорбел о ней. Мерх, принадлежащий Наразен, спасенный ею и предавший ее.

Королева осмотрелась. Она очутилась там, где и хотела, — за городской стеной, на кладбище преступников.

Иссака, после того как она его убила, похоронили здесь. Его тело давно сгнило в безымянной могиле, но его проклятие обрушилось на Наразен и ее королевство. Слова эти навсегда врезались в память несчастной королевы, и в своей подземной тюрьме она часто вспоминала их.

«Земля станет бесплодной, как чрево королевы... Мерх будет как Наразен. Когда прекрасная Наразен родит ребенка, тогда возродится и ее страна. Когда Наразен принесет дитя, тогда к земле вернется плодородие... Мерх будет как Наразен...»

Наразен протянула свои синие руки к безымянным могилам. Ведь она нашла слабое место в проклятии Иссака. У нее ушли годы, чтобы вырваться из мира Владыки Смерти... Но теперь она отомстит за свои муки...

Наразен обходила каждый бугорок земли, улавливая каким-то новым чувством, кто покоится под ним. Иногда она останавливалась и топала. И казалось, в глубине, под землей, шевелились старые кости, просили оставить их в покое, ведь это не их она искала. Наконец она почувствовала, отыскала нужную могилу. Она остановилась и внимательно изучила это место. Ей казалось, что она смотрит сквозь землю, туда, где на дне ямы лежит скелет, меж ребер застрял заржавленный наконечник копья. На Наразен уставился оскалившийся череп. Плоть давно сгнила, а душа ушла — ушла свободной, не то что душа Наразен. Но в те дни даже кости людей были пропитаны их поступками, памятью их деяний.

— Иссак, — позвала Наразен, хотя ее голос был беззвучен в этом мире. — Мертвый обращается к мертвому. Вспомни проклятие, которое ты наложил на меня и на мой город.

И тогда в черепе Иссака ожил черный червь. Он выполз через оскаленные зубы, поднял голову и поклонился королеве.

— Значит, ты узнал меня? Хорошо. Проклятие гласило, что Мерх станет как Наразен. Так и должно было случиться. Пока я оставалась бесплодной, бесплоден был и Мерх, а когда я принесла плод, то же стало и с Мерхом. Но теперь я мертва, меня отравили. Я умерла, и кожа моя стала синей. Верни свое проклятие, Иссак, ибо ты хорошо его помнишь. Пусть Мерх вновь станет как Наразен. Я дорого заплатила, чтобы сохранить то, что принадлежало

мне, но в час триумфа все потеряла. Другие, не заплатив ничего, завладели моим Мерхом. Пусть Мерх снова станет как Наразен!

Королева была беспристрастна и беспощадна. Черный червь кивнул и снова поклонился, словно давая согласие. Он выполз из костей Иссака и, выбравшись из могилы, трижды обвился вокруг лодыжки Наразен. Ей показалось, будто раскаленная проволока сдавила ее ногу. Жар разливался по всему телу, и тело переполнилось им. После этого червь сморщился, высох, и пустая оболочка слетела с Наразен. Королева оскалила лазурные зубы и повернулась к воротам Мерха.

Лучи заката окрасили землю в золотистые тона, а когда пламя утихло, ночь опустилась на Мерх — бездонная ночь, чернее самых черных камней. В городе зажглись тысячи освещенных окон — желтых, золотых, красных.

Ворота уже закрывались, когда на дороге показалась какая-то тень.

— Эй, посмотри, кто это там? — спросил один караульный другого.

— Никого там нет.

Но первый стражник почувствовал, как что-то легкое, словно паутина, проскользнуло мимо него. Он протянул руку, чтобы схватить это «что-то», и ему почудилось, что женские волосы выскользнули из его руки. Волосы на ощупь казались гладкими, холодными и неприятными — словно сорная трава в запущенном саду. Другой караульный, не такой проворный, ничего не заметил. Немного погодя третий стражник, спотыкаясь и пошатываясь от выпитого вина, вышел из караульного помещения и заметил отпечаток женской ладони на только что побеленной стене, но тут же слетелись три или четыре мотылька и стерли след, трепеща, словно пепел сгоревшей бумаги.

Две женщины медленно подошли к колодцу, обсуждая городские сплетни. Поблизости играл ребенок старшей из женщин.

Ребенок поднял голову. Из мрака выплыло ужасное лазурное лицо, два мерцающих глаза, улыбающиеся губы. Рука погладила ребенка по голове. Мальчик, уже готовый завизжать, вдруг онемел.

— Эй, сынок, — позвала его старшая из женщин, — нам пора домой, иди сюда... А это кто? — обратилась она к приятельнице. — Я не видела эту женщину здесь прежде. — В полутьме она разглядела только силуэт незнакомки, да мерцание рубинов в ее серьгах, да еще тусклый блеск металла на шее и запястьях.

— Наверняка служанка какого-нибудь богача, А может, какая-нибудь потаскуха.

Услышав это, незнакомка рассмеялась. Старшей женщине все это очень не понравилось, и она, торопливо попрощавшись с подругой, забрала кувшин, ребенка и поспешила домой. Женщина помоложе, задержавшись, чтобы наполнить свой кувшин, с неприятною заметила, что незнакомка склонилась над колодцем, опустив руки в воду.

Молодая женщина отпрянула прочь, но холодная рука незнакомки коснулась ее шеи, и женщина упала на землю. Но было уже поздно...

В эту ночь многим пришлось испытать на себе ласки Наразен.

Приятели, выйдя из таверны, увидели фигуру, как им показалось, женщины. Один окликнул ее и сунул руку в разрез платья. Но, прикоснувшись к холодной каменной груди, в ужасе отскочил. Пьяница храпел под деревом и не видел, как женщина подняла стоявший рядом с ним кувшин с вином, отпила немного и поставила обратно.

Пекари, трудившиеся до зари в раскаленной пекарне, вдруг задрожали от ужаса, но ни один из них не посмел оглянуться. Вскоре из зерновых подвалов выбрались мыши. В один миг грызуны наводнили всю улицу.

Некоторые горожане слышали, как скрипят веревки, опускаясь в колодцы, но никого не видели рядом. Ночная птаха спустилась, чтобы напиться из лужи возле одного из тех колодцев и навсегда замолкла.

Девушка, лежавшая в саду со своим любимым, вздрогнула и сказала:

— Как холоден твой поцелуй.

— Не холоднее, чем твой.

Собаки не лаяли во дворах. Они скулили и рвались с привязи.

Блудница, ожидающая любовника у темной арки, сказала:

— Это мое место, проваливай.

Нищий, живущий на ступенях храма, пробормотал:

— Подай денежку.

Пьяный торговец одеждой вышел на улицу и лицом к лицу столкнулся с жутким призраком. Упав ниц, он поклялся не пить до самой смерти. И сдержал свое слово — ледяная рука сдавила его горло.

На вершине холма сверкал огнями дворец правителя Мерха. У огромных бронзовых дверей, скрестив копыя, стояли стражники. Они лениво и безмятежно поглядывали по сторонам — а вдруг все же покажется загадочная колдунья, так напугавшая их правителя.

Жорнадеш заперся в своих покоях с того самого дня, как услышал пророчество. Не слишком ли много чести для пророчеств какого-то дикаря? Не слишком ли трусливо повел себя величественный король Жорнадеш?

Пока ворота дворца были открыты, какая-то тень попыталась проскользнуть во дворец.

— Стой, не двигайся! — закричали стражи. — Докладывай, что у тебя за дело.

Но тень не остановилась. Она медленно поднималась по мраморным ступеням, и в свете факелов солдаты разглядели женщину в черных одеждах, украшенную кровавыми рубинами. На ее шее и запястьях сверкало золото. Но никогда прежде стражники не видели женщину с таким цветом волос и такой кожей.

— Это что за маскарад? Брось эти фокусы. Мы все равно узнаем, кто ты.

Но ответа стражники так и не получили. Женщина приближалась, и охранникам показалось, будто холодная рука сжимает их сердца. Самый молодой из них метнул копье в незнакомку. Оно пронзило женщину, но женщина даже не пошатнулась. Из раны не вытекло ни капли крови. Незваная гостья выдернула копье из своего тела и швырнула на землю, а лицо ее скривилось в усмешке. Потом она заговорила голосом, в котором не было ничего человеческого:

— Убирайтесь с дороги.

При звуке этого ужасающего голоса, словно принадлежавшего самой Судьбе, птицы, сидевшие на крыше дворца, вдруг взметнулись в небо. Они навсегда покинули город, словно тот был объят огнем.

Испуганные стражники попятились — все, кроме самого молодого, бросившего копье, — его сковал страх. Проходя мимо, женщина коснулась кончиками пальцев его лица и потом вошла во дворец.

Когда-то Наразен владела этим дворцом и знала все его закоулки. Бесшумно, не замеченная никем, прошла она по залам и коридорам, иногда прикасаясь к различным предметам.

У дверей в покои Жорнадеша — когда-то это были покои Наразен — играли в кости самые верные и сильные из слуг короля. Но при появлении Наразен кости выпали из ослабевших пальцев, а сами телохранители бросились бежать. Никто не пытался остановить бывшую королеву. Она вошла в покои Жорнадеша, как когда-то к ней вошел Исак, такая же незваная и нежеланная.

Жорнадеш в алом халате лежал в самой дальней комнате на мягкой кровати под высоким пологом и пил вино — кубок за кубком. Он расположился спиной к дверям, поэтому, услышав мягкие шаги, капризно простонал:

— Знай же, девушка, я послал за тобой, чтобы ты утешила меня, отвлекла от этих снов, которые постоянно нарушают мой покой. Утешь меня, или тебя накажут. Если я решу, что жизнь моя в безопасности, тебя не казнят. Поторопись же со своими ласками.

Осторожно ступая по ковру, Наразен подошла сзади к Жорнадешу и вонзила свои длинные когти в его спину, разорвав халат и кожу на спине толстяка. Жорнадеш взвыл. Он с трудом обернулся — и тотчас понял истинное значение пророчества.

Невозможно описать состояние Жорнадеша, когда он, лицом к лицу, столкнулся со

своей Судьбой. Он ползал по полу, лил слезы, выказывая признаки полнейшего ужаса, свойственного людям всех времен.

— Тихо, — прошипела Наразен. — Не так подобает встречать свою королеву и госпожу, правительницу Мерха. Вставай, надень драгоценности и знаки власти. Этой ночью я буду сидеть с тобой в тронном зале дворца. Я буду твоей гостьей, и тебе придется вернуть трон, который ты украл у меня. Ты призовешь поэтов, чтобы они восхваляли меня, и женщин, чтобы услаждали меня, — всех своих женщин, которых тошнит от твоей отвислой задницы... Делай, как я сказала, или ты хочешь убедиться в моей силе?

Жорнадеш, обезумев от страха, повиновался приказам Наразен. Но, спустившись в тронный зал, они никого не нашли — весть о появлении сверхъестественной женщины распространялась быстрее, чем перемещалась королева. Дворец давно опустел. Только далекие крики и мелькание огней по улицам указывали направление, в котором бежали толпы слуг.

Наразен уселась на трон в большом зале, как в дни своего царствования. Она разглядывала алебастровые светильники, столовое серебро, кубки с вином и блюда с хлебом и мясом, которые больше были ей не нужны. На стенах зала висели шкуры леопардов и других убитых ею зверей, а над тронном алело шелковое знамя, захваченное ее отцом в битве с могучим принцем. У подножия трона стояла серебряная скамеечка для ног, усыпанная жемчугом, — подарок другого могущественного принца, которого Наразен однажды пощадила в поединке.

Постепенно глаза бывшей королевы Мерха наполнялись печалью и злобой. Вскоре она обратила внимание на еле заметную тень, затаившуюся возле трона. Очертаниями она напоминала маленького ребенка. Когда пламя мерцало, казалось, что младенец шевелит ручками и ножками.

— А, это ты, — едва слышно прошептала Наразен, охваченная недобрыми предчувствиями. — Может ли быть так, что ты еще дышишь, когда я мертва? Ты, отродье, без помощи которого ни один убийца не подобрался бы ко мне... Я помню, как ты плакал в склепе, но теперь ты свободен и живешь в мире, где я не могу остаться. Но если бы ты был здесь, со мной, любимый мой сын, я отплатила бы тебе за это с лихвой.

Заметив, что королева не обращает на него внимания, Жорнадеш незаметно выскользнул из зала, Наразен даже и не пыталась помешать ему. Узурпатор доковылял до конюшни и взгромоздился на костлявую низкорослую лошадь — первую попавшуюся — и поскакал из Мерха, спасая свою жизнь. Но ускакал он недалеко.

Глава 3

Вновь став скорее мужчиной, чем женщиной, целый день Симму пробирался через дикие черные земли. Небо вместе с ним оплакивало Зайрема. В этом проявилось еще одно свойство, оставленное в наследство эшвами, — неистощимый запас эмоций, которые они могли себе позволить, ибо их память была короткой, а жизнь — бесконечной.

Симму, слепой от слез, обезумевший от несчастий и потерь, погрузился в тюрьму безнадежности на многие месяцы.

Когда день начал угасать, Симму спрятался в пещере, вход в которую скрывался за бахромой черных трав. Здесь, обессилив от страданий, он заснул, но даже во сне он грезил о Зайреме, и слезы текли из его глаз.

Потом в пещере что-то появилось. Нечто вроде облака дыма без огня — или нет, смутно напоминающее пламя — родилось во тьме. Из огня и из дыма выступил человек. В пещере стояла непроглядная тьма, и если бы кто-то попытался разглядеть пришельца, то не смог бы этого сделать. Казалось, незнакомец был чернее, чем сама тьма. Его плащ напоминал крылья цвета черного янтаря, глаза и черные волосы мерцали призрачным светом.

Постояв над Симму, глядя, как тот спит, шепча во сне имя любимого, человек,

пришедший из темноты, поднял руку. Волна из звезд, искр, дыма и холодного пламени вырвалась из его руки и, словно сеть, накрыла Симму, высушив его слезы.

А потом человек встал на колени и той же рукой провел по телу Симму. Тело спящего юноши сразу же откликнулось на эти прикосновения — оно стало изменяться. Вспухли бутоны груди, юношеская бородка исчезла, и лицо тут же стало гладким и нежным, как и полагается коже женщины.

Демон — Азрарн — тихо засмеялся, ведь ваздру, в отличие от эшв, обладали органами речи. Он откинул назад волосы Симму и запел ей на ухо так, как умеют только демоны. Звуки пения или пальцы демона заставили тело Симму расслабиться, подарили забвение, стерли образ Зайрема из памяти девушки и наполнили ее мыслями о Мерхе, уверенностью в том, что путешествие по западным дорогам будет захватывающим.

А потом снаружи запел соловей. Звуки его песни зачаровывали волнующим великолепием — соловей чувствовал, кто находится рядом.

Но Азрарн, князь демонов, неожиданно растворился во тьме — исчез так же, как и появился. А Симму, как только прекратились ласки, опять стал юношей.

Симму проснулся на рассвете. Можно сказать, что его разбудил соловей.

Юноша поднялся, вышел из пещеры и взглянул на небо. Ему казалось, что вчера ночью он лег спать израненный и больной, а проснулся исцеленный. Симму задумался, пытаюсь вспомнить, что же причинило ему эту боль. Ушел тот, кто был ему дорог, — наверное, причина в этом. Хотя сейчас это не имело значения.

Кроме того, на западе лежал город, который принадлежал ему. Что-то светлое возникло в памяти юноши. Мерх — его Мерх. На самом деле ему не нужно было ни королевство, ни власть, ни могущество, ни богатство. Он не мог понять, что привлекало его в образе Мерха... Симму не знал, что это чары Азрарна влекут его в город.

Вскоре, освободившись от боли и изгнав образ Зайрема из своих дум, охваченный чарами далекой цели, Симму отправился на запад.

Даже черная чужая страна в этот день казалось ему не такой ужасной. Солнце позолотило землю, на кустах появились цветы и необычные плоды. Различные существа резвились на солнечных лужайках. Иногда они бежали за Симму, привлеченные его демонической аурой, введенные в заблуждение частицей ночи, затаившейся в нем. Дальше к западу признаки разорения и дикости постепенно исчезали.

И вот перед Симму встала стена зеленых деревьев, обозначившая границы этой страны. И даже само солнце высоко над головой то следовало за Симму, то обгоняло его, вежливо указывая дорогу. А вскоре оно скрылось за зеленым ковром листвы.

Сумерки оказались прохладными, но Симму, легко переносивший капризы ночи, оставшись без Зайрема, не развел костра. Он устроился прямо на голых камнях, в неглубокой пещере, укрывшись своими волосами.

Около полуночи Симму открыл глаза. У входа в пещеру сидел поджарый черный пес. Он смотрел на юношу ясными сверкающими глазами, а потом встал и засеменял прочь. Что-то заставило Симму последовать за ним.

Пес (Азрарн мог являться во многих обликах, даже в обличье седовласого безумного старика мага, как случилось на берегу соленого озера) бодро бежал по тропинке, пока та не затерялась где-то среди деревьев. Миновав их, Симму очутился на древней дороге. Она, извиваясь, вела на запад. Над головой юноши мерцали бесчисленные звезды, ночь полностью овладела миром. Симму принял эту дорогу и признал эту ночь. Он пустился в путь вместе с ними.

Пес не возвращался, но вскоре Симму услышал позади себя чьи-то шаги.

Юноша обернулся. Он не испытывал ни капли страха, только восхитительное головокружительное возбуждение.

Было бы глупо назвать Азрарна прекрасным. Это слово, придуманное смертными, — словно булыжник у ворот красоты Азрарна. Однако, из осторожности, его называли Прекрасным. Этого было мало, как недостаточно сказать: «Вода мокрая». Никто, кроме

Азарна, не имел таких черно-синих волос, напоминавших гриву какого-то мифического зверя или кусочек ночного звездного неба, каким видишь его сквозь тонкую шелковую ткань. Его глаза, словно свечи, сочетали в себе несовместимое — два черных создания, два жгучих огня в тени всеобъемлющей Тьмы. Азарн носил черное одеяние, но этот цвет состоял из оттенков всех других цветов. Орлиные крылья плаща мерцали, блестели бриллиантами, невероятные и волшебные. Демон в образе человека, волк, пантера, птица — все они жили в Азарне. Он перемещался настолько легко, что никто не слышал его шагов, — Симму слышал Азарна лишь потому, что ему позволили слышать. Юноша сразу узнал его, но у него не возникло вопроса, почему порождение зла являлось в образе бога.

— Прекрасная ночь для путешествия, — произнес Азарн, и голос его вполне соответствовал внешности. — Ночь всегда лучше дня.

Симму затрепетал, испытывая жгучее желание броситься наземь и преклонить колени перед демоном. Но Азарн не любил, чтобы им восторгались. Он сказал об этом Симму — на языке демонов, без слов, — дав понять, чего именно он ждет от юноши. А ждал он лишь повиновения. Симму покорно стоял и слушал князя ваздру.

— Тебе скоро может наскучить это путешествие, — сказал Азарн. — Не хочешь ли ты передвигаться побыстрее?

Юноша, покоровшись, безмолвно смотрел на него. Азарн щелкнул пальцами — ткань ночи разорвалась, выпустив двух демонических коней. Это были самые черные кони на свете, и их поводья были украшены медью и серебром, их гривы развевались, словно пар или дым. В детстве Симму катался на леопардах и рысях, а однажды даже на обычной лошади, но, вскочив на демонического коня, он почувствовал, что тот не имел общего ни с чем земным.

Внезапно почувствовав легкость и веселье, Симму позволил коню нестись, куда тому вздумается. Конь последовал в направлении, выбранном Азарном. Всадники будто полетели по воздуху, а возможно, так оно и было. Кони-демоны, они могли мчаться по воде, опускаться в Нижний Мир и выбираться оттуда, заслышав зов хозяев. А по скорости они превосходили все, за исключением времени и солнца, над которыми демоны не властны.

Это была бешеная и захватывающая скачка. Ночь превратилась в стремительный поток, звезды проносились мимо подобно серебряным лентам или космическому ливню, а может, так просто казалось.

Внизу, под копытами коней, ландшафт постоянно менялся: Симму с трудом успел разглядеть холмы, похожие на колокола, темно-лиловые долины, тут же растворившиеся в тумане, лес и невысокие горы. А среди них — белокаменные дворцы и стройные башни, пронзающие небо... Уродливые города людей жались к земле, будто битые кирпичи.

Спустя много часов, показавшихся минутами, кони остановились на лесистой вершине холма.

— Скоро рассвет, — объявил Азарн, — а мне нечего делить с этим беспокойным господином. Оставайся в лесу. Завтра ночью я отвезу тебя дальше, до самых ворот Мерха. Знаешь ли ты, рожденный самкой леопарда, что твой отец умер прежде, чем ты был зачат? — Юноша опустил на колени, и Азарн погладил его по голове. Но Симму внимал лишь музыке его голоса, не слушая слов, а ласки демона могли просто свести с ума.

Азарн наблюдал за ним лениво и не без удовольствия. Тайнственное зачатие Симму, его сексуальный дуализм привлекали Князя. Его притягивала и красота Симму. Там, у соленого озера, Азарн услышал мольбы Симму, но, если бы, откликнувшись на них, он не нашел ничего интересного, все могло бы обернуться для Зайрема и Симму настоящей трагедией.

К Зайрему Азарн не испытывал никакого интереса.

Там, где люди видели зло, Азарн видел только необычные желания. Демоны любили смертных, как любили своих коней, — они их использовали. В Зайреме не было ничего особенного. В нем таилась сила, добро или жажда добра. Единственным ростком зла в его душе была вера в существование Азарна. Но этого могло хватить для того, чтобы Азарн

унес Зайрема в царство вечной ночи.

Но Симму...

Симму казался демону новым музыкальным инструментом, на котором он никогда не играл. Он не был уверен, что эти струны способны породить впечатляющую мелодию, но извлечь из него хоть какую-то музыку не составит труда. А первым аккордом станет Мерх. Азрарн часто свергал королей и возводил на трон своих ставленников. Это была детская забава, которой он наслаждался, с презрением наблюдая за своими пешками.

Но вот бледная полоса рассвета разрезала небо над вершинами деревьев.

Азрарн ткнул пальцем в камень дринов на шее Симму.

— Симму, — произнес он. — Дважды Прекрасный. У тебя хорошее имя. Думай о Мерхе.

— Только о тебе, — на удивление громко прозвучал женский голос его спутника. Азрарн улыбнулся, довольный первыми звуками своего нового инструмента, а потом исчез вместе с конями. Тени леса стали медленно отступать под натиском света.

Целый день Симму спал и видел сны об Азрарне. Словно вернувшись в детство, он ждал и мечтал. С наступлением ночи подобно восходу темной звезды вновь появился демон. Впереди их ждала такая же прекрасная ночь, как и вчера, — Симму наслаждался бешеной скачкой, и мир для него наполнился новыми ощущениями.

Наконец Азрарн доставил Симму в Мерх. За две ночи они преодолели расстояние во много тысяч миль — обычно такое путешествие занимало много месяцев.

На рассвете Азрарн растаял во тьме у реки, где росли старые кряжистые деревья. Его беспокоило то, что он ничего не знает о Мерхе, кроме событий, связанных с Симму. А в ту самую ночь, когда демон и его спутник прискакали к городским стенам, Наразен пришла в Мерх. Пока отроги гор и долины рек мелькали перед глазами Симму, Наразен, шелестя одеждами, словно бумагой, пропитанной ядом, прошла по улицам Мерха. Когда Симму спешился неподалеку от города, на Мерх обрушилось новое проклятие.

Даже Азрарн, чье чутье было острее лезвия бритвы, не знал этого. Оставив Симму у реки, он положил руку ему на плечо и объявил:

— Жди меня здесь, пока не зайдет солнце. Не входи в город без меня.

Симму было слишком хорошо, и он не хотел протестовать. Он взобрался на дерево и, растянувшись на ветке, уснул. Однако у Симму были свои, непохожие ни на что, чувства, и поэтому вскоре сквозь сон он почувствовал, что в Мерхе что-то неладно.

Во-первых, изменилось дерево, на котором он спал. Оно, такое огромное и полное жизни, как колонна из прочного янтаря, вдруг стало засыхать. Высоко в ветвях отдыхала стайка птиц. Неожиданно их щебет стих, а когда подул ветер, мертвые птицы посыпались с ветвей, словно увядшие цветы... Весь день по реке плыли их трупы, источая неприятный запах.

Симму приснился человек, висящий на высохшем суку, и юноша проснулся, дрожа. Был полдень. Юноша вдруг заметил, что вода в реке изменила цвет, а приподнявшись, увидел остальное.

Повсюду вокруг Мерха долины приобрели необычный лазурный оттенок, даже стены города отсвечивали синим под небом, покрытым синей коростой. Ни одного звука не доносилось из города, все замерло вокруг. Молчали звери, птицы и люди.

Солнце устало греть своими лучами мертвую землю и тихо начало угасать.

Симму соскользнул с дерева, не в силах сдержать испуг.

Любопытство — развлечение демонов и проклятие людей — любопытство, навеянное, главным образом, сном, гнало Симму в сторону города. Когда же Симму почувствовал этот зов, ему стало дурно. Весь мир вокруг пропитался запахом его извечного врага, которого юноша всегда избегал.

Наконец Симму в отчаянии бросился через поля, отделявшие его от города. Он наткнулся на богато одетого тучного мужчину в алом халате, лежащего поперек трупа лошади. Всадник был мертв, и тело его (точно так же как тело его скакуна и поля вокруг)

отливало синим. В этот момент с неба камнем упала птица — тоже синяя.

Симму не знал, куда бежать, — смерть окружала его со всех сторон. Солнце скользило по западной части небосклона. Закат превратил мир в лиловый ад... Но вот из ворот Мерха вышла фигура, от которой исходили волны лазурного ужаса.

Наразен оставалась в Мерхе дольше, чем разрешил ей Владыка Смерти. Она бродила по улицам, залитым светом дня, упиваясь тем, что совершила. Месть не смягчила и не мучила ее, она заменила королеве пищу и отчасти утолила ее голод, но не насытила.

Теперь мертвая королева шла по дороге, разыскивая тело Жорнадеша. Она задержалась в мире людей, и чары Внутреннего Мира начали ослабевать — разложение коснулось ее плоти. Это сделало ее еще более отталкивающей, превратив тело королевы в единый лиловый синяк, а волосы — в изорванные ветром лохмотья.

Симму застыл, увидев ее. В последний раз он видел свою мать лежащей в гробу. Потом она исчезла под землей вместе с Владыкой Смерти. Симму вспомнил это и замер, словно кролик, уставившийся на змею. Обессилев и не в силах пошевелиться, он ждал приближения матери.

Сначала она заметила Жорнадеша — яркое пятно на поле взошедшей, но уже мертвой пшеницы. Но, приглядевшись внимательно, она остановилась.

Образ ребенка занимал почти все ее мысли, и, хотя со дня их последней встречи мальчик изменился больше, чем сама Наразен, она сразу же узнала его.

Без слов каждый из них понял, что хотел. Затем, словно кот, Симму осторожно начал пятиться, — дюйм за дюймом — отступая. А Наразен, как кошка, кралась вслед за ним. Тени вокруг сгустились, ослепительное темно-багровое солнце медленно уползало за край горизонта. Еще шесть или семь птиц упали на мертвое поле.

Через поле вилась узкая тропинка. Никто, кроме Симму, не смог бы быстро идти по ней, не споткнувшись, он же, ступив на нее, повернулся и бросился бежать.

Тогда Наразен позвала его своим нечеловеческим голосом:

— Любимый, остановись! Любимый! Это я — Наразен, женщина, выносившая тебя. Я хочу лишь обнять тебя, дорогой мой сын. Только обнять...

Голос и слова королевы, пропитанные расчетливой ложью, настолько испугали Симму, что он закричал. Он звал Зайрема, не помня, кто это такой. Наразен рванулась вперед, словно самка леопарда, выпустив ужасные когти.

Но в этот момент солнце скрылось, и чудовищные, налитые смертью руки синей женщины встретили — нет, не тело Симму, — темное мерцающее облако, возникшее на ее пути.

— Нет, госпожа, — остановил ее Азрарн. — Вы не сможете причинить вред тому, кто находится под моей защитой.

Наразен втянула когти. Она вновь стала бесстрастной, как Владыка Смерти, и холодно разглядывала Азрарна. Королева была уверена, что князь демонов не сможет помешать ей — но... кто его знает...

— Любимец земли, — наконец заговорила она. — Почему ты, повелитель всех порождений ночи, вдруг защищаешь этого юношу от того зла, которое я хочу подарить ему?

— Возвращайся в свою страну, — приказал Азрарн. — Ты и так уже злоупотребляешь гостеприимством этого мира.

— Отдай то, что принадлежит мне.

— Здесь нет ничего твоего.

— Ах ты, черный кот, — прошипела Наразен, — убирайся и броди по улицам своего глиняного города. Ты и твой двоюродный брат Улум, вы — два Владыки Тьмы, — плевала я на вас обоих, — и, не в силах сдержать ярость, она ударила Азрарна по лицу.

— Дочь моя, — добрейшим голосом ответил ей демон, — ты поступаешь глупо.

Ее поступок и в самом деле был неразумным. С правой руки, которой она ударила Азрарна, словно синие хлопья сползла плоть, оставив лишь голые кости скелета.

— Забери этот знак с собой во Внутренний Мир, — сказал Азрарн. — Передай тому,

кого ты называешь моим двоюродным братом и кто вовсе не мой родственник, что ему следовало бы лучше следить за своими подданными. А теперь, звериное отродье, ступай к своему господину.

И он указал на землю, которая вдруг разверзлась и поглотила королеву, рычащую от ярости.

Потом Азрарн повернулся к Симму.

— Кто этот Зайрем, которого ты звал? — спросил он. — Я полагал, что ты думаешь только обо мне — Только о тебе, — согласился Симму, опускаясь к ногам Азрарна. — Но теперь я изменился. Слишком часто я видел Смерть и слишком близко.

— Демоны не имеют ничего общего со смертью, — успокоил его Азрарн. — Вспомни эшв и то, чему они тебя учили.

— Смерть убедила меня, что я смертный. Симму и в самом деле изменился. Он словно потерял свои блестящие одежды, надев тусклое серое одеяние.

— Не разочаруй меня, — сказал Азрарн. — Есть способ обмануть даже Смерть.

— Научи меня, — попросил Симму.

— Возможно... когда-нибудь... — задумчиво проговорил Азрарн. — Для начала послушай меня. Прикосновение к любой вещи в этом городе принесет смерть. Эта женщина отравила здесь все своим ядом. Но тот камень, что висит у тебя на шее, камень Нижнего Мира, защитил тебя.

— Ты как-то упоминал о моем отце, — медленно произнес Симму. — Но я ничего не запомнил из твоих слов, кроме того, что он тоже как-то связан со Смертью.

Тогда Азрарн понял, что человеческое начало полностью завладело Симму. Ведь демоны не думают о своих родителях, это свойственно только людям. Злобное мерцание разлилось по телу Азрарна, но тут же угасло. Ему почудилось, что Симму стоит на развилке дороги Судьбы и сейчас должен выбрать свой путь. Поэтому Азрарн решил поведать Симму историю о его удивительном зачатии. Он рассказал о прекрасной королеве, не любившей мужчин, и о проклятии Иссака, рассказал о ее визите к ведьме в Дом Синего Пса и о сделке с Улумом, Владыкой Смерти. Он поведал о связи Наразен с прекрасным светловолосым юношей, который был белее мрамора и холоднее льда, поднявшимся из могилы, чтобы встретиться с королевой. Симму сидел у ног Азрарна, посреди отравленного Мерха, и слушал... Мрак сгустился в его глазах, губы кривились от отвращения.

А потом Азрарн провел Симму по улицам мертвого города. Само присутствие князя демонов защищало Симму, и воспоминания пробуждались в нем, принося печальное облегчение.

Мертвые были повсюду. Они лежали кучами — птицы и животные, мужчины, женщины и дети. Погибли цветы и деревья, вода в колодцах почернела. Печать Смерти лежала на домах и даже на камнях мостовой. Все, к чему прикасались руки Наразен, камни, которых касались ее ноги, волосы или плащ, — все было уничтожено.

Все те, кто позднее прикасался к отравленным вещам и людям, заражались чумой. Город умер. Мерх превратился в могилу, как и все окрестные земли. Не спасся никто.

Симму не видел всего этого и не осознавал чудовищных масштабов Смерти. Все прежние его чувства уступили место жгучей ненависти.

Уже глубокой ночью, поднимаясь с Азрарном на склон холма, туда, где птицы дождем падали с неба, Симму громко сказал:

— Вы вылечили меня от трусости. — Он выкрикнул это, словно вызов синей смерти, уничтожившей его страну. — Я больше не буду скрываться и убегать от нее. Я стану врагом Владыки Смерти. Я найду способ уничтожить его. Всей душой я верю, о величайший из князей, что ты поможешь мне.

— Симму, только люди помнят, что у них есть душа, — тихо произнес Азрарн.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ГРАНАТ

Глава 1

Симму проснулся, не помня, когда заснул и когда ушел Азрарн. Солнце сияло в небе над мертвым Мерхом. Симму всем телом ощущал саднящее сияние, которого не мог избежать. Он многому научился, а главное — понял, что он смертный. Ему казалось, что он полностью изменился. Все те свойства, которыми наделили его в младенчестве эшвы, разрешив пользоваться их магией, их жестокость и прямолинейность в достижении цели, а также обволакивающая мягкость, отличавшая Симму от людей, ушли навсегда. Даже физически юноша ощущал изменения. Тело стало непослушным и тяжелым, словно налитое свинцом. На самом же деле изменился лишь его дух, что почти не отразилось на его теле. Для других Симму по-прежнему выглядел прекрасным и странным. Но он внутри изменился.

Наконец Симму поднялся на ноги и побрел по долине — опустив голову, бесцельно, замкнувшись в себе так, как умеют только люди.

И вдруг из безмолвия, безжизненной пустоты раздался голос. Симму удивленно обернулся, чтобы посмотреть, кто говорит. Слева от него, шагах в тридцати, стоял бородатый человек с бритой головой, одетый в шкуру леопарда. На его плечах темнели заживающие отметины хлыста, а кожа отливала синим цветом. Увидев эту кожу, юноша вспомнил Наразен.

— Не бойся, — сказал мудрец, которого Жорнадеш безуспешно пытался когда-то высечь. — Яд уже уходит из моего тела, не причинив мне вреда. Кстати, я вижу, ты тоже знаешь пару маленьких хитростей, и тоже остался в живых... Но королевство, похоже, погибло.

— Я тоже наполовину мертв, — ответил Симму.

— Тогда оставь эту половину Владыке Смерти.

— Нет. Я не отдам ему даже крохотной частички, — мрачно пробурчал Симму, вспоминая клятву, данную этой страшной ночью. Ведь он пообещал, что найдет способ уничтожить Владыку Смерти. А демону Азрарну стало скучно с Симму, и он бросил юношу.

— Говорить о Смерти как о человеке — значит, придумать мертвого человека, — рассудил мудрец. — Зло может облечь себя в различные формы. Прошлой ночью ты путешествовал в отвратительной компании. Не хотел бы я быть вместе с вами.

Увидев перед собой мертвую змею на мертвой траве, Симму опустил на колени, поднял ее и впился в нее взглядом.

Мудрец прервал его созерцание, провозгласив:

— Я должен предупредить тебя, что силы, защитившие меня, скоро полностью овладеют мною.

— Ты сам их вызвал? — поинтересовался Симму.

— Нет, — ответил мудрец, — но, увидев тебя, я понял природу сил, скапливающихся во мне и заставляющих нести всякую чепуху. Скоро я вновь произнесу пророчество, а тебе предстоит разгадать его смысл.

Симму затрепетал, сам не зная отчего. Мудрец вдруг рухнул на землю, заметался и захрапел, словно в припадке. А потом он закричал, громко и отчетливо:

— Познай синева яда Мерха и лазурное лицо мертвеца! Найди Хозяюку Гранатовых Деревьев, Выпивающую Кости! Скажи об отраве среди отравленных деревьев!

Сказав все, что внушила ему неведомая сила, мудрец встал с величайшим достоинством.

— Я не понимаю... — нерешительно начал Симму.

— Я же предупреждал, ты меня не поймешь, — ответил мудрец.

— Выпивающая Кости... Синев... Отравы среди отравленных деревьев...

— Милый юноша, неужели ты думаешь, что я собираюсь разгадывать за тебя эти загадки? Если ты ищешь что-то и сможешь связать вместе сказанные мною слова и

использовать пророчества, все будет хорошо.

— Что я ищу? — Симму закрыл глаза. Он, наконец, выпустил мертвую змею из рук. — Я враг Владыки Смерти, — прошептал он, — и я должен найти способ уничтожить его.

Открыв глаза, он увидел, что мудрец собирается уйти.

— Подожди, — позвал его Симму.

— Нет, — ответил тот. — Ты слишком красив, а я дал обет безбрачия. Не хочу, чтобы у меня выросла третья нога. Она помешает мне следовать дальше по тернистому жизненному пути.

Он больше ничего не сказал, даже не оглянулся, и вскоре скрылся из виду.

Симму безнадежно и бесцельно бродил вдоль границ Мерха. Он не собирался уходить далеко, и, когда солнце склонилось к горизонту на запад, в сердце его вдруг зародилась безумная надежда — как он хотел, чтобы ему вновь явился Азрарн.

Наконец солнце зашло.

Тишина воцарилась над миром. Даже ветер боялся вздохнуть.

Огромные и безжалостно холодные звезды сверкали над мертвым Мерхом. На небе взошла луна — кривой клинок, рассекающий тени. Но никто не появился на равнине, чтобы присоединиться к нему.

И тут Симму неожиданно вспомнил, что однажды он уже познал неразделенную любовь. Тогда он лежал на неласковой земле, и звезды слепили его, неясные видения проносились перед ним, словно волны бескрайнего моря. Единороги танцевали на угольно-черном песке, и он, Симму, танцевал вместе с ними.

Еще не проснувшись окончательно, Симму встал и потянулся. Луна обожгла его обнаженное тело белыми холодными лучами, и расплавленная глазурь Смерти вытекла из его души. Теперь Симму думал об Азрарне, и тело его дрожало, извивалось. В безумных страстных изгибах тела, в сладострастных толчках Симму стал вновь изменяться. И вот девушка вскинула руки к узкому серпу луны и пустилась в пляс.

Пока Симму танцевала, ее разум приобрел еще одну особенность, свойственную людям. И, танцуя, она с удовольствием предавалась свойственным женщинам заблуждениям: «Теперь я прекрасна... Он вернется ко мне, а я притворюсь, что забыла величайшего из князей».

Но когда Азрарн пришел (может, его что-то задержало, а может, он выжидал именно этого), притворство исчезло. Облако черного дыма обволокло ее, танцующую, закружило и потянуло — но не вниз, а вверх, подняло в воздух. Глядя на демона затуманенными похотью глазами, Симму видела отражение луны и звезд в глазах Азрарна, которые казались ей прекраснее всех звезд.

Вскоре Симму почувствовала, что лежит в пустоте небесного свода, и руки демона обнимают ее. Азрарн мягко произнес:

— Ты говорила с лысым бородатым леопардом. Что он сказал тебе?

— Что я подвергаю опасности его обет безбрачия, — ответила девушка Симму и обвила руками шею Азрарна. Это прикосновение вызвало в ней такое чудесное сладостное чувство, что она тихонько вскрикнула. Но Азрарн мягко отстранился от нее и сказал:

— Время для любовных утех обычно выбираю я. Оно еще не пришло.

Симму отвернулась от него и обнаружила, что лежит не на облаке, а в гнезде черных перьев, на спине гигантского орла. Птица летела на восток, и взмахи ее крыльев громом разносились над землей.

«В твоей памяти увидел я образ мудреца, — с помощью шума крыльев обратился демон к Симму. — Я знаю ответ на его загадку и отнесу тебя в Дом Синего Пса, где ты сама все узнаешь».

Сидя на спине орла Симму снова стал юношей.

Глава 2

Лилас — ведьма из Дома Синего Пса спала и видела сон о Владыке Смерти. Улум обходил свои владения, а вечно юная колдунья шла за ним по пятам. Она знала себе цену и слышала, как люди кричат; «Это избранная сестра Владыки Смерти».

Ведьма спала обнаженной. На ней был пояс с костяшками пальцев, а ее замечательные волосы цвета солода укрывали тело, словно шелковый плед. Она стонала и слабо подрагивала во сне, слыша приближающиеся шаги Улума, кожей ощущая прикосновения его плаща.

А перед домом мерзко шуршали листьями дикие гранатовые деревья. Они роняли на землю плоды, полные яда, надеясь, что утром хозяйка сада наступит на них. Если деревья и помнили Наразен, то молчали об этом. Шелестя листвой, они говорили о луне, жалея, что не могут опутать ее своими ветвями и стащить вниз. Ведь они были рабами, привязанными к земле, и ненавидели свободу других.

Колдунье снилось, что Улум прошел под виселицей, а когда Лилас последовала за ним, шершавая веревка неожиданно обвилась вокруг ее горла. Ведьма открыла глаза и увидела возле своего ложа чудовищного пса из синей эмали, который сладострастно лизал ее тело. Увидев, что хозяйка проснулась, пес пролаял:

— Кто-то идет сюда.

— Кто же?

— Я слышал хлопанье крыльев, — ответил пес. — Полнеба обрушилось на луг, и я поспешил спрятаться. А когда выглянул, то увидел на лугу мужчину, который не был мужчиной, и юношу, который не был юношей.

— Ты собрался играть со мной в загадки?! — прошипела ведьма.

— Никогда я не посмел бы так поступить, моя прелестная госпожа, — заюлил пес. — Но, как ваш слуга, я доложил вам все, что видел.

В этот миг в бронзовую дверь дома громко постучали. Лилас нахмурилась — те, кто искал ее помощи, обычно вели себя вежливо. Ведьма хлестнула пса своими волосами.

— Иди. Посмотри, кто стучит.

— Я боюсь, — заскулил пес, но, подчиняясь приказу хозяйки, выскочил из комнаты.

Широко распахнув бронзовые двери, он вытянулся на пороге во весь рост и зарычал на пришельцев:

— Кто вы?

— Я — Азрарн, князь демонов, — объявил высокий темный человек. А этого юношу можешь считать моим сыном. Теперь иди и передай это Хозяйке Гранатов.

Пес поспешно повиновался. Его фарфоровые зубы стучали от страха, а фаянсовый хвост с жутким шорохом волочился по полу.

Посетители вошли в дом. Они не спеша следом за псом поднялись по ступеням и попали в комнату со множеством синих светильников, горевших розовым огнем. Тут в комнату вбежала побледневшая ведьма. Она бросилась к ногам Азрарна, и ее волосы волной хлынули на ковер.

— Величайший из Владык, — пробормотала ведьма. — В моем доме ты всегда желанный гость. Помилуй свою недостойную служанку.

— Считаю, что помиловал, — улыбнулся Азрарн. — Встань!

Ведьма поднялась. Она откинула прядь волос назад так, чтобы открыть бутоны груди, но пояс с костями остался спрятанным. Еще раз оглядев гостей, удостоверившись в их личности, колдунья скромно опустила ресницы. Один из гостей — необыкновенно красивый юноша — был обнажен так же — нет, даже больше, чем она. Служанке Владыки Смерти хватило и мимолетного взгляда, чтобы убедиться, что второй гость тот, кем назвался.

— Могу ли я, — произнесла Лилас, — предложить что-нибудь моему повелителю? Серебряное кресло с обивкой из редкостного бархата? Дымящееся вино с ароматом белых лотосов? Хотите, чтобы звучала музыка? Может, воскурить благовония? Все, о чем я мечтаю, — услужить моему господину.

— Мы убедимся в этом чуть позже, — отмахнулся Азрарн, и Лилас задрожала. Затем

демон прикоснулся к плечу юноши, стоявшего рядом, о чем-то сообщая ему. Глаза юноши заблестели, и он заговорил тихим, но ясным и твердым голосом:

— Моя мать Наразен была королевой Мерха. Ты помнишь ее?

— Я? — с наигранным удивлением ответила Лилас. — Многие приходят в мой дом.

Юноша затянул паузу, собираясь с силами. Даже не глядя на него, ведьма чувствовала опасность, исходящую от этого человека.

— Ты носила на своем поясе палец моей матери, — продолжал юноша. — Она заключила договор с тем, кому ты служишь. Когда Наразен умерла, ты растерла кость в порошок — ведь таков твой обычай? — и выпила его, растворив в вине. Ты всегда так делаешь, чтобы продлить свою молодость.

— Что ж, — ответила Лилас, — это правда. Я припоминаю эту королеву. Но я ничего не делаю без согласия моего хозяина.

— Нет, сделала. Однажды...

— Что именно? — перебив Симму, требовательно спросила Лилас. Она впиалась взглядом в юношу и уже не обращала внимания ни на его рысьи глаза, ни на то, как он смотрел на нее.

— Яд, от которого умерла Наразен, — ведь это ты приготовила его?

— Я? — переспросила Лилас, отступив. Это было правдой. Лилас с первого взгляда невзлюбила Наразен. Ведьме не нравилось высокомерие королевы в разговорах с Владыкой Смерти, которое он даже не пытался пресечь. Лилас с каждым днем завидовала Наразен все больше, она была очень ревнивой. Однажды она сорвала красный гранат и вынула из него синие ядовитые зерна. А потом приготовила из них смертоносный напиток, хранившийся в небольшом сосуде. И день за днем, ночь за ночью ведьма с улыбкой разглядывала этот сосуд, думая, как бы преподнести королеве яд. Наконец Лилас послала в Мерх шпиона — она имела власть над некоторыми низшими существами — разными червями и ящерицами. Ее посланнику понадобилось несколько месяцев, чтобы добраться до города и вернуться назад, но он принес ей хорошие новости. И вот, приняв чужое обличье (у колдуньи их было несколько), Лилас сама отправилась в Мерх. Она отыскала дом продажного лекаря — трусливого, жадного и к тому же преданно служившего Жорнадешу. Бесцеремонно войдя в дом и неожиданно появившись в лаборатории лекаря, Лилас предложила ему купить сосуд с ядом.

— Почему меня должна заинтересовать эта гадость? — грубо спросил лекарь, стараясь скрыть волнение от сверхъестественного появления прекрасной гостьи.

— Разве в городе нет ни одного честолюбивого мужчины, мечтающего о троне Мерха? Лекарь закашлялся:

— На троне Мерха сидит королева.

— Да, но она скоро должна родить. А, разрешившись от бремени, Наразен ослабнет и может попросить чего-нибудь выпить.

— Это же измена, — в страхе пробормотал лекарь. Но после долгих раздумий он спросил:

— Почему ты думаешь, что этот яд лучше, чем те, которые готовлю я?

— Можно подсыпать такую дозу, что смерть наступит в самый подходящий момент, — ответила Лилас. — И еще, этот яд действует безболезненно, но делает жертву бессильной. Королева даже не сможет позвать на помощь, а следы отравления появятся только через несколько часов после того, как тело остынет.

— Все это лишь слова.

— Ты можешь убедиться сам.

Слуги лекаря затащили в дом мальчишку-оборванца, силой заставили попробовать напиток. Он тихо умер — без боли, в молчаливом отчаянии, и синева действительно не сразу проступила на его коже.

Три слитка золота получила Лилас в обмен на сосуд. Она редко пользовалась деньгами, предпочитая не тратить их, а хранить дома в кувшине. За шестнадцать лет, прошедших со

дня кончины Наразен, колдунья изредка доставала три слитка золота и играла с ними, улыбаясь...

Но сейчас ей было не до смеха.

— Ложь, — объявила она своим необычным гостям. — Кто рассказал тебе этот вздор?

— Это правда, — возразил Симму. — Скажи спасибо, что мстительная Наразен не знает этого. Недавно она приходила в наш мир из Внутреннего Мира и в гневе уничтожила весь Мерх.

— А еще скажи спасибо, — продолжал Азрарн, — что твой хозяин не слышит нас. Улум любит заключать сделки с людьми, но кто же станет это делать, если узнает, что на Владыку Смерти нельзя положиться. Выходит, что как только душа обещана ему, он сразу же подсылает своих слуг убить несчастного и сослать душу в его мир на тысячу лет?

Лилас побледнела. Она сделала ужасную глупость, которую может допустить только очень умный и хитрый человек. И только теперь она поняла это. Колдунья снова рухнула на пол и обхватила ноги Симму.

— Прекрасный юноша, скажи мне, чего ты хочешь, — я сделаю все, что ты пожелаешь. Дай мне поручение, и я исполню его. Но прошу тебя, не рассказывай о моей глупости Владыке Тьмы, Улуму.

Симму вопросительно взглянул на Азрарна, не зная, что делать дальше, и вдруг в его голове вспыхнул уголек знания, небрежно брошенный князем демонов. И Симму сказал ведьме:

— Улум ничего не узнает, если ты ответишь мне на один вопрос.

— Все, что угодно, — отвечала ведьма... И это была вторая глупость, которую она совершила.

— Скажи мне, что такое сказала ты Владыке Смерти, отчего он согласился заключить договор с тобой?

Симму произносил слова, до конца не понимая их глубинный смысл, исполняя молчаливое указание Азрарна. Но как только слова эти слетели с его губ, глаза юноши вдруг широко раскрылись — он неожиданно понял всю важность того, что произнес. Глаза Лилас тоже широко раскрылись.

— Спроси меня о чем-нибудь другом, — медленно проговорила она. — Этого мне нельзя говорить.

— Мне не нужно ничего другого. Я хочу знать именно это.

— Величайший из Владык... — начала Лилас, поворачиваясь к Азрарну.

Но демон сделал вид, что не замечает ее. Его благородное лицо почему-то напомнило колдунье, как близко королевство Азрарна к королевству Улума и то, как просто один Владыка Тьмы может связаться с другим.

Лилас мысленно проклинала все и вся. Она проклинала гранатовые деревья в своем саду за то, что те искушали ее своим ядом, она проклинала маленький сосуд, лекаря, Симму — ведь рядом с ним стоял такой могущественный страж.

Все это навело Азрарна на мысль, что, несмотря на роль служанки Владыки Смерти, Лилас заключила с Улумом договор, иначе Улум не стал бы выслушивать ее. Очевидно, ведьма обнаружила слабое место в неуязвимых доспехах Владыки Смерти. Достаточно слабое, чтобы воспользоваться этим и стать служанкой Улума, прожить лет двести или еще больше, сохраняя вечную молодость.

Когда Симму понял, что имеет в виду демон, он схватил ведьму за горло.

— Что ж, раз ты так любишь Владыку Смерти, я отправлю тебя к нему.

— Нет, — заскулила Лилас. — Я еще не готова к этому. Я все расскажу. — Но когда Симму отпустил ее, лукавые огоньки мелькнули в глазах колдуньи. Она собралась соврать.

Однако Азрарн произнес:

— Она может молчать. Я уже все знаю.

Когда ведьма вспомнила о своем договоре с Улумом, демон прочел ее мысли так же легко, как читал бы в открытой книге.

Как уже упоминалось, четырнадцатилетняя Лилас, возвращаясь домой в предрассветный час, встретила Владыку Смерти. Он стоял под виселицей, и три тела покачивались над ним. Улум и девушка долго разговаривали. И теперь Азрарн знал, о чем они говорили.

«Господин, — начала Лилас, — я преклоняюсь перед тобой — кто же не понимает, что ты могущественнее любого земного короля, могущественнее самих богов? Я трепещу от страха».

«Ты искала меня?» — спросил Улум.

«Нет, — ответила Лилас. — Я еще молода и хочу жить. Но я восхищаюсь твоей красотой и твоим величием. Я трепещу, стоя перед тобой — ведь моя жизнь висит на волоске».

«Такова любая жизнь, « — вздохнул Улум, Владыка Смерти.

«Да, — согласилась Лилас, — но когда-нибудь люди найдут противоядие от смерти. Тогда ты погибнешь! А ведь Смерть так хороша и необходима. Если люди будут жить вечно и смеяться — прошу прощения, мой повелитель, я бы никогда себе этого не позволила — смеяться над Смертью, тогда какими же чудовищами они станут! А ты, Владыка, кем станешь тогда ты? «

Возможно, Смерть создали боги, а может — люди. Улум был тенью на стене, именем, облеченным в форму. С каких пор он существовал? Достаточно долго, чтобы осознать свое существование. Но, не подвластный человеческим чувствам, он не ощущал острой боли напрасного беспокойства за свою жизнь. Однако его не прельщала жизнь, лишенная впечатлений, жизнь в мире, где люди начнут отрицать смерть.

Лилас отлично это понимала...

А в тот день на холме она говорила с Улумом низким и сиплым голосом, полным страха, восхищения и коварства.

«Мудрость и зло руководят мной. Несмотря на юные годы, я знаю много тайн. Если же я ошибусь, поправь меня. Говорят, что в стране богов, в Верхнем Мире, есть колодец, наполненный водой бессмертия. Ни один смертный не может проникнуть в тот Мир, но даже если бы и смог, все равно этот колодец неусыпно охраняют. Однако мои учителя рассказывали мне — хотя, может, и они ошибались, — что существуют легенды еще об одном колодце, который находится где-то в восточных землях нашего мира. Этот второй колодец расположен точно под колодцем бессмертия в стране богов — один под другим. Ни один смертный не знает, где находятся колодцы. В самом деле, откуда же им знать — ведь в колодце, находящемся на земле, — обычная вода. Но мои учителя сказали мне: не случайно эти колодцы расположены друг под другом. Может быть, такова прихоть богов. Когда-нибудь дно колодца бессмертия — а говорят, оно сделано из стекла — треснет, и несколько капель эликсира вечной жизни попадут из Верхнего Мира в наш — прямо в колодец под ним. Подумай, мой господин, какая случится беда, если в тот самый час какой-нибудь человек наткнется на земной колодец и узнает его секрет. Ведь этот колодец даже не охраняется. По крайней мере, так говорят».

Владыка Смерти сделал вид, что его совсем не заинтересовал этот рассказ. Но тем не менее он спросил: «Зачем ты рассказала мне эту историю?»

«Потому что, мой господин, ты — Владыка Тьмы и должен знать, где находится колодец Верхнего Мира. А значит, ты сможешь найти и его двойник на земле. Тогда ты поставишь возле него своих стражей — в ожидании дня, когда упадут капли воды Бессмертия. Или, если это слишком утомительно для тебя, разреши мне присмотреть за колодцем. Я умная, хоть и молодая. Все мое искусство я предоставлю в твоё распоряжение».

«А ты, зная эту тайну, разве не воспользуешься ею, чтобы послужить людям?» — удивился Улум.

Тогда Лилас было всего четырнадцать лет. Мужчины использовали ее, а она — их. Однако теперь перед ней стояло волшебное создание, прекраснее и ужаснее любого мужчины, когда-либо появлявшегося на земле. Лилас всегда искала себе темный и жуткий

идеал. Ведьма легла на тропу перед Владыкой Смерти и поклялась, что будет служить ему, не заботясь о человечестве, без всяких условий. Искренность ее темной страсти исходила и от ее сердца, и от разума. Владыка Тьмы понял это и поверил ей, хотя и связал ее обязательством исполнять и другие его поручения. Он подарил ведьме другую форму вечной жизни, исходившую из костей, растворенных в вине. Но Лилас не должна была испытать ни глотка воды бессмертия, если даже та прольется в этот мир.

А что касается таинственного нижнего колодца, Владыка Смерти нашел его. Хотя Улум никогда не был в Верхнем Мире — ведь в те дни боги не умирали, он знал, где находится священный колодец, и поэтому без труда отыскал колодец мира смертных.

Он перенес туда Лилас, обернув ее белым крылом своего плаща. Ведьма не видела дороги, но само место изучила до мелочей. Владыка Смерти оставил ее одну, решив посмотреть, как его служанка выполнит порученную работу, сам он был слишком абстрактной и опасной фигурой, чтобы свободно бродить среди людей и заключать с ними договоры; но порой ему нужен был посредник. Кроме того, такое занятие было ему совсем не по вкусу. Поэтому он наделил свою служанку сверхъестественной силой и сделал так, чтобы ее имя всегда звучало рядом с его. С тех пор Лилас приобрела определенную репутацию. И где бы ей ни довелось побывать, о ней говорили как о служанке Улума.

Ведьма, несомненно, держалась высокомерно, но умела улаживать любые дела. Заклинаниями и различными фокусами она подчиняла себе невежественных и примитивных людей, живущих возле колодца. Ее окружали рабы и стражники, связанные ее чарами. И вся эта ложь была затеяна ради маленькой склизкой замшелой норки в земле — вот что представлял из себя второй колодец...

Но теперь, трясаясь от страха у ног Азрарна в Доме Синего Пса, понимая, что демон вырвал из ее памяти то, что никто и никогда не услышал бы из ее уст, Лилас пожалела, что утром, двести восемнадцать лет назад, встретила Владыку Смерти.

— Прекраснейший и очаровательный Владыка, — умоляла она демона, — забудьте то, что вы узнали. Я признаюсь своему хозяину в том, что помогла отравить Наразен, пусть он считает, что я сохранила в тайне местонахождение второго колодца... Сжальтесь надо мной!

Пока она причитала и заламывала руки, Азрарн исчез и унес юношу с собой.

А Лилас еще долго выла и била кулаками по полу.

Но, наконец, она успокоилась, встала, подошла к столу и открыла большую шкатулку из черного дерева. Внутри лежал небольшой плоский барабан, которым она вызывала Улума. Этот барабан был сделан из старого красного дерева, на которое была туго натянута человеческая кожа.

Ведьма села на пол и, в страхе кусая губы, начала бить в барабан.

Азрарн мог отыскать второй колодец без труда — он ведь знал, где находится колодец бессмертия. А потом на вершине холма, под белым звездным дождем, демон рассказал Симму самое необходимое, а затем распрощался с ним.

Теперь юноша улыбался.

— Теперь, когда я стал простым смертным, ты бросишь меня. Но кем же тогда я стану, если я ничто в твоих глазах?

— Героем, — ответил Азрарн. — Творцом Хаоса.

— Да, — печально проговорил Симму. На мгновение его зеленые глаза заблестели и черные огоньки озорства эшв отразились в них. — Я принесу смерть Владыке Смерти. Но сколько лет придется мне ждать, пока колодец Верхнего Мира не треснет?

— У смертных свой удел. — С усмешкой заметил Азрарн. — Ты отыщешь свой путь, потому что в этом твоя судьба.

Симму уставился на него пустым взглядом.

— Чем-то ты похож на одного человека, — надменно проговорил Азрарн.

— Кого?

— Его зовут Зайрем.

— Кто это?

Азрарн запустил пальцы в длинные локоны Симму и сказал:
— Ты звал его, когда тебе было страшно.
— Не помню, — тихо ответил Симму. — Даже если я и звал его, то не помню, кто он.
— Ты быстро забываешь, совсем как демон, — усмехнулся Азрарн.
— Меня тоже забудут, — протянул Симму жалобным женским голосом — под ласкающими прикосновениями Азрарна он снова изменился. — Когда-нибудь я позову тебя, повелитель, а ты не услышишь меня или не захочешь услышать.
— Я услышу, — заверил Азрарн. — Если ты бросишь в огонь свой зеленый камень, я появлюсь. Пусть это будет нашим знаком.
И Азрарн поцеловал Симму в губы. От этого поцелуя тело Симму затрепетало. Но в тот момент, когда огонь экстаза охватил ее, Азрарн исчез.
Симму — одновременно девушка, эшва и терзаемый муками мужчина — остался один на вершине холма, залитого лунным светом.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ САД ЗОЛОТЫХ ДЕВ

Глава 1

Никто не знал, где находился второй колодец, но располагался он, несомненно, где-то рядом с центром земли, вдалеке от черных огнедышащих вулканов внутренних областей. Места эти трудно было назвать красивыми или плодородными: настоящая пустыня, по которой к далекому морю текла река. На ее берегах и протекала жизнь обитающих здесь людей. Они возделывали поля, ловили рыбу и охотились на животных, населявших прибрежные болота. Их пугала пустыня, поэтому они старались не удаляться от реки, и поступали, несомненно, мудро. Считалось, что на тысячи миль вокруг нет ни капли воды, если не считать одного места. На расстоянии дня пути от реки среди дюн поднимались девять невысоких скал. Они кольцом окружали долину, такую же пыльную и бесплодную, как пустыня. Посреди долины виднелась поросшая мхом яма, узкая и глубокая, на самом дне которой, едва заметно, тускло поблескивала серовато-зеленая вода. Это и был второй колодец.

За двести восемнадцать лет до появления Симму в Доме Синего Пса Улум послал к колодцу одну из своих служанок. Ей было всего четырнадцать, и она считалась очень сообразительной, хотя порой вела себя непредсказуемо.

Лилас появилась на берегах реки, одевшись жрицей, поразила Людей Реки чудесами, и те решили, что с такой выдающейся личностью надо считаться. Она заявила, что прислана Богом, но имени его не назвала. Однако некая аура, дар Улума, придавала ее словам зловещую значимость. Женщина-ребенок, блудница и колдунья, облаченная в невидимые покровы силы, она отдавала приказы, и ей повиновались.

— Кольцо Девяти гор, — объявила она, — священо, как и долина внутри него. Но самое ценное — неприметная на первый взгляд яма с краями, покрытыми засохшим илом. Значит, все это надо охранять, и Людям Реки повезло, что мрачный и таинственный Бог избрал именно их.

— Кроме того, — продолжила колдунья, — самые крепкие и сильные юноши должны нести дозор в пустыне.

Люди Реки зароптали, но все же приняли волю Бога. Однако и это оказалось еще не все. В пустыне нужно было возвести сторожевые башни, чтобы вовремя заметить приближающегося врага.

— Ну, конечно, — проворчали люди, переминаясь с ноги на ногу. — Может, мы этим и ограничимся?

— Нет, — ответила колдунья. — У подножия гор я поставлю своих стражей. Жуткие

чудовища не причинят вам вреда. Наконец, — закончила колдунья, — горную долину придется окружить высокой стеной, чтобы никто не смог перебраться через нее. Даже верные охранники останутся снаружи. За этой стеной будут находиться Верховные Стражи — девять тринадцатилетних девственниц. Они не имеют права выходить из долины, пока не закончится срок их службы — девять лет. После этого их заменят следующие девять, и так будет до конца времен.

— Девять дев? — в изумлении спросили люди.

— Совершенно верно, — ответила она, — и, разумеется, ни один мужчина не войдет в долину. А если кто-нибудь попытается, то его ждет смерть.

— Но как же эти девочки смогут жить в бесплодной пустыне? — допытывались люди. — Ведь там нет ни еды, ни воды. Воду из колодца, да простит Бог нашу дерзость, пить нельзя.

— Пусть вас это не тревожит, — ответила колдунья. — Когда я все обустрою, долина станет прекраснее всех садов мира. Ваши дочери будут умолять меня о милости служить моему повелителю и с рыданиями встретят час окончания службы. Вам же нужно постараться сделать так, чтобы девять избранниц были прекрасны, как девять молодых лун. Я не желаю видеть в своем саду уродин. И не забудьте воздать почести моему повелителю.

И в самом деле, Лилас была непредсказуема.

В ее голове вспыхивали различные образы, и она превращала их в реальность. Взять хотя бы стражей-нелюдей — трудно представить чудовищ более мерзких. Рогатые и клыкастые, с головой тигра и хвостом из извивающихся змей... Одни имели крылья, другие дышали огнем, рев третьих ужасен. Они прятались в пещерах и норах, на скалистых террасах у подножия гор. Но стоило кому-нибудь подойти слишком близко, чудовища тут же выскакивали из убежищ и набрасывались на чужеземцев. Колдунья, не зная меры, сотворила целые полчища подобных тварей. Они и в самом деле не причиняли вреда Людям Реки, лишь время от времени какой-нибудь сбившийся с дороги странник попадал к ним в лапы, и тогда чудовища разрывали его на части железными когтями.

Тем временем люди усердно возводили стену вокруг долины. Несомненно, тут не обошлось без колдовства; говорят, стена, построенная всего за один месяц, достигла такой высоты, что девять рослых мужчин, встав друг другу на плечи, не могли доставать до ее верха. Внутрь вела единственная узкая дверь, открывавшаяся лишь раз в сутки, на закате. Не стоит и говорить, что стражем у этой двери колдунья поставила самое ужасное из своих созданий. Сама же стена обжигала руки, а с ее гребня били молнии, поражая неосторожных. Даже хорошо подготовленная армия, несущая дозор в пустыне, на башнях и на внешних склонах гор, держалась подальше от этой стены.

Наконец Лилас в одиночестве отправилась в бесплодную Долину колодца. С собой она взяла лишь три камня, которые дал ей Улум. Колдунья бросила один из них на землю, и из того места, куда он упал, забил фонтан прозрачной и холодной воды. Она бросила второй и третий камни, и вся долина наполнилась пением вод. Затем, уже с помощью своего колдовства, Лилас сотворила чудесный сад. Кое-что из ее чудес являлось всего лишь иллюзией, но все остальное было самым настоящим. А потом колдунья показала свой сад людям. Жителям пустыни, считавшим доселе свою угрюмую реку и болота лучшим даром природы, сад в долине показался сном, раем, о котором они не смели и мечтать. Они тоскливо вздыхали, а маленькие девочки, которым еще не исполнилось тринадцати лет, с круглыми от восторга глазами просили:

— Ну, пожалуйста, можно я стану хранительницей Священного колодца Бога?

Пока все шло именно так, как задумала Лилас. Самой колдунье идея запереть девочек за высокой стеной казалась необычайно ловким ходом, хотя, возможно, именно это и было ее ошибкой. За свою короткую жизнь Лилас много скиталась, вокруг нее всегда вились мужчины, и, возможно, сотворив эту долину, она постаралась воплотить в реальность свою мечту — безмятежную жизнь под сенью деревьев в обществе девяти дев. Этим девам целых девять лет не нужно будет терпеть идиотские игры мужчин, в которые сама Лилас уже

наигралась. А может, создавая сад, она хотела вновь обрести потерянную девственность, она, еще в юные годы продававшая себя за деньги и уроки магии. И все же ей казалось, что прекрасные и невинные девицы станут наилучшей охраной для Священного колодца. Как и многие смелые, деятельные и умные женщины, видящие вокруг только ограниченных и покорных людей, Лилас считала себя совершенно исключительной, полагая, что ни одна женщина не сравнится с ней. Поэтому она думала, что девять дев, проведя лучшие свои годы в ее саду, получают больше удовольствий, чем общаясь с грубыми мужчинами. Они будут гулять по саду, играть, заниматься своими девичьими пустяками, и им в голову не придет исследовать колодец или пытаться постичь его тайну до тех пор, пока сюда не проникнут мужчины — потенциальные герои.

Лишь двести один год спустя самодовольство Лилас поколебала встреча с Наразен. Однако к тому времени колдунья уже не занималась охраной второго колодца, считая свою работу законченной.

Благодаря колдовству Улума колдунья оставалась вечно юной, так что физически она совершенно не изменилась, да и разум ее остался прежним. Когда Симму встретил Лилас, ей было двести тридцать два года, однако она казалась все той же четырнадцатилетней девчонкой. Но мир, в отличие от колдуньи, изменился, и земля колодца не была исключением. Собственно говоря, жесткий порядок, установленный Лилас, и повлек за собой все перемены.

Во-первых, Люди Реки стали надменными и высокомерными — ведь именно они оказались избранниками Бога и охраняли его святилище. Такая самоуверенность породила в людях неведомую им ранее смелость и страсть к путешествиям. Пустыня по-прежнему не привлекала их, но оставалась река. Они увлеклись строительством лодок. Спустя примерно десять лет они уже плавали вниз по реке и вскоре добрались до моря, обнаружив на его берегах пару городов и несколько мелких поселений. Очевидно, что ни один из этих городов и поселков не являлся избранным Богом, и, хотя некоторые пытались претендовать на это, доказательств тому не имелось. Высокомерие Людей Реки все росло, и вскоре они стали устраивать грабительские набеги на соседей. Они забирали и везли домой все лучшее, что могли найти, оправдываясь тем, что делают это во славу их Бога. Благодаря грабегам уже через двадцать лет они стали процветающим народом. У них были лучшие корабли, позволявшие им заплывать все дальше и дальше. Еще через пятьдесят лет на берегах реки вырос прекрасный белокаменный город с висячими садами и золотыми лестницами. Город называли Вешум, что значит Благословенный, и каждому входившему в него сразу же попадалась на глаза статуя Бога, установленная на западном берегу реки, — огромное изваяние из черного обсидиана. Видимо, колдунья все же подсказала несколько деталей из внешности Улума, хотя статуя не передавала ни красоты, ни отрешенности Владыки Смерти. Скульптура скорее напоминала чудищ, ревущих на склонах Девяти гор. Эти твари выдыхали пламя, хлопали крыльями и готовы были разорвать на части любого путника, наивно полагавшего, что он может пройти по тропам, которые они охраняют.

Сомнительно, что какому-то злодею захотелось бы подняться вверх по реке до Вешума. Еще менее вероятно, чтобы кто-нибудь удосужился пересечь выжженную солнцем пустыню только для того, чтобы взглянуть на грязную яму в бесплодной долине. Поэтому не удивительно, что молва о чудесном городе разошлась лишь благодаря слухам о его сказочных богатствах, награбленных пиратами Вешума во время опустошительных набегов на прибрежные поселения. Кроме того, людей завораживали рассказы хвастливых жителей Вешума об их удивительном Боге, о жутких тварях, охраняющих горы и пожирающих неосторожных путников, о храбрых и сильных юношах, неустанно несущих дозор в пустыне, а особенно увлекало слушателей старинное предание о волшебном саде и девяти прекрасных девах, служащих Богу в его святилище. В Вешум стали стекаться паломники, чтобы поклониться Черному Богу и возложить на его алтарь драгоценные приношения. Кое-кому повезло попасть на церемонию Избрания дев и увидеть своими глазами все великолепие золотых украшений безупречно прекрасных избранниц, проследить, как они идут к

святилищу и исчезают в узкой двери, появляющейся в величественной стене на закате солнца. А над стеной в это время сверкали молнии. Когда девы входили в сад, закончившие службу выходили оттуда, выброшенные из рая в мир, о котором давно забыли. Они рыдали, как и было предсказано, и некоторые предпочитали смерть, бросаясь со скалы, остальные же неохотно возвращались в Вешум и становились жрицами в обсидиановом храме. Некоторые девушки выходили замуж, но ни одна из них не была счастлива. Они изнывали от тоски по чудесному саду и, случалось, убивали своих мужей или детей. Никто не осмеливался наказывать их, потому что они считались святыми. Бывало и так, что одна из этих женщин, скрывая лицо под покрывалом и безутешно рыдая, возвращалась назад в пустыню, минуя стражу и чудищ. Она садилась близ пышущей жаром высокой стены. На закате она бросалась к дверям, обжигая руки, но неведомый грозный страж не пускал ее, и тогда несчастная убивала себя.

— Но что же они там охраняют? — интересовались паломники, пришедшие в Вешум.

Богатые разбойники, давно уже не грабившие соседей, предпочитая жить на дары паломников, отвечали:

— Святыню из золота и золотой колодец под ней. (Колдунья напоследок прикрыла грязную яму изящным храмом с куполом из чистого золота.)

После этого паломники, не подходившие слишком близко к чудовищам-стражам, возвращались домой и рассказывали:

— Жители Вешума посылают самых храбрых своих сыновей защищать честь их Бога. Священные горы кишат ужасными чудовищами. А в волшебном саду, о котором не расскажешь словами, девять дев, прекраснее, чем девять золотых звезд, охраняют золотой колодец.

Так Вешум стал знаменитым, а долину начали называть садом золотых дев. С тех пор прошло двести тридцать лет.

— Я уверен, что изберут и нашу дочь — Кассафех, — хвастливо заявил купец.

— Ну, разумеется, — ответила его жена, не отрываясь от вышивания.

— Нашу дочь — Кассафех, — повторил купец, довольно ухмыляясь. Он торговал редкими шелками, которые привозил с побережья. Иногда его корабли брали на борт паломников, направляющихся к алтарю Черного Бога, и паломники хорошо платили ему. Дед купца был беспощадным пиратом, но об этом все давно забыли. — Да, Кассафех наверняка изберут. Она само совершенство. Она станет одной из девяти святых. Мы должны гордиться ею. Кстати, подумай, насколько проще нам будет выдать замуж остальных четырех девочек.

— Да, — согласилась его жена, не глядя на него.

— Нет, ты только представь — наша дочь станет святой! — воскликнул гордый отец.

Его жена залилась ярким румянцем и уколола палец.

Кассафех и в самом деле была прекрасна, как говорил ее отец, даже еще прекраснее. Стройная, с бледной, почти прозрачной кожей, она напоминала молодой месяц. Ее волосы имели бледно-золотистый оттенок, напоминая лучи восходящего солнца. Ее глаза... нет, ее глаза описать невозможно. Купец ничуть не кривил душой, называя ее красавицей. Он ошибался лишь в одном: Кассафех была не его дочерью.

Дело в том, что жена купца родилась ниже по реке; и если ее супруг был просто богатым купцом, она являлась истинной аристократкой и жила в великолепном доме у моря. Когда матери Кассафех исполнилось одиннадцать лет, няня предупредила ее:

— Ты можешь гулять вдоль берега, но только со мной или со своей служанкой. И ни в коем случае ты не должна подниматься на тот дальний, самый высокий холм со скалистой вершиной.

— Это почему еще? — вызывающе спросила девочка.

— Потому что он принадлежит богам, — ответила няня. — Это их святилище, и ни один человек не должен осквернять его своим присутствием.

Нетрудно догадаться, что мать Кассафех тут же решила, что из всех мест, где она

хотела бы побывать, вершина высокого холма — самое главное. Однажды утром, отделившись от нянек и служанок, девочка устремилась к холму и быстро достигла цели.

С вершины холма открывался великолепный вид. Далеко внизу простиралось застывшее море зеленых холмов, а подножие того, на котором стояла девочка, казалось ярко-красным из-за множества распутившихся маков. Шелковая гладь моря простиралась до самого горизонта, а огромное голубое небо раскинуло свой шатер над вершиной утеса, где стоял мраморный алтарь, посвященный богам. Давным-давно жители этих мест решили, будто боги время от времени спускаются с небес на вершину скалы, и, хотя боги на самом деле ничего подобного не делали, к алтарю вот уже несколько веков никто не отваживался приблизиться. Вера — удивительная штука, и из-за нее порой происходят настоящие чудеса.

Девочка повела себя легкомысленно и беззаботно, непочтительно усевшись на алтарь, и в восхищении огляделась: синее небо, зеленые холмы и шелковое море. Потом она задремала, не заметив, как пролетели часы, и густые золотые сумерки коснулись вершины прибрежных утесов. А, проснувшись, девочка обнаружила, что она не одна.

Рядом с ней стоял странный молодой человек. То есть сначала девочка приняла его за человека и, только рассмотрев получше, поняла, что ошиблась. Волосы незнакомца напоминали золотую паутину, а глаза имели очень странный цвет — они напоминали призмы, в которых есть все цвета радуги и в то же время ни одного. Сквозь необычно белую кожу просвечивали вены, но, несмотря на это, он казался прекрасным. Он стоял почти обнаженный, лишь ярко-синий плащ развевался на одном плече, словно на ветру, хотя никакого ветра и в помине не было. Казалось, плащ не просто наброшен на плечо, а растет прямо из плоти. У странного обнаженного незнакомца девочка не заметила никаких мужских органов, однако она ни на мгновение не усомнилась в том, что перед ней мужчина. Хотя он мог принадлежать к некоему среднему полу, но почему-то показался будущей матери Кассафех чрезвычайно соблазнительным.

Это Бог, — подумала девочка. Она прыгнула с алтаря и склонилась в почтительном поклоне. Она ничуть не испугалась — невозможно бояться столь прекрасное существо. Девочка была в том возрасте, когда все мужчины представлялись ей грубыми и неуклюжими созданиями, пленительными и отталкивающими одновременно.

«Бог» не двигался с места и молчал, и девочка подняла голову, а потом выпрямилась. Она обладала непосредственностью истинной аристократки и, обняв «Бога» одной рукой, поцеловала его в губы. Ей показалось, что она прикоснулась к чему-то восхитительному, но не живому, вроде статуи из полированного оникса. Что касается «Бога», то он лишь загадочно улыбнулся, а его золотые ресницы слегка вздрогнули.

Нет, это был не Бог. Боги не покидали Верхний Мир, но в тех краях обитали волшебные создания — духи стихий. Они бродили среди облаков и звезд, купались в пламени закатов, наигрывали мелодии на длинных серебряных струнах дождя. Эти волшебные существа редко показывались людям, считая тех невероятно дикими и грубыми. Им больше нравилось бродить вдоль границ Верхнего Мира и, наблюдая издали, восхищаться богами. С виду духи стихий чем-то напоминали богов, хотя не до такой степени, чтобы можно было их перепутать. Так вот эти странствующие духи Верхнего, точнее, Подверхнего Мира иногда спускались на вершину холма с алтарем. Для чего они появлялись на этом холме, неизвестно. Также неизвестно, почему один из них оказался там именно тогда, когда пришла мать Кассафех и задремала на алтаре. Возможно, человеческая фигура на безлюдной вершине заинтересовала дух.

Когда девочка поцеловала его, дух заговорил, и его негромкий голос напоминал ей звуки арфы.

— Не целуй меня больше, — сказал он. — Это может сделать тебя матерью моего ребенка.

— Ну, конечно, — насмешливо фыркнула девочка. Она, разумеется, отлично знала, что именно может сделать ее матерью.

— Мы зарожаем новую жизнь поцелуем, но ты смертная, поэтому, чтобы зачать

ребенка, тебе потребуется еще и семя смертного мужчины.

— Если ты Бог, то выносить твое дитя — великая честь для меня, — объявила девочка и поцеловала духа еще раз. Тот задрожал всем телом, и девочка вдруг почувствовала, как нечто, обладающее вкусом вина и фруктов, наполнило ее рот. Она проглотила это восхитительное нечто, и дух смежил фиолетовые с золотой каймой веки.

— Я предупредил тебя, но ты не вняла моим словам. Пятеро детей родятся у тебя до того, как семя мужчины и та жизнь, что я передал тебе, смогут соединиться. Шестое твое дитя будет моим.

Дух побледнел еще больше, слабо вздохнул, одновременно удовлетворенный и виноватый, а потом странный плащ поднял его в воздух. Вскоре таинственный незнакомец растворился в синем небе.

Поздно вечером девочка вернулась домой в смущении и солгала няне, когда та спросила ее, где она была. К счастью, все обошлось без заметных последствий. Когда девочка несколько лет спустя вышла замуж за богатого внука пирата и уехала в далекий белокаменный Вешум, этот случай и вовсе стерся из ее памяти. Теперь он представлялся ей сном или девичьими фантазиями.

Потом она родила купцу четырех дочерей и одного сына. Все дети были миловидны, что порадовало купца. В ночь зачатия шестого ребенка, когда семя мужа вошло в нее, женщина испытала такое мучительное наслаждение, что неожиданно вскрикнула. Никогда прежде она не испытывала ничего подобного. Купец от души поздравил себя с успехом, а узнав, что жена вновь беременна, поздравил себя еще и с плодovitостью.

Дитя родилось в положенный срок, роды прошли легко, и с самого рождения ребенка мать наблюдала за девочкой со все возрастающим интересом и тревогой. Кассафех выглядела обычным ребенком без каких-либо сверхъестественных особенностей. Внешне она больше походила на мать, но унаследовала кое-что от трезвости и практичности отца. И все же было в ней нечто, отличавшее ее от остальных детей. Ее легкие, пушистые и не поддающиеся гребню волосы казались присыпанными золотым порошком, а глаза могли непредсказуемо менять цвет, что было вовсе не свойственно глазам смертных. Однако эти странности не бросались в глаза и приписывались игре света и тени или просто выражению лица девочки. На самом же деле девушка унаследовала все это от другого отца, с удивительными и в то же время бесцветными глазами.

Потому-то, когда купец заговорил о Кассафех как о своей дочери, ее мать залилась краской. А он, вспомнив тот ее единственный возглас восторга и наслаждения жены, решил, что и она вспомнила о том же и устыдилась этого.

Сама Кассафех в это время подслушивала у дверей. Когда она слышала о девяти девах и о том, что ей, вероятно, придется стать одной из них, ее глубокие, как омут, глаза от гнева из темно-зеленых стали светло-серыми.

«Я никогда не соглашусь жить запертой в саду целых девять лет, — поклялась она. — Ничего хорошего это не сулит. Отслужив Богу, святые девы мрут, как мухи». Потом ей вспомнилось, что девы должны быть безукоризненно красивы. Тут же глаза Кассафех стали цвета индиго, и она бросилась искать острый нож. Но, найдя его, девушка посмотрела сначала на сверкающее лезвие, потом на свою кожу цвета водяной лилии и положила его на место.

И вот наступил Великий День Избрания. Кассафех, вместе с другими достойными тринадцатилетними девицами, должна было отправиться на площадь перед храмом. Раньше никого не интересовало, богата или бедна девушка, решившая стать одной из девяти. Однако когда город разбогател, решено было, что и избранницами могут стать только дочери богатых и знатных людей.

Претенденток провели по широкой лестнице внутрь храма, в огромный зал. Девочки поодиночке вошли в небольшую комнату, где жрицы придирчиво разглядывали несчастных, озлобленных изгнанием из сада. «Да это же просто уродина!» — пронзительно вопили они. «Вы только посмотрите! Она косолапа, как медведица! И это ужасное родимое пятно... Нет,

нет, такие нам не подходят». Бедные девочки выбегали их храма, рыдая от унижения. Однако, в конце концов, всегда находилось несколько красавиц без единого изъяна, и жрицы приступали к дальнейшему осмотру. «А это что такое? Всего тринадцать — и уже распечатана! Убирайся, бесстыжая потаскушка! »

Когда в комнату вошла Кассафех, жрицы буквально почернели от злости, ведь ее совершенство и несомненное целомудрие сразу бросались в глаза. Эта мерзавка собирается пролезть в райский сад, куда им доступ навсегда закрыт. Как они ненавидели ее!

Но когда Кассафех сбросила платье, жрицы мило заулыбались.

— Ах, какие отвратительные нарывы! — поздравили они Кассафех.

— Да, — печально отозвалась девочка. Часть ночи она потратила на создание этого произведения искусства из теста и краски для шелка. — Никак не могу избавиться от нарывов. Их не бывает меньше десяти. Никто не может помочь.

Однако получилось так, что один из жрецов подглядывал за процедурой через потайное отверстие в стене, и, хотя он весь дрожал от возбуждения, пожирая глазами нагую деву, он все-таки смог отличить крашеное тесто от воспаленной плоти. Поэтому, приложив губы к отверстию в стене, он прокричал ужасным голосом:

— Бог избрал эту деву и исцелит ее. Принесите воды и вымойте ее тело. Мерзкие болячки исчезнут, и вы увидите, как Кассафех прекрасна.

Девушка нахмурилась, а жрицы заворчали, но исполнили все указания на случай, если голос и в самом деле принадлежал Богу. Конечно же, вода смыла жуткие нарывы, и тело Кассафех поразило жриц своей красотой.

— Я все равно не пойду в сад, — пробурчала Кассафех, за что жрицы отхлестали ее бархатными бичами, не оставляющими следов на коже несчастной.

Вскоре они объявили имена девяти дев, и имя дочери купца было среди них.

Кассафех никогда не поклонялась Черному Богу. Она считала его гадким, а его статую — отвратительной. Девушка верила, что все боги прекрасны. Хоть она и не знала тайны собственного зачатия, мать много рассказывала ей о божествах Людей Побережья. Именно таким богам хотела бы поклоняться Кассафех. Девушка несколько раз вслух прокляла вешумского идола, но он не наказал ее за это, и она полностью уверилась о том, что он бессилен. Потом Кассафех задумала было сбежать, но у нее ничего не вышло. Обезумевшие от гнева родители отругали дочь и заперли в комнате без окон. Ее выволокли оттуда только на рассвете того дня, когда девяти девам предстояло отправиться в волшебный сад.

Остальные восемь избранниц глупо хихикали и, судя по всему, были очень довольны.

— Как благосклонен к нам Бог! — блеяли они, пока жрецы надевали им золотые украшения. — Как нам повезло!

— Беее! — презрительно передразнивала их Кассафех. — Беее-беее!

Когда один из жрецов, поправляя золотое ожерелье, погладил ее грудь, глаза Кассафех вдруг пожелтели, и она укусила его.

Шумная процессия вышла из Вешума и двинулась через пустыню: колесницы с ярко-красными балдахинами, отделанными бахромой, жрецы и жрицы, звенящие колокольцами и бьющие в барабаны и гонги, дикие звери на разукрашенных драгоценными камнями поводках и множество зевак. Они шли весь день, время от времени останавливаясь, чтобы выпить холодного вина и отведать сладостей и фруктов, а под вечер они поднялись на холм, с которого были видны горы, окружавшие долину.

Подъехал дозорный отряд, несколько сотен могучих воинов. Со сторожевых башен поднялись сигнальные дымы и раздались звуки горнов.

Солнце склонилось к западу, окрасив небо в золотистый цвет.

Стражи-нелюди внимательно следили за караваном из своих нор и пещер, время от времени изрыгая холодное пламя.

Некоторые из избранниц, испугавшись чудовищ, визжали и падали в обморок. Кассафех не боялась созданий Лилас, она жалобно смотрела на красивого юношу — капитана дозорных, но он знал свои обязанности и даже не повернул головы в ее сторону.

Сумерки сгущались, и теперь все отчетливее сверкали ослепительные вспышки света над раскаленной стеной. Процессия отправилась в сторону сада. Звенели колокольцы и кимвалы, шипели и рычали чудовища. Перед самым закатом солнца жрицы и избранницы остановились перед высокой мрачной стеной, которую, словно расплавленный металл, окутывала мерцающая дымка.

В одном месте неподалеку от стены росло несколько черных деревьев. Там затаилось что-то живое — призрачный страж двери.

Небо приобрело бронзовый оттенок, сквозь ветви деревьев проскользнул последний луч заходящего солнца, и в раскаленной каменной кладке появилась щель.

— Выходите, о святые девы золотого колодца! — прокричали жрецы. — Выходите из сада. Ваш срок окончен.

И тут же через щель в стене проскользнуло несколько жалких рыдающих девушек. В отчаянии они рвали на себе одежду и волосы. Но они не смели послушаться, хотя их сердца готовы были разорваться от горя.

Кассафех не смогла удержаться и громко закричала:

— Веселитесь, радуйтесь, вы больше не рабыни! Я охотно поменялась бы местами с любой из вас!

Но жрецы тут же ударили в барабаны и гонги и заглушили голос несчастной. В то же время некоторые из бывших хранительниц, ничего не замечая вокруг, бросились вниз с одной из скал и разбились о камни. Остальные жрицы продолжали причитать и лить слезы. Глаза Кассафех стали синими от ярости, но она промолчала.

Подобно волнам прилива, на толпу накатывался грохот музыки, благословения, глухие стоны изгнанниц, молитвы и заунывное пение. Под этот шум Кассафех и восемь ее спутниц подошли к стене, пышущей жаром, словно огромная печь. Из этого жара за ними, одобрительно ухмыляясь, наблюдало кошмарное создание, вероятно сам страж двери. Кассафех, проходя мимо, показала ему язык.

А потом жар исчез, исчезла дверь в стене, и с ними исчез весь привычный мир.

Золотые девы вошли в рай.

Глава 2

Стена изнутри выглядела совсем иначе. Она казалась блестящей и сложенной из желтовато-зеленой и небесно-голубой глины. Гирлянды виноградных лоз и других вьющихся растений, усыпанные цветами и крохотными плодами, почти полностью скрывали ее. Дверь находилась высоко над чашей долины, и взорам входящих Избранниц открывался прекрасный вид. Тут все цвело и зеленело — какой контраст с выжженной пустыней, оставшейся за стеной. Ближе к центру долины изумрудные луга терялись в чащах, и зелень приобретала бирюзовый оттенок. Вершины скал растворялись в прозрачной голубизне неба. Повсюду звенели бесчисленные ручейки, воздух казался пропитанным ароматом воды. Все живое в долине наслаждалось изобилием живительной влаги. Дочери Людей Реки вдыхали свежий запах влажной земли и зеленеющих трав, как неведомые им доселе благовония.

Солнце зашло, и долина неуловимо изменялась — из зеленой и голубой она стала золотистой, а потом — янтарной и, наконец, ярко-пурпурной. В сумерках сверкали серебром небольшие водопады, в небесах зажглись яркие звезды. Розовая луна залила сад неземным светом.

Прямо перед избранницами начиналась лестница из полупрозрачного мрамора. Ее широкие ступени вели по покрытым зеленью горным склонам вниз, в сердце долины. Розовый свет луны казался частью волшебства сада. И в этом необычном свете девы разглядели, как что-то движется по лестнице им навстречу. И вот перед ними оказалась огромная львица.

Увидев хищника, девочки в ужасе схватились друг за друга — точно так же, как всегда поступали их предшественницы. Однако львица подошла ближе, не выказывая никакой

злости или голода. Она потерлась головой о ноги дев. Запах львицы ничуть не походил на зловоние хищника, он напоминал скорее аромат цветов. Немногие девушки могут устоять при виде ластящегося зверя. Избранницы тут же принялись играть со зверем и целовать ее бархатную, пахнущую цветами морду. Девочки больше не боялись и радостно пошли за львицей, когда та отправилась в глубь сада.

По спускающимся слева и справа от лестницы террасам стлался мшистый ковер. Девочки шли за львицей по ночному лесу, и ничего, даже тени, ставшие в лунном свете розовыми, не пугали их. В этом волшебном лесу не было места страху. Пели соловьи, и пушистые черные кролики весело скакали под ногами у огромных диких кошек, не обращавших на них ни малейшего внимания.

На другом краю леса водопады образовали небольшое озеро. У его берега избранниц ждал корабль. Очарованные девушки, взволнованно ахая, поднялись на палубу.

Этот корабль ничуть не походил на грубые и прочные суда Людей Реки — нос его был изящно изогнут, а корма сделана в виде рыбьего хвоста. От него исходило сияние, а на стройной мачте красовались прозрачные, усыпанные блестками паруса. Он легко скользил по воде без помощи ветра или весел, а девочки в изумлении озирались вокруг.

Сколько диковин должен увидеть человек, чтобы поверить, что он действительно находится в стране чудес? Слишком много удивительных вещей сотворила здесь расточительная четырнадцатилетняя колдунья. Одни были детскими игрушками, ведь избранницы были совсем юными, другие — миражами, способными очаровать сердца девушек, которыми избранницы вскоре станут.

От фруктовых садов и роц на дальнем берегу озера исходил ароматный запах слив и лимонов. Величественные колонны финиковых пальм упирались кронами в небо. На холме, покрытом ковром ярко-красных роз и чернильно-черных гиацинтов, замер дворец из белого мрамора. Его двери были гостеприимно распахнуты.

Стайка маленьких птичек выпорхнула из дворца. Они что-то прошебетали девочкам, словно приветствуя их.

В зале со звенящими фонтанами их встретил накрытый стол. Каждый вечер его будут накрывать для них, но они так и не узнают, каким образом. Избранницы сидели на шелковых подушках и ели редкие изысканные блюда, каких не видели в домах своих отцов, они пили вина и шербеты из хрустальных кубков, но кувшины оставались по-прежнему полны.

В роскошном дворце их встретили ароматные ванны и застланные шелковыми простынями кровати, с балдахинных которых матовыми каплями свисали жемчужины, будто в комнатах прошел жемчужный дождь.

Может, вино, а может, бледный дым от сгоравших в светильниках благовоний навяли сон. Юные девы уснули и увидели сны о священном золотом храме, сверкающем к западу от дворца, о сокровенном колодце, который им предстоит охранять, о львах, с которыми они смогут играть, и о других, еще не открытых, чудесах волшебной страны.

Только у Кассафех разболелся живот от изысканной еды. Ведь на самом деле это были преображенные колдовством корни, хлеб и другие обыденные угощения, годные лишь для того, чтобы не дать человеку умереть с голоду. Одна Кассафех металась во сне по своей призрачной постели, увешанной жемчугом. Она не верила ничему из того, что видела, потому что такая красота не могла иметь ничего общего с уродливым Черным Богом Вешума. Когда же девочка наконец уснула, то увидела во сне красивого молодого капитана дозорных и стала умолять его:

— Забери меня отсюда! Верни меня в реальный мир! — Но вот молодой человек превратился в кролика и поспешно скрылся в норе.

Это был сад радостей для девочек и девушек. Колдунья попыталась создать тут то, о чем мечтала в детстве...

Сад наполнял плеск множества фонтанов. Из одних били восхитительные напитки, другие пропитали воздух чудесными ароматами. Дно любого из водоемов переливалось драгоценными камнями. Девочки могли их достать и любоваться ими, так как, обсыхая,

камни меняли цвет подобно радуге. Дворец состоял из бесчисленных комнат со всевозможными чудесами. Здесь было все: завораживающие странные игры, волшебные зеркала, показывающие неведомые края, искусно раскрашенные и одетые куклы, казавшиеся живыми! Если повернуть заводной ключ, то эти куклы начинали двигаться, петь, танцевать и даже разговаривать. Кроме того, повсюду стояли огромные сундуки, набитые одеждой, прекраснее которой девочки не видели и вряд ли когда-то увидят, ведь иллюзии всегда прекраснее реальности. А рядом с этими сказочными сундуками были шкатулки, полные драгоценных украшений. В некоторых комнатах на подушках лежали музыкальные инструменты, и одного прикосновения к любому из них хватало, чтобы услышать чарующие звуки. В одной из комнат стоял ткацкий станок, очень простой в управлении, на нем любая девчонка, даже работая кое-как, могла выткать ткани неописуемой красоты с яркими, словно живыми, картинками. А еще во дворце хранились удивительные книги, рисунки в которых и в самом деле оживали.

Воздух наполняло благоухание роз. С ветвей свисали всегда спелые плоды. На некоторых деревьях, на радость девочкам, гроздьями росли леденцы, на других были подвешены качели из слоновой кости. Стоило лишь сесть на них, как они начинали раскачиваться так, как хотелось девочкам, — быстро или медленно.

Сад все время изменялся, словно все постоянно передвигалось — то тень цветущего дерева, то склон далекого холма. Избранницам сад казался бесконечным. Не ведая о царящих во внешнем мире законах, животные здесь были милы, любопытны и жили в согласии друг с другом. Пушистые белые козлята играли с детенышами пантеры и с готовностью принимали в игру девочек. Тигрицы приглашали избранниц сесть себе на спину и везли хохочущих наездниц многие мили, а затем ложились и разрешали девочкам класть головы на золотисто-полосатые бока, приятно пахнущие корицей и апельсинами. Многочисленные птицы в зеленом и ярко-красном оперении, уцепившись за рукава платья, поднимали красавиц в воздух, усаживали на ветку дерева, а потом пели для них. Говорящие обезьяны с длинными хвостами и мудрыми серьезными глазами рассказывали девочкам истории о старом мире. В озере и других водоемах сада плавали львицы, и если какая-нибудь девочка изъявляла желание, ее переносили на другой берег, а из глубин поднимались синие улыбающиеся рыбы и предлагали ухватиться за их плавники.

В саду всегда было много молодняка, появлявшегося странным и таинственным образом, так как ни разу нигде не показался ни один самец. Птичьи яйца, из лазурита или зеленого оникса, неожиданно появлялись в гнездах, и из них вылуплялись очаровательные птенцы, а тигрята прибегали, кувыркаясь, откуда-то из-за холмов.

Сексуальные порывы в саду не поощрялись. Блаженное неведение девочек и обилие всевозможных чудес предназначались для подавления природных инстинктов, и в большинстве случаев так и происходило. Но если девочка вдруг начинала волноваться и беспокоиться, она неожиданно находила булькающий хрустальный сосуд с трубкой и мундштуком и, чувствуя, как что-то тянет ее к этому сосуду, вдыхала волшебный дым и погружалась в забытие. Дикие необузданные видения утоляли пробуждающуюся чувственность, хотя красавица никогда не помнила, что происходило с ней во сне. После этого девушка не думала о мужчинах, а стоило вновь накопиться тоске — она отправлялась искать хрустальный сосуд.

Что касается святыни — золотого храма и священного колодца — то избранницы выполняли свои ритуальные обязанности по собственному желанию, но ежедневно.

Сначала они, исполненные благоговейного страха, лишь издали рассматривали храм. Затем осмелились войти. Внутри все было из золота — и стены, и крыша, и широкие оконные ниши, и даже тени, которые отбрасывали отлитые из золота витые решетки. В центре зала, вымощенного пластинами из слоновой кости, стояла золотая чаша. Приблизившись к ней и вынув костяную пробку, ошеломленные девочки с почтением заглянули в темный колодец и вдохнули тяжелый затхлый запах. Священный колодец был единственным непривлекательным местом в саду.

Колдунья считала, что даже самые легкомысленные представители рода людского нуждаются в какой-либо цели, и, предвидя, что девчонки непременно легкомысленны, она сделала так, что колодец и храм внушали им чувство собственной значимости и религиозное вдохновение. Поэтому каждые девять дев создавали свой ритуал восхваления колодца. Обычно это происходило на закате. Может, этот час напоминал им о прибытии сюда и о появлении волшебной двери. Как правило, девы исполняли некие ритуальные танцы и разбрасывали вокруг золотой чаши принесенные в храм цветы и фрукты — приношения эти, видимо милостиво принятые, всегда исчезали к их следующему приходу. Затем девы вновь подтверждали свою преданность Богу, целуя пробку в чаше и шепча что-то вроде: «Отец наш всесильный, узри дочь твою и рабу твою». А потом, то ли из гордости, то ли от неосознанной обиды, они всегда вновь напоминали Богу о своей девственности. Как правило, это звучало так: «Узри, я запечатана, как запечатан и твой колодец, и своей чистотой я буду хранить чистоту святого дома Бога. Пусть я погибну, если нарушу эту клятву».

Все это со временем приобретало в глазах избранниц огромную важность и значительность. Иначе и не могло быть, если учесть, в какой религиозный экстаз постоянно приводили себя они. Как же могла Кассафех освободиться от всего этого? Неизвестно, но, тем не менее, ей это удалось.

Она с подозрением относилась к прелестям сада, считая их ловушками, масками, скрывающими ужасный лик Черного Бога. Хотя и ее искушали дружелюбные пантеры, волшебные книги и музыкальные инструменты, дельфины и леденцы, она отказалась от всего, не доверяя даже собственным ощущениям.

И чудеса сада каким-то образом узнали о ее отказе и постепенно перестали замечать ее. Тигрицы не предлагали покатать Кассафех по лесам, голубки не садились на ее плечи, и даже фрукты стали невкусными, а розы не казались отступнице такими красными, как прежде. В течение года Кассафех натыкалась и на другие таинственные перемены. Иногда, беспокойно бродя по парку, она замечала на секунду-другую голые места, где ничего не росло. Проходя мимо дворца, она слышала скрипучие немелодичные звуки, а, войдя внутрь, находила одну из избранниц играющей на музыкальном инструменте. Остальные девочки сидели рядом и внимали явно волнующей музыке, исполняемой с непревзойденным мастерством. «Теперь я вижу, что спрятано под маской, — думала Кассафех мстительно, но все же со страхом. — Может, это Бог наказывает меня? Ну и пусть наказывает».

Кассафех старалась избегать и ритуалов у колодца. Если она и появлялась там, то приходила одна и, вынув костяную пробку, всякий раз долго принюхивалась. «Это больше похоже на тебя», — говорила она Богу, ощутив затхлую вонь.

От духа стихий, живущего на небе и находящегося в родстве с существами Верхнего Мира, Кассафех, без сомнения, досталось в наследство нечто, мешавшее ей воспринимать соблазны этого рая.

Прошел год, пошел второй, Кассафех казалось, что остальные восемь девиц еще больше поглупели и стали полностью похожими на овец. Таясь от всех, Кассафех часто плакала. Однажды ей снова приснился молодой красивый капитан, но на этот раз он освободил ее, и они летели над пустыней на спине орла. Но, проснувшись, девушка увидела одну из девиц, похожую на глупую овцу, блеющую ей в ухо:

— Я тоже мучилась из-за этого, Кассафех, но я вдохнула дыма из хрустального сосуда, увидела сны и исцелилась от тоски. Посмотри-ка, рядом с твоим ложем стоит именно такой сосуд.

Кассафех взглянула и увидела сосуд из дымчатого хрусталя, в котором булькала какая-то темная жидкость.

— Попробуй, — настаивала девочка, протягивая мундштук, который показался Кассафех покрытым грязной потрескавшейся эмалью. И все же, изнывая от беспокойства, Кассафех взяла его, втянула дым и откинулась на подушках.

Вскоре у нее закружилась голова. Что-то набросилось на Кассафех из сгущающегося

марева. Это не был мужчина, а скорее, его подобие, сотворенное фантазией четырнадцатилетней колдуньи-блудницы, испытывавшей лишь презрение к уловкам мужчин, которым она продавалась. Он казался одновременно и смешным, и жутким. Равнодушие, которое Кассафех питала к саду, помешало высвободиться ее чувственности, и бурлящий сосуд уже ничем не мог помочь. Все наслаждения испарились, оставив лишь голое представление колдуньи о совокуплении. Волосатый и грубый гигант с клыками вместо зубов схватил Кассафех руками, похожими на железные клещи. Фаллос величиной с башню устремился меж ее бедер, готовый, казалось, пронзить насквозь тело несчастной. Кассафех пронзительно закричала.

Очнувшись в поту, она добралась до окна, и ее вырвало на землю, казавшуюся сложенной из лоскутков: наполовину зеленой, наполовину выжженной солнцем. В следующие месяцы Кассафех пристрастилась бродить вдоль стены, пытаясь найти волшебную дверь (ведь лестница, ведущая к ней, конечно, передвинулась в другое место), но изнутри никто и никогда не мог даже увидеть дверь, не говоря уже о том, чтобы пройти сквозь нее, за исключением того единственного дня, когда кончался срок. Но сколько бы ни было иллюзий в долине, ее охраняли вполне реально. В скалах жили настоящие чудовища, стена и дверь существовали на самом деле, не менее реальным был и дьявольский страж двери.

Второй год прошел, и наступил третий.

Хотя в саду золотых дев обитало девять избранниц, только восемь из них стали хранительницами. Девятая оказалась загнанным в ловушку врагом.

Глава 3

Вот уже целый год бродил Симму по свету в поисках колодца и золотого сада. Азрарн преподнес ему три дара: огненный поцелуй, талисман эшв и цель.

Однако лукавый демон предоставил Симму самому отыскать эту цель, и теперь без помощи Владыки Ночи дорога казалась юноше слишком длинной.

Однако Симму с самого начала знал, что он герой, то есть человек, которому суждено изменить мир. Это вдохновляло и пугало его.

Говорят, что в этом путешествии у него было множество приключений; тогда — как, впрочем, и сейчас — герои не могли существовать без приключений. Но как же иначе, если путешествовать приходилось по диким странам, кишасим свирепым зверьем, не всегда естественного происхождения, по землям, где на каждом мосту или перекрестке стоял, требуя дани, атаман местных разбойников.

Симму не был обычным человеком, хотя и не знал, чем он отличается от других. И вот мало-помалу он начал вновь открывать свои способности. Когда на его пути появилась стая голодных псов, юноша застыл в страхе, но разум простого смертного уступил место мудрости эшвы. Не осознавая, что творит, Симму навел чары на псов. И огромные звери, тяжело дыша, опустились на землю и добродушно завиляли хвостами. По щекам Симму потекли слезы. Так он вновь обрел то, что считал навсегда потерянным, — свое колдовское искусство, и поводом для этого послужила опасность. Позже, все еще побаиваясь, он намеренно спустился в лощину, где грелось на солнце несколько львов. Хищники почуяли человека и, рыча, поднялись, но Симму уже ощутил в руках магическую силу эшв, окружил себя ею, и вскоре его страх исчез, а рычание львов стихло. Эти львы не были кроткими и ласковыми. Напротив, в любое другое время они бы с удовольствием разорвали и сожрали то, что минутой назад очаровало их. Именно поэтому их спокойное поведение казалось удивительным.

Все это укрепило уверенность Симму в его особом, героическом предназначении. Люди видели некоторые из его подвигов. Это принесло Симму известность среди охваченных почтительным страхом жителей окрестных деревень. К тому времени и сам Симму изменился, так как считал теперь колдовство частью самого себя.

Кроме того, он по прежнему оставался в мужском обличье. Его стимулы к перевоплощению — сначала Зайрем, а потом Азрарн — исчезли. Симму-мужчина был поджарым и сильным, как лев, с солнечно-желтой гривой волос. Теперь он носил бороду, которую коротко подрезал ножом, и одежду, украденную где-то по дороге. Но это был не бесформенный крестьянский балахон, годившийся и для женщины, а мужской костюм странника, нуждающегося в свободе движений, чтобы защитить себя. А сражений во время странствий на его долю выпало предостаточно... Как и в случае с псами, впервые столкнувшись с необходимостью драться, Симму растерялся. Никто никогда не учил его воинскому искусству, он даже ни разу не дрался с детьми на храмовых площадках для игр, так как внушал им почти благоговейный страх. И вот, встретив у брода шайку разбойников, он спросил себя, что же с ним будет и не попадет ли он в конце концов в сети Смерти.

— Эй, парнишка! — заорали разбойники. — Эй, красавчик, абрикосовые щечки! Эй, ягненок! Эй, котенок с янтарными глазками! Этот брод наш, и ты или плати, или Свирепый Вепрь убьет тебя на месте!

И Свирепый Вепрь вышел вперед.

Имя это ему очень подходило, хотя, пожалуй, ни один вепрь не мог быть настолько уродливым.

— Клянусь своим оторванным ухом и семью выбитыми зубами, — вскричал Вепрь, — я готов! Клянусь своими десятью бородавками, — чуть подумав, добавил он.

Многих убил Свирепый Вепрь. Он с ловкостью владел ножом и обладал сильными пальцами душителя и мощными ногами, которыми норовил ударить в пах. Симму был среднего роста, не слишком высоким, но и не низким для молодого человека его лет.

Увидев такое существо, как Свирепый Вепрь, демоны испытали бы безграничное презрение. Ваздру и эшвы, всегда старавшиеся быть прекрасными в своих человеческих воплощениях, ненавидели уродство даже больше, чем добродетель. Видимо, эта аристократическая ненависть оказала влияние на Симму, и он невольно сделал рукой пренебрежительный жест. Но Вепрь подумал, что Симму просто хочет достать нож из-за пояса, и рванулся вперед.

Но, снова не осознавая своих действий, Симму отскочил в сторону, и Вепрь, не успев затормозить, врезался в дерево.

Никто из разбойников не мог предвидеть быстроты движений Симму и того, что чувства юноши, более острые, чем человеческие, подсказывают телу движения независимо от сознания, делая Симму неуязвимым.

Свирепый Вепрь взревел, встряхнулся, выхватил нож и снова бросился на юношу. Тот молниеносным движением скользнул мимо, запрыгнул, подобно леопарду, на спину своему противнику и, выхватив нож, перерезал горло Вепря. Когда противник рухнул наземь, Симму отскочил в сторону и на мгновение превратился в рычащего, злобного, непредсказуемого зверя. Первый раз он убил сам, по сути дела, принеся жертву своему врагу, Смерти. Но Симму сражался за свою жизнь, и ему было все равно.

Разбойники медлили. Затем пятеро из них набросились на Симму, и, если бы он оказался обычным человеком, как считал раньше, эта минута оказалась бы для него последней.

Но Симму был Симму. Он прыгал, кружил и наносил ножом смертоносные удары в те жизненно важные точки человеческого тела, которые хорошо известны тигру и леопарду. Хотя разбойники изо всех сил старались сбить его с ног, им это не удалось. Да и как могли они совладать с существом, являвшимся на треть диким котом, на треть волком, на треть змеей, да еще и колдуном в придачу?

Под конец четверо разбойников лежали мертвыми, а пятый убежал, вопя о том, что боги послали чудовище покарать их.

Еще не привыкнув к виду трупов, Симму тоже поспешил уйти с места битвы. Но позже, прислонившись к дереву, дрожа всем телом, он, тем не менее, осознал, что сможет одолеть чудовищных стражей пустыни — не умением и ловкостью опытного воина, а благодаря

полученному в детстве воспитанию. И тогда Симму, хрипло рассмеявшись, вытер нож о траву и отправился дальше. После этого случая всякий, вызывавший Симму на бой, неизменно терпел поражение, хотя некоторые из них были не простыми разбойниками, а воинами, искусными в обращении с оружием. Но Симму все равно убивал их, ведь при всем их искусстве они не могли двигаться быстрее молнии. Его самого ранили лишь дважды: на левом плече Симму розовел шрам, похожий на полумесяц, а на правом бедре — еще один, напоминающий молнию, ту самую молнию, в которую он превращался, встречаясь с врагами.

Слава опережала Симму, и часто одного взгляда его рысьих глаз было достаточно, чтобы обратить врага в бегство.

Но приближался еще один противник, куда более опасный, чем звери или люди.

Симму был на полпути к Вешуму. Целый год бродил он по земле, оставляя след — сказания о его героических подвигах, а далеко впереди ярко сверкала безумная цель. До него уже начали доходить искаженные слухи о городе, стоящем на берегу реки, о его Боге и саде — невнятные рассказы, словно шорох ветра...

Это случилось вечером в краю холмов и небольших деревушек. Симму шагал широким шагом, шурясь от солнца и играя на свирели, которую недавно вырезал. Он шел и думал о другой пыльной дороге и о том, кто шел с ним, а потом исчез. Свирель Симму пела грустную песню, навеянную воспоминаниями, и птицы вторили ей из чащи.

А потом вдруг птицы куда-то исчезли, вокруг стало странно тихо, и даже ветер затаился среди ветвей. И тут Симму услышал слабый шорох за своей спиной — так шуршит песок или шелестят листья на ветру.

Симму перестал играть на свирели, остановился и оглянулся.

Случалось, за ним иногда шли звери, привлеченные его необычным видом, но сейчас он не видел никаких зверей. Тропа была пуста, но Симму медлил. Ему казалось, что сзади что-то есть. Потом он отправился дальше, однако ощущение чьего-то присутствия за спиной не исчезло. Оно было настолько смутным, что человек, пожалуй, усомнился бы в нем, но Симму всегда доверял своему чутью. Тропа исчезла за гребнем холма. Симму остановился, но никто не шел за ним следом. Симму двинулся дальше, и прежнее ощущение тут же вернулось.

Чувствовать слежку — достаточно неприятно, но само по себе преследование совсем не обязательно грозит смертью. Симму понимал это, и поэтому явная угроза, исходящая от невидимого преследователя, казалась еще более зловещей.

Обычно люди боятся анализировать свои чувства. Симму же был лишен этой человеческой слабости, он с детских лет привык называть вещи своими именами. Теперь он понимал, что боится. В любом случае оборачиваться было бесполезно — он все равно ничего не увидел бы. И он шел дальше, а заходящее солнце заливало холмы красным светом. Вдруг Симму понял, что небо за его плечом слишком уж красное.

Он обернулся и на этот раз увидел Нечто.

Оно выглядело как образ чего-то плавающего — будто Симму долго смотрел на солнце, а потом отвернулся и увидел в воздухе его призрачный отпечаток. Не имея формы, оно не присутствовало реально в этом мире. Но все-таки оно существовало.

Внизу, немного в стороне от тропы, к склону холма прилепилась одна из многочисленных скромных деревушек. Обычно Симму сторонился человеческих поселений. Он предпочитал одиночество и темноту, пробуждавшую в нем память эшв. Но на этот раз, движимый страхом, он решил найти убежище в деревне.

Он ринулся вниз по склону.

Симму уже вбежал на узенькую деревенскую улочку, когда день, сверкнув, растаял в сумерках. Симму напоследок обернулся и увидел пустынную тропу, холмы, небо. В густеющем сумраке ночи туманно вырисовывалось черно-красное пятно.

Крестьянский мальчик лет восьми открыл дверь и вытаращил глаза на стоящего за ней человека.

— Эй, смотрите, кто пришел! — закричал он, ошеломленный внешним видом позднего гостя.

Собралась вся семья: муж, две его жены, довольно приятные на вид женщины, три сына-подростка и робкая девочка лет шести.

Они глазели на Симму, разинув рты, ведь он был совершенно не похож на них. Поджарый, словно клинок бронзового меча, с серебряным полумесяцем на широком обнаженном плече и прекрасным лицом, языки пламени вместо волос и зеленые огни вместо глаз.

— Милости просим, — пробормотала одна из жен, и они отступили, позволив Симму войти.

У очага, в тесной комнате без пола, они приготовили гостю еду, угостили пивом и, рассевшись вокруг, уставились на него, как на чудесный самоцвет, найденный среди холмов. Насмотревшись вдоволь, дети подобрались ближе: девочка стала играть прядями чудесных волос Симму, а мальчики рассматривали смертоносный нож с резной рукояткой. Мужчина заговорил о путешествиях, а две женщины мило и непринужденно строили глазки.

Симму говорил мало. Общество этих людей и их хижина, напоминающая уютное звериное логово, успокаивали его. Детская возня не мешала Симму, он привык к этому еще в детстве, когда котята и лисята так же возились рядом и перелезали через него. Вскоре он достал деревянную свирель и, увидев, как округлились глаза людей, приютивших его, сыграл несколько мелодий.

Мирно потрескивал очаг, огромный сторожевой пес лежал, растянувшись на пороге. Казалось, дом надежно защищен от непрошенных гостей.

Хозяева доверчиво уложили гостя спать рядом с собой на мохнатых шкурах.

Огонь в очаге мигнул несколько раз и тоже уснул.

Все спали, даже собака. Вдруг Симму проснулся и увидел красного человека, упировавшегося коленями ему в грудь. Он был весь красный, отвратительного цвета запекшейся крови, без волос, с невыразительным лицом, на котором лишь влажно блестели глаза. И этот человек сдавил горло Симму.

Лишенный возможности вдохнуть или закричать, ослепший и увязший в кровавой трясине, Симму вновь утратил свою человеческую сущность. Он призвал себе на помощь силу, какую никогда не смог бы призвать человек.

Левой рукой Симму схватил тварь за горло, оказавшееся вполне материальным, хотя и не похожим на плоть человека, холодным и влажным на ощупь. Правой Симму осторожно вынул из пальцев спящего рядом ребенка нож и ударил в горло. Тварь содрогнулась, и на грудь Симму хлынула кипящая жидкость. Юноша ударил еще раз и, наконец, смог вздохнуть. Симму лежал, хватая ртом воздух, и видел, словно сквозь дымку, как призрак, зажимая рукой сочащуюся мерзкой жидкостью рану, растаял во тьме. Через мгновение ничто уже не напоминало о нем, кроме боли, кольцом охватившей горло Симму.

Отдышавшись, Симму встал и развел огонь в очаге. Ни один человек в доме не проснулся, даже собака. Похоже, ночной пришелец приходил именно за ним, и только Симму мог видеть его. Юноша повернул нож, чтобы отблески огня упали на лезвие. Оно было покрыто какими-то хлопьями, которые, отваливаясь, обнажили сверкающую сталь.

Этой ночью Симму больше не спал. До рассвета он просидел, скорчившись у очага, но существо так и не вернулось.

Наутро дочь хозяина рассказала, что видела во сне красного быка, который ворвался в дом и проскакал сквозь огонь. Но женщины, заплетавшие ей косы, только посмеялись над ее рассказом.

Они не предложили Симму остаться, но провожали его многозначительными взглядами, когда он уходил, а девочка немного прошла с ним, важно вышагивая вдоль улицы.

В тот день Симму чувствовал странную тяжесть на сердце и лихорадочную настороженность. Однако ничего не случилось, пока не наступил вечер. Как и в прошлый

раз, юноша одиноко шел по пустынной тропе, и мир вокруг него, казалось, затаился. Симму оглянулся и опять ничего не увидел, хотя и догадывался о присутствии таинственного недруга. Неизвестно откуда он знал, что с нападавшей на него тварью еще не покончено. Симму содрогнулся, но продолжил путешествие. Вчера он, сделав крюк, убежал в деревню. В эту ночь он не будет спать и встретит врага на открытом месте.

Солнце зашло. После заката Симму расположился на вершине крутого холма, прислонившись спиной к большому камню. Он поужинал съедобными кореньями и приготовил свой нож.

Небосвод потемнел, ветер гулял среди холмов. Симму ждал, когда между ним и небом появится то странное пятно кровавой тьмы, таинственный призрак, неведомо почему жаждущий его смерти.

Ночь повернула свое звездное колесо. Дремота подкралась к Симму и поцеловала его веки. Он отогнал ее, но она бесстыдно вернулась, пытаясь поцеловать его.

Однако, в конце концов, ей пришлось уйти. То, чего ждал Симму, началось.

Колеблющаяся, расплывчатая, почти невидимая тварь превращалась в нечто, обладающее массой и формой, — призрак обретал плоть. Вздываясь, словно тесто на дрожжах, существо пробивалось в этот мир. Сначала сквозь него просвечивали звезды, потом их затмила твердеющая плоть. Она напоминала грязно-красную глину, покрытую пузырящейся пеной. Две влажные дыры глаз уставились на Симму. От ран на горле не осталось и следа.

Наводящими ужас, неторопливыми прыжками чудовище направилось к юноше, вытянув красные руки, готовые вцепиться ему в горло. Симму поднялся и бросился на врага.

Тварь попыталась схватить его, но Симму увернулся и вонзил нож туда, где у чудовища должно было находиться сердце, если оно вообще существовало. Сразу же вытащив нож, он ударил в могучую шею. Как и раньше, существо не издало ни звука. Однако, к ужасу Симму, на этот раз из ран не показалось ни капли вонючей жидкости, а тварь, не обращая внимания на удары, обхватила юношу, сжав ему не только горло, но и ребра.

У Симму потемнело в глазах, он снова не мог дышать. Тварь прижала его левую руку, и ему пришлось отбиваться только одной рукой. Сама близость существа казалась юноше невыносимой: оно было холодное и скользкое, как мокрая глина, и затхло воняло болотом. Симму вонзил нож, как ему показалось, в глаз чудовища, но и теперь из раны не хлынула обжигающая жидкость, заменяющая кровь. Наоборот, чудовище, казалось, стало сильнее, чем было. Хотя тварь и скорчилась от удара, хватка ее не ослабла. Вместо этого она, словно любовница, прижала к груди голову юноши, вдавив ее в отвратительную плоть так, что Симму едва не задохнулся.

Симму рубанул тварь по спине, но удар получился слабым. Его сила куда-то исчезла, а противник по-прежнему яростно сжимал его в объятиях.

Но в этот ужасный момент чудовище вдруг споткнулось об камень и на миг ослабило хватку. Симму судорожным движением ударил тварь ногой и, вырвавшись, метнулся в сторону. Не давая противнику времени опомниться, он снова бросился вперед и ударил его по ногам. Сил хватило только на этот последний, почти бессознательный удар, но и его оказалось достаточно. Тварь потеряла равновесие и покатилась вниз по крутому каменистому склону.

Симму лежал на земле и наблюдал за беззвучным падением своего противника. При ударе о землю существо, казалось, взорвалось, впрочем, совершенно бесшумно. А затем, как и прежде, полностью растворилось во тьме, не оставив никаких следов.

Симму еще долго лежал на склоне холма.

После схватки на его теле буквально не осталось живого места. Он с тоскою думал о том, что вряд ли переживет еще несколько таких поединков.

Он знал, что впереди его ждут схватки, хотя сегодня ночью нападение не повторится. Где бы ни находилось тайное убежище омерзительного создания, сегодня оно вернется туда,

и тело его избавится от ран, полученных во время схватки. Но завтра его снова пошлют по следу Симму, и завтра оно станет еще сильнее. А потом, если предположить, что Симму переживет следующую ночь, — еще сильнее. Ведь очевидно, что тварь — колдовское создание и у Симму нет никаких шансов победить ее. Он может убивать чудовище, но оно все равно вернется следующей ночью и будет возвращаться до тех пор, пока не убьет Симму.

Глава 4

Кто послал этого красного убийцу? Никто иной, как та, которая, выдав Азрарну и Симму свою самую сокровенную тайну, ударила в красный барабан.

В отчаянии обратилась Лилас к барабану, обтянутому красной кожей, — к таким средствам нельзя прибегать по пустякам. И вот служанка Улума, Владыки Смерти, была в барабан, моля и заклиная того, кого вызывала, найти Симму и убить его. Это заняло много времени, ибо Симму унаследовал способности эшв и его след не был следом человека. Но, в конце концов, отвратительный призрак отыскал его и, повинувшись приказу колдуньи, попытался убить Симму.

Это существо, раб заклинания, было вызвано из места, не находящегося ни на земле, ни в Нижних Мирах, но тем не менее вполне доступном. Оно обитало в измерении — своего рода чулане Черной Магии, полной злых духов. Много мастерства требовалось, чтобы открыть этот чулан. Тут не помогли бы даже тщательно исполненные ритуалы; чтобы подчинить чудовище, требовались еще и сильная воля, и особое состояние ума. Никому не удавалось случайно проникнуть в эту область вселенной.

Из небытия поднялся этот ужас и в небытие вернется, когда исполнит приказ. Туда же прятался он после схваток, лишь там необъяснимые силы могли излечить его раны. Как и предполагал Симму, чудовище невозможно было убить, и он мог лишь обезвредить его на время. Создание же обладало и другими особенностями: каждый раз после поражения и последующего восстановления его выносливость удваивалась. Кроме того, оно имело и еще одну, пожалуй, самую ужасную, особенность: это создание можно было любым видом оружия убить только один раз. Нож, с помощью которого Симму избавился от чудовища в первую ночь, во вторую оказался бесполезен. Существовало зловещее предание об одном короле, которому пришлось сразиться с одним из таких созданий; возможно, Симму даже слышал и помнил эту историю.

В первую ночь король убил тварь мечом, во вторую — топором, в третью — удушил с помощью шнура. Невидимое и неосязаемое для всех, кроме жертвы, это существо не воспринимало удары других людей, и королю приходилось спать днем и выходить на битву на закате, когда являлся призрак. На четвертую ночь король убил его ударом копья, на пятую — стрелой из лука, на шестую — облил кислотой, в седьмую ночь король использовал каменный молот. После этого прошло еще семьдесят жутких ночей, для каждой из которых король находил новое оружие. Тем временем королевство пришло в упадок, придворные покинули своего монарха, а у границ государства собрались вражеские армии. На семьдесят восьмую ночь король, измотанный этой безнадежной и бесконечной борьбой, отравился. И чудовище, возвратившись на закате, встретило лишь призрак короля, который, стоя на пороге, горько рассмеялся и объявил: «Ты опоздал!» Но он ошибся, ибо посланный, не найдя тела, набросился на дух короля... Лишь часть души несчастного смогла покинуть этот мир.

У Симму не было никакого желания биться с тварью семьдесят семь ночей, даже если бы он смог выжить так долго. Он все время вспоминал Азрарна, сказавшего ему при расставании: «Брось свою зеленую гемму в огонь — и я откликнусь!»

Симму понимал, что только демоны могут помочь ему, да и то если пожелают. Но в то же время он не хотел призывать Азрарна. Как дитя мечтает утвердиться в мире без посторонней помощи, так и Симму пытался обойтись собственными силами. К тому же, вызывая демона слишком часто, он боялся потерять и без того не очень прочное расположение Азрарна, которого он с таким упорством добивался.

Из-за этих сомнений и от усталости в разбитом теле Симму не решался бросить гемму в огонь. Ночь кончилась, и взошло солнце. Ни один демон не отозвался бы на его зов при дневном свете.

Симму сидел в гневе и отчаянии на склоне холма, тоскуя по Азрарну, который мог бы, если бы захотел, помочь ему.

Почти сразу после того, как солнце миновало зенит, в воздухе вновь появилось жуткое и зловещее предзнаменование надвигающегося кошмара, а над головой опять возникла тень.

Симму свирепо взглянул на нее, дрожа от страха и ярости. Затем встал, набрал в роще под холмом сухих корней веток и разложил костер.

Как только солнце стало клониться к горизонту, Симму разжег костер, и, едва погасло красное пламя на небе, другое, менее яркое, вспыхнуло на земле. Потом юноша сорвал с шеи камень эшв и бросил его в огонь. После этого он склонил голову и начал молиться. Еще ни к одному Богу не взывал Симму так искренне и горячо, как взывал он в ту ночь к Азрарну, князю демонов.

Разбрасывая искры, танцевало пламя костра, непроглядная тьма окружила Симму, но зловещая тень над головой была чернее этой тьмы.

Симму ждал. Он ждал появления или союзника, или убийцы.

Пришел союзник.

Черный голубь прилетел на склон холма и превратился в эшву. Симму безошибочно узнал его, но это был не Азрарн. Глаза эшвы холодно глядели на Симму. Они сказали юноше: «Не спрашивай, где он, ибо это он прислал меня к тебе».

Симму торопливо начал:

— Меня преследует...

Но эшва поднял руку, остановив его, и огляделся, а потом безмолвно сказал: «Я знаю, что тебя преследуют, и знаю кто. Будь терпелив». И эшва исчез так же неожиданно, как и появился.

Пораженному Симму оставалось лишь продолжать свое бдение. Его жизнь вновь висела на волоске.

Вскоре костер погас, и Симму извлек из него закопченную гемму. «Увижу ли я свет завтрашнего дня?» — спросил себя Симму. Прошел час, за ним другой.

Вдруг воздух вокруг закипел.

Симму, величавший себя Врагом Смерти, оказался на волосок от гибели.

Но тут произошло нечто потрясающее, еще более удивительное, чем смерть. Симму почувствовал судороги, словно в ужасной агонии, кто-то давил на него, сжимал в железных тисках... Он хотел закричать, но не смог выдать из себя ни единого звука. Он едва видел, вернее, видел все, но как бы не своими глазами. Все вокруг увеличилось в пять или шесть раз и приобрело какую-то нереальную бледность — белесые холмы на фоне белесого неба с черными звездами... нет — зеленоватое небо, а звезды... звезды, будто черные сапфиры... или... Симму почувствовал, что движется. Голова у него закружилась. Что-то тянуло его, лишённого рук и ног, сквозь ночной лес папоротников. Он понял, что теперь видит сразу по обе стороны от себя, словно его глаза находились по разные стороны головы. Его придерживала мягкая рука, и он обвился кольцом вокруг ее запястья.

Симму превратили в змею, одну из тех серебряных змей, которые украшают волосы эшв. Осознав это, Симму различил своим сверхъестественным зрением змеи Нижнего Мира неясные формы грязно-красного, будто измазанного глиной человека, стоявшего не холме. Создание, вызванное чарами, застыло в нерешительности, не двигаясь с места, хватаясь руками за воздух.

Тогда Симму понял, что свет, исходящий от эшвы, — а их было трое на холме, — это аура, надежно скрывшая его. Это аура, которая привела в замешательство зловещего убийцу, выставив его на посмешище.

Глаза эшв смеялись. Они смеялись над призраком, равнодушно наблюдая за его смятением и одновременно презирая его. А тварь бродила среди них, не в состоянии

причинить им вред. Она не могла отыскать Симму.

Теперь стало понятно, что подобное создание, однажды вызванное, непременно должно находить себе добычу каждую ночь, а эта тварь не могла найти Симму, хотя знала, что он где-то здесь, должен быть здесь, потому что его нет ни в каком другом месте ни в этом мире, ни под ним. Наконец чудовище забурило, как шипучее вино, и неожиданно разлетелось хлопьями пены. Ночь закружила и поглотила их, унося в никуда.

Эшвы продолжали бродить среди холмов. Они оставили Симму в облике змеи, но сделали это не со зла. Симму же, чей разум был втиснут в череп металлической змеи, пребывал в полной растерянности. Он едва понимал, где находится, как сюда попал и почему. Он даже забыл свой прежний облик, хотя его не оставляло смутное беспокойство. Несмотря на все это, Симму с удовольствием находился среди эшв, грезящих наяву, странствующих детей тени.

Несколько часов спустя, еще раз испытав невероятную боль, юноша пришел в себя, снова став человеком. И мир вокруг приобрел обычный цвет и размер. Эшвы ушли.

Воспоминания о событиях ночи бурным потоком пронесли в его памяти. Симму пытался о чем-то спросить эшв. Они намекнули, что ему не нужно бояться колдовской твари. Но почему? Ведь красное чудовище непременно должно настичь добычу. Ее жертва не может избежать своей участи!

Симму смотрел на эшв. Но их глаза, затуманенные грезами, невинные, мечтательные и лукавые, ничего более ему не сказали.

Но он и в самом деле был в безопасности. Он чувствовал это всем своим существом. Азарн обманул Смерть. И снова путь Симму к саду был открыт.

Юноша только жалел, что Азарн не пришел к нему сам.

Глава 5

Лилас было почти двести тридцать три года, но выглядела она не старше пятнадцатилетней девушки. Она сидела в той самой комнате Дома Синего Пса, где синие светильники горели розовым огнем.

Колдунья гадала на костях. Не на тех чистых и белых фалангах пальцев, что висели на ее поясе, а на обломанных, шелушащихся, покрытых пятнами, желтоватых кубиках. Их выточили из костей, похищенных из разрытых могил. Лилас любила окружать себя символами своего повелителя. В эту ночь ведьма злорадствовала, гордясь тем, что сумела скрыть тайну Улума, думала о вечной молодости и предстоящей бесконечной череде лет. Но кости, которые она бросала в надежде, что они образуют узоры, предсказывающие счастье и благополучие, показывали только путаные картины — совсем не то будущее, что она предвкушала.

— Глупые кости, — раздраженно пробормотала колдунья. — Я раздавлю вас каблуком за то, что вы лжете мне.

Она представляла себе прекрасного юношу с кошачьими глазами, который, забыв о саде и колодце, умирал в кроваво-красном вихре, и захихикала. Вдруг этот кроваво-красный вихрь возник посреди ковра. Лилас перестала хихикать и уставилась на незваного гостя.

— Прочь! — завопила она. — Прочь, тупица! Разве я тебя вызвала для того, чтобы ты прохлаждался? Иди, закончи свою работу!

Но призрак не исчез. Он уплотнился. Его кровавые, широко раскрытые глаза внимательно разглядывали колдунью, но Лилас не поверила тому, что прочла в них.

— Он не мог обмануть тебя. Возвращайся и ищи! Но твари не было необходимости возвращаться. Теперь ей, пробудившейся к жизни с помощью магии, нужна была жертва. Любая жертва. И если чудовище не смогло найти того, кого предназначили ей в пищу, то жертвой должен был стать тот, кто вызвал ее. Наконец Лилас поняла это, медленно поднялась и попятилась.

Много разных смесей и снадобий, символов и знаков использовала колдунья, пытаясь

остановить надвигающееся чудовище. Она произносила различные заговоры и заклинания, чтобы изгнать его из этого мира. Но это жуткое создание, однажды выпущенное на свободу, становилось неуправляемым — не найдя жертвы, оно убивало заклинателя.

Наконец Лилас уперлась спиной в стену и остановилась. Она выкрикнула заклятие, перенесшее ее в другое место, но тварь переместилась следом за ней. Снова и снова они друг за другом исчезали и появлялись в самых разных местах земли. Наконец в каком-то лесу, в окружении мрачных голых деревьев, тварь, устав от погони, схватила Лилас за волосы и одним рывком разорвала ее на две части, словно тряпичную куклу.

Кости с пояса колдуньи рассыпались по земле, точно так же, как раньше, предвещая недоброе, рассыпались по ковру гадальные кости. Утолив жажду убийства, призрак растаял в ночи, оставив под черными деревьями мертвую Лилас. Может, колдунья и могла бы жить вечно, но она оказалась слишком уязвимой.

Чуть позже Владыка Смерти пришел за душой и телом Лилас, ибо она тоже заключила договор с Улумом на тысячу лет, рассчитывая, что ей удастся избежать его.

А Пес, покрытый синей эмалью, уже рылся в ее сундуках.

Глава 6

Наконец Симму добрался до Вешума. В свои семнадцать лет он обладал удивительной внешностью. Мужчины и женщины, пораженные его видом, останавливались и глазели на него, не столько из-за красоты, сколько из-за какого-то внутреннего сияния. Видя, что стал предметом всеобщего внимания, Симму пришел в замешательство, но потом подумал: «Они все равно узнают, зачем я пришел». Он понимал, что у любого подвига должны быть свидетели, иначе какой же это подвиг? Кроме того, никто из них еще не поинтересовался целью его появления здесь. Люди, видимо, полагали, что Симму такой же паломник, как и многие другие.

Девять девственников уже провели в саду золотых дев три года, и каждой исполнилось шестнадцать лет. Это жители Вешума выложили Симму раньше, чем он успел их о чем-нибудь спросить. Они долго распространялись о святости дев. Теперь на угольно-черной голове статуи Бога красовался золотой венец, на ногах сверкали золотые браслеты, а на плечи была накинута мантия из ярко-красного бархата. Каждый девятый закат ему приносили в жертву черную корову. Симму видел этот ритуал, ничуть, впрочем, не впечатливший его. Во всех лавках Вешума, у каждого торговца тонким шелком и изящными драгоценностями, яркими леденцами и эротическими курениями, продавались статуэтки Бога, маленькие подобия статуи у храма — считалось, что они приносят счастье.

Повсюду — на постоянных дворах и в харчевнях, на обсаженных пальмами террасах, спускающихся к реке, — стоило только Симму задать какой-нибудь незначительный вопрос, как его тут же отводили в сторону и пространно рассказывали обо всем, что, по мнению горожан, могло пригодиться паломнику; о девятилетнем сроке, о золотом святилище, в котором находился колодец, о высокой раскаленной стене, об армии дозорных, о сторожевых башнях и свирепых чудовищах, обитающих на склонах гор. Однажды утром Симму, разговаривая на террасе с одним каменщиком, заметил, что к нему с трагическим видом приближается женщина, закутанная в покрывало. Каменщик тоже увидел ее и сказал:

— Обрати внимание, чужестранец, вот идет одна из тех святых дев сада. Три года уже прошло с тех пор, как закончился ее срок. Она ушла из сада, рыдая в отчаянии, а недавно она заколола своего мужа.

Женщина, которую, как и следовало ожидать, никто не собирался наказывать за убийство — священные и неприкосновенные девы сада никогда не обвинялись ни в одном преступлении, каким бы гнусным и отвратительным оно ни оказалось, — проходила теперь мимо, и Симму смог ее хорошенько рассмотреть. Она была высокая и стройная, но босая. Как и положено вдове, она носила траур, а ее лицо скрывала вуаль. Хотя Симму и не смог разглядеть черты ее лица, он слышал ее стоны и причитания, видел, как слезы, стекая по

вуали, капают ей на грудь.

— Она, вероятно, скорбит о том, что убила мужа? — простодушно спросил Симму.

— Конечно, нет, — с гордостью заявил его собеседник. — Девы частенько убивают своих близких. Они страшно тоскуют по саду, куда им нет возврата, и по таинственной близости Бога. Я даже не сомневаюсь, — зловещим шепотом добавил он, — что эта несчастная скоро попытается пробраться туда. Все они так поступают. — И рассказчик красочно описал, как закутанные в покрывало, рыдающие изгнанницы отправляются в одиночку через пустыню, взбираются по горным склонам и ждут у пылающей стены, когда откроется узкая дверь.

— Неужели их никто не останавливает? — удивился Симму.

— Остановить святую деву? С какой стати кто-то будет их останавливать? Их всегда можно узнать по платью, покрывалу и рыданиям... А чужестранцам следует держаться подальше от тех мест. К тому же чудовища, живущие в горах по воле Бога для защиты сада, легко отличат чужеземца от жителя Вешума, и всех чужеземцев они разрывают в клочья.

— А если дева добралась до двери и та открылась, что тогда?

— Там есть одно чудовище, которое страшнее остальных. Оно сторожит дверь и не пускает никого, кроме тринадцатилетних девочек, входящих туда по воле Бога. Это чудовище не пустит несчастную в сад, и она вскоре кончит жизнь самоубийством. Так всегда бывает.

— А если ей удастся проникнуть в сад?

— Это невозможно!

— Похоже, что так. Но предположим все же...

— Нет, нет! Я не собираюсь богохульствовать. В сад никогда не попасть никому, кроме девяти прекрасных юных дев, чистых, как лилии, и пленительно невинных. Всем бы женщинам быть такими, но, увы, лишь немногим это удастся. А еще говорят, что в саду эти милые и наивные создания играют с самками зверей, добрыми и нежными, как ягнята. В этот сад не допускается ни один мужчина, кроме, конечно, самого Бога.

В этот момент скорбная фигура под покрывалом уже скрылась в толпе. Симму поспешно попрощался с каменщиком и крадучись последовал за женщиной.

Следить за ней не составляло труда. Толпа почтительно расступалась перед девой-убийцей, а она шла по улицам, не переставая громко рыдать и стонать. Вскоре стало ясно, что каменщик не ошибся: женщина действительно отправилась прямо к колодцу. Выйдя из города, несчастная прошла среди песчаных дюн. Симму держался от нее чуть поодаль.

Упорная дева шла вперед по бесплодной, лишенной тени пустыне, пока жар полуденного солнца не стал совсем невыносимым. Она добралась до одиноко стоящего мрачного камня, иссеченного песчаными бурями и раскаленного солнцем, и присела отдохнуть в тени у его подножия. Симму приблизился к ней, ступая совершенно бесшумно.

Из всех демонов только ваздру умели пением навевать на людей сон. Эшвы были лишены этой способности лишь потому, что не умели разговаривать. Симму по-рысьи подкрался к женщине сзади и запел, подражая ваздру. Наверняка, на слух демона, его подделка оказалась намного хуже оригинала. Однажды у соленого озера Симму уже пытался сделать нечто подобное, и эшва с презрением посмеялся над ним: «Твоя тихая поступь напоминает удары грома, мы же — воздух». Тем не менее, и это посредственное пение оказалось достаточным для смертной.

Успокоившись, женщина перестала иступленно рыдать, прислонилась к скале и облегченно вздохнула. Симму приподнял покрывало девы. Хотя глаза несчастной стали красными от слез, а рот скривился в сварливой гримасе, она все еще оставалась красавицей. Симму поцеловал ее, и губы, сведенные судорогой, расслабились, на лице ее появилась блуждающая улыбка. Она уснула в тени камня, впервые за три года уснула спокойно. Симму забрал ее одежду, оставив взамен только свой плащ, чтобы несчастная могла укрыться от жара пустыни. Впрочем, любой демон оставил бы ей и того меньше. Симму до сих пор не

приносил Смерти лишних жертв.

После этого Симму расстался и со своим мужским полом.

Целый год он был мужчиной и только мужчиной. Глядя на его тело, никто не усомнился бы в этом. И эта форма за прошедший год затвердела, стала жестче, чем она была в прежние годы, когда ревность, любовь и страх открывали в Симму способность к необычным перевоплощениям. Симму привык быть мужчиной, и стать женщиной оказалось для него теперь довольно сложно. Он чувствовал, как что-то растягивает и разрывает его плоть, но еще больше его мучила мысль, что здесь что-то не так. Однако разум Симму был менее гибок, чем его необыкновенное тело. То, что раньше было сладкой болью, приносящей наслаждение и удовлетворение, теперь воспринималось как самоотречение. Симму испытывал ненависть и отвращение к своему новому облику, но в то же время он хотел, чтобы это случилось. Ведь только так ему удастся проникнуть в сад.

Потом — казалось, мгновенно — борьба утихла. Симму стоял, дрожа. Он больше не был героем. Он стал героиней.

Монета перевернулась. Симму-мужчина — широкоплечий, узкобедрый... Симму-женщина была такого же роста, довольно высокая для женщины, но не чрезмерно, ведь Симму не был гигантом. Его кости и мышцы таза, рук, ног, груди сразу же утратили мужественность. Симму-женщина оказалась стройной, но не худой, с высокой грудью и гладкой кожей; исчезли все следы волос на теле и лице. Симму была прекрасна, намного красивее девы, спавшей у камня.

Без колебаний Симму надела платье девы, спрятав под покрывалом лицо и распущенные волосы.

Ее ноги, босые и изящные, хотя и не слишком маленькие, были, несомненно, женскими. На платье, промокшем от слез и высушенном солнцем, остались две округлые выпуклости от груди, которые теперь заполнились.

Симму продолжила свой путь только через час. Прекрасная, одинокая изгнанница, оплакивая свою горькую судьбу, направилась к колодцу.

Уже наступал вечер, когда ее увидели со сторожевых башен. Стражи показывали на нее пальцами, охваченные благоговейным страхом. Они всегда понижали голоса, когда видели возвращающуюся женщину. Несмотря на страх, они были несколько раздражены: опять придется пробираться мимо бестолково рыщущих по склонам чудовищ и нести в город тело несчастной.

Но стражники были не одиноки в своем раздражении: дозорные отряды, заметив приближающуюся деву, ворчали что-то в том же духе.

И вдруг, пока часовые стояли, созерцая ее, бредущую в благочестивом и неприветливом смирении, на склонах гор началось настоящее столпотворение.

Из своих нор и пещер хлынули сотни чудовищ, рычащих, ревуших, визжащих и воющих. Их пасти изрыгали пламя, и воздух заволокло дымом. Чудовища так сильно хлопали крыльями, что медные перья с грохотом дождем сыпались на землю. Гигантские змеи извивались и шипели. Чудовища скалили тигриные клыки, их копыта стучали по горному склону, а рога грохотали, ударяясь о камни и скалы.

Дозорные были потрясены. Никогда появление одной из отверженных дев не вызывало такого буйства. Может быть, эти ужасные — да простит Бог! — страшилища просто взбесились? Воины нервно хватались за луки и мечи, спрашивая себя, сгодится ли такое оружие в предстоящей битве и не будет ли это богохульством. Полчища тварей одновременно ринулись вниз по склонам и помчались по песку, напоминая чудовищный поток лавы.

Но чудовища не обратили внимания на часовых и башни. Они устремились к одинокой фигуре девы. Сбитые с толку, напуганные воины потеряли ее из виду в туче пыли, огня и дыма, в мелькании крыльев, рогов, хвостов и чешуи...

Так стражи-нелюди обычно встречали приближающихся к колодцу чужеземцев: Симму не была местной, а значит, нарушила границы, и ее надо было разорвать на куски. Неясно,

правда, почему все чудовища помчались разом, чтобы принять участие в столь простом деле. Возможно, они почуяли в Симму не просто заблудившуюся чужеземку, а героя — реальную угрозу сложившемуся порядку вещей. Как бы то ни было, Симму опередила их.

До того как твари подбежали к ней, Симму сбросила все одежды, кроме покрывала, скрывающего лицо и волосы, и начала сложный волнообразный танец.

Симму обладала особой силой. Волшебство танца, восхитительные, возбуждающие чары эшв превращали самых диких земных тварей в ручных. Хватало одного прикосновения руки, мысленного шепота — ласкового шепота эшв, чтобы околдовать змею, птицу, лису или пса. Танец Симму умирил бы даже дикого единорога или кота-людоеда. Но чудовища, которых Лилас оставила в пустыне, были не земными, а колдовскими, созданными ею самой. И все же, когда Симму начала танцевать, клыкастые челюсти тварей отвисли, рога в смирении опустились к земле. Они сложили крылья, а хвосты их поникли. Как такое могло произойти?

Конечно, на шее Симму висел камень демонов, спасший героиню в отравленном Мерхе. Возможно, камень усилил заклинание Симму. Но все равно, этого было бы мало, если бы не произошло еще одно событие. О нем не знал Симму, и, конечно же, не знал никто в Вешуме. О нем не знали даже стражи-нелюди, хотя это событие бросило на них свою тень, изменило и ослабило их, лишив смысла их зловещее предназначение.

Колдунья, сотворившая их двести девятнадцать лет назад, теперь была мертва.

Большую часть чудес сада она сотворила при помощи особого колдовства, основанного на сочувствии и ревности. Но именно ее собственное воображение и жестокость поддерживали силу стражей-нелюдей. Сад уже давно не являлся главным детищем ее жизни, и она задвинула его в пыльный чулан в дальнем уголке памяти, но иногда все же вспоминала о нем, а, вспоминая, радовалась. Это был ее шедевр, ее дар любви Владыке Смерти. Все, что касалось сада, купалось в далеких лучах ее подсознательного восторга и черпало оттуда свои жизненные силы. А сейчас этот источник исчез, исчез источник, который на расстоянии заводил механизм, заставляя его работать без сбоев. Сознание колдуньи, питавшее ее чары, оказалось заперто во Внутренней Земле, а оттуда редко что-то проникало во Внешние Миры. Чудища бросились на Симму, собираясь — как положено — схватить ее и разорвать. Но подобно угасающему пламени, они лишились питающей их силы, поэтому Симму хватило обычной магии, чтобы обуздать их и заставить забыть свой долг, лишить смысла все двести девятнадцать лет их безжалостной службы.

Вскоре чудовища уже ласкались к девушке. Они терлись тигриными мордами о ноги Симму и лизали ее странными раздвоенными языками. Твари с наслаждением подчинились сладким чарам эшвы. Существование их было долгим и однообразным. Даже чудовища устают от такой жизни.

— Это что ж такое? — недоумевали часовые, наблюдая, как дева, в сопровождении чудовищ, поднималась по ближайшему склону.

— Ее голова закутана покрывалом, но сама она обнажена, — сообщил с наблюдательной вышки один из стражей. Остальные, желая избежать кощунственных мыслей, отвели глаза.

— По-моему, она танцует! — крикнул страж с вышки. Он тоже видел этот танец, так что заклинание частично коснулось и его. Его глаза наполнились слезами, когда он, пошатываясь, спустился со своего поста — неслыханный проступок!

— Нам что, пойти за ней? — удивлялись воины, стоявшие у склона.

Раньше они всегда следовали за девой. Но сейчас, даже имея приказ, они предпочитали держаться на значительном расстоянии от чудовищ, которые вдруг перестали вести себя так, как положено знаменитым вешумским тварям. Поэтому воины остались на месте и совсем потеряли из виду лжедеву.

Близился закат. По пустыне поползли тени гор, башен и неподвижно замерших стражей. Небо окрасилось золотом, западное плато казалось припудренным красной пылью, по которой колесница солнца катилась к краю света.

Невидимая для людей, Симму подошла к высокой раскаленной стене. Над ее вершиной в небо уперлась корона молний, сверкающих все ярче в быстро сгущающихся сумерках.

Симму добралась до того места, где скрывалась дверь.

Она сбросила покрывало — последнее, что было на ней, — и в тот же миг потух последний луч солнца. Симму прошептала что-то, и чудовища, сопровождающие ее, лениво разлеглись на камнях, вяло помахивая хвостами-змеями, а их беспечно двигавшиеся крылья поднимались и опускались, словно множество медных вееров. Симму направилась к двери, появившейся среди деревьев именно в том месте, о котором рассказывали жители Вешума. Жар, исходящий от стены, стал почти невыносимым, и дверь открылась.

Но тут путь Симму заступил страж врат сада.

Это создание могло изменять свои размеры. Сначала оно было крошечным, как улитка, а вход в его норку — узкий, словно девичье запястье. Но, вырвавшись на свободу, страж раздувался, у него вырастали руки, клыки и отвратительные щупальца. Он напоминал змею, покрытую матовой чешуей; змею с несколькими мускулистыми руками, с когтями из голубоватой стали. Его лицо, словно вышедшее из ночного кошмара, чем-то походило на безволосое лицо безумца. Чудовище ухмылялось, скаля остро отточенные кинжалы клыков, и два выпученных глаза отвратительного ржавого цвета (может, цвета ядовитых гранатов колдуньи) горели во тьме. Ладони многочисленных рук чудовища тоже были ржаво-красными, а язык, время от времени показывающийся между зубами, — угольно-черным. На его запястьях, скулах и висках торчали острые шипы.

Симму отступила на шаг, разглядывая нового противника. Воздух успел насквозь пропитаться чарами эшв, но это последнее чудовище, по-видимому, их не воспринимало. Тогда Симму мысленно обратился к стражу: «Дай мне пройти». Страж двери издал какое-то отвратительное бульканье — насмешка, ругательство или просто выражение безразличия. А за его спиной стояла открытая настежь узкая дверь в сад. Время уходило.

Симму обернулась к прирученным чудовищам. Она протянула к ним руки и, напевая вполголоса, обратилась к ним. Она посылая им безумные образы и мысленно гладила их спины, пока твари не очнулись и не поднялись во всей своей ужасающей красе. Они защелкали челюстями, стали бить хвостами по земле — они приготовились к битве. Симму впервые таким образом использовала свое колдовство. В следующую секунду сотни чудовищ ринулись на стража двери.

Колдунья создала этих тварей для битвы, страж же ни с кем не сражался. Ему просто не представлялось случая, ведь никакой чужеземец не смог бы пробраться так далеко — до самой стены; что касается возвращающихся дев, то страж только рычал на них, и этого было вполне достаточно — несчастные убегали и сами убивали себя. Последний и самый ужасный страж оказался не готовым к тому, что произошло. Невзирая на многочисленные и разнообразные орудия защиты, мощные доспехи и острые когти, налетевшая на него волна чудовищ быстро захлестнула его: залитые кровью тигриные морды улыбались из его внутренностей, а медные крылья хлопали по его разорванной чешуе.

Симму рванулась к двери и, за мгновение до того, как она исчезла, девушка влетела в запретный сад.

Глава 7

В этот вечер от двери в глубь сада не вела мраморная лестница. Ее заменял склон, покрытый прелестной шелковистой травой. Все дышало покоем и благополучием в нежных лучах розовой вечерней зари.

Некоторое время Симму неподвижно стояла на склоне, едва веря в то, что она совершила, и это приятно возбуждало ее. Она задумчива огляделась. Теперь она стала искуснее во всех видах волшебства и чувствовала магию так же явственно, как аромат цветов или запах воды. В Симму снова началась борьба ее женской и мужской ипостасей. Наконец мужская гордость восстала в ней, и ее тело, так долго бывшее мужским, отчаянными

усилиями попыталось вернуть себе привычный облик. Но Симму противилась этому, ведь сад был создан для женщин и населен женщинами. Она боялась выдать себя, приняв обличье мужчины.

Немного погодя, Симму поднялась с травы и еще раз осмотрела долину в поисках золотого храма, скрывшего колодец.

Над садом взошла розовая луна. Лунный свет облегчал поиски. К тому же Симму не мешали иллюзии, и она быстро отыскала храм. Теперь удержаться от начала поисков ей было не легче, чем жаждущему отказаться от глотка воды, и она устремилась к храму. По пути ей встретились лани — колдовские творения Лилас, но они не обратили на Симму никакого внимания. Ведь они сами были нереальны, к тому же несомненная женственность Симму не потревожила женскую атмосферу долины. Тут повсюду царила мягкая чувственность и кошачья чистоплотность, всегда символизирующие женщину. Здесь не было ничего резкого, решительного, независимого, а если где и встречалось, то прикрытое гляncем иллюзий. Стволы деревьев изгибались плавно, холмы были округлыми, словно девичьи груди. И Симму вторглась сюда, к счастью, в своем женском облике.

Симму подошла к храму. Он не был золотым, хотя и казался таковым. Два столетия придали ему, как и всему саду, какое-то особенное величие, и на пороге его Симму невольно задержала дыхание. Она по-кошачьи прокралась внутрь. Ее глаза отражали сияние золотой чаши с костяной пробкой, венчавшей колодец. Вдруг она услышала позади себя высокое неумелое пение. Восемь девичьих голосов затянули песню или гимн.

Обычно на закате девы приходили в храм, чтобы совершить ритуал, во имя своего Бога произнести новые обеты и возложить дары — цветы и плоды. Когда проходили годы и первоначальный пыл угасал, девы уже не столь ревностно относились к своим религиозным обязанностям. Все чаще приходили они в храм уже после заката. Симму, поняв, что восемь дев направляются по тропе к дверям храма, нырнула в ближайшее укрытие — широкий оконный проем — и притаилась и выглянула среди теней.

Что-то похожее на ранние золотые сумерки вошло в храм.

Такое необычное впечатление создавалось отчасти благодаря блеску драгоценностей в неровном свете — в зале храма курились какие-то благовония. Первая из дев зажгла яркий светильник, и золотые одеяния и украшения дев засверкали и заискрились.

Симму удивилась, что дев оказалось восемь, а не девять, как полагалось. Всем было по шестнадцать лет, они расцвели и созрели в волшебном саду.

И теперь в золотых сумерках они начали танцевать.

Девы принесли с собой черный и зеленый виноград, алые маки, букеты белых лилий, гиацинтов и роз, персики и пальмовые листья: все это они сложили рядом с чашей, проходя мимо, но прежде они прижимали фрукты к губам, а лепестками цветов осыпали друг друга с головы до ног. Танец, казалось, породил нечто вроде музыки, которую слышали только танцовщицы. Она становилась все быстрее, и девы, приходя в неистовство, хлестали себя пальмовыми листьями. Казалось, одежда дев стала местами прозрачной, приоткрыв то ослепительно сверкающую белую кожу, то темный бутон соска, то изгиб ноги. А под золотыми покрывалами не было ничего, что скрывало бы тела дев больше, чем дым скрывает огонь. Этот танец, предназначавшийся лишь Богу, был исполнен сладострастия. Скрытые от мужских взоров, восемь дев неслись в танце на крыльях самых необузданных фантазий. Их глаза сверкали из-под опущенных ресниц, их алые губы чуть приоткрылись, обнажая ослепительно белые зубы. Потом они сбросили одежды, оставшись лишь в золотистых дымчатых покрывалах, и с наивным бесстыдством стали предлагать свои бархатистые тела Богу колодца. Наконец они бросились к чаше. Их волосы разметались. Девы порывисто дышали, рыдали и стонали, прижимаясь к холодному металлу: «Узри, я запечатана, как и твой колодец, и своей чистотой я буду хранить чистоту священной обители Бога, и пусть я погибну... о, погибну... погибну!.. если нарушу клятву».

И тут Симму оказалась в весьма затруднительном положении. Ее мужское начало, разбуженное танцем дев, стало брать верх. Все попытки Симму противостоять его натиску

были напрасны. И даже когда она в отчаянии отвела взгляд от танцующих — хотя в душе желала вовсе не этого, — даже тогда их вздохов, стонов и шепота было вполне достаточно, чтобы возбуждать ее, точнее его. И, в конце концов, оказавшись не в силах больше сопротивляться, Симму-мужчина, изнемогая, прислонился к стене. С горящими глазами и сердцем, колотящимся, словно молот, скрежеща зубами и мрачно усмехаясь при мысли о своем положении, Симму наблюдал, как закончился танец, как обессиленные девы поднялись с пола, собрали одежды и, забыв светильник, спотыкаясь, растворились во тьме ночи, чтобы снова стать маленькими девочками или устремиться к эротическому снадобью в булькающих хрустальных сосудах.

Симму остался один и с неохотой, с большим усилием вновь изменил свой пол. И вот когда уже все свершилось, в храм вдруг вошла девятая дева.

Голоса остальных давно затихли вдали, и Симму, почти забыв о прежних намерениях, едва сдерживался, боясь, что другого такого случая может не представиться.

Но все же разум взял верх над чувствами, ибо Симму понял, что эта дева совсем не похожа на остальных. С одной стороны, она показалась ему прекраснее других, если такое вообще возможно. С другой же — казалось, она одета не так роскошно, как остальные, — на ней было простое поношенное платье, словно пышные иллюзии сада не имели к ней никакого отношения. В-третьих, она свирепо прокричала в чашу слова, которые звучали странной насмешкой над молитвами, звучавшими здесь до ее прихода: «Узри, Боже, я тоже запечатана! Если б я могла сорвать эту печать, чтобы осквернить твой проклятый колодец!..» После этого и она выбежала из храма.

Застыв в изумлении, Симму вдруг понял, что у него в руках есть теперь решение задачи. Теперь он точно знал, как расколоть водоем Верхнего Мира и выпустить воду бессмертия вниз, во второй колодец.

Глава 8

Восемь из девяти дев ужинали в мраморном дворце. Полулежа на вышитых шелком подушках в свете ароматических свечей, они вертели в руках куски жареного мяса, посасывали засахаренные побеги лотоса, инжирный мармелад и тому подобные лакомства. Яркие птицы наполняли воздух восхитительными руладами. Пантеры и львицы дремали, положив головы на усыпанные драгоценностями колени дев, и украшенные дорогими перстнями пальчики ласкали зверей.

Девы весело болтали, уже оправившись от религиозных безумств. Как и предвидела колдунья, они говорили разные глупости, но, поскольку любая глупость принималась подругами благосклонно, девы считали себя необычайно мудрыми.

— Я полагаю, — глубокомысленно заметила одна из них, — что луна — на самом деле цветок, чьи лепестки постепенно, в течение месяца, опадают пока не останется ни одного. А затем на черной клумбе ночного неба снова распускается бутон молодой луны.

— Свежо и необыкновенно, — ответила ее подруга. Девушки не завидовали гениальности друг друга, им не из-за чего было ссориться.

— Да, я много об этом думала, — продолжала первая, — но теперь меня интересует другое: а вдруг солнце — это пылающий огонь, который каждый вечер тухнет, попав в гигантскую чашу с вином?

— А может, это дыра в ткани эфира, обнажающая пламенный Верхний Мир, где обитает наш Бог и господин? — дерзко заявила третья.

— А Кассафех — дура, — вставила четвертая. — Зря она избегает нас. Она могла бы многому у нас научиться!

Именно так, пусть и ненамеренно, проявлялись человеческие слабости дев: им было, кого осуждать.

— Постойте-ка, что это за странные звуки за окном? — вдруг спросила пятая, обладающая очень чутким слухом. Ее очаровательные ушки были украшены жемчужными

серьгами.

— За окном? Что там может быть?

— Мне показалось, там кто-то рассмеялся. Может, это Кассафех подглядывает за нами?

— Может быть, — согласилась дева, рассуждавшая о луне. — Может, это звездные лучи разбиваются о землю?

— Да погоди, — воскликнула шестая, — я тоже слышала смех, вон за тем окном! Пойду посмотрю. — Она подбежала к окну, выглянула наружу и увидела в полумраке среди теней сада стройную женскую фигуру. — Как тебе не стыдно, сестра! — с укором сказала шестая дева.

— Увы, — скорбно пробормотала та, которую приняли за Кассафех, — камень лежит у меня на сердце, и я полностью раскаиваюсь в своих грехах.

— Это точно Кассафех, — обернулась шестая дева к своим подругам. — Она говорит, что у нее на сердце камень и что она раскаивается в грехах. — Но когда девушка снова выглянула в окно, таинственная фигура исчезла.

— Я что-то не совсем поняла, — призналась шестая дева. — Кассафех никогда раньше ни в чем не каялась. И, кроме того, она показалась мне выше ростом, а ее волосы были темнее, чем обычно. И ее голос... Хотя она говорила очень тихо, все равно не очень-то ее голос походил на голос Кассафех.

— Однако это не мог быть никто другой, потому что нас здесь всего девять — и больше никого нет. — И восемь дев единодушно согласились с этим.

Первая дева — именно она предположила, что луна — это цветок, — спала на своем ложе и видела во сне, будто она качается на качелях из слоновой кости, подвешенных к цветущей луне. Она взлетала вверх, в звездное небо, и стремительно неслась вниз, вверх-вниз, вверх-вниз! А потом с луны осыпались все лепестки, и качели упали, а с ними и дева. В этот момент она почувствовала легкое прикосновение и едва не завизжала.

Она открыла глаза. В комнате была крошечная тьма. Светильник погас, а окна были плотно занавешены. Но вот дева почувствовала рядом с собой осторожное движение. Она подумала, что это львица, и тут женские пальцы коснулись ее руки, и послышался шепот:

— Это я, Кассафех...

— Но... твой голос не похож на голос Кассафех, — рассеянно ответила девушка.

— И все же это я. Кому еще тут быть, кроме меня? Не прогоняй меня. Ты так мудра и благоразумна. Только ты можешь помочь мне. Посоветуй, как мне искупить мое святотатство. Я так долго не обращала внимания на Бога.

Столкнувшись с такой задачей, глупая дева задумалась. Тем временем Кассафех — а может, это была и не она — придвинулась ближе.

— Твоя близость меня вдохновляет, — прошептала Кассафех... И все же это была не Кассафех.

Теперь первая дева убедилась, что ее неожиданная гостья — женщина. Девичья грудь коснулась ее руки, а гладкая щека прижалась к ее щеке. Тем не менее дева вдруг задрожала от смутного страха.

— Не бойся меня, я всего лишь заблудшая душа, — сетовала лже-Кассафех еще более странным голосом, будто давясь от потока слез. Потом она прикоснулась к шее первой девы нежными пальцами. Легкими, как травинки, были эти пальцы. А потом пальцы скользнули вдоль шеи, по склону груди и превратились в нечто, охватывающее и ритмично сжимающее, нечто вызывающее в груди первой девы пронизывающую, словно музыка, сладость. А потом эта музыка переместилась к чреслам девы, неописуемо ее этим удивив. И как раз когда дева невольно подалась навстречу этой музыке (а потом и другим, множеству других, идущих вслед первой), к ее губам прижались губы лже-Кассафех, и поцелуй их был слаще, чем все, что она знала до сих пор.

— Ах... Но, Кассафех... — слабым хриплым шепотом пробовала протестовать первая дева. Но Кассафех не ответила. Руки девы сами по себе поднялись, обнимая тело заблудшей подруги, которое оказалось теперь сверху. Оно оказалось намного тяжелее, чем дева

ожидала, и было необычным на ощупь, гладкое и твердое, а под кожей перекатывались упругие мышцы. Может, это львица? Но дева, забыв о своей склонности к философствованию, не хотела сейчас в это вникать. Она, словно дверь, открывалась дюйм за дюймом, впуская в свое тело мужскую плоть. Может, это Бог поверяет ей какую-то тайну таким странным образом?

Симму, хорошо зная, как нужно обращаться с женщинами, поскольку сам был отчасти женщиной, понимал, как следует вести себя с этой податливой девочкой. Мягкими прикосновениями, пожатиями, поглаживаниями, губами, зубами и языком, руками, пальцами, ногтями пальцев, а также чрезвычайно искусными интуитивными движениями всего тела он превратил размышлявшего о луне-цветке ребенка в одно сплошное неистовое желание, извивающееся и безмолвно стремящееся удовлетворить зов плоти. И когда дева достигла пика своего желания, а Симму приблизился к порогу наивысшего наслаждения, он крепко сжал ее и вошел в дверь сада, в сокровеннейший и прекраснейший из всех садов. Врата были взломаны, и хотя девушка — уже не девственница — несколько раз вскрикнула от боли, вскоре ее крики сменились стонами наслаждения.

Тихо было в долине за окном. Это двойное насилие — над садом, в который проник мужчина, и над первой девой, не оказавшей, впрочем, особого сопротивления — осталось, похоже, незамеченным.

— Кассафех, мечтала ли я о таком...

Но Симму, любовник-колдун, пропел ей что-то на ухо, и дева крепко заснула. Он тихо вышел из комнаты в пустынные мраморные коридоры ночного дворца. Тут Симму быстро изменился, вновь превратившись в женщину. Он прошел там, где более двухсот лет ступали только лапы зверей-призраков и стройные девичьи ноги. И вскоре еще один занавес был сдвинут в сторону, еще один светильник погашен, еще одна дева, пробудившись, обнаружила у своей постели кающуюся Кассафех... Отступница, которая быстро превратила явь в сладостный сон, куда более волнующий, более восхитительный, чем навевал хрустальный сосуд. И снова крик боли сменился стонами восторга. И вновь прозвучала песнь демона, а потом Симму бесшумно исчез. А чуть позже, в самый темный предраассветный час, еще раз все повторилось, и еще одна дева оказалась откупорена... Крик боли и стоны восторга, песня, бесшумное исчезновение...

Трое за одну ночь. У трех дев в кромешной тьме были сорваны священные печати. А боги молчали, не являя никаких знамений, не грозя карой. Ни облачка в небе, ни капли дождя, ни даже падающей звезды.

Волшебство колдуньи ггло, распуская нить за нитью узор ее магии. Симму верно подобрал ключ к тайне Лилас. Но он спешил, герои ведь не любят ждать.

К утру лишь шесть дев остались нетронутыми. Симму отдыхал на холме под высоким цветущим деревом, набираясь сил перед следующей ночью. Волшебство сада сдавалось, и по мере этого рушилась защита пути, ведущего к бессмертию.

Колдунья, пожалуй, перехитрила саму себя, решив сделать хранительницами нижнего колодца девочек, которые должны были оставаться девственными в течение девяти долгих лет. «Я запечатана так же, как запечатан твой колодец, и пока я чиста, я буду хранить чистоту обители Бога», — клялись они, приходя к колодцу, который находился прямо под колодцем Верхнего Мира. Чувственная магия: слова, повторяемые в течение двухсот тридцати трех лет многими поколениями дев, постепенно становились реальностью. Они наделили храм величием, а колодец — жизнью. И если что-то случится с нижним колодцем, то это же произойдет и с колодцем небесным.

Даже Верхний Мир не мог не противостоять такому могущественному и длительному колдовству, да и небесный водоем, как верно заметила колдунья, был всего лишь стеклянным.

Бунтарка Кассафех своим вызовом: «Хотела бы я, чтобы мы оба — я и колодец — были распечатаны», — подсказала Симму решение.

Стоит взломать печати на колодцах девяти дев-хранительниц и небесный колодец над

головой тоже даст трещину.

А если бы девять дев не охраняли земной колодец, то, может, так никогда и не был бы найден путь к воде бессмертия.

У Кассафех, девятой девы, были свои ритуалы. Тем утром в лучах восходящего солнца она как раз исполняла один из них.

Однажды она нашла на берегу небольшого пруда подходящий камень, обмазала его черной глиной с берега и назвала «богом». Часто приходя сюда, Кассафех всячески оскорбляла и поносила этого «бога», постоянно хулила его в надежде на какое-нибудь знамение, которое подтвердило бы существование Черного Бога Вешума. Даже смерть казалась ей предпочтительнее предстоящих шести лет заключения в саду. Правда, ей казалось так лишь потому, что она до сих пор не видела настоящей смерти.

И вот она вновь оказалась перед камнем; мягкие волосы бледно-золотым дождем струились по ее плечам, а глаза приобрели стальной оттенок.

— Ну же, — ехидно говорила она, — порази меня молнией! Как я тебя ненавижу — то есть ненавидела бы, если бы ты на самом деле существовал! Но ведь тебя же нет! — И тут она швырнула в камень куском грязи.

Тут из-за дерева выскользнула первая дева. Робея и смущаясь, она подошла к Кассафех и прошептала:

— Это был сон или это и правда была ты, милая Кассафех?

— Я? — опешила Кассафех, изумленная таким неожиданным знаком внимания.

— Ты, милая Кассафех! Ведь это ты задула мой светильник и попросила помощи. Конечно же, я помогу тебе, обещаю. Но только я не поняла, что произошло между нами... Ты ведь расскажешь мне... или... Может быть, ты сделаешь это еще раз? — И ее рука нежно обвила ее вокруг талии Кассафех.

Но та оказалась вовсе не такой ласковой, какой была ночью, пальцы распечатанной девы коснулись совсем другого тела.

— Кассафех, может, ты думаешь, я обижаюсь на то, что ты поранила меня? Правда, на простыне осталось пятно крови, похожее на розу, но ведь эта кровь отдана Богу, я не сомневаюсь... — И первая дева поцеловала Кассафех в губы, что той и вовсе не понравилось.

— Да оставь же меня! — вскрикнула Кассафех и, вскочив на ноги, убежала.

Но на следующей поляне она столкнулась со второй распечатанной девой.

— А, Кассафех, — сказала та, с ухмылкой глядя на нее. — Что это ты задумала ночью? Прокралась в мою комнату, рассказала какие-то сказки, а потом легла со мной! Как непристойно все получилось! Боюсь, ты мне что-то повредила. Утром я нашла на постели красное пятно — по-моему, это была кровь. Но, — добавила она, подойдя ближе и нетерпеливо ухватившись за рукав платья Кассафех, — это неважно. Никто не узнает.

— Но я же ничего такого не делала, — отбивалась Кассафех.

— Как же! — усмехнулась дева, ткнувшись носом в ухо дочери духа. — Что-то ты все-таки делала, и ты сделаешь это еще раз. Никогда не думала, что ты такая ловкая. Погасить свет и шептать сказки о том, что тебе нужно мое утешение; и все для того, чтобы заняться такой гадостью! — Вторая дева засмеялась и решительно ухватила Кассафех за ягодицы. Кассафех укусила ее и бросилась бежать.

Но только она вбежала в лес, как чуть не упала, споткнувшись о третью деву, лежавшую на траве.

— Что случилось? — нерешительно спросила Кассафех, увидев, что та плачет.

Вдруг третья дева рванулась вперед, и ее руки обвили лодыжку Кассафех.

— Ты! Ах, злодейка! Как ты могла сотворить со мной такое... такую... гадость вчера ночью?!

— Это не я! — закричала Кассафех.

— Ты! Больше никому! Я никогда не забуду, как ты лгала мне в кромешной тьме, как ты навалилась на меня своим телом, и эти восхити... ужасные вещи, которые ты заставила

меня делать. Мне было больно, а когда я кричала и просила продолжать... то есть, я имею в виду, прекратить... ты засмеялась каким-то чужим грубым голосом. Кассафех, я никогда не прощу тебе того алого пятна, которое я обнаружила. Я все время думаю о том восторге... или, вернее, ужасе... который я пережила из-за тебя...

Кассафех посмотрела на свою лодыжку, в которую намертво вцепилась третья дева.

— Послушай, — сказала Кассафех, — отпусти мою ногу, а я лягу рядом и утешу тебя.

— Да! — согласилась третья дева. — Но я, конечно, откажу тебе, — решительно добавила она и отпустила ногу.

Кассафех бросилась бежать.

В долине существовало место, где ничего не цвело — там остался уголок голой пустыни. Только Кассафех видела это место таким, каким оно было, ибо не было в саду иллюзий, которые могли долго обманывать ее. Для других это место, как и все остальные, зеленело лужайками, фруктовыми деревьями и цветочными клумбами. И из-за этого никто никогда не замечал крохотную пещерку, в которую сейчас спряталась Кассафех. И хотя три снедаемые желанием девы бродили неподалеку, зовя ее, они так ничего и не добились. Остальные пять избранниц так и не появлялись. Кассафех решила, что у них нет причины ее искать.

Прячась и злясь на остальных дев, Кассафех провела в своей пещерке весь день. Она напряженно думала.

Хотя Вешум умышленно держал своих дочерей в неведении, Кассафех знала достаточно, чтобы понять, что кто-то распечатал лоно трех дев. И это весьма озадачило ее. И было из-за чего: кажется, именно ее подозревали в том, что она за одну ночь лишила девственности трех хранительниц. Но уж в этом-то преступлении она точно не замешана. Впрочем, Кассафех казалось, что виновато тут колдовство Бога. Разве смог бы мужчина пробраться в сад? Это предположение заинтриговало Кассафех даже больше, чем встревожило. Ее не пугало необъяснимое, к тому же размеренная жизнь пленницы сада ей до смерти надоела.

Кое-что совпадало во всех трех рассказах: задутый светильник и тьма в комнате. Несомненно, это было сделано для того, чтобы скрыть, кто вошел в комнату на самом деле — какая-нибудь отвратительная нечисть? Потом жалобная просьба об утешении и следом другие просьбы, судя по всему, добровольно исполненные девами. Но в долине осталось еще шесть дев — возможно ли, что нечто решило добраться до каждой из них?

По своему обыкновению, Кассафех не присоединялась к остальным девам во время вечернего пира во дворце. За прошедшие два года она убедилась, что предпочитает коренья, ягоды и чистую воду иллюзорным дворцовым пиршествам. В этот вечер пятеро дев болтали в обычной идиотской манере, а трое сидели молча. Их глаза горели, а щеки лихорадочно пылали. Они бросали друг на дружку испуганные, полные ревности взгляды. Каждая из распечатанных дев подозревала, что не у нее одной побывала странная ночная гостья. В этот вечер они уже не так самозабвенно танцевали перед Богом.

Наконец девы отправились спать. Пятеро из них тут же заснули. Трое ворочались и метались в постелях, задыхаясь от волнения всякий раз, когда ночной ветерок шевелил занавес на двери. Но никто не явился к ним, и около полуночи, совсем измучившись, они все-таки уснули.

Только Кассафех, дочь духа, не была подвержена влиянию волшебства эшв и поэтому бодрствовала. Свою лампу она погасила сама и съежилась в углу, широко раскрыв глаза, напряженно прислушиваясь. Около полуночи она оказалась вознаграждена. Кассафех услышала далекий слабый крик, похожий на крик ночной птицы. Только это была не птица.

Кассафех тихо прокралась к двери и выглянула наружу. Минуту спустя в одном из дверных проемов возникла фигура.

Три года жизни с девами не пропали даром. Кассафех сразу же поняла, что эта фигура не принадлежит ни одной из них. Однако очертания ее не показались Кассафех чудовищными или отвратительными. Это была фигура высокого стройного... Нет, не

мужчины... В свете звезд вырисовывалась линия высокой упругой груди. Может, это демон?

Кассафех и не подозревала, как близко она была к истине. Легко ступая, Кассафех решила проследить за безмолвной фигурой. Вскоре таинственное существо скрылось в одной из комнат, комнате — той, где спала пятая дева. Кассафех прильнула глазом к щели в занавеске.

Да! Это была женщина. Она наклонилась над светильником, волосы цвета абрикоса скрывали ее лицо. В неровном свете Кассафех разглядела загорелую кожу и грудь с золотистыми сосками. Затем светильник мигнул и потух. На фоне окна выделялась лишь тень женщины, а когда она задернула занавеси, комната погрузилась во мрак. Раздался шепот:

— Кто здесь?

— Это я, Кассафех.

Затем так же тихо полились утешительные речи. Происходящее показалось Кассафех забавным, она поневоле улыбнулась.

И вскоре из темноты раздался вздох и шелест шелка, сползающего на пол, а потом Кассафех показалось, что она услышала, как опытная рука путешествует по куполообразным холмам, по гладкой восковой равнине направляясь в теплую, поросшую лесом долину.

Вздох, неровное дыхание, неожиданно оборвавшийся стон, бессмысленные слова, приглушенное бормотание, бархатный звук трения кожи о кожу, наконец, резкий, хотя и негромкий, крик, за ним еще один, более низкий, а потом непрерывная череда криков, стонов, прерывистых вздохов, будто в комнате кого-то медленно убивали.

Сердце Кассафех затрепетало. Девушка затаилась за занавесом, едва не теряя сознание от желания и смущения. Затем она услышала голос — никогда раньше она не слышала такого голоса.

— Благодарю, любимая.

Это был голос мужчины. Вдруг голос изменился, послышалось что-то вроде мелодичного журчания. Кассафех, почуввав колдовство, отступила назад и на всякий случай зажала уши пальцами. Впрочем, песня демона не оказала на нее сильного воздействия, гораздо больше потряс ее звук мужского голоса.

Кассафех убежала обратно в свою комнату и ждала там, жалея, что у нее нет ножа, чтобы убить насильника, или сосуда с ароматическими маслами ее матери, чтобы соблазнить его, — она даже не знала, чего ей хочется больше.

Но никто не зашел в ее комнату, ни мужчина, ни женщина, ни демон. Не она стала третьей в эту ночь. Похоже, незнакомец умышленно оставил в покое Кассафех, чье имя использовал он в качестве прикрытия...

А может, он поступил именно так, бессознательно чувствуя, что необходимо оставить Кассафех напоследок, ее — прекраснейшую из всех, подсказавшую ему единственно возможное решение.

Была еще одна причина, но неизвестно, догадывался ли Симму о ней или нет.

Если бы для того, чтобы связать сверхъестественный колодец Верхнего Мира с жалким колодцем в долине, нужна была дополнительная нить, то ею, несомненно, являлась Кассафех. Она, дочь небожителя, духа стихий низшей касты Верхнего Мира, стала теперь девой колодца. Таким образом, судьба, случайность или какая-то причуда богов сложила из разноцветных камней забавный узор...

Утром Кассафех приняла решение.

Она терпеть не могла Бога Вешума. Даже разговор с демоном больше привлекал ее. Как бы то ни было, этот демон медленно, но верно разрушал незыблемую основу — целомудрие хранительниц, а значит, стремился разрушить ненавистную тюрьму Кассафех. В этом душа девушки стала союзником незнакомца.

Когда четвертая дева утром подобралась к ней с настойчивым писком, Кассафех уже придумала, как себя вести.

— Днем мы не должны говорить об этом, — остановила она деву. — Это будет наша

тайна, посвященная Богу. Не говори никому! Никто не должен знать, только ты и я.

Обрадованная четвертая дева, задержавшись только для нежного объятия, убежала. Такими же речами Кассафех обманула пятую и шестую деву. А когда первая, вторая и третья, напрасно ждавшие ее в эту ночь, поодиночке подходили к ней, Кассафех, смиренно потупившись, говорила:

— Увы! После нашей ссоры я побоялась прийти к тебе, но сегодня непременно приду. Ты только не говори остальным. То, что произошло между нами, — таинство. Мы отмечены Божьей милостью.

Кассафех лгала, зная, что всех, кто не уснет в следующую ночь, демон усыпит своей песней. Только Кассафех могла сопротивляться ему, и она будет готова.

Вечером Кассафех явилась во дворец. Она надела новое платье, которое показалось роскошным даже девам, шестеро из которых, впрочем, уже не заслуживали этого звания. В этот вечер только две из них болтали о разных пустяках, а остальные шесть с обожанием глядели на Кассафех и, передавая ей вино, старались тайком пожать ей руку.

Вернувшись в свою комнату, Кассафех разложила по местам все, что приготовила. Затем она выкупалась в чистой воде, благоухавшей благодаря чарам сада как лучшие духи. Она вплела в свои волосы синие цветы, соком этих цветов натерла веки, и ее изменчивые глаза приобрели романтический голубой оттенок. Но когда Кассафех погасила светильник, ее глаза, расширившись от возбуждения и неясных предчувствий, засверкали по-кошачьи: то янтарем, то золотом, то бледно-алым.

Во тьме она ощупью отыскала и принялась затачивать и без того острый заранее заготовленный обломок кремния. Затачивая свой примитивный нож, Кассафех мечтала о любви. И, мечтая о ней, Кассафех касалась ногой веревки, сплетенной из гибких и прочных стеблей, которой решила связать демона, если его можно будет связать.

Она снова прислушалась и вздрогнула, услышав далекий приглушенный крик. Потом раздался еще один, и Кассафех задрожала еще сильнее. Она осталась единственной девой в саду.

Глава 9

Розовая луна уже зашла. До рассвета оставался всего час. Ночь прижалась к земле в последнем черном объятии.

Крадучись по-рысьи, Симму вошел в темную комнату. Светильник не горел, окна были завешены. В могильной тьме Кассафех, девятая дева, казалось, спала. Путь был открыт. Как и прежде, Симму, приняв женский облик, тихо прилег на край постели. Но в отличие от других, девятая дева вдруг шевельнулась и сонно пробормотала:

— Я уже говорила, что не желаю делить свою постель ни с пантерами, ни с другими животными.

Она вытянула руку, и та уперлась в девичью грудь Симму.

— Кто здесь? — спросила Кассафех. Навряд ли Симму и на этот раз мог назваться ее именем. Кроме того, мягкая девичья рука Кассафех, неторопливо ласкающая его тело, начала постепенно разрушать женский облик искусителя. Симму слегка отодвинулся в сторону и позволил своему мужскому естеству взять верх.

— Эй, сестра, — шепотом позвала Кассафех, — я почему-то не узнаю тебя.

— Я видела дурной сон, — сладко и томно прошептал в ответ голос, уже не похожий на девичий.

— Бедняжка, — сочувственно произнесла Кассафех. — Ты должна мне все рассказать. Только подожди, я сброшу это тяжелое одеяло, здесь ужасно жарко.

И, откинув одеяло, она схватила зажженный светильник, стоявший под кроватью и скрытый тяжелыми складками ткани. С торжествующим криком Кассафех вскочила, возвышаясь над Симму, держа в одной руке светильник, а в другой — заточенный кусок кремния.

Она уже три года не видела мужчин. Да и вряд ли до этого Кассафех видела такого мужчину — прекрасного, сильного, как лев, великолепно сложенного. Словно бронзовая статуя, он неподвижно лежал в постели, глядя на нее снизу вверх зелеными глазами.

— Ну что, — невозмутимо сказал он, — теперь ты убьешь меня?

Симму, впрочем, было ясно, что девушка этого не сделает. Он ничуть не волновался из-за того, что она увидела его, лишь немного удивился.

— Я скорее убью себя, чем уступлю твоей похоти, разбойник, — заявила Кассафех.

— Твои глаза сверкали, как расплавленный металл, а сейчас они цвета юной ночи. Поэтому мне кажется, ты не сможешь плохо обоиться со мной.

— Чего ради понадобилось тебе пробираться в сад дев? Неужели для того, чтобы забраться в наши постели? По-моему, в Вешуме предостаточно женщин.

— Там нет такой, как ты, — возразил Симму. — Теперь твои глаза темны, как гиацинты.

Кассафех улыбнулась, отбросила в сторону «нож» и поставила светильник на пол. Симму обхватил ладонями талию Кассафех, которая оказалась так стройна, что его пальцы почти соприкоснулись... Волна прекрасных золотых волос накрыла их обоих.

— Ты из рода демонов? — спросила Кассафех.

— Я знал некоторых из них, — ответил Симму. — Как-то видел даже князя демонов, Владыку Ночи.

— И ты собираешься осквернить святыню этого тупого вешумского бога?

— Нет. Я хочу преподнести подарок всем богам, а особенно Владыке Смерти.

— Расскажи мне, почему ты здесь, — попросила Кассафех. — Я охотно стану твоей, только сначала расскажи.

— Хорошо, — согласился Симму, — я расскажу, если ты обещаешь больше никогда об этом не спрашивать.

И он рассказал ей о двух колодцах и о том, что, лишив девственности девять хранительниц, он пробьет в небесном водоеме брешь — через нее прольется вода бессмертия. Именно ее и собирался похитить Симму.

— А ты герой, — удивленно протянула Кассафех и еще крепче прижалась к нему.

Кассафех не кричала, сдавая свою цитадель, или кричала так тихо, что лишь Симму слышал ее.

Зато кричала ночь, ночь и поруганная долина.

Сначала грянул гром. Земля в страхе съежилась, а звезды, казалось, сорвались со своих мест и закружились по небу. Сверкнула молния, ужасная молния, расколовшая тьму и разорвавшая небо на части. Молния ударила в золотой купол храма, и тот раскололся, как яичная скорлупа. Далеко в стороны разметало позолоченные осколки. Сквозь разбитый купол молния ударила в металлическую чашу с костяной пробкой и, со страшным треском сорвав ее с места, отшвырнула в сторону — и открылась небольшая круглая яма, которую раньше скрывали иллюзии из золота и слоновой кости.

Любовники, чьи сплетенные тела содрогались от наслаждения, не обратили никакого внимания на эти катаклизмы.

Но вскоре они, утомившись от танца любви, услышали тяжелую поступь Судьбы, сотрясающую небо. После могучих ударов грома наступила тишина. И в тишине родился звук, от которого мышцы любовников расслабились, волосы встали дыбом, а сердце — остановилось: где-то далеко-далеко с леденящим душу треском разбилось что-то стеклянное.

В одном из уголков сада золотых дев начался дождь. Дождь — вернее, узкий поток воды — хлынул из какой-то невидимой точки в небе сквозь разрушенное здание храма прямо во второй колодец. Капли этого дождя не сверкали и не блестели, они напоминали мутный сироп свинцового цвета. Дождь шел лишь несколько секунд. Затем источник этого потока закрыли — или он закрылся сам собой. Не в этом дело. Вода бессмертия пролилась на землю.

Гроза ушла прочь, но тучи еще долго блуждали, словно сети среди звездных стай, и

ледяной ветер бушевал в саду. А когда, наконец, утих и ветер, долина странным образом изменилась.

Волшебство, сотворенное колдуньей, разрушилось, оставив лишь обломки и лохмотья. Полупрозрачные тигры, словно желтые полосатые привидения, бродили среди развалин храма. Пышущая жаром стена остыла, и сверкающая корона над ней исчезла. Создания колдуньи рассыпались в прах. Чудовища, оставшиеся снаружи, тоскливо выли на луну или вяло почесывались. Дозорные, все еще искавшие деву-самоубийцу пали ниц в ужасе, когда ударила молния, а теперь с несчастным видом смотрели на остывшую стену. Возникло странное противоречие: через двести тридцать три года в саду, наконец, появилось нечто достойное охраны — бессмертие, но не осталось ничего, что могло бы его теперь сохранить.

В пустыне, добавляя в общую картину уныние, мрачно выли дикие псы. Неясно, правда, почему. Ведь все происходящее их совсем не касалось.

Глава 10

Разбуженные грозой, восемь избранниц столпились на лужайке перед дворцом, который уже не выглядел таким изумительно красивым, как раньше. Оказалось, что он — сооружение из подпорок и мешков с песком. На склонах холмов больше не цвели розы и гиацинты; там росла лишь сорная трава и простые полевые цветы.

— Это все оттого, что мы согрешили! — пронзительно закричали избранницы. — Это все из-за Кассафех, она заставила нас согрешить.

И тут среди деревьев мелькнула призрачная олениха. Девы взвыли.

Ветер разогнал тучи, и солнце показалось над восточной частью долины, открыв нелицеприятную действительность. В небе, хлопая крыльями и насмешливо каркая, пролетел ворон. Вчера он, наверное, казался голубкой.

Кассафех выбежала на лужайку к стонущим девам.

— Радуйтесь! — воскликнула она. — Радуйтесь! Теперь в зловонном колодце Бога появилось, наконец, нечто поистине драгоценное. Идите и сами увидите!

Но избранницы глядели на нее с ненавистью. Если бы они не имели соответствующего воспитания, они побили бы Кассафех, но сейчас их оружием стали языки и свирепые взгляды.

— Подлая тварь! Будь ты проклята!

— Пусть тебя сожрут шакалы!

— И вороны выклюют твои дьявольские глаза!

— Бог превратит тебя в саранчу!

— Будь проклято твое имя во веки веков!

— Беее! — ответила Кассафех, точно так же как раньше. — Беее-беее!

Тут на склон вышел юноша, Симму. Он нес глиняную фляжку (вчера она была серебряной), привязанную к поясу веревкой из стеблей, той самой, которую сплела Кассафех.

Восемь избранниц в ужасе отшатнулись. Они вытаращили глаза и, хрипло завизжав, бросились бежать. Несчастные создания, они не заслужили такой горькой участи, не заслужили они и такого позора.

Всю оставшуюся жизнь они будут искренне думать, что их опозорили.

Симму и Кассафех отправились к разрушенному храму, молчаливые, бледные и опьяненные величием происходящих событий.

Под их ногами хрустели обломки полуистлевших костей и гремели куски жести — бывшая роскошь золотого храма. Трещины испещрили пол, оконные решетки раскололись.

Кассафех и Симму, дрожа, вглядывались в яму маленького грязного колодца.

— Он больше не воняет, — заметила Кассафех. — Новое вино облагородило старое.

— Серая свинцовая вода, — задумчиво произнес Симму. — Я всегда думал, что она должна быть золотой.

— Ну, черпай же скорее, прошу тебя! Симму опустил в колодец фляжку на веревке. Они стояли неподвижно, словно зачарованные, с благоговейным страхом вытаскивая фляжку, и, как только она оказалась на поверхности, оба впились в нее неподвижным взглядом.

Вода и правда оказалась свинцовой, густой и мрачной.

— Совсем маленькая фляжка, — выдохнула Кассафех, — а колодец, кажется, опустел. Неужели это вся вода?

— Достаточно одной капли, — отозвался Симму. — Всего одна капля — и человек будет жить вечно, с презрением прогнав Смерть с порога.

— Одна капля?!

— Только одна.

— Тогда выпей и стань бессмертным, Симму!

— Будь моей сестрой, — попросил он. — Будь мне женой и выпей прежде меня.

— Я? Я не могу пить прежде тебя! Это твой подвиг.

— Я выпью, — сказал он, — но не сейчас.

— И я — не сейчас.

Они медлили на пороге вечной жизни, словно кто-то шептал им в ухо: «Жизнь — это только жизнь. Должна быть еще и радость».

Немного погодя, так и не сделав рокового глотка, Симму заткнул фляжку пробкой и привязал ее к поясу.

— Ну, пойдем, — сказал он. Кассафех опустила глаза, ставшие теперь темно-зелеными, как листья мирта, и сказала:

— Я должна остаться, здесь мой дом, моя семья...

— ..которую ты не любишь. Люби меня. Будь со мной. Я возьму тебя в жены.

— Сегодня ты так говоришь, а завтра, возможно, все изменится.

И все же она, улыбнувшись, отправилась вместе с Симму.

Сад был разрушен, а стена перестала быть опасной и даже кое-где рассыпалась, а чудовища на горных склонах потеряли всякую охоту убивать кого бы то ни было, а тем более того, кто навел на них чары эшв и кого сопровождала святая дева Вешума. Но дозорные все же оставались на своих постах. Воины, хоть и испугались падения вековых традиций, собирались, тем не менее, взять в плен бежавших из сада.

Увидев через разбитую стену восемь обезумевших дев, визжащих и мечущихся по долине, воины не осмелились прийти к ним на помощь, ибо помнили, что никто, кроме девственников, не имеет права войти в сад. Наконец здравый смысл победил, и воины, пробравшись через развалины стены, попытались спасти несчастных. Неизвестно, кто был больше напуган — восемь бывших дев нашествием мужчин или мужчины — близостью священных хранительниц. После долгих споров, всеобщей неловкости и замешательства святые девы наконец все рассказали.

Но их история сильно отличалась от того, что случилось на самом деле.

Демон пробрался в долину, осквернил их всех и, главное, святыню Бога и похитил что-то сокровенное из божественного колодца.

Оправившись от удара, набожные воины решили, что это был вовсе не демон, потому что девы видели его при свете дня. Значит, это какой-то могущественный злой волшебник. Честь требовала найти и наказать его, не убоившись колдовских чар. Бог защитит свою армию. Да и армия в состоянии защититься сама, если Бог случайно окажется занят чем-нибудь более важным. Решив отомстить, всадники ринулись в долину, последним усилием рассеивая остатки пасторальных иллюзий Лилас. Все равно сад уже разрушен. А, по мнению воинов, их Бог требовал голову негодяя и его фаллос, насаженные на пики.

Даже чудовища, забравшиеся в сад и теперь с интересом изучавшие его, разбежались при виде разъяренных воинов. Всадники проскакали мимо водопадов, мимо гипсового дворца... Охваченные жаждой крови, они неслись по зеленым лугам, которые еще недавно были райскими лужайками.

Симму и Кассафех медленно шли по саду, не подозревая о погоне, когда вдруг услышали конский топот. Кассафех решила, что они погибли — странная мысль, ведь на поясе Симму висела фляжка с водой бессмертия. Но ее спутник, не дав деве опомниться, потянул ее за руку к дереву. Взобравшись на самый верх, они укрылись среди листвы.

Внизу еще долго раздавался конский топот, поднимались тучи пыли, отовсюду слышались клятвы подвергнуть надругавшегося над святыней колдуна самым ужасным пыткам. Воины Вешума могли не опасаться магии Симму: их было слишком много.

Симму не предложил Кассафех уйти, чтобы присоединить к остальным восьми избранницам свою историю об изнасиловании беззащитной девы. Кассафех тоже об этом не заговорила. Словно две змеи, они обвили ветви дерева и друг друга, неприязнь ко всему остальному миру еще больше сблизила их.

Одиноким всадник подскакал к дереву, остановился и, прищурившись, стал вглядываться в листву.

В следующее мгновение Симму, оторвавшись от Кассафех, прыгнул на него и стащил его с седла. А когда Симму поднялся, воин остался лежать на земле.

Симму положил руку на шею испуганной лошади. Она тут же успокоилась и застыла, словно статую.

Но уже через минуту Симму и Кассафех скакали верхом на этой самой лошади, подгоняемой чарами эшв.

Они направились не к Вешуму — это было бы глупо. Вместо этого беглецы повернули в пустыню, окружавшую долину. В ту безжалостную, безводную пустыню, которую так старательно избегали Люди Реки.

— Ехать туда — верная смерть, — сказала Кассафех. — По крайней мере, так говорят.

— Со Смертью мы покончили, — ответил Симму. Лошадь перепрыгнула через стену сада. Вскоре беглецы скрылись в дюнах.

Их никто не преследовал. А если и преследовали, то лишь в самом начале. Пустыня, древний враг, гнала Людей Реки прочь, и их Бог вынужден был обойтись без жертвоприношения. Симму и Кассафех отправились в долгое путешествие на зачарованной лошади.

У пустыни было свое лицо. С наступлением дня пески заливал ослепительный белый свет. Плоское небо цвета меди купалось в этом сиянии. В раскаленном дрожащем воздухе едва можно было разглядеть очертания дюн, как бывает в тумане или глубоко под водой. Время от времени из этого марева выплывала скала, похожая на огромную рыбину с шипом на спине. Вдалеке все казалось тонким и хрупким, приобретающим голубоватый оттенок, не имеющий ничего общего с синевой неба над плодородными землями.

Жар пустыни изматывал. Со всех сторон раздавался высокий свистящий звук. Но в пустыне не существовало никаких других звуков, кроме воя обжигающего ветра, поднимавшего облака пыли над дюнами.

«Мои пески — это обротившиеся в пыль кости людей, погибших здесь; мои скалы — это остатки гор, которые я уничтожила» — таков был закон пустыни.

В этой пустыне не росла трава и не били источники. Любая зелень была для пустыни кровоточащей раной, и пустыня заживала свои раны сухим палящим зноем. А то, что не поддавалось уничтожению, она просто засыпала песком.

К ночи песок остывал. И пустыня поражала своей безжизненной красотой. Пренебрегая законами природы, она утверждала, что ужасное тоже может быть прекрасным.

Симму и Кассафех вступили в эти владения, и вскоре былая бодрость и решительность покинули их сердца. Пустыня уничтожала подобные чувства.

Беглецы не взяли с собой ничего из того, что могло бы понадобиться их телам и душам. Подвиг был совершен, а что из этого получится, оставалось пока неясным и неопределенным.

Симму и его спутница знали, что не вернутся ни в Вешум, ни к берегам реки, ведь владения Вешума протянулись до самого моря. Что же касается пустыни, то даже караваны

купцов старались обойти ее стороной, и никто никогда не составлял ее карты.

— Тысяча миль, говорят. И никакой воды, — уныло заметила Кассафех в предчувствии скорой гибели.

Но другого пути все равно не было. Беглецы ехали вперед. Лошадь едва плелась, опустив голову, ее копыта увязали в песке. Вскоре на лошади ехала только Кассафех, Симму спешился и шел рядом. Они двигались на восток, и солнце медленно опускалось у них за спиной.

Беглецам отчаянно хотелось пить. Пустыня окрасилась в цвет жажды, и голосом жажды шептал ветер. О воде молили не только их губы, но и тела, и души. Они воображали себе чаши, полные воды, пруды, и фонтаны, и даже унылую реку Вешума. Но ни один из них не посмел заговорить об этом.

Потом лошадь упала на колени и, хрипя, испустила дух. Они оставили ее лежать в пустыне, которая скоро укроет останки и, обратив их в пыль, добавит к своим дюнам. Кассафех плакала, но слезы ее тут же высыхали.

Неподалеку высокая, как дерево, скала, отбрасывала на песок синюю тень. Симму и Кассафех добрались до нее, сели на камень и уставились друг на друга.

— У нас есть вода, — сказал Симму. — Вот. — Он снял с пояса глиняную фляжку и поставил ее на землю между собой и Кассафех.

Они долго сидели молча и неподвижно. Глаза Кассафех, выцветшие до прозрачно-серого цвета, снова потемнели и стали почти пурпурными.

— А сможет ли напиток бессмертия утолить нашу жажду? Накормить нас? Защитить от ярости солнца и от холода ночи?

— Как бы то ни было, мы здесь не умрем.

И Симму одним движением схватил фляжку, выдернул пробку и сделал маленький глоток.

Сделав это, он застыл, будто прикованный к скале. Его губы побелели, а глаза широко открылись. Кассафех, с таким же бледным лицом и безумным взглядом, чуть привстала, словно готовясь в любой момент броситься прочь от него.

После долгого молчания Симму произнес:

— Кассафех, не оставляй меня одного.

Неожиданно решившись, Кассафех откинула волосы со лба, взяла фляжку из рук возлюбленного и тоже сделала маленький глоток.

Теперь они оба напряженно разглядывали друг в друга в ожидании какого-либо знака.

Они не двигались час или чуть больше. И постепенно поняли, что, по-прежнему испытывая жажду и голод, уже не чувствуют слабости и смерть уже не грозит им. Немного погодя, они одновременно поднялись и вышли из тени скалы. Еще заходящее солнце коснулось их своими обжигающими лучами, но Симму и Кассафех неожиданно почувствовали себя заново рожденными. Теперь они могли противостоять смертоносным ударам. Они оба по-прежнему страдали от жажды и голода, от боли и ожогов — но их нельзя было убить. Все опасности мира стали для них листьями папоротника, хлеставшими их тела, пока они проходили мимо. И теперь Симму и Кассафех навсегда вышли из леса, покрытые шрамами, но живые.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ ВРАГИ СМЕРТИ

Глава 1

Сколько дней или месяцев брели через пустыню Симму и Кассафех, первые бессмертные люди земли, неизвестно. Может, не так уж и много, а возможно, очень долго. Пустыня была однообразна, и время, казалось, остановилось. Никто, кроме бессмертных, не

выжил бы здесь. Тем не менее, у пустыни наверняка были свои секреты, открывавшиеся только таким, как Симму и Кассафех. Без сомнения, пустыня удивилась, обнаружив, что беглецы все еще живы, хотя любой обычный человек, без сомнения, давно погиб бы. Вероятно, пустыня подумала: «Они все равно погибнут завтра». Но и завтра, и послезавтра беглецы по-прежнему оставались живы и, похоже, не собирались умирать. В конце концов, пустыня потеряла всю свою самонадеянность и приоткрыла им свои тайны. Тут и там из земли торчали скрытые нагромождения камней, утыканные шипами растения, чьи могучие корни вытягивали из глубины земли и накапливали в стеблях каплю-другую живительной влаги, глубоко в пещере бежала среди камней струйка воды; меж валунов спрятался окаменевший куст с высохшими сломанными ветвями и тремя живыми коричневыми побегами.

Подкрепившись, Симму и Кассафех отправились дальше — несмотря ни на что, они были молоды той молодостью, которая не имеет ничего общего с возрастом или незрелостью.

Они оба похудели. Но не стали от этого менее прекрасными. Иначе и не могло быть. Они шли молча, отчасти из-за того, что пустыня не располагала к разговорам; да и Кассафех не была болтлива. Три года она почти ни с кем не разговаривала. Кроме того, все, что она хотела, она всегда могла сказать красноречивым жестом и выражением лица, не говоря уж об изменяющемся цвете глаз. Кассафех, не отрываясь, смотрела на Симму, смотрела так, как женщина смотрит на любимого мужчину, бесконечно очарованная им и своей любовью. Кассафех влюбилась в него в тот момент, когда, подняв светильник, увидела лежащим в своей постели, но она до сих пор ничего не знала о Нем. Незнакомец вошел к ней, очаровал ее и увел ее с собой. И тем же незнакомцем Симму оставался до сих пор. Он ничего не рассказывал о своем прошлом, видимо не считая это важным. Не говорил Симму и о будущем, хотя оно-то уж наверняка будет значительным. Ну, а теперь он был героем, демоном, молодым леопардом и ее возлюбленным. И Кассафех этого казалось вполне достаточно. Что касается Симму, то он, наконец, вспомнил кое-что из своего прошлого, свою звериную сущность, безмолвную, повинующуюся инстинктам. Он, казалось, любил Кассафех, хотя, вероятно, его чувство вовсе и не было любовью. Может, он любил ее из-за того, что находил в ней что-то звериное, в первую очередь красоту зверя. Однажды он ушел в поисках еды, а, вернувшись, увидел, что его спутница уснула в полуденном пекле. Половину ее загорелого тела жгло солнце, половину скрывала тень той скалы, под которой он ее оставил. Кассафех раскинулась во сне, ее волосы походили на застывший свет, струившийся с прекрасного, не человеческого лица, и Симму видел в ней газель, рысь, змею. Она была для него скорее сестрой, чем женой. Но Симму всегда страстно желал ее. И это приносило неповторимое наслаждение во время путешествия через пустыню — отдушина, среди бесконечных поисков пищи и цели пути.

То, что они были всегда вместе, связало их за время пути неразрывными узами. Лишь это и фляга, висевшая на поясе Симму.

Наконец, месяц или год спустя, они перевалили через гряду высоких дюн и увидели, что местность внизу изменилась. Конечно, нельзя сказать, что там все цвело и зеленело, но впереди лежала менее выжженная земля, не опутанная призрачными сетями ослепительного солнечного сияния.

Спустившись на равнину, путники столкнулись с зарослями колючих растений. Кое-где возвышались даже чахлые засохшие деревья.

На следующий день путники нашли старую заброшенную дорогу, местами занесенную песком. На закате Симму и Кассафех обычно делали привал. И хотя юноша по ночам обычно бродил неподалеку от спящей девушки, в этот раз он уступил просьбе Кассафех. Ночь — самое подходящее время для любви. Вечером, расположившись на ночлег у одинокой скалы, путешественники увидели маленькую змейку, которая танцевала под музыку солнца и пустыни, а может, ее просто дразнил невидимый песчаный дух. Симму привычным движением подозвал змею к себе, и та обвилась вокруг его руки, тихо шипя.

После этого он взглянул на Кассафех и в ослепительно-голубых глазах прочел явную просьбу: «Научи этому и меня». И Симму начал учить ее. Кассафех оказалась способной ученицей. Она легко усваивала сверхъестественные знания и прилежно применяла их на практике. Вскоре девушка достигла больших успехов и уступала в этом искусстве только самому Симму.

Когда на землю спускались холодные ночи, травы на равнине сверкали от инея, Симму и Кассафех прижимались ближе друг к другу, чтобы сохранить тепло. Однако теперь по ночам было не так холодно, как в пустыне, к тому же путники в любой момент могли развести костер из сухих стеблей травы и ветвей мертвых деревьев.

Однажды Кассафех сидела у костра и пристально смотрела на пламя. Вдруг она громко сказала:

— Я вижу большой город, твой город.

— Был город. Его больше нет.

— Ты будешь королем! — заявила Кассафех, не понимая, Впрочем, собственной настойчивости. Близость цивилизованных земель разбудила в ней купеческую дочь, ведь она только отчасти была духом.

Симму непонимающе взглянул на свою спутницу, но ее красота погасила его легкое раздражение. Кассафех казалась ему лишь невинной дочерью стихий. Небо, огонь и кошка. Когда-то героя покорила хитрость девушки (он с восхищением вспоминал о светильнике под ложем), но еще более очаровало его случившееся потом.

Однако порой бывает достаточно лишь слова. Или двух. Город. Король.

Глава 2

На рассвете по дороге через долину брел, пошатываясь, Йолсиппа, бродяга. Примерно час назад он случайно вышел на эту дорогу и теперь шел по ней, утопая в песке, в сторону бесплодной пустыни. Это был человек средних лет (хотя годы не научили его ничему, кроме злодейств, и, что еще хуже, злодейств бестолковых, не приносящих никакой выгоды), толстый и вульгарный, неудачник, жадный до жизни. В его левом ухе красовался поддельный рубин, а в правой ноздре — позолоченное кольцо. Его одежда представляла собой невообразимую смесь тряпок и заплат всевозможных цветов и оттенков, украшенную стеклянными драгоценностями, порядком изодранную и грязную. Да и сам Йолсиппа был чрезвычайно грязен. С пояса его свисал ужасающего вида нож, при помощи которого он пытался избавиться от многочисленных недругов, кредиторов и закона. Однако этот нож так ни разу и не отведал крови — единственно благодаря неповоротливости и слабому желудку своего владельца. Вряд ли Йолсиппа кого-то жалел — разве что в самой философской и туманной форме: он рыдал на казнях и похлопывал нищих по плечу, старательно не замечая их чаши для подаяний, но в то же время ничего не стоило его до смерти напугать. И ведь надо же было такому человеку избрать карьеру карманника, срезающего кошельки, вора, а чаще всего — знахаря-шарлатана! Не далее чем два дня назад в десяти милях отсюда Йолсиппа объявил себя знахарем в маленьком городке на краю пустыни. У него в запасе были склянки с зеленой мазью, чтобы удалить уродливые пятна на теле; склянки с красной мазью, чтобы лечить язвы и раны; амулеты для защиты от демонов; смолы и порошки, возбуждающие любовную страсть; а также настойки, эту страсть успокаивающие. Кроме того, шарлатан продавал книжки с яркими картинками, описывающими приключения героев, и истории эротического содержания. Народ в городке оказался сговорчивым, и люди покупали товары Йолсиппы скорее из интереса к чему-то новому, искренне веря в их полезность. Торговля шла замечательно, пока не случилось несчастье.

Вообще Йолсиппа не особенно был влюбчив, но существовало одно-единственное условие, немедленно и неудержимо повергающее его в состояние любовного безумия, — косые глаза, причем не имело значения, кому они принадлежали — мужчине или женщине. Ныне остается лишь догадываться о причинах этой странности. Возможно, Йолсиппу в его

нежные годы нянчила женщина с подобным физическим недостатком, из-за чего впоследствии напряжение его орудия стало ассоциироваться с косоглазием.

Снова и снова Йолсиппа заставлял себя идти в притоны и спал со шлюхами, глаза которых не косили, в надежде избавиться от смешного пристрастия. Но все его усилия оказались напрасны. Он ничего не мог с собой поделать. Конечно же, многим страдающим косоглазием это очень нравилось. Однако на этот раз косоглазый, которого Йолсиппа мельком увидел в толпе в городке на краю пустыни, оказался чемпионом кулачного боя, человеком семи футов ростом, с чудовищно широкой грудью, кабаньим брюхом и бычьей шеей.

Йолсиппа прекрасно понимал всю глупость своей страсти, но, как только два налитых кровью, косящих глаза остановились на нем, он задрожал от охватившего его желания. Чтобы избавиться от вожделения, не было смысла пользоваться собственными снадобьями, так как он их готовил из воды, спирта и ослиной мочи. А раз так, то, заперев товары в повозке, Йолсиппа отправился в таверну, где обычно отдыхал знаменитый кулачный боец. Робко подобравшись к скамье, где сидел объект его страсти, Йолсиппа примостился рядом с великаном и с дрожью в голосе залепетал:

— О, внушающий страх господин, не подскажете ли вы мне какое-нибудь место, где я смог бы передохнуть сегодня ночью?

— Пойди в ночлежку, — буркнул чемпион.

— А может быть, господин согласится разделить со мной свою комнату? Я бы не остался в долгу, ведь в этих местах так трудно найти пристанище.

— Сколько? — спросил боец, не считавший свое ложе священным. К тому же он вот уже месяц не участвовал в хорошо оплачиваемых боях. Йолсиппа, дрожа всем телом, назвал цифру. Боец назвал другую. Йолсиппа, забыв о жадности во имя любви, уступил.

Едва ли хоть один новобрачный пребывал в таком нетерпении, как Йолсиппа в этот вечер. Когда наконец стемнело, шарлатан отправился в комнату бойца, но тот еще не пришел. «Что же, все к лучшему», — подумал Йолсиппа, решив, что чем больше вина выпьет его возлюбленный, тем хуже будет соображать.

Но вот боец, спотыкаясь, стал подниматься по лестнице; затем ввалился в комнату и рухнул на кровать. Йолсиппа, однако, не мог позволить закрыться этим соблазнительным глазам. Он протянул руку и игриво погладил бойца, а когда тот тихо пробормотал что-то, Йолсиппа немедля взгромоздился на его тушу и, постанывая от нетерпения, приготовился к вторжению.

Вначале чемпион думал, что это одна из служанок таверны, и лишь теперь понял, как ошибался. С ужасным ревом он поднялся и, враз протрезвев, сбросил с себя одеяло и Йолсиппу.

Несмотря на мольбы Йолсиппы и его заверения в глубочайшем почтении, боец схватил шарлатана одновременно за воротник залатанной одежды и за бороду и поднял в воздух.

Тут бойца охватили сомнения. Рыча, он широкими шагами мерил комнату, поднимая Йолсиппу высоко над головой. Сначала он решил кастрировать насильника и, не обращая внимания на вопли жертвы, выдернул из стены кривой нож. Потом эта идея, показалась ему не столь уж удачной, и боец стал развязывать свой пояс, решив удавить наглеца. Но пока он возился с тугим узлом, удовлетворение, которое он рассчитывал получить от такой казни, тоже показалось ему недостаточным. Тогда он ринулся к узкому окну и попытался протолкнуть в него Йолсиппу, собираясь зашвырнуть его в сточную канаву тремя этажами ниже. Но насильник оказался слишком толст, и боец с гневным воплем затащил его обратно; сунул беднягу под мышку и выскочил из комнаты. С грохотом бежал он по лестнице — при этом Йолсиппа молил о помощи, чемпион сыпал проклятиями, а жители соседних комнат тщетно молили о тишине.

Выйдя на улицу, боец притащил Йолсиппу к воротам конюшни и потребовал вывести самую буйную лошадь. В этот момент Йолсиппа, снедаемый неутоленной страстью и ужасом, потерял сознание.

Очнулся он примерно в миле от города, на широкой равнине. Повсюду росли колючие кустарники, а их колючки рвали тело Йолсиппы. Сначала бедняге показалось, что земля мчится ему навстречу, но мгновение спустя он убедился, что земля тут ни при чем — его волокли по земле, обмотав вокруг ног толстую веревку. Вскоре Йолсиппа понял, что веревка привязана к хвосту несущейся галопом лошади. Неизвестно, проявляла ли эта лошадь такую же ретивость в начале пути, но сейчас она явно испытывала большое неудобство и стремилась сорвать свое раздражение на том, кого к ней привязали. Несчастный взмолился о пощаде, но лошадь в ответ лишь с еще большей энергией рванулась вперед. Йолсиппа определенно погиб бы через несколько минут, не улыбнись ему в этот момент удача. Не до конца протрезвевший чемпион забыл обыскать Йолсиппу и не забрал у него большой нож, всегда висевший на поясе бродяги. Про этот самый нож внезапно и вспомнил Йолсиппа. Пока его швыряло из стороны в сторону и тащило сквозь всевозможные растительные преграды, Йолсиппа ухитрился вытащить нож и принялся пилить веревку, пока та не оборвалась. Насильник остановился, застряв в сухом кустарнике. Лошадь, к счастью, не вернулась, чтобы лягнуть или укусить его, она предпочла ускакать вперед и вскоре скрылась из виду. Йолсиппа лежал под кустом и рыдал, жалобно подвывая, не столько от боли, сколько из-за мук отвергнутой любви.

Йолсиппа не имел ни малейшего представления о том, в какой стороне остался город. Кругом простиралась лишь мрачная равнина; где-то поблизости лежала безжизненная пустыня. Йолсиппа поднялся и побрел, куда глаза глядят.

Когда взошло солнце, он почувствовал облегчение, но ненадолго. Через час или меньше, спасаясь от жары, он заполз под скалу и пролежал целый день в ее спасительной тени, томясь от жажды. Когда же солнце село, Йолсиппа с радостью приветствовал прохладу, которая, впрочем, вскоре сменилась жутким холодом, принеся еще большие страдания.

— За что? — вопрошал Йолсиппа богов. — Что я сделал, чем заслужил смерть в таком месте?! Вы же сами наградили меня этой слабостью. А здесь я только из-за нее. Это несправедливо.

Миновала ночь, и тьма стала отступать. Йолсиппа, очнувшись от забытья, снова бесцельно побрел по равнине.

— Я повторяю, — хрипло провозгласил он, когда небо разверзлось, выпустив из своего восточного погребца свирепое солнце — льва, который в конце концов растерзает Йолсиппу. — Я повторяю: это несправедливо — оставить меня умирать здесь. Разве я согрешил? Ну, допустил глупость. Вам надо было убить меня, когда я ограбил дом судьи или когда всадил нож в задницу сборщика налогов, а не сейчас, когда я просто не смог с собой совладать!

Вероятно, боги все же иногда прислушиваются к жалобам людей.

Йолсиппа уже полз на четвереньках, когда наткнулся на заброшенную дорогу. Он буквально втащил себя на нее, смахнул рукой песок и, слабо вскрикнув от радости, поднялся на ноги. Справедливо полагая, что дорога непременно должна куда-нибудь вести, он двинулся по ней, покачиваясь из стороны в сторону, — так идет человек перед тем, как упасть лишившимся чувств. Дорога и в самом деле его вывела...

Проходимец набрел на девушку и юношу, спящих под скалой. Рядом тлели остатки костра. Ни один косящий взгляд не нарушил душевного спокойствия Йолсиппы, и поэтому он равнодушно отнесся к их чувственным позам. Поблизости не было видно ни еды, ни воды, и измученный жаждой Йолсиппа глухо застонал от отчаяния. Но тут он заметил, что рядом со спящей парой на земле стоит фляжка.

Она выглядела совершенно обычно: маленькая, глиняная, обвязанная вокруг горлышка веревкой, несомненно чтобы ее было удобнее носить с собой.

В ней вполне могла оказаться какая-нибудь жидкость, пригодная для питья. Скорей всего, так и было.

Йолсиппа осторожно подкрался к фляжке, схватил ее, выдернул пробку, заметил

мерцание жидкости и, восторженно вздохнув, прижал фляжку к губам, намереваясь осушить ее до дна.

Мгновение спустя фляжку выхватили у него из рук, да так неожиданно, что он не устоял на ногах. Лежа на спине и хватая ртом воздух, Йолсиппа взглянул вверх и увидел, что проснувшийся юноша склонился над ним. Почему-то он сильно напоминал дикого кота или пса на охоте. Глаза его жутко сверкали...

— Я не хотел... — начал было Йолсиппа.

— Ты пил отсюда? — спросил юноша, и его голос напоминал шипение змеи.

— Я? Пил? Да что ты? Я вовсе не хочу пить.

— Ты пил, — сказал юноша. И закупорил фляжку.

— Самую малость, всего каплю.

— Даже капли достаточно. Так оно и было.

И Йолсиппа стал третьим бессмертным человеком на земле.

Глава 3

— Молю вас, не идите так быстро! — закричал Йолсиппа. — Я никак не могу угнаться за вами!

— Может быть, мы как раз хотим, чтобы ты отстал от нас, — бросила через плечо Кассафех.

— Остановитесь же хотя бы на минутку, — прохрипел Йолсиппа, нагнав Симму и Кассафех, когда те в полдень присели отдохнуть в тени чахлого деревца. — Теперь я словно сирота среди людей. И все из-за вас — конечно, если то, что вы сказали мне, правда. Теперь я превратился в изгоя и отверженного. У меня никого нет, кроме вас. Да и бессмертен ли я?

— Убирайся! — ответила Кассафех, тряхнув головой.

— Вы не правильно меня поняли, — пыхтел Йолсиппа, когда уже ближе к вечеру они пробирались через скалы — Симму впереди, за ним Кассафех, а позади героически карабкался Йолсиппа.

— Послушай, — сказал он, усевшись на корточки рядом с Кассафех, когда та разрешила одно из колючих растений, чтобы добыть влагу. Йолсиппа попытался подражать ей, но у него это плохо получалось. — Я могу быть полезен.

Вечером они добрались до более гостеприимной, травянистой части все той же равнины. В сумерках, когда Симму ушел на поиски еды, а Кассафех сидела у костра, пропуская свои длинные волосы между пальцами, к ней подкрался Йолсиппа.

— Кто твой спутник? — спросил он, принимая позу оратора.

— Герой, — уверенно ответила Кассафех.

— Бесспорно. И как у любого героя, у него есть обязанности перед миром. Он должен вести себя, как герой, должен совершать деяния, достойные героя. А что должен делать герой? Знает ли об этом твой молодой человек? Он должен стать звездой, пылающим факелом, идеалом... Понимает ли он это?

Кассафех прищурила глаза, и, встретившись с ней взглядом, Йолсиппа понял, что дочь купца обдумывает его слова.

— Герой!.. — развивал свою мысль Йолсиппа. — Ах, если бы у меня были при себе удивительные книги с древними сказаниями! Переплеты этих книг украшали драгоценные камни, а сами книги казались такими старинными, что рисунки в них успели выцвести. Но, увы, все они остались в городе воров и разбойников... Я действительно много знаю о героях, я долго изучал тайные науки, и я могу обучить этого юношу его роли. Чего он, к примеру, добивается, бездельничая здесь? Твой спутник должен убивать чудовищ, должен основать великий и прекрасный город и, наконец, спасти мир...

Симму вернулся, когда на небе зажглись звезды, принеся охапку съедобных корней и несколько ягод: неподалеку он нашел плодоносящее дерево.

— А что, мяса нет? — спросил Йолсиппа.

— Я не ем мертвую плоть, — ответил Симму.

— Ну-ну, — уж совсем непочтительно бросил Йолсиппа, быстро утратив прежнее благоговение. — Он не ест мертвой плоти, но он ест мертвые плоды, злодейски сорванные с ветви. Он жует их и чавкает, а ягоды, может быть, еще живы и кричат от боли, только мы этого не слышим!

— Я не ем ничего, что передвигается по земле. Я ни разу не видел, чтобы ягоды ходили.

— Они могут научиться, — сказал Йолсиппа. — Они научатся, чтобы убежать от тебя.

— Ты, верно, ясновидец, — заметил Симму. — Но пойми меня правильно. Вовсе не из жалости я не трогаю зверя или человека. Просто я не желаю ничего отдавать Смерти. Возьми эту «убитую» ягоду. И послушай: если я разбросаю по земле семена этого дерева, из них вырастут новые деревья. А если разбросать кости мертвого оленя, вырастет ли из них новый олень? А может, ты думаешь, что из костей мертвого человека рождается ребенок? Я никогда по своей воле не отдам черному королю того, что нельзя восстановить.

Йолсиппа впился зубами в один из корешков.

— Ну что ж, ты, как видно, и в самом деле герой. Бороться со Смертью... Да, это по-геройски! Но у тебя должна быть крепость, твердыня, в которую Смерть не сможет найти лазейку.

— Моей крепостью станут люди. Бессмертные.

— Да? И как же ты собираешься разделить воду бессмертия? — спросил Йолсиппа. — К примеру, если бы у тебя был выбор, посчитал бы ты меня достойным вступить в твое братство? Нет! Ты должен быть очень разборчив. Только лучшие из лучших имеют право жить вечно. Кому нужны вечно живущие отбросы общества?

Покончив со скудным ужином, Симму достал свирель и заиграл. В этом чужом и жутком месте музыкальные звуки казались цветными нитями, переплетающимися с красноватыми отблесками костра. Ночь уже раскинула черный шатер, усыпанный немигающими глазами звезд. Йолсиппа поежился, вспомнив древнее предание о том, что не только люди изучают звезды, чтобы читать по ним свои судьбы, но и звезды изучают землю и читают свои судьбы, наблюдая за передвижениями людей.

Кассафех, не отрываясь, глядела на Симму, полностью растворившись в нем.

Йолсиппа, не желая упускать столь удобный случай и умея декламировать под музыку не хуже любого бродячего актера, стал расписывать великолепие представавшего перед его глазами видения — крепости Симму.

Устремленные ввысь башни, золотые ворота, через которые смогут пройти лишь немногие избранные, крыши, касающиеся неба, искушающие богов сойти по ним, как по ступеням. И все это находится в горах, в краю, где разреженный воздух; в краю, где не встретишь голубя, куда залетают лишь орлы. Небесное королевство на земле. Любой, желающий войти, должен подвергнуться суровым испытаниям. Лишь лучшие из лучших смогут жить в граде Симму.

— Со мной ты ошибся, — понизив голос и хитро ухмыляясь, сказал Йолсиппа. — Это послужит тебе уроком. Все мы учимся на своих ошибках.

Самого Йолсиппу его ошибки так ничему и не научили, хотя он сознавал, что это было бы для него очень полезно.

Симму смотрел на бродягу невидящим взглядом. Йолсиппа начал сомневаться, слышал ли вообще этот необычный юноша хоть слово и собирается ли он последовать советам мудрого человека. На мгновение бродяге и шарлатану показалось, что Симму чем-то напоминает несчастного, чьи руки скованы цепями, а на шее висит мельничный жернов.

— Не стоит, — проворчал Йолсиппа, когда свирель умолкла и костер погас. — Право же, не стоило похищать бессмертие, чтобы потом всю жизнь скрываться от ответственности за то, что сделал. А может, в этой фляжке обычная грязная вода?

Но вдруг Йолсиппа почувствовал, что глаза Симму говорят с ним. Они прошептали то, чего Симму никогда не сказал бы вслух: «Если бы это было так...»

Около полуночи Йолсиппа проснулся от холода. Костер погас. Симму и Кассафех нигде не было видно — они ушли, чтобы насладиться любовью. Йолсиппа испугался, не ушли ли они совсем, не бросили ли его одного в этом мрачном месте. Беспокоясь, он сел и вдруг заметил тощего черного пса, сидящего по другую сторону остывшего костра.

Собак Йолсиппа терпеть не мог. В какой бы двор он ни забирался, собаки постоянно выпроваживали его оттуда. Бродяга нашарил подходящий камень и уже собрался швырнуть его. Но что-то зловещее в позе пса остановило его руку. Йолсиппе почему-то расхотелось бросать в него камень. Волосы на его голове встали дыбом.

Вдруг бродяга услышал сзади легкий шорох и испуганно обернулся. Там сидела женщина как раз в его вкусе: полногрудая, широкобедрая, но с тонкой талией, одетая в какие-то прозрачные, ничего не скрывающие одежды. И еще у нее была обольстительная улыбка и изумительно косящие глаза.

Йолсиппа, потеряв голову от вожделения, неуклюже поднялся на ноги и, шатаясь, шагнул к этой соблазнительнейшей из женщин. Она нетерпеливо поманила бродягу, Йолсиппа бросился вперед и... неожиданно налетел на сухое дерево.

— Что такое? — закричал обиженный Йолсиппа, потому что женщина то ли исчезла, то ли превратилась в дерево, а может, это с самого начала было дерево. Секундой позже Йолсиппа обнаружил, что зловещий черный пес тоже исчез, а вместо него у потухшего костра сидел высокий человек, закутанный в плащ. Он был черноволос, в одежде чернее ночной тьмы, и, хотя яркие звезды освещали все вокруг, лицо его скрывала тень.

Йолсиппа увидел вполне достаточно для того, чтобы догадаться, кто перед ним. Он благоразумно опустил на колени и уткнулся лицом в грязь, моля о снисхождении:

— Не так далеко отсюда мой господин найдет прекрасных юношу и девушку. Несомненно, они больше порадуют взгляд моего господина, нежели жалкое ничтожество у его ног.

— Успокойся, — ответил черный человек. — Мне нужен именно ты.

Но это совсем не успокоило Йолсиппу. Он еще сильнее вжался в землю, словно желая провалиться сквозь нее. Черный человек не заметил этого и, непринужденно развалившись у костра, щелкнул пальцами. Из пепла взметнулось яркое пламя.

— У нас с тобой, — сказал он, — похожие мысли.

— Мой господин! — в приступе самоуничтожения простонал Йолсиппа. — Может ли сравниться жалкий прах с многогранным сверкающим черным бриллиантом твоего несравненного разума!

Черный человек мрачно засмеялся. Услышав этот смех, Йолсиппа затрясся от страха.

— Эта твоя идея о городе... — вновь заговорил ночной гость. — Избранные блаженствуют за крепкими стенами, остальные возмущаются снаружи... Интересная идея — люди, ставшие богами. Простые смертные зеленеют от зависти, смута царит в королевствах...

Слыша, что черный человек пустился в рассуждения, Йолсиппа отважился чуть поднять голову. Но и на этот раз он не смог разглядеть лица того, кто сидел у костра, и испытал одновременно и сожаление, и облегчение. Он придвинулся ближе к костру и приподнялся еще немного, готовый, впрочем, в любой момент снова пасть ниц.

Йолсиппа никогда не осмелился бы высказать вслух свою мысль; однако существо, сидящее по другую сторону костра, с легкостью прочитало бы ее, пожелай оно этого. А мысль была такая: «Князь демонов боится только одного — скуки. Он, не задумываясь, посеет хаос среди людей, лишь бы ее развеять». Хоть Йолсиппа и бывал порой смешон, в проницательности ему не отказал бы, пожалуй, никто.

— Могу ли я служить тебе, величайший из князей? — вслух спросил бродяга.

— Ты построишь город, такой город, который мог бы сравниться с моим городом, Драхим Ванаштой, — ответил Азрапн, князь демонов.

— Я? О, мой господин, разве я сумею? Но я, конечно же, готов сделать все, что ты прикажешь.

Тут он взглянул в черные глаза демона. Его вполне дружелюбный взгляд вселял ужас. Йолсиппа понял, что он не будет строить город своими руками. Другие сделают это за него. Он будет лишь надсмотрщиком (он, ночной бродяга с дырявым кошельком, продавец бесполезных снадобий). Он будет надзирать за созданием самой удивительной и необыкновенной крепости с начала времен — града богов на земле.

Йолсиппу напугал собственный быстрый взлет. В то же время его распирало от тщеславия. Вдруг все вокруг заволгло дымом, сверкнула молния, и князь демонов с Йолсиппой исчезли. Костер погас во второй раз за эту ночь, остался лишь холодный пепел.

Никто не искал Йолсиппу. Кассафех, приводя в порядок одежду и волосы, лишь окинула взглядом окрестности, ожидая, что бродяга появится откуда-то и, спотыкаясь, подойдет к ним со своими шумными увещаниями и протестами. Симму, казалось, не заметил его отсутствия. А может, втайне радовался, что, наконец, избавился от этого живого напоминания о своей участи героя?

Позже, когда они шли по зеленой равнине, Кассафех спросила:

— Неужели этот толстяк ушел от нас? Может, он заблудился? А вдруг на него напали дикие звери?

— Он не может погибнуть — так же, как и мы, — нехотя отозвался Симму. Это были его первые слова за весь день.

— Но если шакалы разорвут его!.. — взволнованно воскликнула Кассафех.

— Думаю, он выживет. Он не может умереть.

— Но, — продолжала Кассафех, — он ведь так беспокоился о тебе! Он говорил, люди должны узнать о твоём подвиге...

— Послушай, женщина, — резко оборвал ее Симму. — Этот бродяга говорил о городе, и ты внимательно слушала. Город для тебя — дворец, благоухающий розами и купающийся в причудливых фонтанах. Ты говоришь, что я герой, и видишь меня королем. Но если Симму король, то Кассафех — королева, одетая в шелк, с жемчугами в волосах. А я видел город, в котором одни мертвецы. Города — это клетки. Почему ты хочешь, чтобы я жил в клетке?

— Я ничего не хочу, — надменно ответила Кассафех. — Герой — это ты, а не я. Ты говорил, что женишься на мне, но я вовсе не стремлюсь выйти замуж. И разве не я сбежала именно из такой глупой благоухающей роскоши, какую ты сейчас описал? Как только мы доберемся до населенных мест, я уйду, а ты можешь делать все, что хочешь.

Остаток дня они шли молча. А вечером в свете луны Симму снова завоевал ее. Путники помирились, но прежней близости между ними уже не было.

Снова и снова Кассафех оглядывалась назад. Девушка снова и снова представляла себе золотой город, в котором она правила как королева. В этом не было ни алчности, ни жажды власти, а скорее напоминало игру маленькой девочки с платьями матери. А еще девушка хотела, чтобы все преклонялись перед мужчиной, которого она любит. Армии должны пасть ниц перед ним, а женщины — рыдать от желания принадлежать ему.

В эти дни они миновали несколько городишек, довольно убогих, и Кассафех страдала от того, что на ней лохмотья, — ведь она как-никак была дочерью богатого купца. Живя в саду, она гордилась тем, что одета неряшливо, — тем самым она выражала свое презрение к идолу Вешума. Теперь же она мечтала о золотых доспехах для Симму и расшитом серебром атласном платье для себя. Они достойны того, чтобы путешествовать на белом слоне, украшенном рубинами, по усыпанному цветами пути. Вестники должны трубить в трубы, а благовония облаками подниматься в небо. Вместо этого бессмертные шли пешком, одетые в лохмотья, и мальчишки бросали камни им вслед. И это Кассафех не устраивало.

Говорят, все происходило следующим образом. Человека клонило в сон, он ложился в постель, засыпал и видел странные сны. Когда он просыпался — полагая, что проснулся на следующее утро, — то дома его встречали страшным шумом и суматохой. Все его домашние рыдали и кричали, что он отсутствовал десять дней или даже больше. Исчезавшие оказывались плотниками, каменщиками или даже архитекторами, состоявшими на службе у знатных господ.

Одним из них был зодчий и ученый, весьма почтенный человек, пользующийся расположением короля своей страны. Однажды утром он проснулся и кликнул слуг, но на его зов никто не явился. Тогда он вышел из спальни и спустился в гостиную. Она оказалась битком набита воинами короля, которые, увидев его, закричали в страхе и изумлении.

Когда же зодчий пожелал узнать, в чем дело, ему сообщили, что в один из вечеров, вернувшись домой с пира в королевском дворце, он отправился спать вместе с молодой женой. В полночь она проснулась от какого-то смутного беспокойства и обнаружила, что она в постели одна, а створки окна широко распахнуты. Женщина поднялась и стала искать мужа, но, не найдя его, подняла слуг. Но и те не обнаружили никаких следов почтенного архитектора, кроме его мягкой домашней туфли, зацепившейся за одну из верхних веток магнолии, растущей под окном. Наутро встревоженная жена испросила аудиенции у короля, а он, решив, что зодчего убили, приказал бросить в одну темницу всех слуг, а в другую — саму женщину. После этого король облачился в траур, целыми днями плакал и ничего не ел, из-за своей безутешной скорби постепенно превращаясь в тень.

— Сколько же дней меня не было? — спросил, ужаснувшись, зодчий. — По-моему, прошла всего одна ночь!

— Да нет, не одна, — ответили воины. — Последний раз вас видели три месяца назад. Услышав это, зодчий поспешно оделся и бросился во дворец. Король, плача от радости, обнял его и приказал немедленно освободить из темницы невинную женщину и слуг.

— Поведай же скорей, почему ты пропал именно в тот момент, когда спроектировал для меня летний дворец? — взмолился король. — Как ты и просил, я купил для этого строительства тысячи рабов, а с ними их хозяев и надсмотрщиков, а кроме того, огромные запасы провизии, чтобы их прокормить. И это не говоря уже о серебре, бронзе, драгоценном мраморе для постройки... Где ты был все это время, и какие такие дела тебя призвали, что ты забросил столь великолепный замысел и исчез посреди ночи, оставив лишь домашнюю туфлю?

— Я расскажу тебе все, мой король, и ты сам решишь, был ли это сон или я сошел с ума, — ответил зодчий.

Как уже известно, в этот вечер зодчий со своей молодой женой отправился поживать. В спальне они предались любовным забавам, а затем заснули. Но приблизительно через час его разбудили какие-то восхитительные звуки, одновременно похожие и на речь, и на пение. Зодчий открыл глаза и увидел перед собой красивого молодого человека с величественной осанкой. Волосы его были черны, словно вороново крыло. Незнакомец сказал:

— Если ты хочешь заслужить вечную славу, собери свои инструменты и следуй за мной.

— Следовать за тобой?... Куда? — удивился зодчий.

— Увидишь.

— Как же я увижу, если я никуда не собираюсь идти? А кто ты, собственно, такой?

— Я — один из ваздру, подданный князя демонов. Услышав имя высших демонов, в чье существование зодчий не верил, он решил, что видит все это во сне, и решил получить удовольствие от этого сна.

— Я отправляюсь с тобой, — объявил он, выбираясь из-под одеяла.

Зодчий собрал свои инструменты и вскоре был готов. Он абсолютно не волновался — ведь это всего лишь сон, да и жена его даже не шелохнулась. Ваздру подвел зодчего к широко распахнутому окну и указал на причудливую повозку, запряженную черными драконами и висевшую в воздухе рядом с окном. Окончательно убедившись в том, что он спит и видит сон, зодчий одобрительно хмыкнул и прыгнул в повозку, которая так резко и неожиданно рванула с места, что его левая туфля слетела с ноги и осталась висеть, зацепившись за ветку магнолии.

Драконы мчались в ночи. Высоко в небо взлетели они на грохочущих крыльях, высекая из туч зеленые искры. Далеко внизу раскинулись леса и города. Океан мерцал, как разбитое зеркало. Зодчий вглядывался в величественную картину, усмехаясь и качая головой,

восхищенный богатством собственного воображения. Он никогда не подозревал, что обладает таким сокровищем. Между тем ваздру, улыбаясь, направлял драконов изящной рукой, на которой сверкали черные кольца.

Через три или четыре часа головокружительно быстрого полета небо на востоке стало светлеть.

Ваздру тут же направил драконов к земле. Они опустились на широкой песчаной полосе, отделявшей цепь высоких гор от тускло мерцающего моря.

— Близится рассвет, — заметил ваздру, — и мне придется оставить тебя одного. Иди к горам, и ты увидишь тропу, взбирающуюся по склону. На ней ты встретишь того, кто поведет тебя дальше.

Зодчий кивнул. Когда колесница с демоном растворилась в воздухе, он крайне развеселился.

— Да, я изрядный выдумщик! — поздравил себя зодчий. — Поразительно! Не припомню, чтобы я когда-либо прежде видел подобные сны. Несомненно, воображению понадобилось немало времени, чтобы взрастить столь великолепный плод.

В эту минуту слева из-за гор взошло солнце, окрасившее восточные склоны в розовый цвет. Берег заблестел словно хрусталь, и бесчисленные волны набегали на него, неся на серебряных гребнях розовое пламя.

— Очаровательно, — заметил зодчий. Тут ему в глаза бросилась исключительная и необъяснимая странность окружающего его ландшафта. В нем было что-то невинное и вместе с тем угрожающее, создающее впечатление первозданности и нетронутости. Тут не было и следа обитания человека.

Еще одна странность: когда солнце поднялось над горами, оно показалось больше и ярче, чем обычно. Это еще сильнее развлекло зодчего. Так как мир в те времена был плоским и имел четыре угла, то по краям его лежали девственные земли, где не ступала нога человека. Очевидно, зодчий попал в одно из таких мест, ближе к восточному краю, вдали от внутренних областей, населенных людьми.

— Этот сон не просто игра воображения, — заметил зодчий. — Он логичен. Если, конечно, предположить, что земля действительно плоская, — добавил он вслух, не опасаясь, что его могут услышать, — ведь это сон! По правде говоря, зодчему иногда казалось, что земля должна походить на шар, — но в те дни подобные мысли считались серьезным грехом.

Зодчий двинулся по берегу в указанном ваздру направлении и вскоре нашел крутую лестницу, высеченную в склоне горы. Он стал взбираться по ней и немного погодя увидел столб и привязанного к нему черного осла. На покрывавшей осла попоне были вышиты слова: «Я отвезу тебя». Зодчий, не раздумывая — ведь это всего лишь сон! — отвязал осла, забрался ему на спину, после чего тот проворно затрусил по горной тропинке.

Воздух становился все разреженнее, впрочем, оставаясь при этом удивительно свежим и бодрящим. Наконец тропа вывела их на небольшое плато.

Впереди возвышалась гора, в толще которой были прорублены высокие и широкие ворота. Осел устремился прямо в эти ворота, и по другую их сторону глазам ошеломленного зодчего открылась потрясающая картина.

Склон горы уступами спускался вниз, и, насколько хватало глаз, простирались хаотичные нагромождения скал. Одни вздымались вверх, стремясь пронзить небо, другие спускались вниз естественными террасами, словно желая проникнуть в тайну земных недр. А среди крутых склонов и величественных лестниц, среди взлетающих в небо скал и глубоких провалов вставал кружевной, легкий и изящный, прекрасный, но еще недостроенный город. Галерея, три башни, часть искусно сложенной высокой стены, балюстрада, мост. Камень гор на краю земли был великолепен: снаружи он был снежно-белым, а дальше шел слой нежно-розового цвета, испещренного в глубине ярко-красными прожилками. Из этого камня и был сложен город.

— Теперь я понял! — воскликнул зодчий, обращаясь к ослу. — Это, должно быть, моя тайная мечта — построить город из живого камня, из кости самой земли.

И пока осел брел, пробираясь сквозь нагромождения скал, к этому чудом возникшему прекрасному городу, зодчий все яснее видел горящие на солнце медь, бронзу и серебро, фарфоровые купола и крыши из оникса, необычного вида колоннады, мощные улицы с рядами цветущих деревьев, наполняющих воздух своим ароматом, вверху — причудливые окна со свинцовыми переплетами... Наконец зодчий увидел людей, работающих на строительстве, — каменщиков, плотников, столяров. А, кроме того, тысячи рабов трудились здесь с усердием, какое нечасто увидишь, если по спинам людей не гуляет хлыст. Однако здесь не было видно никаких хлыстов. Воздух звенел от несмолкавшего шума, грохотали молоты, стучали кирки, визжали шкивы и блоки, гремели повозки, люди что-то кричали друг другу.

Вдруг осел остановился.

По аллее, обсаженной лимонными деревьями, навстречу зодчему вышел тучный человек в одеждах, напоминающих яркое лоскутное одеяло. Его сопровождали два раба — один шел позади и держал над головой толстяка зонтик от солнца, другой выбежал вперед и поклонился зодчему.

— А, добро пожаловать, господин архитектор, — сказал раб. — Познакомьтесь с господином верховным надсмотрщиком.

— Какой восхитительный сон! — воскликнул развеселившийся зодчий.

— Ваша правда, — услышал он в ответ. — Вообще-то я раб на серебряных рудниках, но во сне я должен прислуживать этому господину. Он хорошо со мной обращается, и я каждый вечер наедаюсь до отвала. А ночью я развлекаюсь с девушкой. Она тоже считает, что это прекрасный сон.

— Но это мой сон, приятель, — возмутился зодчий, — а вовсе не твой и твоей шлюхи. Тут к ним подошел толстяк.

— Знай же: мы здесь для того, чтобы построить великий город — город, достойный героя, — объявил он. — Тебе, как архитектору, предстоит начертать планы, по которым построят крепость и дворец в этом городе. Ты известная личность, поэтому мы многого ждем от тебя. Мы — это я и князь демонов.

— Разумеется, — ответил зодчий. — Но, раз это сон, без сомнения, мне ничего не заплатят?

— Слава станет тебе наградой, — произнес толстяк.

Зодчий искренне рассмеялся:

— Я сгораю от нетерпения приступить к делу. Покажи мне место, где будут стоять крепость и дворец, и комнату, в которой я смогу работать. Нам нужно торопиться. Я не желаю просыпаться до того, как закончу проект.

— Об этом можешь не беспокоиться, — торжественно заверил его толстяк.

Все требования зодчего были выполнены. Он ни в чем не испытывал недостатка. Когда ему требовался какой-нибудь инструмент, который он в спешке забыл дома, ему стоило только сказать об этом, и нужную вещь тотчас же находили и приносили ему. В его распоряжении находились необычайно усердные и услужливые рабы. Сон оказался действительно прекрасен, и все рабы утверждали, что в этом сне им обещана свобода, как только они выполнят свою задачу. Они возносили небу горячие молитвы, прося не будить их и позволить им дожидаться этого счастливого события. Когда же наступал вечер, в одном из уже построенных мраморных дворцов накрывали пиршественные столы, ломившиеся от превосходных вин и сочного мяса, всевозможных лакомств и фруктов. Между столами танцевали соблазнительные девушки с серебряными змейками в черных волосах. Танцовщицы отвергали заигрывания мужчин, но за столами и без них хватало женщин, многие из которых были хороши собой и обладали изысканными манерами. Одна из них, принцесса с изумрудным ожерельем на шее, забавлялась с рабами и восторженно заявляла, что никогда раньше ей не представлялось такой чудесной возможности утолить страсть, которую у нее вызывали мужчины низкого происхождения. А миловидная крестьянка добавляла, что только во сне она осмеливается позволить себе такие сумасбродства.

Зодчий, однако, отправился в отведенные ему покои в одиночестве и долго лежал, не решаясь заснуть. Ему казалось что, заснув во сне, он тут же пробудится наяву. Вдруг он услышал, что в городе вновь началась работа. Выглянув из окна своей комнаты, он увидел, как новые толпы работников заняли место тех, кто работал днем. Теперь они трудились при свете факелов и свете, лившемся из распахнутых дверей небольших кузниц. Ночные работники были похожи друг на друга и обладали удивительной внешностью — тысячи отталкивающе безобразных черноволосых карликов, одетых лишь в украшенные драгоценными камнями набедренные повязки.

— Дрины! — пробормотал зодчий, припоминая превосходные металлические украшения на стенах домов. Вернувшись в постель, он не заметил, как заснул. Утром он проснулся и с восторгом обнаружил, что сон все еще не кончился.

Зодчий не спешил, ничуть не сомневаясь в том, что спит у себя дома и видит сон, хотя он и длится так долго. Лишь однажды толстый надсмотрщик прервал его работу расспросами о благосостоянии королевства, в котором жил зодчий. Он спрашивал о короле, о его богатствах и о том, сколько рабов использует он обычно для возведения зданий. Когда надсмотрщик ушел, зодчий забыл об этом разговоре, не сочтя его важным.

Наконец настал тот вечер, когда работа подошла к концу. Не успел зодчий отодвинуть в сторону свитки и закрыть чернильницу, как на стол упала чья-то тень.

— Я уже иду ужинать, — сказал зодчий.

— К сожалению, тебе не удастся этого сделать!

Обернувшись, архитектор обнаружил того, кто доставил его сюда — демона ваздру.

— Но... ты ведь не заставишь меня уйти прежде, чем я увижу, как мои чертежи воплотятся в камне? — взмолился зодчий.

— Уже прошло три месяца, — насмешливо сказал ваздру. — Слишком много для смертного. Король твоей страны в трауре, а твоя жена и слуги в тюрьме. Тебе лучше вернуться.

— Вздор, — проворчал зодчий. — Это всего лишь сон.

Но с ваздру не поспоришь, поэтому пришлось покориться.

Снаружи их ждала запряженная драконами колесница, едва различимая на фоне быстро темнеющего неба. Архитектор забрался в нее, и драконы взмыли к звездам. После долгого путешествия зодчий, наконец, вернулся в свою постель — где и в самом деле не оказалось спящей жены — и крепко заснул.

— А когда я очнулся, — закончил он свой рассказ, — все оказалось именно так, как меня предупреждали.

Эта история, хоть от нее и веяло колдовством, произвела на короля большое впечатление, и он осыпал зодчего золотом и милостями — так его порадовало возвращение любимца. Архитектора, однако, мучили сомнения. Теперь он точно знал, что существуют демоны. К тому же он не забыл о том, что его спрашивали о королевских рабах, Зодчий не удивился, когда три ночи спустя все рабы бесследно исчезли, а вместе с ними и запасы провизии, не говоря уже о мраморе и драгоценных металлах, которые король приготовил для своего летнего дворца.

Глава 4

С самого начала что-то влекло Симму и Кассафех на восток. Они упрямо шли навстречу палящему солнцу по утрам, а вечерами так же упрямо шли, повернувшись к нему спиной. Многие дни, а может, месяцы спустя бесплодные края сменила зелень, а Судьба продолжала вести их на восток. На восток, к Вратам Восхода, в Страну Феникса.

Точное расположение города в горах, как и второго колодца, нельзя было определить. Но он лежал, как и говорил зодчий, где-то на востоке, на краю света.

Как бы то ни было, город построили. Построили люди и демоны по прихоти Аззарна — князя демонов, даже не поговорившего с Симму с той ночи, когда они узнали от Лилас тайну

второго колодца. А может, Азрарн наблюдал за ним, сам оставаясь незримым? И видел он уже не гибкого юного эшву и не прелестную девушку, а героя, мужественного и земного? Может быть, раз-другой какой-нибудь демон и шептал спящему Симму: «На восток», но это был не Азрарн.

С приключениями героям во время этого путешествия не повезло. После долгого перехода по пустыне они выглядели оборванными нищими и напоминали диких зверей. Поэтому люди держались от них подальше. Иногда в какой-нибудь деревушке на них спускали собак. Тогда Симму накладывал на собак заклятие или позволял это делать Кассафех, ибо она уже в совершенстве овладела этим искусством. Иногда, думая, что Симму и Кассафех принадлежат к странствующему монашескому ордену, люди подавали им хлеб и вино, ожидая исцелений или пророчеств. Тогда Симму смутно вспоминал храм, где провел детство. Но Симму не был целителем — ни тогда, ни сейчас. Хоть у него на поясе и висела фляжка с эликсиром бессмертия, он хранил свою тайну и ни капли не отдал страждущим. Да, он видел умирающих людей, над которыми вместе с тучами мух нависла Смерть, но ни на минуту он не замедлил свой шаг.

Слова, сказанные однажды Йолсиппой, запали ему в душу: «Только лучшие из лучших имеют право жить вечно. Кому нужны вечно живущие отбросы общества?» Боги, властные над жизнью и смертью, должны выбирать очень тщательно. Когда-нибудь и ему придется выбирать: «Сделать бессмертным этого человека или нет?» Но время еще не пришло. Симму ясно видел свою судьбу и не терзался сомнениями. Не спрашивал он себя и о том, что станет с ним самим. Он был очень молод. Жизнь еще не открыла ему своих границ, а он уже уничтожил их. Смерть представлялась Симму насилием, убийством цветущей жизни — тем, с чем он столкнулся в отравленном Мерхе. Он замахнулся на Смерть, но в действительности сам еще не вполне осознал, что совершил.

Все дальше и дальше шли Симму и Кассафех, и постепенно земли опустели; исчезли не только люди и звери, исчезло все, что было им знакомо. Правда, остались леса. Вокруг цвели цветы и текли реки, но во всем появилась какая-то безжизненность. Повсюду, где бы хоть однажды ни прошел человек, он оставлял след, как бы отпечаток мысли. Эти следы и есть то, что в глазах других людей оживляет окружающий мир. Дерево, на которое ни разу не упал человеческий взгляд, холм, на котором ни разу не шептал, не кричал и не пел человеческий голос, — они, конечно же, по-своему живы, но эта жизнь невидима для человека, который мог и может осознать только то, что имеет хоть какое-нибудь отношение к нему самому.

Но вот Симму и Кассафех добрались наконец до широкой песчаной полосы между морем и горами. Казалось, тут всегда царит рассвет, потому что город для бессмертных построили у самых Врат Зари и окрашен он был в цвета зари: белый, розовый и алый. Случайно ли путники вышли к нему, или их вело какое-то чутье, а может даже демон, нельзя сказать. Точно так же неизвестно о том, сразу ли они взобрались по крутой лестнице, окруженной колоннами с капителями из мерцающего серебра, или медлили на берегу моря, не обращая внимания на лестницу или не зная о ней.

Одно несомненно. Не только пройденный путь отделял их от людей — бессмертные знали о чуде и были готовы к нему. Даже Симму, который во время проповеди Йолсиппы об ответственности и героизме вздрогнул, ощутив цепи бессмертия, даже он знал и был готов. В конце концов, в его жилах ведь тоже текла кровь королей, доставшаяся ему от Наразен.

Путники поднялись по крутой лестнице, прошли сквозь широкие ворота, на которых теперь висели медные створки, и увидели чудесный город из камня, мрамора и металла. Залитый лучами восходящего солнца, он выглядел так, будто в любую минуту, взмахнув крыльями, мог взлететь в небо. В этом была его особенность. Сердца юноши и девушки на мгновение замерли от восторга, ибо город казался прекрасной девой, а они стали первыми, кто увидел ее и полюбил. Супружеское равнодушие появится намного позже.

Улицы и переулки, площади и парки были пустынные. Все замерло. Лишь плавно качались верхушки деревьев и скользили по небу ленивые облака.

— Кто же здесь живет? — прошептала Кассафех. — Какой-нибудь великий владыка?

Они спустились вниз по каменным террасам и вошли в город. Окна домов здесь украшали витражи из цветного стекла; струи фонтанов взлетали вверх и, застыв на миг, разбивались на мельчайшие осколки. Казалось, в городе нет живых людей. На мгновение это напомнило Кассафех о саде золотых дев, но только на мгновение. Все-таки этот город был настоящим.

Люди ходили по улицам и аллеям, избегали по лестницам, пересекали дворики. Наконец они пришли к крепости с мозаичными куполами. Перед огромными воротами они увидели плиту из зеленого мрамора, на ней серебром горели слова:

Я — Симмурад, город Симму. В моих стенах будут жить люди, чья жизнь вечна. Во всем же остальном мире люди будут лишь пылью, носимой ветром.

— Кто это написал? — воскликнула Кассафех.

Симму молча вглядывался в надпись, чувствуя себя женихом в день венчания. Он страстно желал быть, наконец, связанным — и в то же время боялся, что его свяжут. Но страх он испытывал или желание — спасения все равно уже не было. Он попал в сеть.

И когда в воротах возник нелепо кланяющийся Йолсиппа, одетый в настоящий бархат, с настоящим рубином в ухе и настоящим золотом в ноздре, Симму расхохотался. Он смеялся, а в глазах его стояли слезы. Так плачет одинокий человек, который только что с ужасом понял, что больше никогда не сможет остаться один.

Глава 5

Лилас забыла, что она умерла. Она с наслаждением потянулась во сне и вяло протянула руку, чтобы ухватиться за ошейник Синего Пса, но ее рука повисла в воздухе. Тогда она открыла глаза.

Колдунья лежала на свинцовом полу, кругом вздымались обросшие мхом каменные колонны. Бешеными порывами налетал ветер, но колдунье не было холодно. Здесь никогда не бывало холодно или жарко.

Вот Лилас потянулась к талии, но рука вместо пояса, увешанного костями, наткнулась на страшный рваный шрам. Колдунья широко открыла рот, крепко зажмурила глаза и сжала кулаки, собираясь закричать от ужаса. Она все вспомнила.

После того как ужасное создание разорвало ее пополам, Владыка Смерти отнес ее безжизненное тело во Внутренний Мир. Лилас и не заметила этого, она еще не пришла в себя после смерти. А потом она погрузилась в кому — так всегда случается с только что прибывшими в царство мертвых. По меркам Внутреннего Мира колдунья находилась в коме не дольше мгновения. Тем временем наверху прошли месяцы, миновал год, начался второй. Симму ворвался в сад колодца, взломал стеклянный божественный водоем, похитил эликсир бессмертия и прошел через пустыню. В восточном углу мира демоны и похищенные ими люди построили город, розовый и алый Симмурад. Бессмертный Симму вошел в него вместе с Кассафех, и подобострастный Йолсиппа приветствовал их... Все это время колдунья лежала без сознания во владениях Смерти. Может, она этого и хотела — лежать и не просыпаться, потому что пробуждение наверняка сулило ей неприятности.

Но Лилас проснулась...

Так и не закричав, она расслабилась и огляделась. Жалкий и убогий пейзаж Внутреннего Мира не угнетал Лилас. Ее вообще мало занимала окружающая обстановка. Однако она обратила внимание на то, что, кроме нее, здесь, похоже, никого нет. Ей пришло в голову, что, хоть она и лежала тут какое-то время без сознания, никто не пытался потревожить ее. Это слегка приободрило колдунью.

Она не знала, кого боится сильнее: Владыку Смерти, чьим доверием злоупотребляла и чью тайну нечаянно выдала, или Наразен из Мерха, убийству которой она способствовала. Впрочем, ей придется вскоре встретиться с обоими.

Когда Лилас хорошенько все обдумала, к ней вернулась большая часть былой самоуверенности. Вскоре она поднялась на ноги, тряхнула гривой волос и провела ладонями

по своим гладким щекам. Затем она сотворила из разреженного воздуха золотой пояс, чтобы скрыть шрам на безупречной бархатной коже. Покончив с этим, она вышла из тени прикрытия каменных колонн и неожиданно увидела приближающуюся фигуру Владыки Смерти.

Храбрость и решимость тут же покинули Лилас. В облике короля было нечто, способное сокрушить все вокруг, потеряй он хоть на мгновение железную власть над собой. Колдунья пала ниц перед своим повелителем. Когда король подошел ближе, она задрожала, разразилась стенаниями и судорожно вцепилась в край его белого плаща, скользнувший у нее над головой.

— Твоя раба умоляет тебя! — сквозь рыдания выкрикнула Лилас.

Владыка Смерти остановился и взглянул на свою бывшую служанку. Его лицо сияло, словно лик бога, и у Лилас перехватило дыхание. Она хватала ртом воздух и не могла вымолвить ни слова. Колдунья, пожалуй, была даже рада этому. Ей вдруг показалось, что сейчас нужно покаяться в поступке, о котором Улум, возможно, и не подозревал.

— Ты помнишь, как ты умерла? — спросил Улум. Колдунья, задыхаясь, проговорила:

— Я неосторожно произнесла одно заклинание, и какой-то чародей, более могущественный, чем я, обратил его против меня. Прости мое безрассудство, Владыка Владык!

Лежа у ног Владыки Смерти, Лилас неожиданно подумала, что если уж Улум сделал ее своей посредницей, он мог бы сделать ее и неуязвимой. Ведь сейчас у Владыки Смерти не осталось доверенного лица в мире людей. А может, у него есть еще кто-нибудь, к кому он благоволит больше и кого защищает лучше, чем защищал ее? Лилас подумала, что, служа Улуму, она поставила на карту свою жизнь и потеряла ее, а Владыку Смерти, по-видимому, это вовсе не тронуло. Колдунье показалось, что ее обманули, и от этого она стала храбрее.

— Осмелюсь предположить, величайший из королей, — сказала она, — что, как твоя служанка, я все еще связана нашим договором и не могу вернуться к земной жизни.

— Не можешь, — подтвердил Улум. В его голосе не было жестокости, но звучал он неумолимо.

— Должна ли я служить тебе здесь?

— Твоя служба закончилась.

— Тогда отпусти меня, — попросила колдунья. — Я хотела бы все обдумать, чтобы примириться с неизбежным.

— Ты вольна делать все, что пожелаешь, — ответил Улум. Он вдруг исчез и появился в полумиле от нее.

Лилас скривилась от злобы. Попав во владения смерти, она до странности быстро — а может, этого и следовало ожидать? — утратила благоговейный ужас перед ним. А вместе со страхом куда-то ушло и обожание. Она снова почувствовала себя хитрой, ловкой, и она вновь подумала о Наразен и о том, что она помнила об этой женщине. Если Улум остался в неведении — а он явно не подозревал о провалившихся замыслах колдуньи, — то Наразен и подавно ничего не знает.

Во второй раз Лилас поднялась на ноги. Из призрачного воздуха она сотворила графин вина и отпила добрый глоток. Иллюзия тут же привела ее в состояние приятного опьянения. Подкрепившись таким образом, колдунья выбрала направление и зашагала к своей цели. Она решила разыскать Наразен и благодаря колдовскому искусству, присущему всем в этом подземном мире, тотчас же поняла, где та находится.

После нескольких часов, а может, минут ходьбы Лилас вышла на берег унылой реки с белой, как молоко, водой. На камне у реки сидела женщина.

Наразен выглядела совсем не так, как предполагала Лилас. Она и раньше была синей от яда, но во время продолжительного пребывания в Мерхе ее тела коснулось разложение. Кожа Наразен стала теперь почти черной; с темно-синего лица смотрели золотые глаза с темно-синими белками. Волосы Наразен стали пурпурными, как и ногти левой руки, лежавшей на левом колене. Эти ногти стали почти такими же длинными, как и ладонь.

Правая рука, покоившаяся на другом колене, утратила плоть, превратившись в голую кость.

Колдунья застыла на месте. Наразен выглядела так необычно и устрашающе, что даже Лилас не могла остаться к этому равнодушной. Некоторое время она стояла молча, уставившись на бывшую королеву, а та не обращала на чародейку никакого внимания, пребывая в тяжелом раздумье. Ее думы, словно яд, бродящий в огромном чане, отражались на неподвижной маске лица. Наконец Лилас крадучись подошла ближе.

Лилас распростерлась по земле перед Наразен и поцеловала темно-синюю ногу.

Подняв веки, Наразен взглянула на колдунью.

— Внушающая благоговейный трепет госпожа, ты ли Наразен, королева Мерха? — прошептала Лилас.

Наразен не ответила, но ее черные губы дрогнули.

— По красоте и величию узнала я тебя, — продолжала Лилас. — Ты воистину грозна и царственна! Я бы назвала тебя Владычицей Смерти.

Наразен протянула правую руку — обнаженные кости — и приподняла подбородок колдуны. Лилас задрожала всем телом. Ей больше не нужно было притворяться, она и в самом деле испугалась.

— Я — Наразен, — подтвердила королева. — То, что от нее осталось.

Лилас подползла ближе и поднялась на колени. Она взяла в ладони руку-скелет и поцеловала ее. Наразен неприятно рассмеялась.

— Ты ничуть не изменилась, — сказала она. — Как была шлюхой, так и осталась ею. Пойди, поищи своего господина, и на нем оттачивай свои уловки. Или, после смерти, ты уже не так сильно любишь его?

— Не гони меня, старшая сестра, поведай, что печалит тебя, — прошептала Лилас.

Наразен в ответ плюнула на серую землю. В ее душе больше не пылал огонь. Кожа потемнела, рука превратилась в голую кость, но дело было не в этом. Наразен никак не могла смириться со своей смертью. Больше года сидела она здесь, размышляя о Лилас и о своем сыне, убивших ее. Может быть, иногда она вспоминала и о чем-то синем — о яде в кубке, — но все это теперь казалось бессмысленным. Ее преследовали мысли о Симму. Больше всего королеву беспокоило то, что ее сын, живой и веселый, смеется над ее участью... Жизнь во Внутреннем Мире творит странные вещи с мечтами о мести.

— Старшая сестра, — прошептала колдунья, кладя голову на колени Наразен, — отчего ты сидишь здесь, в этом унылом месте, и отчего не окружишь себя удивительными иллюзиями?

— Я дала клятву, — ответила Наразен. Колдунья улыбнулась, спрятав лицо в складках черного платья Наразен.

— А я — нет, — сказала она, поднимая голову, и сотворила вокруг них дворец, очень похожий на дворец в Мерхе. Воздух между колоннами расцвели горячие солнечные лучи, а у ног Наразен появились шкуры леопардов. Бывшая королева презрительно усмехнулась, но ее глаза слегка оживились.

— Если б я знала, как это сделать, я бы воздвигла здесь дворец из обросших мхом камней и украсила бы его сокровищами из гробницы какого-нибудь короля. — Раньше такая идея никогда не приходила ей в голову, но Лилас словно смахнула пыль с мыслей королевы. — Но раз уж осуществление этого замысла невозможно, мне кажется, я могу позволить себе хотя бы эту иллюзию... Но как только увидишь Улума, немедленно развей мираж. Я не хочу, чтобы он вообразил, будто я сдалась.

Лилас ухмыльнулась, снова пряча лицо в складках черного платья. Она узнала о тайных желаниях, увидела скрытые уязвимые места. Теперь они с Наразен стали заговорщиками.

— Но это вовсе не твоя слабость, моя дорогая сестра. Это моя слабость — я очень хочу угодить тебе! Считаю меня своей служанкой.

Левой рукой — той, что была облечена в плоть, — Наразен задумчиво перебирала волосы колдуны, поднимая густые пряди вверх и пропуская их между пальцами, подобно струям воды.

Лилас терпеливо сносила эту ласку.

Глава 6

Лилас затеяла все это ради того, чтобы, используя свою ловкость, сделать хоть немного мягче то жесткое ложе, на котором она оказалась. Вообще-то Лилас не любила людей, но сейчас она считала себя обиженной Владыкой Смерти. Чтобы избежать гнева Наразен, она притворилась, будто обожает ее. Она творила для Наразен иллюзии — ведь королева, связанная давней клятвой, делать этого не могла. Только однажды Наразен позволила себе сотворить иллюзию, чтобы рассказать Улуму о посещении Мерха, — это входило в их договор; да и то Наразен сотворила не все. Улум наблюдал ее иллюзии, и лицо его, как всегда, оставалось бесстрастным. Наразен не показала ему своего столкновения с Азрарном и того, как Симму бросил ее, а Азрарн наказал ее за дерзость — дьявольски великодушно и ужасно. Владыка Смерти получил меньше, чем должен был, но он ни о чем не спросил. Казалось, он просто не заметил, что стало с правой рукой Наразен. Расплатившись с Улумом, Наразен села на камень на берегу белой реки и сидела, охваченная мрачными думами, пока к ней не пришла длинноволосая колдунья.

Наразен видела, что Лилас ее обманывает, и даже понимала, для чего та это делает, однако заискивания колдуньи все же поддержали ее. Наразен лишь усмехалась, сверля Лилас своими страшными, сине-желтыми, — как у ящерицы, глазами. По поведению Лилас она заметила, что та и в самом деле охвачена неподдельным страхом. Не была ли эта услужливость вызвана страхом? Королева Наразен привыкла, что ее подданные унижаются и трепещут; привыкла к роскоши своего дворца, от которой отеклась во Внутреннем Миров. И во всем виновата была Лилас... Но теперь Наразен снова могла бродить по золотым покоям дворца или скакать верхом по цветущим равнинам. А когда опускалась призрачная ночь и призрачные звезды высыпали за призрачными окнами, Лилас — ластивое, гибкое и прекрасное дитя — подкралась к Наразен, положила голову на колени королевы, и роскошные волосы колдуньи рассыпались по черному платью. А Наразен гладила эти чудесные волосы. Когда она касалась их левой, живой рукой, Лилас улыбалась и закрывала глаза; когда же она делала это рукой-костью, Лилас дрожала и крепче сжимала веки. По правде говоря, Лилас даже наслаждалась своим страхом перед тем, кого, как ей казалось, она могла хитростью держать в повиновении. Поэтому ей было приятно общество Наразен. И, играя в обожание, колдунья не заметила, как перестала играть и стала обожать Наразен по-настоящему. Играя оболъстительницу, она сама пала жертвой чар королевы.

Некоторые обитатели Внутреннего Мира отважились покинуть гранитный дворец Улума, чтобы рассмотреть вблизи золотое сияние недавно возведенного нового дворца, впрочем, такого же иллюзорного, как и все остальные миражи в этих землях. У дверей их встретила призрачная стража с обнаженными мечами. Но вот из дворца вышла девушка, прикрытая лишь собственными волосами, и повелела гостям пасть ниц перед ее госпожой. Этого и следовало ожидать; величие того, чему служила Лилас, должно было превосходить величие всего остального. А может, она развлекалась, ожидая, когда об этом узнает сам Владыка, и если узнает, то что предпримет. Боевой дух Лилас поддерживали презрение и негодование. Наразен же никогда не боялась Улума; по крайней мере, королева не испытывала перед ним страха в буквальном смысле этого слова. Конечно же, Владыка Смерти так и не пришел упрекнуть их. А что касается его подданных, очарованных высокомерием ужасающей синей женщины, то, засвидетельствовав свое почтение, они удалились. После этого уже не одна Лилас величала Наразен Владычицей Смерти.

Однажды Лилас сидела у ног Наразен, и розовые бутоны ее груди как бы невзначай выглядывали из-под распущенных волос. Неожиданно королева, чье тело уже долгие годы не знало плотских утех, схватила свою прелестную мучительницу и сжала ее в сладострастных объятиях, руками и губами отдав должное тому, что нашла под покровом волос. Лилас оказалась живой, гибкой и покладистой, и вскоре их тела сплелись... Позже, в изнеможении

раскинувшись на леопардовых шкурах, женщины поведали друг другу свои тайны. Отныне их связали узы иного рода.

Наразен каплю за каплей излила колдунья свою желчь. Лилас узнала, как жаждет королева отомстить Симму. Узнав об этом, колдунья еще крепче прильнула к Наразен. Она рассказала королеве об ужасной тайне, которую доверил ей Улум, о тайне второго колодца. Наразен выслушала эту историю со скучающим видом. Затем Лилас рассказала, что слышала, будто Азарн рассказал Симму о втором колодце, чтобы дать ему возможность совершить подвиг — добыть бессмертие для людей.

— Я мертва, — прошептала Лилас, — я не могу помешать этому. Но Улум все равно обвинит меня. Что же мне делать, о мудрая госпожа, дай мне совет!

— Лгунья, — ответила Наразен, перебирая густые шелковистые волосы колдуньи. — Ты попала в собственные сети, играя в свою игру. Ведь это ты сама выдала тайну, когда еще была жива, разве не так? К тому же, я уверена, ты пыталась заигрывать с Азарном. Да-а, ты продашь кого угодно.

Тут Лилас почувствовала, что самое время сломаться, подобно хрупкому тростнику. Она разрыдалась, уткнувшись в колени Наразен.

— Азарн пришел ко мне ночью. Кто бы смог устоять перед ним? Я просто не помнила себя от страха. А он читал мои воспоминания, словно открытую книгу. Ведь ты знаешь, как он жесток! Я бы никогда не отважилась выступить против него... — И она поцеловала руку-кость.

Наразен задумалась. Наконец она сказала:

— А не Азарн ли любовник Симму? Припоминаю, он его очень любил. Но Улум наверняка возненавидит Симму, если только Симму не придумает что-нибудь. Как ты считаешь, он сумеет что-нибудь придумать?

Лилас прильнула к коленям бывшей королевы.

— Боюсь, что да. Именно этого я и боюсь.

— В покоях Владыки есть Волшебный Глаз — заглянув в него, можно увидеть мир людей. Посмотрим, права ли ты... Интересно, может ли Улум, внушающий страх, бояться?

Лилас внимательно посмотрела на Наразен, кожа у нее была почти такая же темная, как у Владыки Смерти:

— Но Улум может обрушить свой гнев на меня. Я вовсе не хотела раскрывать его тайны... только вот подумает ли он об этом? И если он истратит весь гнев на меня, то Симму... моя королева, ведь ты хочешь, чтобы пострадал Симму, а не твоя служанка?

— К этому все и шло, ведь правда? — улыбаясь, осведомилась Наразен. — Ты стала полезной для меня — как ты думаешь — лишь для того, чтобы избежать гнева Белого Плаща? Но в Улуме нет гнева.

— Я прошу...

— Проси.

Лилас скользнула к ногам Наразен, прижалась к ним. Она знала, что победила.

Вскоре Наразен встала и вышла из зала. Лилас последовала за ней.

Они покинули освещенный ночной мираж, вернулись в неизменно серый Внутренний Мир, где не было ни дней, ни ночей.

Странные вещи творит это царство с человеческими мечтами. Приступы ненависти здесь бывают так же внезапны и непреодолимы, как и бесконечные раздумья. Человеческие представления меняются самым неожиданным образом. Страсти становятся неукротимыми, надежды смешными, желания безрассудными, а требования непомерными. Да и может ли быть иначе в таком месте?

Улум вернулся — с поля битвы, из города, пораженного чумой, или от смертного ложа одинокого старика — и заметил в своих апартаментах, среди темных теней и пустоты, Наразен. Однажды он уже встречал ее здесь. А за ее спиной, преклонив перед Улумом колени и спрятав лицо, съежилась от страха колдунья. Заметил ли Владыка, как она судорожно цеплялась за черное платье Наразен? Так обычно сжимают в руках талисман.

Наразен поправила складки своего платья и улыбнулась Улуму.

— Добро пожаловать домой, господин. Как поживает мир? Где ты там побывал? Доставило ли тебе удовольствие долгое путешествие?

Улум молча разглядывал женщин. Колдунья вжалась в пол. Наразен продолжала:

— Но думаю, кое-где ты все же не был. Не желаешь ли взглянуть в свое волшебное зеркало? Владыка Смерти не взял Глаз у Наразен из рук, но она повернула его так, чтобы Улум смог все увидеть. Королева довольно долго держала его на вытянутых руках.

Казалось, Улум с самого начала знал, что королева Мерха — не простая смертная, а некое знамение или даже враг. Владыка безучастно, как всегда, заглянув в Глаз, и увидел розово-алый город, Симмурад. Он сразу понял, что предвещает появление этого города. В лице Улума, казалось, ничего не изменилось, но перемена все-таки произошла. Лилас ощутила ее и попыталась спрятаться за Наразен.

Медленно тянулось время во Внутреннем Мире. Несколько дней заняло пробуждение Лилас, обольщение Наразен и их заговор; еще несколько часов понадобилось, чтобы найти Глаз и показать изображение в нем Владыке Улуму, — в Мире Людей прошли годы. Пять лет пролетело над Симмурадом.

Симмурад был удивительным.

Розовый мрамор, золотистые башни, покрытые эмалью купола. Внизу, на улицах, малоллюдно, но все люди — мудрейшие и прекраснейшие. Очаровательные женщины, чародейки с волосами до пояса и глазами, похожими на драгоценные камни; красивые и сильные мужчины, мудрецы и волшебники.

Далеко разошлась молва о городе бессмертных.

Многие отправились на его поиски, многие умирали, так не и обретя бессмертие. Некоторые нашли его, однако многих прогнали от ворот Симмурада. Не кто иной, как Йолсиппа, бродяга, случайно получивший дар бессмертия, а потому еще более ценивший его, сторожил медные врата. И когда кто-нибудь подходил к ним, Йолсиппа кричал с высокой башни над вратами:

— Кто ты такой и что из себя представляешь? Назови свое имя и ремесло, поведай о своих достоинствах, учености и силе. Что сможешь ты предложить в обмен на драгоценнейший дар, которого жаждут все люди? Говори, но не забывай, что потом тебе предстоит подтвердить делами свои слова.

Одних охватывал гнев, других — страх. Те, кто лгал, погибали, пытаясь сделать то, чего сделать не могли. Лишь очень незначительное число мужчин и еще меньшее — женщин имело достаточно смелости и знаний, чтобы проникнуть в розово-алый Симмурад и получить в нефритовом наперстке каплю густой мутной жидкости — эликсир вечной жизни.

Владыка Смерти видел все это. Он увидел сияние, исходящее от жителей Симмурада, неугасимое внутреннее пламя. Но заметил ли он бледность их лиц?

Улум наблюдал за Симму. Бессмертный сидел в библиотеке с бесчисленными полками, трещащими под тяжестью книг, украшенных орнаментами и драгоценными камнями. Симму читал, словно изголодавшийся человек, который жадно глотает пищу и никак не может наестся. Он был один. Закрыв двери, он читал так, как никогда не читал, живя в детские годы в храме. Его глаза горели, пробегая страницы. Сейчас он уже не был похож на прежнего Симму — худощавого мускулистого юношу с бронзовой кожей, героя, простодушного и не прирученного, не связанного по рукам и ногам. Теперь Симму — хотя он все еще оставался юн и красив и будет таким до конца времен — нес на себе печать прожитых лет, и все в нем, казалось, застыло и окаменело.

Так же выглядела и изящная светловолосая девушка, притаившаяся за дверью, — Кассафех, ставшая женой Симму пять лет назад после удивительно пышной и необычайно величественной ночной церемонии в Симмураде. Молчаливая Кассафех, со свинцово-серыми глазами, прикоснулась к двери, не осмеливаясь постучать. В юности годы идут медленно. Пять лет вечной молодости показались ей веками.

Бессмертные напоминали гипсовых кукол, чей механизм остановился. Понял ли это

Владыка Смерти? Нет, он видел лишь жизнь, которая не умрет.

Наразен, уже увидевшая в Глазе все, что она желала сейчас знать о своем сыне и его судьбе, не сводила глаз с Улума. Она пристально наблюдала за ним, внимательно вглядываясь в его лицо, позу, движения.

— Может ли бояться внушающий ужас? — спрашивала она Лилас. Теперь она точно знала ответ.

Ни один человек не сомневался, что Владыка Смерти должен дрожать от страха при мысли о такой угрозе. Так, повинувшись человеческой воле, Улум впервые в жизни испугался.

Волшебный Глаз вдруг выскочил из рук Наразен и разбился. Он раскололся на куски, а те рассыпались по полу мельчайшими осколками размером с крупицу соли.

— Ты сердишься, мой господин? — спросила Наразен, глядя на Улума влюбленными глазами. Она и в самом деле любила его; он поддерживал в ней ненависть.

Светлые, сухие и широко открытые глаза Улума ослепительно сияли. Ничего нельзя было прочесть на его лице, но тут заговорили его руки. Из кончиков пальцев Владыки Смерти брызнула кровь. И как ни странно, она оказалась такой же красной, как кровь человека. Кто знает, о чем он думал? Может, он пытался вызвать в себе неистовый, кровавый гнев, потому что люди ждали от Владыки Смерти именно этого? Там, куда падали капли крови, пол покрывался трещинами. Красные пятна испещрили белые одежды Владыки. Теперь его глаза раскрылись так широко, что лицо его превратилось в безумный лик.

— Азрарн дал Симму этот город, Азрарн — возлюбленный Симму, — сказала Наразен. — Но Черный Кот — ничто пред Белым Псом... Найди же способ убить Бессмертных.

Улум поднял кровоточащие руки и закрыл ими лицо. Его волосы и плащ развевались сзади, словно в лицо Владыке дул сильный ветер; однако никакого ветра не было. Владыка Смерти повернулся и вышел из гранитного дворца. Закрыв лицо руками, он отправился через земли Внутреннего Мира. Кровь капала на песок под его ногами. И там, куда она падала, вырастали красные цветы с черными стеблями — маки, цветы смерти. Кровь Владыки окрасила тихие белые воды Внутреннего Мира. Воды вспыхнули и запылали, облака черного дыма поплыли по серому небу.

В железной скале был бездонный провал, и Владыка Смерти спустился в него. Из пасти провала десятью ручьями потекла кровь. Оттуда не доносилось ни шороха, лишь бесшумно текла кровь — кровь Улума, Владыки Смерти, одного из Владык Тьмы.

Глава 7

Колдунья целую вечность неподвижно лежала у ног Наразен. Она все еще боялась, что Владыка Смерти вернется — наказать ее за то, что она выдала тайну, подарившую бессмертие людям. Но Улум, казалось, забыл о Лилас. Улум, казалось, забыл обо всем. Он никого ни в чем не обвинил, он вообще не сказал ни слова. Наконец Лилас поднялась и, как прежде, обняв колени Наразен, вознесла хвалу ее уму и способности влиять на настроение Владыки. Осколки Волшебного Глаза хрустели под их ногами. Снаружи один из рабов Улума, заметив Наразен, поклонился ей до земли, и Лилас ухмыльнулась.

Владыка Улум сидел на плато в Восточных горах.

Далеко внизу, у горизонта, сверкало море; рядом, в скале, была высечена лестница, поднимавшаяся сюда с берега. Само плато упиралось в стену, и в этой стене сверкали медные ворота.

Улум сидел спиной к воротам. На каждом дюйме земной поверхности кто-нибудь да умирал, поэтому Владыка Смерти мог перемещаться повсюду, ему были доступны все уголки земли. Или почти все. Мир по краям окружало море и вековые горы, не постаревшие за прошедшие тысячелетия. В Симмураде же никто никогда не умирал. И, следовательно, только сюда, на это плато, мог подняться Владыка Смерти, но не дальше...

По волшебству из скального камня, похожего на жемчуг, возникло удобное кресло, и

Улум опустился в него. За креслом выросло черное раскидистое дерево — чтобы во время долгих-долгих рассветов Владыка Смерти, восседавший в кресле, оставался в тени.

Руки его больше не кровоточили, одна лежала на колене, а другой он подпирал подбородок. Его серебряные волосы закрывал белый капюшон, наполовину скрывавший и лицо, словно вырезанное из черного полированного дерева. Улум застыл, опустив черные веки, обрамленные густыми белыми ресницами, но не спал. Люди, сидящие в такой позе, кажутся уязвимыми. Можно себе представить, насколько жуткий вид был у Владыки, если он не выглядел уязвимым даже с опущенными ресницами. Его веки походили на крышки сундуков с древней мудростью.

Вдруг ресницы Улума дрогнули и глаза открылись.

Четверо всадников поднялись по ступеням на плато и остановили лошадей в нескольких шагах от тенистого дерева, кресла и Смерти.

Измученные долгим путешествием, они изумленно и испуганно озирались по сторонам.

— Ну а дальше что? — спросил всадник с луком за спиной.

— Здесь ворота, — отозвался второй.

— Даже сейчас я не совсем верю в то, что рассказывают об этом городе, хоть мы и потратили на его поиски пять лет, — заявил третий.

Четвертый всадник повернул голову.

— Кто это сидит там, под деревом? — спросил он.

— Под каким деревом? Я не вижу ни одного дерева, — удивился третий всадник.

— Я вижу только тень от скалы, — сказал первый.

— Там сидит человек в белом плаще, и голова его накрыта белым капюшоном, — настаивал четвертый.

Второй всадник схватил его за рукав.

— Ты пытаешься сбить нас с толку, выдумывая всяких призраков! — закричал он, приходя в бешенство. — Думаю, только один из нас будет избран! Разве вы не слышали, что в этом городе всем устраивают испытания, прежде чем дать выпить глоток эликсира жизни? Мы с вами во всем равны, братья, но я сомневаюсь, что они впустят четверых! — С этими словами он выхватил меч и отсек голову четвертому всаднику, который все это время зачарованно смотрел на Владыку Смерти. Потом второй всадник ударил лошадь хлыстом с такой силой, что она, хоть и устала, понеслась, словно ветер, к медным воротам.

Первый всадник молниеносным движением сорвал из-за плеча лук, наложил стрелу и спустил тетиву. Та угодила второму всаднику между лопатками. Громко вскрикнув, он соскользнул с лошади и повалился навзничь как раз перед воротами. Вдруг первый всадник ткнулся лицом в гриву лошади — третий ударил его кинжалом. В живых остался только один.

Он медленно спешился и, опустив голову, пошел через плато к воротам. Подойдя к ним, он остановился и огляделся. Потом он постучал в ворота.

Сверху раздался голос:

— Назови свое имя и ремесло!

Всадник отступил от ворот и зарыдал. Вдруг прервав рыдания, странник запрокинул голову, расхохотался, а потом прокричал:

— Не тот ли это толстый вор, что служит привратником у дверей города бессмертных?

Сверху никто не ответил.

Тут странник заметил, что слева от него, прямо у ворот, там, где упал, пронзенный стрелой, его товарищ, незнакомец в белых одеждах отдыхает на каменном кресле под раскидистым деревом. Лицо таинственного человека скрывала тень, а у ног его распростерся мертвец.

Улум теперь мог приблизиться к воротам запретного города.

Всадник вытер глаза рукавом.

— Если бы я верил во все эти сказки, я бы подумал, что ты хочешь причинить мне зло, — пробормотал он, дрожа, а потом повернулся, подбежал к воротам и снова заколотил в

них.

— Впустите меня! — умолял он. — Здесь моя смерть!

Ответа не было. Видно, толстый вор обиделся. Потом странник взглянул на Владыку Улума и опустил на колени.

— Ты стал теперь кровожадным? Ты отнимаешь жизнь раньше, чем придет срок? Говорят, Владыка Смерти женился. Он взял в жены женщину с синей кожей и волосами, как грозовая туча. Она все время пилит его, и он с радостью убегает из дома. Ходят слухи, что Владычица Смерти изводит Улума до тех пор, пока не добивается всего, чего хочет. Как-то ночью она пришла в одну страну и отравила ее. Она убивала все, чего касалась ее рука или ее дыхание, и, вернувшись к мужу, поведала ему о своих деяниях и перечислила тех, кого загубила. Владыка Смерти, как говорят, пришел в восторг.

Скиталец вновь повернул к воротам и постучал. На сей раз совсем тихо.

— Толстый вор завтракает, — ответили ему из-за стены.

Всадник отвернулся от ворот и пополз обратно. Он взглянул на скрытое под капюшоном лицо Улума и, пронзив кинжалом свое сердце, замертво упал у ног Владыки Смерти.

Тем временем Йолсиппа рыгнул, закончив завтрак. Нечасто он приходил к вратам Симмурада, но когда он решался провести время подобным образом, то удобно устраивался на ложе среди мягких подушек. Он любил необычные и экзотические блюда, доставленные сюда, а возможно, и созданные при помощи колдовства, и поэтому богатые одежды Йолсиппы постоянно лоснились от жира. В этот раз он не изменил привычкам, добавив на халат свежего жира, бывший вор открыл потайное окошко высоко в скальной стене и выглянул наружу.

Четыре лошади уже ускакали с плато по каменной лестнице, но трупы остались. Йолсиппа прищелкнул языком. Тут он заметил фигуру в капюшоне, сидящую у ворот и едва различимую в тени ветвей черного дерева.

— Эй, скажи-ка, — закричал Йолсиппа, — не ты ли стучал в ворота города бессмертных?

Владыка Смерти, не поднимая головы, ответил тихо, но Йолсиппа ясно разобрал его ответ:

— Я не стучу ни в какие ворота. От голоса веяло холодом, даже Йолсиппа почувствовал это.

Тогда он прокричал вниз:

— Назови свое имя и ремесло!

Наверно, Владыка Смерти мог бы рассмеяться, услышав эти слова; но вряд ли он когда-либо смеялся — это было не в его правилах, и особенно сейчас.

— Приведи сюда своего короля, — приказал он. — Я буду говорить с ним.

— Ты знаешь, господин Симму не бежит к воротам по зову первого встречного.

Владыка Смерти не сказал больше ни слова; Йолсиппа же говорил еще долго, но постепенно он понял, что Симму все-таки придется привести, и, оставив ворота без присмотра, толстяк отправился на поиски своего господина.

Симму читал. Почти пять лет он больше ничего не делал. Он поглощал книги, стремясь заполнить внутреннюю пустоту. И в то же время он испытывал пресыщение. Даже то небольшое число прекрасных и мудрых людей, собравшихся в Симмураде, казалось ему чрезмерным. С детства привыкший вольно бродить по свету, повелитель бессмертных теперь отвечал за судьбы людей.

Симму заснул над книгой. В подсвечниках догорели свечи. Волосы героя рассыпались по страницам. Его веки вздрагивали, он видел сны.

Йолсиппа, бывший бродяга, обнаружил, что дверь библиотеки заперта, но, ничуть не колеблясь, открыл замок отмычкой и вошел. Он принялся будить Симму, грубо тряся его за плечо. Наконец правитель города, вздрогнув, проснулся. Его глаза метали молнии.

— Чего ради ты разбудил меня?!

Он теперь говорил так же, как и любой другой человек. Его голос звучал капризно, как у ребенка. Йолсиппа не просто вломился в комнату, он вломился в сон Симму. А бессмертному снился странный сладкий сон — роца в сумерках, темноволосый спутник, и оба они (и Симму и незнакомец) были еще детьми...

— У ворот какой-то странный пришелец. Симму встал и стал мерить шагами комнату. Он метался словно лев в клетке.

Пламя зари расцветило его лик. Он все еще обладал необычной внешностью, но был уже не таким, как прежде, — Хотелось бы мне заставить тебя выплюнуть ту каплю бессмертия, которую ты украл тогда в пустыне, Йолсиппа.

— Жизнь хороша, — отозвался бывший вор и бродяга, глубоко вздохнув. Сам не осознавая того, он скучал по прежней жизни, по горечи и страху, которые придавали его жизни особый вкус.

— Ну-ка, повтори, кто там, у ворот? — спросил Симму. — Только на этот раз выражайся яснее.

— Это не демон, — ответил Йолсиппа. — Хотя у меня создалось впечатление, что это какой-то важный господин... Одет он во все белое. Признаюсь: он мне совсем не понравился. Впрочем, он напоминает мне кого-то, кого я встречал раньше или, скорее, видел издали и счастливо избежал. А руки у него черные...

Симму широко улыбнулся. В его волосах и на коже, казалось, вспыхивали, потрескивая, искры.

— Пять лет, — произнес он. — Старый ворон не спешил. И ты его не узнал?

Йолсиппа скривился и вытянул руки, выставив ладони перед собой, словно хотел защититься.

— Нет-нет, не говори мне, я не желаю этого знать, — взмолился он. — Я, конечно, любопытен, но не настолько. Я не хочу дразнить собак.

— Час пробил, — объявил Симму, забыв про Йолсиппу и повернувшись к окну. — Теперь я, наконец, узнаю, не зря ли я продал себя в рабство бессмертию. Там, у ворот, Владыка Смерти! — воскликнул он, ударив рукой по раскрытой книге. — Жди меня.

Он схватил небрежно брошенный на стул халат, надел его и затянул пояс. Халат был причудливо заткан серебром: его жена, Кассафех, сама выткала ткань — этому искусству ее научила мать в доме торговца шелком. Но сейчас Симму думал совсем о другом...

Где-то в Симмураде, на высокой башне, пела женщина. В песне звучала грусть. Город еще спал, и Симму никого не встретил на утренних улицах.

Поступь правителя города бессмертных была легкой. Вдоль одного из зеленых газонов внутри крепости пробежал леопард. Однако когда Симму по вымощенной мрамором улице подошел к воротам Симмурада и привел в действие механизм, их открывающий, он остался один.

Сердце Симму бешено колотилось в груди, лицо побледнело, и глаза его от волнения стали прозрачными. Он вышел из ворот и ступил на горное плато.

Тогда Улум поднял голову и посмотрел на него...

Однажды, в сыром и холодном склепе Наразен, он пощадил плачущего ребенка...

Симму выдержал этот взгляд.

Однажды, в сыром и холодном королевском склепе, он уже смотрел в лицо этому королю.

— Ну что ж, Черный Человек, — заговорил Симму. — Не один год понадобился тебе, чтобы добраться сюда. Ты думал оборвать мою жизнь, но вместо этого я сам поставлю точку в твоей. Я много читал о мире и о чудесах его, о землях, которые можно завоевать, и о законах, которые можно создать. В один из дней (а дни мои бесконечны; тебе придется это признать, Черный Человек), в один из дней я покину эту твердыню во главе огромной армии. Мы покорим весь мир и освободим его от тебя.

Как знать, не напомнил ли Улуму этот вызывающий тон о Наразен?

— Ты будешь жить вечно, но тебе не дано ничего совершить, — возразил герою

Улум. — Твоя юность превратилась в прозрачный кристалл, и в нем застыли твои стремления и даже твоя душа. Теперь я это понимаю и хочу, чтобы и ты осознал это. Не мечтаешь ли ты о том, чтобы заманить всех людей в ловушку, куда попал сам?

Симму насупился и замолчал. Потом он снова собрался с силами.

— Ты — превосходный учитель. Я запомню твой урок. Признаться, я и в самом деле слишком долго вел праздную жизнь. Но ответь мне: боишься ли ты содеянного мною?

Владыка Смерти ответил, но голос его был лишен всякого выражения:

— Боюсь.

— И ты на самом деле готов сразиться со мной?

— Я на самом деле готов сразиться с тобой.

Симму улыбнулся.

Он медленно подошел к Владыке Смерти. Поравнявшись с убитыми, он взглянул на них, не выразив ни сочувствия, ни отвращения. Совсем близко подошел Симму к Улуму, а потом протянул руку и прикоснулся к губам Владыки. Симму вздрогнул, в его глазах мелькнуло было испуг, но он быстро взял себя в руки.

— Теперь мне бояться нечего, — сказал он.

— Страх — не худшее из зол, дарованных людям.

Симму плюнул на подол плаща Улума.

— Теперь ударь меня, — прошептал Симму. — Уничтожь меня.

Нечто невыразимое, непередаваемое, но явно устрашающее появилось и исчезло на лице Владыки Смерти. Алая капля крови выступила в уголке его рта, но Улум поднял руку — и кровь исчезла. Этот жест зачаровал Симму. Герой содрогнулся, приходя в себя, и ударил Улума по щеке. Симму показалось, что удар раздробил его собственный позвоночник, однако он все еще стоял, дышал и оставался цел и невредим, — Сразись же со мной, — пробормотал Симму. — Я сгораю от желания уничтожить тебя.

Владыка Смерти откинул капюшон. Его призрачная красота сковала Симму. Он коснулся рукой груди Симму, оставив на одежде пятно крови. Его прикосновение было мягким и пугающим. От этого прикосновения останавливались сердца людей, но сердце Симму продолжало биться. Неожиданно Владыка Смерти исчез в белом вихре. Ярость вспыхнула в Симму.

— Это все?! Вернись, Черный Ворон! Вернись и сразись со мной!

Тут мертвец, лежавший у ног Владыки Смерти на груди другого мертвеца, поднялся и заговорил, обращаясь к Симму:

— Наберись терпения. Он вернется. Жди его. — И он снова рухнул на землю.

Исполненный мрачной радости, дрожа и зловеще усмехаясь, Симму вошел в Симмурад, разыскал жену и провел с ней ночь. В ту ночь Симму пил за здоровье Владыки Смерти розово-алое вино. Он снова повесил на шею зеленый камень эшв, о котором не вспоминал долгие годы.

Последующие действия Владыки Смерти были простыми и логичными, как движения в танце. Он сделал именно то, что от него ожидали: он призвал своих любимых подданных или, вернее, те создания, чьи имена соединялись с его именем в умах людей.

Он вызвал чуму из ее норы среди желтых болот и кривых деревьев и послал ее в Симмурад. Чума сумела просочиться за скальную стену, и несколько бессмертных заболело, но болезнь вскоре сбежала от них. Бессмертные отнюдь не являлись неуязвимыми, но длившаяся всего лишь полдня лихорадка не причинила никому больших неудобств. Напротив, горожане только порадовались новому развлечению.

После этого Улум призвал голод. Над ним посмеялись, так и не пустив в Симмурад.

Тогда Владыка Смерти призвал раздор. Люди бились друг с другом на вымощенных мрамором улицах Симмурада и падали от ударов, но раздор, съезжившийся под своим зеленоватым плащом, заметил, что битва доставляет удовольствие бессмертным. Раздор принес жителям новое развлечение. А если в пылу поединка человеку и отрубали кисть руки, талантливый хирург, получивший каплю эликсира за непревзойденное искусство, пришивал

кисть к руке серебряной нитью. А так как и кисть, и тело были бессмертны, не подвержены тлению, рука срасталась и вскоре снова действовала не хуже, чем прежде.

Владыка Смерти послал на улицы Симмурада змея-искусителя. Бессмертные весело играли с ним и украсили его неувядающими цветами и праздничными лентами. Змей обвился вокруг фруктового дерева и мрачно сверкал черными, словно покрытыми глазурью, кольцами.

— Ну же, Владыка Костей, — шептал Симму. — Неужели это все, на что ты способен?

Кассафех много времени проводила за бронзовым ткацким станком. В память о демонах в Симмураде не было ничего золотого — в Нижнем Мире не любят золото. В эти дни глаза-хамелеоны Кассафех потускнели, словно их затянула дымка. Они стали темными, как мрачная темница или дно озера. Жена Симму изнывала от скуки — истинного бича Симмурада. Единственная звезда на небе Кассафех — Симму был далек. Бывшая избранная больше не любила его, ведь ее любовь не смогла побороть равнодушие и безразличие Симму. Кассафех стала еще более земной и более небесной одновременно, доказывая тем самым свое двойное происхождение. Она коробками поглощала сладости, при помощи колдовства добытые из гаремов великих владык, носила роскошные платья из сундуков великих королей. Иногда она чарами приманивала птиц с неба, но случалось это нечасто, ибо редко залетали птицы в Симмурад. Обычно же Кассафех сидела у окна и о чем-нибудь мечтала, вглядываясь в облака. Она не понимала, почему Симму борется со Смертью, — Кассафех всегда была далека от того, что занимало героя. Она вспомнила свою свадьбу, храм, набитый жрецами, которых демоны похитили ради шутки, — они должны были позаботиться о церемонии. Когда ее фату подняли, Кассафех поняла, что демоны затеяли все это лишь для собственного развлечения, и ощутила мрачное присутствие кого-то, интересовавшего ее мужа больше, чем она сама. Может, это был Азрарн, никогда не появлявшийся в Симмураде во плоти, или Владыка Смерти... Кассафех зевнула, поднялась от станка, откусила кусочек пирожного, и ее темные глаза наполнились слезами.

— Я стану толстой, и ты возненавидишь меня, — сказала она Симму.

Хотя она понимала, что ее муж уже не любит ее настолько, чтобы ненавидеть.

Симму не слышал ее. Он все ждал Владыку Смерти, так и не вернувшегося, чтобы сразиться с ним.

А Владыка Смерти бродил по миру. Люди видели его, сидящего на склоне холма, словно белый гриф. Его белый плащ развевался под порывами земных ветров. В нем не осталось больше милосердия. Там, где ступала его нога, земля дымилась, подземные твари выползали из нор и дохли. Когда Улум проходил по улицам городов и деревень, играющие дети тяжело опускались на землю и умирали. Словно птицы, слетающиеся на оставленные плугом борозды, за его спиной толпились призраки — ночные кошмары и материализовавшиеся символы человеческого страха.

Он искал. Так человек перерывает чердак в поисках какой-нибудь важной вещи — он знает, что эта вещь должна находиться здесь, но он не может вспомнить, как она выглядит, и никак не может ее найти. Владыка Смерти шел по свету, и шаги его были длиною в годы.

Однажды ночью, стоя на берегу мелкой речушки, Улум увидел в воде собственное перевернутое отражение. Его белый плащ стал черным, а черное лицо — белым. Он поднял голову и на другом берегу увидел разглядывавшего его Азрарна.

— Что нового, братец? — спросил Азрарн и добавил:

— Теперь уже три места закрыты для тебя — Верхний Мир, город демонов Драхим Ванашта и Симмурад.

Между этими двумя Владыками Тьмы — да и между всеми остальными — существовало что-то вроде дружеского соперничества, хотя часто соперники не выносили даже вида друг друга; нечто, именуемое любовью-ненавистью; неприязнь — и в то же время семейная привязанность.

— Твоих рук дело, — отозвался Улум.

— Верно, братец, моих. Но знаешь, эта игра несколько утомила меня. Я перестал

понимать ее смысл. Люди неуклюжи и не могут утолить любовь ваздру к изящному. А ты разве не восхищен городом бессмертных?

— Я еще не осмотрел его изнутри, — ответил Улум.

— Напрасно, братец. Ты непременно должен побывать там.

Они стояли и смотрели друг на друга: один — бледный, как мрамор, черноволосый и одетый в черное, другой — с черной кожей и белыми волосами, словно кусок угля в снегу.

— Кто бы мог подумать, — продолжал Азрарн, — что бессмертие, оказавшись в руках смертных, станет таким скучным? Кажется, мы с тобой развязали войну. Если это так, то мне она совсем не по душе.

Азрарн поднял руку над мелкой речушкой. Что-то вылетело из нее и ярко вспыхнуло над водой. На поверхности реки возникла картина.

Демоны дружили с людьми лишь до тех пор, пока те развлекали их. В воспоминаниях Азрарна Симму высох, как осенний лист. Ваздру могли не вспоминать ни о чем, они просто ничего не забывали.

В картине на воде Улум увидел мужчину, облаченного в ярко-красную мантию, обшитую по краям золотом. На его груди висел чернильно-черный скарабей. Его лицо, молодое и красивое, обрамляла черная борода, так же черны были его волосы. Взгляд у него был жестокий и полный презрения. В этих сине-зеленых глазах наравне с ясным рассудком сверкало безумие.

В открывшейся картине он, холодный, как камень, наблюдал за человеком, который, корчась, умирал у его ног. Губы несчастного посерели от яда. Когда он затих, на середину комнаты выволокли еще одного, пронзительно кричавшего: «Пощади меня, о могущественный Зайрек! Я не сделал тебе ничего дурного!» Но мольбы не спасли несчастного.

Ему сунули под нос чашу и заставили сделать большой глоток. Вскоре и этот несчастный умер в судорогах и замер у ног того, кого он называл Зайреком. Этот Зайрек откинулся в кресле, взял чашу с ядом, осушил ее и небрежно выпустил из рук. А потом он глубоко вздохнул, полуприкрыв свои необычные глаза. Яд, столь быстро и страшно убивающий, ничуть не повредил ему. Изображение померкло.

— Когда-то он взывал ко мне, — сказал Азрарн, — но я решил, что его товарищ гораздо занятнее. Он взывал и к тебе, братец.

— Я вспомнил, — ответил Улум.

Над холмом взошла луна. Азрарн исчез — лишь черная птица с широкими крыльями метнулась в небо.

Улум отвернулся от реки и тоже исчез.

Последняя ночная тварь — порождение кошмара, отставшая от призрачной свиты Владыки Смерти, — наклонилась над рекой, чтобы напиться, но, увидев отражение, с визгом убежала.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ ЗАЙРЕК, ЧЕРНЫЙ МАГ

Глава 1

Маг Зайрек шел по улицам большого города. Его руки были унизаны золотыми кольцами, а на груди поверх красного платья висел скарабей из черных самоцветов. Однако Чародей шел босиком — такова была одна из его причуд.

Его хорошо знали в лицо и боялись. Черные волосы, красота и стать... Многие девицы тосковали по нему и бледнели, завидев его в окне. Но была тому еще одна причина. Иногда Черный Маг выходил на охоту. Зайрек подходил к человеку, пристально глядя ему в глаза, и несчастный чувствовал, что связан по рукам и ногам. Он тут же оставлял все дела — чем бы

он ни был занят — и покорно следовал за магом. Плотники, каменщики, писцы, рыбаки, купцы бросали прибыльную работу, оставляли без всякой охраны на милость воров разложенные товары. Даже рабов уводил Зайрек. Никто никогда больше не видел несчастных, попавших в руки колдуну. Королю этого города даже подали жалобу. Прочитав ее, он затрясся от страха и прохрипел:

— Я не желаю иметь никаких дел с Зайреком! По правде говоря, однажды ему все же пришлось столкнуться с колдуном. Как-то чародей явился без приглашения на дворцовый праздник и стал насмехаться над королем. Тот, вне себя от гнева, приказал схватить Зайрека и заковать его в цепи за неслыханную дерзость. Но чародей искусно околдовал короля, и тот вообразил себя псом. Он помчался на псарню и там, чавкая, начал грызть кости и даже, говорят, взгромоздясь на одну из гончих, с усердием покрыл ее. Придя в себя, король предпочитал избегать чародея.

— Никаких дел с Зайреком! — повторил он. — Мы должны принимать его как тяжелое испытание, как проклятие. Все, что нам остается, — это молить богов о том, чтобы они избавили нас от него, да и то мы должны делать это втайне.

Все избегали Зайрека, за исключением тех, кого внешность мага повергла в любовное безумие, но даже они побаивались своего господина. Чародей жил недалеко от города, в старинном, полуразрушенном доме, нависающем над морем. По ночам на крыше, на стенах, облепленных ракушками, на обросших мхом каменных зверях, что свирепо таращились с лестницы, играли таинственные отблески. Двери дома никогда не запирались; они всегда были широко распахнуты, даже если чародей куда-нибудь отлучился. Лишь однажды какой-то разбойник оказался настолько глуп, что осмелился забраться в этот дом. Он вышел оттуда идиотом, так и не сумев никому рассказать, что же он там увидел. Конечно же, Зайрек не держал слуг, кроме околдованных им несчастных. Иногда на море начинался страшный шторм, гигантские валы бушевали и разбивались о стены старого дома. Если кто-нибудь в непогоду решался покинуть свое жилище, он мог разглядеть фигуру Зайрека на высокой башне. Колдун всматривался в бурное море и время от времени бросал что-то со своей башни вниз, в волны, — так бросают объедки в клетку с диким голодным зверем. Никто не сомневался, что Зайрек заключил какой-то договор с ужасным Морским Народом, обитающим глубоко под водой.

В тот день, когда Зайрек шел по городским улицам, в небе сгустились грозовые тучи. Люди расступались перед магом, кланяясь до земли. Женщины хватали детей и прятались по домам.

Сине-черные тучи тяжело нависали над башнями города. Наконец капли дождя упали на раскаленные улицы, но ни одна из них не задела чародея. Вдруг в саду богатого дома открылась калитка; оттуда тихо вышла бледная девушка и упала перед Зайреком на колени.

— Возьми меня в рабыни, — попросила девушка. — Посмотри, я надела лучшие драгоценности, чтобы преподнести их тебе в дар.

Зайрек не замедлил шага, он даже не взглянул на красавицу. Когда он проходил мимо, девушка вцепилась руками в его ногу.

Колдун остановился и посмотрел на нее. Волосы несчастной рассыпались по мостовой. В глазах Чародея бесновались призраки, но он спокойно обратился к красавице:

— Может, лучше сразу убить тебя? Девушка подняла голову.

— Я все равно умру без твоей любви, — призналась она. — Мне кажется, ты служишь самому Владыке Смерти — так много людей подарил ты ему.

— Владыке Смерти? — переспросил Зайрек. — В твоих словах есть нечто забавное, но тебе этого не понять.

Он посмотрел в глаза красавице, и девушка повалилась на камни мостовой, отпустив его ногу. Она долго пролежала так под дождем; потом слуги осмелились выйти и занесли ее в дом.

В этот день на рыночной площади города казнили убийцу. Зайрек остановился, чтобы посмотреть на казнь, и, когда преступник заплясал на веревке, лицо чародея побледнело.

Никто не заметил этого — люди слишком боялись Зайрека, чтобы смотреть на него. Но тут чей-то голос произнес его имя не совсем так, как оно звучало теперь. Чародей быстро обернулся, но никого не увидел — никого, кто бы мог назвать его Зайремом.

Глава 2

Несколько лет назад до этого — может, пять, а может и десять — Зайрем очнулся в Долине Смерти под деревом со сломанными сучьями. Его шею все еще сжимала веревочная петля — он хотел повеситься, когда другие средства не помогли. Все еще шел дождь. Зайрем знал, что провел здесь уже несколько дней и ночей, но не мог сообразить сколько. Он лежал на спине, подставив лицо дождю, смутно припоминая тень, коснувшуюся его чела. Тень эта принесла ему облегчение, некое подобие смерти, но не смерть, он всего лишь потерял сознание — ибо от самой смерти он избавлен надолго.

Зайрем хотел умереть, но смерть отказалась от него. Он хотел служить Владыке Ночи, Азрарну, князю демонов, но его отвергли. У него отняли все: его стремление к добру, надежды и гордость, даже единственную возможность отомстить Судьбе — уничтожить свое собственное тело, — ибо он был неуязвим. Безвыходное положение: Зайрем более всего жаждал убить себя — но не мог этого сделать.

Наконец он поднялся и сел на камень у ядовитого ручья. Со временем он вспомнил своего товарища, Симму, ставшего ради него женщиной. Он вспомнил, как она неотступно следовала за ним, как танцевала, зачаровывая единорогов волшебством эшв и своей красотой. Но наслаждение, полученное им, лишь усилило стыд Зайрема, заставило его почувствовать пустоту и отчаяние. И все же сейчас он испытал прежнее гнетущее и непреодолимое желание обладать Симму.

Но его спутница не искала его. Прошло много времени, прежде чем Зайрем покинул долину и, еле волоча ноги, отправился в дикие и зловещие черные земли. Когда он добрался до соленого озера, он не нашел ни свою подругу, ни даже ее следов.

Дождь перестал лить, и небо прояснилось. В вечернем полумраке озеро светилось каким-то жутким светом. Зайрем бродил по берегу, думая о старом колдуне: тот от имени Азрарна отверг его, но пристально вглядывался в Симму, девушку с сияющими волосами, чья женственность, казалось, расцвела от этого взгляда; в те мгновения Симму стала прекраснее, нежнее и сладострастнее, чем когда-либо бывала для Зайрема.

В детстве святые отшельники научили юношу бояться себя и своей радости; монахи в желтом храме, сами того не подозревая, научили его презирать богов. Люди научили Зайрема вероломству. Азрарну он был не нужен. Владыка Смерти отвернулся от него. Зайрем остался ни с чем, однако Симму могла бы подарить ему свою любовь — этой любви, возможно, хватило бы, чтобы исцелить его кровоточащую душу. Но Симму исчезла; дева или юноша — она отреклась от Зайрема. Так ему казалось. Как мог он в тот день и ту ночь догадаться о всепоглощающей печали эшвы, которая стала теперь и печалью Симму? Откуда он мог узнать о тьме и об Азрарне, шагнувшем из тьмы, чтобы навеять чары забвения? Или о том, что, несмотря на эти чары, Симму все еще смутно помнил своего спутника, свое второе я, свою любовь?

Ночь раскинула черные крылья — подобно тьме, что царила в душе Зайрема. Он шел по диким землям, шел, куда глаза глядят, и его душа напоминала курган из праха.

Долгие месяцы Зайрем скитался, питаясь плодами земли или голодая. И то, и другое не вызывало у него никаких эмоций, он ел ягоды и корни лишь по привычке. Часто на него нападали дикие звери, но они не могли убить несчастного и в страхе уползали прочь. Иногда Зайрем встречал людей. В одной деревушке, в сотне миль от тех диких земель, его приняли за того, кем он когда-то был, — за жреца. К нему подошли несколько женщин, одна из них держала на руках больного ребенка, но Зайрем с отвращением взглянул на него и зашагал прочь. Когда же несчастная мать догнала его, он, неожиданно для себя самого, ударил ее. Так он впервые понял, что стал жесток. Именно жестокость пробудила его; раньше он

испытывал подобные чувства, проявляя доброту и сочувствие к больному.

Зайрем не замечал, как меняется ландшафт вокруг него. Все казалось ему плоским и однообразным — днем он брел или ночью, вверх или вниз, светило солнце или шел дождь. С таким же успехом он мог бы просто сесть на землю и не двигаться. Но молодое и деятельное начало еще жило в нем, заставляя идти вперед, куда глаза глядят. Однажды на рассвете Зайрем проснулся в лесу огромных папоротников и, сев среди широких листьев, на которые он в изнеможении повалился вчера в полночь, увидел сидящего неподалеку незнакомца.

Человек этот был одет строго, без излишеств, и покроя одежд выдавал в нем странствующего монаха. Его неподвижные грубые черты говорили о хладнокровии, уверенности в себе и безграничном самодовольстве.

— Добрый день, сын мой, — сказал незнакомец, и его тонкие розовые губы приоткрылись ровно настолько, чтобы произнести эти слова.

Зайрем вздохнул и упал обратно на листья; он слишком устал. Юноша лежал и смотрел вверх, и низкие своды леса с пробитыми в них кое-где оконцами, сквозь которые струился утренний свет, успокаивали его глаза и сердце. Но тут жрец заговорил:

— Ты плохо выглядишь, сын мой. Судя по остаткам твоего одеяния, оно когда-то было облачением священнослужителя. Выходит, что ты, как и я, странствующий монах.

— Нет, — пробормотал Зайрем, и глаза его, непонятно почему, наполнились слезами.

Монах, не обратив внимания на отрицание Зайрема, невозмутимо продолжал:

— Я думаю, сын мой, мне не помешало бы пойти с тобой. Сдается мне, что мое общество принесет тебе пользу. Видишь ли, я очень благочестив и посвятил свою жизнь благим делам, усердно поклонялся богам и помогал людям в трудную минуту. За это много лет назад меня вознаградили, по велению богов либо каких-то других могущественных сил на меня снизошла благодать. Ничто — что бы это ни было! — не может повредить мне. Молния никогда не ударит в то место, где я стою; море никогда не опрокинет корабль, на котором я плыву; дикий зверь не разорвет меня. Ну, не замечательно ли это? — Зайрем не ответил, и монах продолжал:

— Ты можешь себе представить, где бы ни случился пир, всегда приглашают меня. Даже чужестранцы зовут меня на свои празднества, ибо знают, что, пока я нахожусь в доме, он в безопасности, даже в самую бурную погоду. Корабли соперничают между собой за право взять меня на борт пассажиром — конечно, бесплатно, — ибо корабль, на котором я плыву, не может утонуть. К сожалению, — добавил монах, поджимая губы, — это не все. Есть одно «но». Если я оказываюсь в обществе только одного человека и какая-нибудь опасность угрожает нам, то она всегда обрушится на моего спутника, а не на меня. Но пусть это не смущает тебя, ибо я уверен, что смогу найти то, чего жаждет твоя душа.

— Не сможешь, — резко ответил Зайрем и, поднявшись, зашагал прочь.

Монах тут же вскочил на ноги и поспешил за ним.

— Я не привык к подобному обращению, — торопливо проговорил он. — Ты многое мог бы узнать от меня.

— У меня тоже есть, что тебе рассказать, — отозвался Зайрем, останавливаясь и пристально глядя монаху в глаза. — Ничто и никогда не сможет причинить мне вреда, и я не желаю иметь попутчиков.

— Ты не можешь так говорить! — вскричал монах. — Такое высокомерие не приличествует твоему возрасту. Боги...

— Боги мертвы. Или спят.

— Да простят тебя небеса! — взвизгнул жрец, скривившись. — Горе тебе, заблудший! Я вижу, небеса тебя не простили.

Огромный тигр со сверкающими глазами выскочил из-за деревьев и бросился на них.

— Я буду молиться за тебя, сын мой, пока ты принимаешь эту мучительную смерть, — сообщил монах.

До сих пор Зайрем пребывал в каком-то оцепенении, но тут безразличие покинуло его, сменившись безумным весельем. Он громко рассмеялся.

— Ты бы лучше уносил ноги, брат, — посоветовал Зайрем.

В этот момент тигр прыгнул на него, но, не успев долететь до груди юноши, фыркая и рыча, покатился в заросли папоротника, будто что-то оттолкнуло его.

У монаха отвисла челюсть.

Тигр поднялся и снова напал на Зайрема. Но опять он словно уткнулся носом в какую-то мягкую подушку и, тщетно хватая лапами воздух, отлетел назад. Наконец он отполз в сторону и задумчиво уставился на монаха. Очевидно, тигр с самого начала вознамеривался сожрать одного из этих двоих, и, хотя монаха защищала благодать богов, у тигра не осталось выбора. Хищник явно не собирался считаться с небесной благодатью.

Когда тигр бросился на монаха, тот провозгласил:

— Я достойно приму свою участь!

Увы, это оказалось совсем не просто осуществить, и Зайрем убежал, запинаясь о корни и затыкая уши, чтобы не слышать пронзительных криков несчастного. Там он повалился под дерево, трясаясь от ужаса и дикого, безумного хохота.

Вечером он вышел из леса и оказался в предместье процветающего города. Едва оказавшись на дороге, он очутился в толпе шумно приветствовавших его людей со светильниками и гирляндами.

— Приходи к нам на праздник! — кричали они. — Дочь виноторговца выходит замуж... А в прошлом году у нас было землетрясение... Войди в наш дом и сохрани его, пока мы празднуем!

Зайрем понял, что эти люди ждали монаха-праведника, и перепугали их. Он попытался все объяснить, но, пока они спорили, нахлынула другая толпа.

— Приходи к нам на праздник! — закричали и они. — Сын торговца зерном вернулся из-за моря, но мы боимся землетрясения. Защити наш дом!

Тут две толпы начали препираться между собой относительно того, чей дом более достоин защиты монаха. Они не ограничились словами, и дело дошло до драки. Зайрем же тем временем ускользнул от них, добрался до города, прошел по его улицам и двинулся дальше по ночной равнине.

Около полуночи он услышал далекий размеренный шум. В этом звуке он сразу узнал голос моря.

Выйдя на высокий мыс, Зайрем увидел у своих ног еще один город, сверкающий огнями, а рядом — гавань, где в тусклом лунном свете дремали корабли. За гаванью простиралось бескрайнее море.

Красота мира была новым ощущением для Зайрема. Он открыл ее через страдания и одиночество изгнанника. Она стала его единственным утешением, когда все остальные радости давно прошли, и стало ясно, что они не вернуться назад. Зайрем сел на камень на краю земли высоко над городом и устремил взгляд на море, постоянно меняющееся и всегда неизменное. И такой глубокий покой снизошел на него, что, когда тяжелая рука легла на его плечо, Зайрем вскрикнул и вскочил на ноги, готовый убить того, кто потревожил его покой.

— Извини, отец, — произнес незнакомец грубым голосом. — Ты, верно, разговаривал с богами. Прости, я думал, ты задремал, и сказал самому себе: «Послушай, приятель, этому святому и благородному господину не пристало ночевать на холодных голых скалах, когда совсем рядом есть теплая постель, уже приготовленная для него на борту нашего корабля».

Зайрем решил, что его опять приняли за монаха, приносящего счастье.

— Я не тот, кто тебе нужен, — сказал Зайрем.

— Именно ты, — упрямо продолжал человек. — Я понял, почему ты отказываешься. Тебе, должно быть, сказали, что мы — банда пиратов, но это не правда. Мы и в самом деле порой слишком поспешно хватаемся за ножи, не даем никому совать нос в наши дела — может, из-за этого о нас пошла дурная слава. Но даже если и так, нам тем более необходимо, чтобы ты отправился с нами.

— Того человека, на которого ты рассчитывал, сожрал тигр, — ответил Зайрем. — Я могу поклясться, что видел это собственными глазами.

— Ну-у, отец, — протянул моряк, — не думал я, что ты опустишься до лжи. А может, ты уже договорился с другим кораблем? Забудь о тех мошенниках. Мы отплываем на рассвете, и ты пойдешь с нами.

Зайрем уже собрался было отказаться, но тут из темноты вышли еще шесть моряков. Их вид говорил о том, что, если юноша будет продолжать сопротивляться, они применят силу. И хотя они не смогли бы причинить ему ни малейшего вреда, их лихорадочная и отчаянная решимость схватить монаха, приносящего удачу, снова ввергла Зайрема в то горькое, безумное веселье, которое теперь преследовало его повсюду. Он согласился пойти с ними, и моряки быстро и незаметно провели его окраинными улочками города к причалу, а потом на борт сомнительного на вид суденышка.

— Я не принесу вашему судну удачи, — заверил моряков Зайрем. — Впрочем, вы и не заслуживаете этого, так что, думаю, все в порядке.

Моряки проводили его в каюту и, ворча, удалились. Вскоре явился пьяный капитан. Он вел себя чрезвычайно учтиво с Зайремом, хотя и запирал снаружи дверь на засов всякий раз, когда ему приходилось выходить на палубу. Капитан тоже постоянно называл Зайрема «отцом», хотя и был по крайней мере в три раза старше юноши.

На рассвете судно покинуло гавань.

В те времена у всех моряков — и пиратов в том числе — были веские причины для того, чтобы попытаться обеспечить себе любую защиту, какую только они смогут найти. У берегов море оказалось гладким и спокойным, бури случались нечасто, в основном весной и осенью. Однако в двух или трех днях пути на восток из воды вздымалась цепь острых скал, и об эти скалы разбилось множество кораблей. Многочисленные кораблекрушения невозможно было объяснить: скалы вырисовывались достаточно четко, и между ними в хорошую погоду без особого труда мог пройти любой корабль. Однако спасшиеся моряки рассказывали жуткие и странные истории о сверхъестественном тумане, поднимающемся из воды, о необычных молниях, бьющих из воды, о нечеловеческих голосах и о звоне неведомого колокола.

Весь первый день плавания Зайрем был заперт в каюте. С палубы доносился гул, шумные ссоры и свист хлыста. В первую ночь моряки, уверенные в своем талисмане — монахе, приносящем счастье, — устроили буйную попойку, за которой последовали новые ссоры и драки. На второй день всякая видимость порядка исчезла, и ночью буйство возобновилось. Ночью капитан, напившись больше остальных, пришел в каюту Зайрема и стал упрашивать его подняться наверх и благословить почтенное собрание.

— Никуда не пойду, — ответил Зайрем. — Они и так достаточно благословенны, раз имеют такого капитана.

Это польстило капитану, и он хотел было погладить волосы Зайрема, но юноша ударил его по руке, и морской волк принес заранее заготовленные извинения.

— Твои волосы так черны, — объяснил капитан. — Это выглядит очень волнующе.

Зайрем проклял его, помня древнее предание о черных волосах и демонах, про которых ему все время твердили люди. Иногда юноше казалось, что именно это предание привело его на путь, ведущий в преисподнюю. В ту самую преисподнюю, которая отвергла его.

Капитан принял проклятие Зайрема, по-видимому, ничуть не удивленный видом богохульствующего монаха. Рыгнув, он повалился на пол и уснул. Зайрем же бодрствовал, не замечая ни спертых воздуха в каюте, ни буйства на палубе. Движение судна не вызвало у него морской болезни, он и вовсе упал духом.

Рассвело, наступил третий день.

В полдень над водой показались зазубренные скалы, и час спустя корабль поравнялся с ними. Однако, как только он вошел в узкий проход, небо вмиг потемнело, хотя до этого на нем не было ни облачка. словно между небом и землей кто-то поставил закопченное стекло. После того как померк дневной свет, из воды начала подниматься бледно-лиловая дымка. Она затянула солнце, напоминающее теперь огромный серебряный призрак, и верхушки мачт корабля. Острые скалы пропали, утонув в ней. Капитан приказал отдать якорь и

переждать, пока туман рассеется. Он не терял присутствия духа, так как у него на борту находился монах, приносящий удачу. Паруса тяжело повисли в неподвижном воздухе.

— Что это за шум? — спросил один из моряков.

— Якорь, видно, зацепился за скалу.

— Нет, это огромная рыба задела цепь. Моряки перегнулись через борт, чтобы поглядеть, что там происходит, и в следующее мгновение дико завопили.

Их словно отбросило от борта, и они в один голос закричали:

— Там, в море, чудовище!

— Оно зеленое и похоже на женщину!

— У нее водоросли вместо волос, и малахитовые губы. Она гремит цепью и скалит зубы.

— А нижняя половина ее тела — гладкая, как хвост серого кита!

Капитана вызвали из его каюты. На этот раз он упросил Зайрема подняться на палубу. Держа его за руку, капитан сказал:

— Смотрите, ничего дурного с нами не случится — у нас на борту святой отец!

Моряки цеплялись за лохмотья юноши, целовали его ноги.

Зайрем молча смотрел поверх их голов, в лиловый туман, безжалостно ожидая гибели, и их, и своей.

Корабль уже с носа до кормы заволокло туманом, в котором замелькали бледные огоньки. Они скользили по предметам и казались зловеще живыми. Неожиданно откуда-то из пучины моря донесся слабый гул.

— Колокол! — в отчаянии завопили моряки.

— Что бы это ни было, — заявил капитан, прикладываясь к кожаной бутылки, — нам нечего бояться. — Но тут молния ударила в верхушку мачты и подожгла ее. — Нет! — закричал капитан, простирая вверх руки и показывая невидимым небесам на Зайрема. — Смотрите, великие боги, у нас есть защита... Вы не должны причинить нам зла...

Вторая молния, как бы в ответ на эти слова, ударила в самого капитана. Зайрем, как и следовало ожидать, остался невредим.

Моряки пронзительно закричали. В море гудел колокол, а в тумане быстро сновали огоньки.

— Спаси нас! — взмолился экипаж корабля, падая ниц перед Зайремом.

— Спасайтесь сами, — ответил тот. Во второй раз он осознал свою жестокость и почувствовал отвращение к людям.

В панике матросы решили поднять якорь и повернуть назад, чтобы поскорее выбраться из этого проклятого места.

Зайрем застыл, опираясь на поручень правого борта.

Якорь подняли. Экипаж попытался развернуть корабль. Обреченные на смерть люди и судно лишь приблизили свою смерть. Последовал страшный удар — судно налетело на скалу.

Пенящаяся морская вода захлестнула корабль. Содрогаясь всем корпусом, он пошел ко дну. Лопались ванты, трескали шпангоуты. Море через пробоины ворвалось в трюм.

Неожиданно с ужасающим треском корабль переломился. Мачты обрушились на палубу. Обломки палубы и бортов закружились в бешеном водовороте кипящей пены, который жадно всасывал и поглощал все, что в него попадало.

— Интересно, для вас я тоже неуязвим? — тихо спросил Зайрем у волн, взметавшихся ввысь и разбивающихся о его тело. Море напугало и пробудило его. Им овладел ужас, но появилась надежда умереть. Море приняло несчастного в свои объятия. Вместе с остальными его потащило ко дну.

Невыразимый кошмар — удушье, слепота, и никакой возможности вырваться...

Вода подхватила и закружила его, туго обвила его шею его же длинными волосами. Она связала руки и ноги скитальца его же лохмотьями и водорослями. Зайрем попытался вдохнуть, и соленая жидкость устремилась в его горло и легкие. Да, море наконец-то убьет

его.

Кружась, спускался Зайрем на дно моря. Он не чувствовал боли, взор его померк, в сердце теплилась жалкая надежда. Лжемонах смутно различал моряков, кувыркающихся в зеленой воде. Их рты беззвучно открывались, глаза выкатились из орбит, а лица почернели — море убило их.

Вода вокруг успокоилась. Зайрем лениво приподнял голову, чтобы увидеть, как устремились к поверхности жемчужины его собственного последнего выдоха. Но изо рта его не вырвалось ни одного пузырька.

Он все еще спускался вниз, все еще был в сознании. Теперь Зайрем понял, что и в этот раз выжил. Со всех сторон вокруг него ко дну опускались мертвые моряки с вывалившимися глазами и иссиня-черными раздутыми щеками. Без сомнения, море проникло в легкие Зайрема, но каким-то образом вода превратилась в воздух, и он мог дышать словно рыба. Несчастный не смог утонуть. Даже вода не убила его.

Снова Зайремом овладел прежний страх, и к нему прибавился новый: его пугало то место, куда он попал. А оно действительно показалось бы ужасным любому земному обитателю.

Зайрем падал, как камень, брошенный в бездну, но скорость падения уменьшалась, а не возрастала. Все кругом было зеленым, мрачным. В толще вод проносились какие-то чернильно-черные призраки и неуловимые тени; иногда перед глазами Зайрема резко вспыхивали миллионы маленьких ярких рыбешек, похожих на искры, вылетающие из ночного костра...

Вскоре, однако, солнечный свет потух. Зайрем падал теперь в крошечной жидкой тьме, и только вибрация воды говорила ему о том, что какие-то обитатели глубин проносятся мимо. Глаза глубоководных жителей время от времени ярко вспыхивали. Они видели юношу, но сами не показывались. Затем тьма расступилась, открыв неясную картину, освещенную незримым источником света. Юноше пришло в голову, что он преодолел огромное расстояние и вступил в сказочные пределы. Каменные столбы тянулись вверх — туда, откуда он спустился, и вниз — куда он должен в конце концов попасть. У вершин голые, едва облепленные ракушками, столбы на нижних террасах казались все более и более привлекательными. Здесь росли гигантские папоротники, повсюду сверкали выходы руд и темные самоцветы. Среди башен скал лежали остатки затонувших древних городов. На их стенах и колоннах лениво громоздились гигантские осьминоги, прихорашиваясь друг перед другом, подобно огромным воронам на развалинах.

На Зайрема обрушился вызывающий оцепенение холод пучины. Морской лес ласкал его своими ветвями, когда юноша проплывал мимо, а разрушенные стены мертвых городов насмехались над ним. Теперь он, так же как они, попал в ту же темницу.

Папоротники обвили тела мертвых моряков, а Зайрем, словно никому не нужный камень, все еще падал.

Юноша опустился ниже папоротников, развалин и гигантских осьминогов. Туда, где находился источник слабого света. Там внизу, так же далеко от него, как далека земля от летящей птицы, Зайрем увидел нечто сияющее холодным светом, зажатое среди спутанных корней скал.

Свет мягко растекался вокруг Зайрема, изменяя зловещий темно-зеленый цвет моря до тончайшего желто-зеленого оттенка, в то время как сам источник, постепенно разогреваясь, казался бледно-зеленой розой.

В скале находилась большая раковина, похожая на веер из фарфора, но по размеру больше, чем дворцовые ворота. Эта раковина сияла, словно внутри нее находился огромный светильник.

Долгое падение Зайрема близилось к концу. Он проскользнул между последними скальными выступами, прямо к чудесной раковине. Юноша, словно во сне, восхищался ее сказочной красотой и размерами. Высота раковины в десять раз превышала его рост. Когда он упал, наконец, на дно моря, песок, подвижный, как пыль, поднялся облаком вверх и

накрыл его, словно одеяло.

Зайрем лежал на песчаном дне моря.

Над ним сомкнулись воды. Казалось, они давят на его кости, желая сокрушить их. Все чувства Зайрема неожиданно взбунтовались и тут же притупились.

Но даже после того, как Зайрем потерял сознание, он продолжал дышать водой. Возле его неподвижного тела собрались маленькие твари, съевшие остатки его одежды, поскольку плоть юноши была им недоступна.

Глава 3

Очнулся Зайрем от острого, но неприятного ощущения, будто его со всех сторон касаются, гладят, щиплют, щекочут, обнимают — словом, исследуют. Пока он лежал без сознания, это внимание возбуждало его, но, когда он очнулся, ему захотелось со всех ног скорее бежать отсюда, и все же он не шелохнулся, лишь открыл глаза. При этом он почувствовал странную вибрацию в воде вокруг него.

Зайрем испугался. То, что он увидел, напоминало наркотическое видение, ставшее реальностью, но, несмотря на это, в сердце юноши вспыхнуло безумное веселье, и он рассмеялся, беззвучно и болезненно, — только так может смеяться человек под водой.

Несколько крошечных рыбок до сих пор касались Зайрема своими мягкими беззубыми ртами. Они съели одежду, обнажив юношу, оставив беззащитным, но его красота защищала его лучше, чем любая одежда. Создания, столпившиеся вокруг, играли с его телом и ласкали его. Но они с легкостью могли бы попытаться разорвать несчастного, а когда у них ничего бы не вышло, они возненавидели бы Зайрема, и ненависть эта могла бы повредить ему намного больше, чем когти и острые зубы.

Десять существ, окруживших Зайрема, были женщинами, или, по крайней мере, напоминали женщин. Небольшие, совершенной формы груди зеленого цвета, с темными сосками, выступали на их стройных торсах. Их губы были темно-зелеными, почти черными. Между губами вместо зубов виднелась полоска белой эмали. У них были плоские носы с широкими ноздрями; по обе стороны от изящных челюстей поднимались и опускались лепестки жабр. Их одноцветные глаза походили на изумруды, а зрачки казались узкими горизонтальными щелями. Волосы по цвету напоминали недозрелую айву. Вместо ног у них были хвосты, как у акул или китов, и в них — потайные серые цветы любви. Эти девицы ласкали Зайрема с вождением или из простого любопытства. Они улыбались, наивно, но в то же время бесстыдно рассматривая его.

За их спинами Зайрем различил других существ, с янтарной кожей. Их черные хвосты медленно двигались, поднимая песок со дна. Нетрудно догадаться, что эти существа были самцами. В их руках сверкали длинные и острые металлические клинки, а то, что доказывало их принадлежность к мужскому полу, было втянуто и прикрыто плотью, как у рыб. Некоторые из самцов держали в руках фонари из полупрозрачного материала, в которых горел не боящийся воды колдовской огонь. Их свет, сливаясь с сиянием огромной раковины, образовал желтоватый круг, посреди которого оказался Зайрем и те, кто стоял вокруг него.

Но вот юноша медленно и спокойно поднял руку, чтобы посмотреть на их реакцию. Он услышал — или почувствовал — похожую на звук вибрацию воды. Зайрем понял, что это своего рода речь. Необычные существа удивлялись тому, что человек достиг их жилища и оказался живым и способным двигаться.

Вдруг среди людей-рыб началось смятение, вода всколыхнулась, песок взметнулся и осел. Рядом с Зайремом оказалось еще одно существо.

Красавица опустилась на колени подле Зайрема. Она и в самом деле могла опуститься на колени, потому что у нее были настоящие человеческие ноги. Она отличалась еще и тем, что носила легкое платье, перехваченное у талии широким поясом. На нем горели холодные самоцветы. Руки ее унизывали браслеты из бледного светящегося янтаря. Кожа была белой, бледнее человеческой, но сияющей и безупречной. На таком фоне алые губы казались еще

сочнее, как и розовые закругленные ногти, и темно-розовые выпуклые соски ее округлых грудей, светящиеся сквозь ткань платья. Что касается глаз, то они были вполне человеческими — слишком человеческими, если сравнить с глазами других подводных обитателей, — большие и синие, а веки — словно позолоченными. Море наложило свой отпечаток лишь на ее голубовато-зеленые волосы. Невероятно, но такого цвета были глаза у Зайрема.

Некоторое время красавица разглядывала его. Зайрем в свою очередь разглядывал ее, совсем растерявшись и обессилев, предполагая, что перед ним не простая смертная. Затем без колебаний, без малейшего намека на скромность или благопристойность незнакомка положила руку на чресла юноши и бесстыдно уставилась на него.

К тому времени в Зайреме уже не осталось ни капли чувственности, к тому же прикосновение незнакомки напоминало прикосновение самого моря, чужое и бесстрастное.

Зайрем сел и убрал ее руку. Красавица кивнула. Потом поднесла руку к своему левому уху и показала Зайрему мерцающую в нем каплю-жемчужину. Еще до того, как он понял, что это означает, незнакомка потянулась к его левому уху и вложила в него точно такую же жемчужину. Ее губы тут же зашевелились — девушка заговорила, и Зайрем услышал ее голос. Он, казалось, тихо звучал в ухе, куда девушка вложила перламутровую каплю. Однако из того, что сказала красавица, Зайрем ничего не понял. Без сомнения, она говорила на языке, неизвестном в мире людей.

Тогда незнакомка замолчала, снова наклонилась к Зайрему и пальцами коснулась его губ. Кажется, она хотела, чтобы Зайрем что-нибудь сказал.

— Я не понимаю тебя, женщина, — выдавил из себя лжемонах.

Зайрем услышал свой голос, точно так же как незнакомка. Какое-то время она молча сидела рядом с юношей, казалось глубоко задумавшись. Наконец она заговорила снова, и теперь Зайрем понял ее — она говорила на его языке.

— Веди себя учтиво по отношению ко мне, — предупредила красавица. — Мой отец — король этой страны.

— Я не проявил неуважения к тебе, скорее, это ты повела себя неучтиво, — ответил Зайрем.

— Если ты имеешь в виду мое прикосновение, то пойми меня правильно: я лишь хотела убедиться, что ты человек. Утонувшие не опускаются на такую глубину, а если им это удастся, то к тому времени, как они достигнут дна, они обычно уже мертвы. А ты жив и выглядишь, как человек. Но так как в море встречаются существа, лишь внешне похожие на людей, я решила испытать тебя. Только человек относится с такой бережливостью к своим детородным органам.

— Наверное... Объясни мне, как нам удастся слышать и понимать друг друга?

— Волшебство жемчужины. А что касается языка... В море обитает множество разных народов. Мы изучаем языки друг друга по необходимости, а языки людей — для развлечения, ибо наши народы очень искусны в изучении языков. К тому же нам открыты тайны магии.

— Об этом мне рассказывали.

— И ты не верил этому, пока не попал сюда, — усмехнулась незнакомка. — Теперь же ты сам во всем убедишься.

— Меня интересует лишь одно, — сказал Зайрем, — как можно выбраться из этого подводного царства.

— У тебя там есть дела, если ты так жаждешь вернуться?

Зайрем отвел глаза. Его сердце превратилось в камень.

Морская дева продолжала:

— Ты не волен выбирать. Ты находишься в королевстве моего отца. Он сам решит твою судьбу. — Юноша почти обрадовался тому, что ему придется оставить надежду на возвращение в мир, где его никто не ждет. — Тебя как зовут? — спросила, наконец, подводная дева.

— Зайрем, — ответил юноша.

— А меня принцесса Хабэд, дочь Хабзура, короля Сабла.

Затем она предупредила Зайрема, что не сможет отвезти в город своего отца обнаженного человека, вроде хвостатых, которые всего лишь животные, хоть и похожи на людей. Чуть поодаль стоял причудливый экипаж, который Зайрем сразу не заметил. Оттуда слуги вынесли свободные одежды, и Зайрем облачился в них. Ткань подводных одежд отдаленно напоминала бархат.

— Скажи, принцесса, почему ты так хлопчешь из-за какого-то человека? — спросил юноша. — Ведь я не из твоего племени.

— Народ Моря произошел от людей, — ответила Хабэд. — Ты увидишь, что мы почти во всем как люди, правда, более искусны в магии, чем обитатели суши.

Она объяснила Зайрему, как войти в экипаж в форме рыбы тусклого зелено-золотого цвета. Хабэд села на сиденье в пасти рыбы, Зайрем устроился рядом с ней. Самцы с китовыми хвостами подняли темный полог, скрывавший запряженную в экипаж стайку небольших золотистых рыбок, к каждой из которых тянулась шелковая нить. Эти нити образовывали сеть, которая соединяла упряжку с оглоблями золотого экипажа. Рыбешки резко рванулись вперед. Хабэд сама управляла ими, дергая за шелковую сеть, но, чтобы заставить их двигаться, хватало одного вида экипажа, выполненного в виде чудовища с раскрытой пастью, — рыбешки думали, что это хищник, который гонится за ними. Они всегда бежали от него, а он преследовал их до тех пор, пока над стайкой не опускался надежный полог, и рыбки, чувствуя себя в безопасности, спокойно кормились и спали, а когда полог поднимался снова, ужасное преследование возобновлялось. Именно из этого Зайрем сделал вывод, что Люди Моря бессердечны и жестоки, как по отношению к животным, так, должно быть, и к людям.

Хабэд приказала хвостатым самцам подняться повыше и поискать ценности, затонувшие вместе с кораблем. Именно ради сокровищ Люди Моря время от времени заклинаниями вызывали туман и молнии, чтобы проходящие у скал суда разбивались о камни; и именно ради сбора сокровищ с затонувшего корабля принцесса со своей свитой и выехала из подводного города. Она считала подобное времяпрепровождение неплохим развлечением... И тут она нашла Зайрема. Пожалуй, развлечение поинтересней...

Один из слуг Хабэд прикоснулся золотым жезлом к огромной сияющей раковине. Раковина беззвучно сложилась, как настоящий гигантский веер. Когда проход внутрь скалы полностью открылся, золотым рыбкам позволили ринуться вперед.

Глава 4

Люди Моря были чародеями, как Хабэд и сказала Зайрему.

Над Саблом, подводным городом, давая ему свет, тепло и краски, горело искусственное солнце. Это был шар из колдовского стекла, в котором ярко пылали чудесные огни. Тридцатью серебряными цепями крепился он к скалам, стеной окружавшим город, и его сияние окрашивало воду в веселый канареечный цвет. Рыбы и рыбешки, словно рубины, опалы и нефриты, стаями носились по морю-небу Сабла, купаясь в лучах колдовского солнца. Необычные растения, напоминающие морские пальмы, гигантские тамариски и кедры с пышными кронами, тянулись вверх, к свету и теплу. Их стволы обвивали лианы, морские водоросли и экзотические цветы-хищники. Красные орхидеи отбрасывали на песок тени и пожирали рыбешек, подплывавших к ним слишком близко.

Город Сабл чем-то напоминал земные города, но выглядел гораздо причудливее. Его огромные башни, изящные пагоды и купола из полированного красного коралла, насчитывающие пятьдесят, это и больше этажей, были испещрены тысячами ворот, сводчатых входов и отверстий. В Сабле не хватало только лестниц — но они не нужны тем, кто может, когда захочет, плавать вверх и вниз в воде-воздухе.

Экипаж принцессы Хабэд промчался между верхушками башен и над городскими

улицами. Выше или ниже то и дело проплывали подобные экипажи, влекомые такими же постоянно перепуганными упряжками.

Дворец Хабзура тоже был выточен из ярко-красного полированного коралла. Кроме того, его украшали золотые чешуйки, выплавленные, судя по высоте дворца, из золота тысяч затонувших кораблей. Порттик дворца, находившийся примерно в семидесяти футах над улицей, поддерживало несколько рядов хрустальных колонн. В каждую из них были вставлены окаменелые морские диковины — изумительные раковины, необычные растения, морские драконы.

Экипаж Хабэд заплыл во дворец. Здесь принцесса притормозила, отпустив шелковые сети, и жестом приказала слугам накрыть упряжку пологом и отвести в стойло. После этого она привела Зайрема в огромную комнату без потолка. Повсюду золотые трубки извергали в воду непрерывный поток благоухающих красок разных цветов, наполнявших воду нежным ароматом и изящными полупрозрачными узорами. У дальней стены комнаты на спинах четырех бронзовых черепах стоял громадный хрустальный куб. Зайрема потрясло то, что он увидел: внутри куба среди цветов и листьев порхали земные птицы. Струйки пузырьков по четырем углам куба наводили на мысль о каком-то устройстве, которое извлекает воздух из воды — точно так же, как это делали легкие Зайрема и взявшей его в плен принцессы. Юноша предположил, что этот плотно закупоренный куб наполнен земным воздухом, и вспомнил, что наверху в богатых домах точно так же в бассейне держат рыб.

Вошел король Хабзур. Его внешность еще раз доказывала, что Морской Народ происходит от земных смертных. Годы оставили свой след на лице короля, зло прочертило глубокие морщины по обе стороны его рта. Кожа Хабзура оказалась темнее, чем у дочери, а волосы — иссиня-черные. И он сам, и его платье были увешаны краденым золотом. Его сопровождали придворные — черноволосые и голубоглазые. Двое или трое из них вели на поводках «охотничьих собак» — изящных голубых меч-рыб.

Хабэд заговорила с отцом на языке Сабла. Очевидно, она послала впереди вестника, чтобы сообщить королю о таинственном чужеземце.

— Я просила у отца снисхождения от твоего имени, — сообщила она Зайрему через жемчужину в ухе юноши.

— Очень любезно с вашей стороны, госпожа. В чем же состоит мое преступление?

— В том, что ты очутился здесь и остался жив.

— Позвольте мне удалиться отсюда и тем самым загладить свою вину.

— Успокойся, — отозвалась Хабэд. — Я думаю, что ты наш брат. Ведь ты, как и мы, можешь дышать под водой. Иначе тебе грозит смерть.

— Что ж... Пусть попытаются меня убить. Любая другая женщина — земная женщина — пропустила бы эти слова мимо ушей, сочтя их пустой похвалой. Хабэд же приняла заявление юноши всерьез и, быстро обернувшись к отцу, что-то сказала ему, очевидно привлекая его внимание к вызову Зайрема. Король ответил ей, и Хабэд выдернула из украшенных самоцветами ножен у себя на поясе короткий кинжал. Она взяла руку Зайрема и медленно — под водой возможны лишь медленные движения — попыталась вонзить в нее клинок. Кинжал переломился пополам. Что касается Зайрема, то он впервые почувствовал надменную радость от своей неуязвимости, которая делала его могущественным и бесстрашным. Он ухмыльнулся старому королю и сказал Хабэд:

— Объясни своему отцу, что я тоже чародей.

— Он знает.

Тут король заговорил на языке Зайрема. Хабзур не собирался скрывать, что понял их разговор.

— Хоть ты и говоришь только на языке жителей земли, нам все же кажется, что ты родом из какой-нибудь подводной страны. Поскольку ты настаиваешь на обратном, мы делаем вывод, что эта страна нам враждебна... По-видимому, мы не сможем убить тебя. И все же не рассчитывай, что мы позволим тебе уйти.

— Тогда, отец, пусть он будет моим пленником, — попросила Хабэд. — Я нашла его, и

он мой по праву. Прикажи отправить в соседние страны послов с требованием выкупа. Так мы узнаем его происхождение. А пока пусть послужит мне.

Король рассмеялся, услышав это, но смех его вскоре оборвался, ибо смеяться под водой — занятие довольно болезненное и неразумное. Люди Моря позволяли себе смеяться лишь в самых исключительных случаях.

— Что бы ты ни заставила его делать, — сказал король на языке Зайрема, чтобы юноша смог оценить шутку, — пусть он усердно трудится — неважно, стоя или лежа.

Придворные засмеялись — то ли над шуткой короля, то ли из желания угодить королю тем, что готовы перенести ради него страдания, вызываемые смехом. Хабэд вспыхнула. Румянец, словно розовая дымка, покрыл ее щеки, шею и грудь. Несмотря на это, она холодно произнесла:

— Я не во всем подчиняюсь тебе, отец.

Подводная принцесса жила в Бирюзовых палатах. Посередине ее обители расположен был внутренний дворик с садом. Плавно покачивались живые изгороди из привязанных к кораллам зеленых рыб. Высокие морские растения предлагали тень от «солнца», а когда оно тускнело и становилось похожим на бледно-золотую луну, повсюду зажигались светильники, сделанные из раковин.

Когда Хабэд привела Зайрема в сад, одна из зеленоволосых хвостатых девиц как раз зажигала эти светильники. На песчаных дорожках стояли арфы, и когда Хабэд и Зайрем проплывали мимо, расходящиеся от них волны ударили по струнам и раздались чарующие звуки. осьминог в изысканной клетке свирепо уставился на них, но не смог выразить свою ненависть полнее, так как его чернильные мешки были удалены.

— Не обращай внимания на шутки моего отца, — сказала Хабэд. — Ты — пленник, и я буду держать тебя здесь ради выкупа. Но если хочешь, можешь развлечься с моими рабынями. Я слышала, земных мужчин возбуждают их хвосты. Эти хвостатые девы принадлежат выродившейся расе, немой и безмозглой. Наши предки вывели их ради развлечения, скрещивая своих женщин с морскими чудовищами — акулами, китами, дельфинами, змеями и гигантскими глубоководными рыбами.

— Меня не привлекают полуженщины, — отвечал Зайрем. — Я поражен мастерством ваших предков. Если я чего-нибудь и желаю, так это изучить вашу магию.

— В таком случае, не научишь ли и ты меня заклятию неуязвимости? — спросила принцесса. — Я хочу, чтобы ножи ломались и о мою кожу.

— Разумеется, — пообещал Зайрем.

— Ты лжешь, — сказала она.

— Так же, как и ты, — отозвался он. — Но давай не будем обвинять друг друга во лжи.

Хабэд внимательно посмотрела на своего пленника.

— Ты будешь жить вон в той комнате, двери которой выходят на этот дворик.

— Ты не посадишь меня в клетку? — удивился Зайрем, бросив взгляд на осьминога.

— Я сделала бы это, но тебя невозможно связать, ибо нет такой силы, которую можно использовать против тебя.

Хабэд ушла. Служанки последовали за ней. Все движения под водой грациозны, но все же движения принцессы отличались исключительным изяществом. Зайрем уже немного освоился в водной стихии, постоянно омывающей его кожу; прежний страх исчез, осталось только любопытство. Наконец в его жизни появилась цель: во что бы то ни стало овладеть магией Сабла. И Хабэд ему в этом поможет. Он заглянул ей в глаза. В них пряталось то, о чем глаза Симму говорили открыто. Думая о красоте Хабэд, едва скрытой колыхающимся в воде платьем, Зайрем чувствовал желание. Оно согрело и опьянило его, наполнив нетерпением. Старым грехам и мучениям не было места в этом подводном мире. Прежний Зайрем остался в прошлом, среди покореженных останков разбитого корабля. Так ему казалось. Вероятно, отчасти он был прав.

Прошло несколько дней. Несколько раз подводное солнце тускнело и разгоралось вновь. Зайрем бродил по саду внутреннего дворика и тем коридорам и комнатам в покоях

принцессы, которые не запирали от него. Дворик имел крышу из хрустальных пластин, которые поднимались и опускались, однако они теперь всегда были опущены, чтобы Зайрем не мог выбраться наружу.

Зайрему принесли богатые одежды. Его потчевали необычными блюдами, причудливого вида и вкуса, не менее искусно приготовленными. Пищу подавали всегда на вертелах или в закупоренных сосудах, чтобы она не могла смешаться с водой. Постепенно юноша привык пить своеобразные вина Сабла (их тянули через соломинки, выточенные из нефрита) и собирать плавающих по саду жареных рыб.

Иногда Зайрем слышал, как на городской башне звенит медный колокол. Его звон пугал людей моряков... Зайрем ни о чем не спрашивал хвостатых рабынь, прислуживавших ему. Они, по-видимому, не умели говорить и делали только то, что приказывала им госпожа. А ее приказы часто казались Зайрему странными. Иногда ему приносили пищу еще менее аппетитную, чем обычно, или даже отравленную, но Зайрем пил и ел. Яды не причиняли ему никакого вреда. Конечно же, он постоянно глотал морскую воду, но она тоже не вредила ему. Однажды несколько хвостатых рабов ворвались в сад и попытались схватить пленника, но это им не удалось. В другой раз из клетки выпустили разъяренного осьминога, и тот, обнаружив, что Зайрем — неподходящий объект для нападения, прикончил несколько злополучных рабынь. Их тела потом несколько часов плавали перед Зайремом, и только потом, когда осьминога усмирили, зловонные останки убрали.

Как-то раз ночью Зайрем проснулся. Ложась спать, он обычно привязывал себя к ложу куском шелковой веревки, чтобы во сне его не унесло течением. И вот, проснувшись, он обнаружил, что этой самой веревкой к нему привязаны три девы-рыбы. Они тотчас же начали с ним заигрывать, ласкать его и вскоре довели до мучительного и невыносимого вожделения, но юноша не мог заставить себя войти в их чуждые, хотя, несомненно, и принадлежащие млекопитающим устья. Из этих и многих других событий Зайрем сделал вывод, что его испытывают и за ним наблюдают. Вероятно, за всем происходящим стояла пленившая его Хабэд.

Однажды на рассвете, когда солнце только разгоралось, Зайрем обнаружил у себя в комнате стол, заваленный книгами. Их страницы были сделаны из белой акульей кожи, а слова вышиты черной шелковой нитью. Потом каждую страницу покрывали прозрачным лаком, предохраняющим книгу от воды. Из этих занимательных томов только два оказались на земном языке. Эти книги Зайрем сразу узнал — он видел их в детстве, когда обучался в желтом храме. Эти два тома он и стал читать. Обе книги содержали легенды о подводных королевствах, и юноша решил, что они переписаны с книг Людей Земли без изменений, на земных языках, чтобы развлечь Людей Моря.

Зайрем погрузился в чтение.

Можно представить себе его гнев, когда на следующее утро он обнаружил, что эти две книги исчезли, а остались только те, которые он не мог читать.

Позже, через некоторое время после того, как в очередной раз отзвенел медный колокол, в комнате Зайрема появилась фигура, с ног до головы закутанная в черное блестящее покрывало. У незнакомки были ноги — из-под покрывала торчали две ступни.

— Меня прислала принцесса, чтобы научить тебя языку Сабла, — объявила она. Зайрему не удалось ничего понять по ее голосу, так как волшебные жемчужины, позволявшие слышать под водой (теперь у него в каждом ухе было по жемчужине, что намного улучшило слышимость), искажали тембр голоса и не передавали интонаций. Края покрывала ученой дамы украшали золотые слитки, которые не давали материи возможности всплыть. Ногти на белых ногах незнакомки были розовыми, а на пальцах ног красовались кольца с драгоценными камнями. Благодаря этому Зайрем все же догадался, что перед ним не кто иной, как сама Хабэд, переодетая, загримированная и решившая, что юноша ее не узнает.

Уже долгое время она шпионила за своим пленником сквозь отверстия в стенах и с помощью увеличительных стекол с возвышающихся над дворцом башен. Зайрем позволил

ей играть в эту игру; не стал он мешать ей и теперь.

Так начался первый урок языка. Обнаружив, что Зайрем все схватывает на лету, Хабэд решила продолжить, и они занимались до тех пор, пока вновь не ударил подводный колокол. Юноша осведомился, что может означать колокольный звон.

— Это — молитва Сабла, — ответила скрытая покрывалом Хабэд.

— Колокольный звон созывает на молитву?

— Нет. Мы не унижаемся до того, чтобы лично молиться богам — тем богам, которые давно покинули наш народ. Пусть не из любви к богам, но из простого уважения к ним звонит этот колокол. Звон как бы сообщает: «Мы помним о небесах, хоть небеса и забыли о нас».

— Чем же боги обидели вас?

— Я вижу, ты не веришь в то, что боги существуют. Это глупо. Прошли века с тех пор, как наши предки, живя на суше, забыли, что над ними есть боги. Тогда боги разгневались на людей и разверзли хляби небесные. Целый год шел дождь. Моря и реки вышли из берегов. Весь мир погрузился под воду, и почти все люди погибли — кроме, конечно, чародеев. Некоторые спаслись в искусно построенных лодках; другие придумали, как с помощью заклинаний и колдовства жить под водой. Они-то и положили начало нашему народу, который, в конце концов, стал настолько процветающим и довольным жизнью в своих подводных городах, что десятилетия спустя, когда великий потоп кончился, отказались покинуть их. Как, должно быть, по-дурацки выглядели тогда боги. Теперь же мы — Люди Моря, и нас боятся обитатели суши. Мы правим водами, и ни один земной колдун, как бы могуществен он ни был, не имеет власти в нашей стране. Даже князю демонов приходится считаться с нами.

— Неужели? — удивился Зайрем.

— Ему приходится.

После этого разговора скрытая под покрывалом «неизвестная» госпожа довольно часто навещала Зайрема. Юноша ни разу не показал принцессе, что ее хитрость разгадана, и вскоре Хабэд успокоилась и стала вести себя непринужденно, обучая Зайрема со знанием дела, время от времени позволяя себе маленькие вольности: погладить Зайрема по голове или пожать ему руку. Испытания прекратились. Через некоторое время пленник уже мог свободно объясняться с красавицей на ее родном языке, и она принесла ему множество разнообразных книг и забрала назад их только тогда, когда он их прочитал. Однако эти восхитительные книги не открыли тайн волшебства.

— Я вижу, твой разум изголодался по знаниям, — сказала ему скрытая под покрывалом Хабэд однажды ранним утром. — Мне кажется, он просто умирает от голода. Признайся же мне теперь, Зайрем: ведь ты из нашего народа? Твой разум так же быстр, как и наш. К тому же ты можешь жить в море. Какие еще нужны доказательства?

— Может быть, так оно и есть, — осторожно солгал Зайрем. — Я мог потеряться, когда был маленьким. — Живя под водой, он совсем отвык смеяться и лишь поэтому не расхохотался, вспомнив пустыню, где родился. Она лежала во многих днях пути от моря.

— Возможно... Тогда ты имеешь право познакомиться с нашими традициями.

— И с вашей магией. Я уже говорил, что хочу изучить это искусство. Я обращался с этой просьбой к вашей госпоже — Хабэд, и она отказала мне.

— Она и не вспомнит об этом, — ответила переодетая Хабэд. — Моя повелительница невероятно тупа и обо всем забывает.

Скромность принцессы и очевидная ловушка, которую она расставила, ругая себя, привели бы Зайрема в бешенство, окажись на месте принцессы кто-нибудь другой; но в исполнении Хабэд эти слова прозвучали с забавной язвительностью и очарованием, будто она и в самом деле смеялась над собой. Вскоре юноша убедился, что так оно и есть, а некоторые недостатки могли оказаться вполне реальными, и в них она откровенно признавалась.

— У меня не сложилось такого впечатления, — пробормотал Зайрем.

— Разве? Я буду откровенна. Моей госпоже безразлично все, кроме ее собственных удовольствий.

— Мне показалось, что она находит удовольствие в том, что держит меня здесь.

Скрывающаяся под покрывалом Хабэд не была лгуньей настолько, чтобы отрицать это.

— Да, вероятно. Но она была непостоянна, ненадежна, несдержанна и опрометчива. Если она проявляет к тебе какой-то интерес, то тебя не ждет ничего приятного. Она так скучна и некрасива.

— В таком случае я должен сознаться в своей глупости, ибо мне она показалась прекрасной. Немного помолчав, Хабэд заявила:

— Неужели? Это с ее-то лохматыми волосами, круглыми глазами и короткими ногами?.. Нет, она недостойна того, чтобы на нее смотреть.

— Едва ли я смог бы смотреть куда-нибудь еще, будь она рядом со мной. По правде говоря, я жду не дожусь того дня, когда увижу ее снова.

Хабэд не смогла устоять перед столь явным признанием.

— Ты можешь увидеть ее прямо сейчас, — воскликнула принцесса, — ибо она здесь! — Отброшенное в сторону покрывало закружилось по саду, пугая рыб.

Принцесса выглядела очень привлекательной и трогательно доверчивой, надменной и соблазнительной. У Зайрема не хватило духу сказать ей всю правду. Как многие люди, обладающие острым и проницательным умом, принцесса иногда проявляла чрезвычайную наивность. И этим она полностью покорила Зайрема, предвкушавшего наслаждение и страстно желавшего ее.

— Я... я изумлен, госпожа, — сказал он тихо. — Справедливо ли это — сыграть со мной такую шутку?

— Нет, — ответила Хабэд. — Но я и не говорю, что справедлива. Я же тебя предупредила, что у меня множество недостатков.

Зайрем подошел к ней и поцеловал сначала ее лоб, потом губы, шею... Он продолжал бы этот волнующий и трепетный спуск, но красавица остановила его.

— Награда за способности, проявленные тобой на моих уроках, не Хабэд, — сказала принцесса, хотя ее глаза утверждали совсем иное.

— Какое же другое вознаграждение хоть чего-нибудь стоит?

— Обучение магии морского народа.

— Да, награда достойная.

— И не безопасная. Древние законы подводных городов запрещают обучать людей суши нашему колдовству. Но ради тебя я сделаю исключение. Ибо уверена, что ты наш родственник, пусть и не самый близкий. Кроме того, мой отец расстроился, поскольку никто не выкупает тебя, но еще больше его раздражает, что ты живешь во дворце как мой гость. Он приказал мне поторопиться и решить, как поступить с тобой. Он хочет избавиться от тебя.

— Меня нельзя убить, — сказал Зайрем, прикоснувшись к голубовато-зеленым волосам подводной принцессы и целуя ее еще раз.

— Может, тебя и не убьет, но в Сабле есть множество ловушек. Сами по себе они безвредны, но их нельзя разрушить. Так как ты ничего о них не знаешь, отец с легкостью заманит тебя в любую из них. А потом запрет на замок в каком-нибудь мрачном, унылом месте, навсегда лишив пищи и всех радостей жизни. А я не осмелюсь освободить тебя, ибо страшен в гневе Хабзур.

— Мне кажется, что не с любовью относишься ты к своему отцу. Ты его боишься.

— Я питаю к нему почтение, — ответила Хабэд, но Зайрем все же предположил, что дело обстоит именно так, как он сказал. — А теперь отпусти меня, и я отведу тебя в то ужасное место, где ты овладеешь магическими искусстваами Сабза.

Глава 5

Лестница за потайной дверью в укромной комнатке, затерянной в палатах Хабэд, вела

вниз, в чернильно-черную тьму. Хабэд показывала дорогу. Они, не касаясь пола, плыли сквозь чернила, пока не увидели вдали бледный свет. Наконец из мрака показались массивные золотые ворота, освещенные фонарями, в которых тускло горел колдовской огонь. На воротах не было засова, но вокруг них, соединяя створки, обвилась черная, как нефть, змея с огромной плоской головой, на которой красовались покрытые глазурью письмена на языке Сабла: «Кто осмелится пройти?»

Хабэд подплыла к змее и просунула пальцы между зубастыми челюстями. Узнав прикосновение, змея тотчас же соскользнула с ворот, и одна из створок приоткрылась.

— Иди вперед, — приказала Хабэд, и Зайрем проплыл сквозь ворота. Принцесса вынула пальцы из пасти твари и последовала за ним. Ворота тут же сами захлопнулись, и змея вновь обвила створки своими кольцами.

За золотыми воротами, образуя широкую дорогу, тянулись два ряда гранитных колонн. Их украшали золотые кольца, с которых свисали фонари, заливающие все вокруг жутким холодным сиянием. Хабэд провела Зайрема по этому коридору, и вскоре они очутились в огромном зале, освещенном тем же холодным светом, достаточно ярким, чтобы Зайрем смог все разглядеть.

Это был Зал Мертвых. Сотни королей восседали на тронах из позеленевшей бронзы. Их ноги стояли на золотых скамеечках; золотые украшения свешивались с их плеч и рук. Плоть почивших давным-давно разложилась, но они не превратились в голые скелеты, ибо море и организмы, населяющие его, превратили королей в коралловые статуи — красные, белые и розовые.

— Мы долго живем, но смерть все же приходит и к нам, и наших королей приносят в этот зал. Все повелители Сабла сидят здесь, и так будет всегда, — объяснила Хабэд, медленно проплывая между тронами. — Это для нас очень важно, ибо наши короли не умирают совсем, а становятся одним целым, воссоединяясь с городом. Мы отвергли покровительство богов, и наши религиозные обряды весьма скромны.

В конце огромного зала выросло очередное препятствие — тяжелая каменная дверь. Никакого видимого стража тут не было, но, когда Хабэд приблизилась, дверь заворчала, словно была живой. Красавица поцеловала камень, и дверь медленно отворилась.

Едва они успели войти, как дверь со скрипом закрылась, а вода вокруг загудела.

— Что бы сейчас ни случилось, плыви за мной и не останавливайся, — предупредила Хабэд.

— Хорошо, — ответил Зайрем.

Мгновение, и они оказались в колеблющейся чаще гигантских скользких водорослей, тут же опутавших их тела — безболезненно, но достаточно сильно для того, чтобы сбить с толку Зайрема. И вдруг в чаще, прямо на их пути, показалось огромное сияющее лицо, такое же большое, как дверь, через которую они только что прошли. Лицо корчило рожи и рычало, а с его острых зубов капала слизь. Хабэд бросилась прямо к нему и исчезла в отвратительной пасти. Не отстававший от нее Зайрем задержал дыхание, почувствовав, как зловоние окутывает его, угрожая лишить сознания. Но Хабэд плыла дальше, и Зайрем старался не отставать от нее.

Казалось, они плывут по омерзительной пасти чудовища, направляясь вниз по его глотке, погружаясь в вонючую тьму желудка. Им навстречу поднимались пузыри зловонного газа, вдохнуть которые было просто невозможно. Зайрем, попробовав, чуть не задохнулся... Но вдруг миазмы рассеялись, и весь ужас закончился. Хабэд и Зайрем попали в серебряную пещеру, вода которой слабо светилась.

Пещера была пуста, и лишь у дальней стены стояла одетая в мантию статуя ростом с человека, сделанная из красного металла, почти полностью покрывшегося зеленой ржавчиной.

Хабэд подошла к статуе, ухватила за ее плечи, дотянулась до ее губ и дунула в них.

Статуя отозвалась: она тут же вдохнула, а из ее ноздрей и ушей взметнулись вверх пузырьки воздуха. Ее зеленые глаза завертелись в разные стороны, и она заговорила.

— Смотри на меня, я — твой наставник, — прогремел голос зеленой статуи. — Кто желает учиться у меня, пусть войдет.

С этими словами она раскрылась, распавшись на две равные части — от короны до края своей мантии. Внутри нее оказался фугляр такого размера, чтобы человек мог войти и стоять в нем.

— Не бойся, — сказала Хабэд. — Повинуйся и станешь мудрым. Впрочем, если ты трус, мы можем вернуться.

Но Зайрем уже подошел к статуе и шагнул в нее. Он почувствовал опасность, но не такую сильную, чтобы испугаться. Когда он вошел, статуя снова закрылась, заточив его во тьме.

В первые секунды, находясь внутри статуи, Зайрем удивился и встревожился, но вскоре все мысли его исчезли, ибо в голове статуи хранились знания тысячи — а может, и больше — чародеев — дух Сабла.

Зайрему показалось, что он видит юный мир, и горы этого мира касаются неба. Потом он увидел, как нахлынул потоп. Он смыл горы, небо и людей вместе с ним. Потом пришли волшебные грезы, и юноша словно переселялся в тела других людей и жил в них, испытывая их боль и восторг, познавая их страдания и стремления.

Их жестокость и гордыня сильно повлияли на скрытую жестокость и дремлющую гордыню Зайрема. Его голова раскалывалась от напряжения: Зайрем упражнялся в белой и черной магии, насылал чары и проклятия, произносил заклинания, вызывал и изгонял духов. У него заболели пальцы; Зайрем сшивал в фолианты огромные листы пергамента, высекал в мраморе и вычерчивал на песке руны власти и числа судьбы. Он чувствовал, как изменяются его сердце и душа — так пламя колеблется на ветру, так глина меняет форму под руками гончара. Хотя, может быть, ничего и не изменялось. Возможно, он просто нашел то, что раньше скрывалось от него, — зло и мрак, живущие в глубине каждой души. И Зайрем принял это зло, прильнул к нему, как к единственной оставшейся колонне в разрушенном доме. Злоба тех, кто шел перед ним, заполнила его душу, как и их искусство. Он впитал в себя все их знания. Его руки смешивали приворотные зелья, а воля склоняла в земле деревья. Более тысячи живших до него магов сейчас отдали ему все свои знания.

Немногие из пришедших сюда выдерживали напряжение, разум их погибал, и они выходили из статуи безумцами или гибли. Но когда покрытая зеленой ржавчиной статуя широко распахнулась, чтобы выпустить Зайрема, он вышел оттуда великим чародеем.

Лицо Хабэд, и так бледное от долгого бдения в пещере, побледнело еще больше, когда она увидела нового Зайрема. Она, конечно, предполагала, что статуя не убьет юношу, но никак не ожидала, что тот настолько изменится. Нечто неразличимое придало лицу Зайрема новое выражение. До того как он вышел из статуи, принцесса еще надеялась на его любовь. Теперь же весь его вид говорил о том, что все надежды принцессы тщетны, но Хабэд не обратила на это внимание.

— Как ты изменился... — пробормотала она.

— Да, я изменился... Твой народ правильно поступает, держа в тайне такое знание.

— Уже прошло много времени, — напомнила Хабэд.

— Ты предала свой город, — сказал Зайрем. — Теперь я смогу захватить его, если захочу.

— Нет, — отозвалась она. — Ты не единственный чародей в Сабле. — Потом принцесса отвернулась и поплыла прочь из пещеры. Вскоре Зайрем последовал за ней. Он больше не улыбался. Новоявленный чародей погрузился в себя, в его взгляде появились грусть и роковая бесстрастность.

На обратном пути они уже не столкнулись с иллюзорным стражем. Водоросли расступились перед ними, каменная дверь плавно подалась. В Зале Мертвых королей все так же сидели безучастные коралловые изваяния.

— Я мог бы разбить священные мощи Сабла, которыми вы так дорожите.

Хабэд ничего не ответила, только поплыла быстрее.

Сквозь колоннаду они вернулись к золотым воротам. Вокруг них, преграждая выход, обвился черный змей, первый и единственный страж.

— Ты видел, что надо сделать, чтобы пройти, и теперь можешь повторить это.

Но Зайрем подошел к воротам и оторвал от них змею. Та тут же выросла, вздымаясь в темной воде, лязгая острыми, как бритва, зубами и сверкая глазами. Однако стоило Зайрему произнести слово на колдовском языке Сабла, как змея рассыпалась на куски, похожие на круглые черные монеты, и те разлетелись во все стороны.

Золотые створки медленно приоткрылись.

— За убийство змеи тебя возненавидит весь Сабл, — сказала Зайрему принцесса. — Зачем ты сделал это? Ведь ты легко мог пройти, не применяя насилия.

— Я хотел узнать, каким я стал, — ответил Зайрем.

— Колдовство — крепкое вино, оно тебя опьянило.

— Не жди, что я протрезвею.

Проплыв через мрачный потайной ход, они снова оказались в палатах Хабэд.

Красавица сразу же удалилась, но Зайрем даже не попытался удержать ее. Вместо этого он разыскал знакомую комнатку, выходящую в сад, и лег, словно собираясь спать, но так и не заснул.

На город опустилась тьма, солнце почти потухло, превратившись в луну. Наконец придя в себя, Зайрем встал и выпил серебристого, как чешуя рыб, вина Сабла. Потом он пошел в библиотеку принцессы, взял несколько книг и, пробежав глазами по страницам, обнаружил, что знает больше языков, чем прежде. Он даже смутно припоминал, будто сам диктовал некоторые из них; вернее, их диктовали его предшественники, чью память он получил от статуи. Вскоре липшие подробности, смущавшие разум Зайрема, забылись. Остались лишь вдохновляющая надменность чародеев и жестокая бессердечность Людей Моря.

Зайрем знал, что Хабэд ждет его, и на этот раз лишь немногие замки смогут остановить его. В самом деле, когда он попытался открыть двери ее покоев, то оказалось, что она не заперла их. Принцесса не заперла даже дверей своей спальни, отчасти из-за любви к нему, отчасти из-за того, что понимала: ее возлюбленный все равно сможет войти к ней, если пожелает.

Но когда Зайрем появился в дверях, Хабэд уставилась на него, взволнованно теребя золотистое покрывало. А когда он подошел ближе, она сказала:

— Я полюбила тебя с первого взгляда. Но я не стану твоей. Ты теперь легко можешь выйти из города. Послушай моего совета, Зайрем, уходи отсюда.

— Еще одно покрывало? — спросил он, выхватывая золотистый газ из ее рук. — Я без труда узнал тебя в черном. И я прекрасно понимаю, что ты хочешь сказать теперь. Ты меня боишься?

— Ты стал, как мой отец, — вздохнула принцесса, — как все чародеи нашего города. Я не думала, что ты так изменишься. На тебе эта перемена сказала еще сильнее и ужасней. Да, я боюсь тебя, но не страх, а моя любовь умоляет тебя бежать из Сабла.

— Пусть твоя любовь попросит меня о чем-нибудь другом.

Зайрем прижал к себе красавицу, обернул покрывало два или три раза вокруг их тел и завязал концы узлом, чтобы подводные течения не могли бы разделить его и красавицу. Потом, обхватив девушку одной рукой, чародей другой сдернул с ее груди украшенный самоцветами лиф и в клочья разорвал легкий, как паутина, шелк, облаком окутывавший ее бедра.

Хабэд закрыла глаза, и вскоре страсть полностью овладела ею, и она, с еще большим неистовством, чем Зайрем, вцепилась ногтями в его одежду, сдернула ее с плеч колдуна, прижалась к нему, тихо плача от любви, и, словно дикий зверь, впилась в него зубами, будто бы собираясь сожрать его, забыв о всех страхах и обо всем, кроме его тела.

Так, обняв друг друга, они парили в зеленой воде комнаты. Они кружились, пока Хабэд не ухватила руками за украшенную драгоценными камнями стойку балдахина и, обняв

Зайрема ногами, скользнула узкими ступнями по его спине. Колдун погрузился в нее, двигаясь в кольцо ее ног, и свет стал красной тьмой, а молчание — звуком. Смех под водой причиняет боль, разрывая легкие; любовь же под водой мучительнее всякого смеха. Она, словно петля, стягивает горла любовников, но эти страдания каким-то противоестественным образом, похоже, лишь усиливают наслаждение.

Сердца влюбленных бешено колотились, глаза потемнели, и каскады серебряных звезд проносились перед их взором, будто порожденные движениями их чресел, высекавших огонь друг из друга. А когда они поднялись сквозь горячие чувственные волны к еще более удушающему экстазу, их, казалось, коснулась смерть, сжав и распластав их тела. Внезапно взметнулось пламя. Женщина вспыхнула, ее тело обратилось в огненный вихрь, а руки раздавили хрупкие украшения балдахина. Зайрем стряхнул с глаз кровавую тьму и мельком увидел лицо принцессы — прекрасное, безумное и жуткое. Зайрему показалось, что на них обрушился потолок. Потом все огни погасли во тьме, напоминающей глубокий обморок. И в этой тьме Зайрем вспомнил ту минуту, когда впервые осознал, что любовь — это еще не все. Теперь он знал это наверняка.

Смутно, сквозь пустоту, разделившую любовников, до них донесся звук открывающейся двери и вызванные этим колебания воды.

Король Хабзур однажды пошутил, что его дочери не помешало бы использовать Зайрема в своей постели и заставить его «усердно трудиться». Но даже Хабзур со своим капризным и извращенным умом не думал, что его дочь в самом деле сделает это. Хотя, возможно, он именно на это и рассчитывал, ибо сейчас он в гневе ворвался в комнату, где его дочь творила невозможные непристойности.

— И это дочь короля! Забавляется отвратительным обломком кораблекрушения! Он даже не наш родственник, а просто выродец безымянного племени...

Хабэд отпустила Зайрема и освободилась из его объятий. Покраснев от стыда и гнева, она завернулась в золотистое покрывало, укрывшись от взоров короля, сопровождающих его воинов с акульими хвостами и нескольких придворных, толпящихся сзади.

— Я лишь последовала твоему совету, не больше.

— Гораздо больше, дерзкая шлюха. Этот человек...

— Этого человека тебе лучше бы поостеречься, — перебила отца принцесса. — Он не просто неуязвим, он может соперничать с тобой в искусстве магии.

Лицо короля исказила жуткая гримаса. Как кровь, к его лицу прилила вся его злобность.

— Что ты натворила, распутная дочь?!

— Она взяла меня с собой в королевскую гробницу, — ответил за принцессу Зайрем. — А потом я изучил пару колдовских трюков.

Король тотчас же поднял руку, и с нее сорвался вертящийся клубок нитей, который, разматываясь, начал плести вокруг Зайрема кокон. Стенки кокона находились на достаточном расстоянии от тела Зайрема, и его неуязвимость не стала помехой проворному клубку. Кокон почти скрыл юношу, но только на мгновение, ибо тот тоже поднял руку. Нити кокона вдруг растаяли, а из клубка ударил луч стального цвета. Король вскрикнул. Перед ним возник медный щит, отклонивший удар, и хвостатые воины, обожженные, скорчились в нелепых позах, а затем медленно всплыли к потолку. Уцелевшие придворные, стоявшие поодаль, до смерти перепугавшись, бросились прочь.

Бронзовый щит короля задрожал и внезапно превратился в бронзовую урну высотой с короля. Правитель подводного царства оказался в плену.

— Ты убил бы меня, если бы смог, — сказал Зайрем. — Теперь в Сабле будет править твоя дочь.

Он сказал еще три слова.

В бронзовой урне пронзительно закричал Хабзур. Из нее вверх устремились пузырьки воздуха, за ними — малиновое облако, последним поднялось к потолку и тут же исчезло в зеленой воде окровавленное копье.

— Ты не будешь плакать, Хабэд, — сказал Зайрем. — Ты не любила его, лишь уважала.
— Я не заплачу, потому что Люди Моря, чьи глаза всегда полны соленой воды, не проливают слез, — отозвалась она тихо, отворачиваясь от своего возлюбленного. — Но убивать старика было не обязательно. Или ты хочешь сам стать королем Сабла?

— Твой коралловый город ничего не значит для меня.

— И я для тебя — ничто, раз ты оставляешь меня здесь.

— Между нами все кончено, — объявил Зайрем. — Впрочем, так и предполагалось.

— Это ты так считаешь.

Они холодно посмотрели друг на друга. Зайрем утолил свою похоть, принцесса же лишь разожгла в своем сердце костер любви. Но насилие и потрясение приблизили развязку. Предоставленная самой себе, любовь, наверно, задержалась бы в ее сердце еще на несколько часов...

— Мне не нужна женщина, — продолжал Зайрем, — но я благодарен тебе за то, что ты наделила меня магической силой, которой я воспользуюсь в земном мире.

— Тебя там не ждет ничего хорошего. Я проклинаю тебя. И весь Сабл налагает на тебя проклятие за убийство моего отца, короля Хабзура.

— Он того заслуживал.

— Что ты собираешься делать?

— Тело твоего отца послужит мне надежной защитой в этом городе ловушек. Ты дала мне превосходный совет, Хабэд.

Медная урна превратилась в клетку. Зайрем обошел вокруг нее и поставил магические печати. Теперь никто, кроме него самого, не смог бы извлечь оттуда Хабзура.

Просунув руку сквозь прутья клетки, Зайрем ухватился за волосы короля и обмотал их вокруг запястья.

— Таков его удел, ибо мне придется тащить его.

— Бесспорно, мы не отличаемся особой мягкостью, — вздохнула Хабэд, — но рядом с тобой мы выглядим безобидными младенцами.

— Я сам удивлен, — ответил колдун. — Но я еще в детстве был обещан Тьме. И вот эти псы, гончие демонов, наконец, настигли меня.

— Я в самом деле прокляну тебя, если ты сделаешь это.

— Прокляни... Я же, со своей стороны, буду вспоминать лишь твои ласки и дары.

И Зайрем ушел, волоча за собой мертвого Хабзура в медной клетке.

Хабэд не могла плакать, но она рвала на себе волосы и одежду, ибо сердце ее было разбито.

Глава 6

Мертвая тишина нависла над городом, когда Зайрем, таща за собой клетку с королем, выплыл между верхними башнями дворца в ярко-желтую канареечную воду, освещенную вечерним «солнцем». Вскоре блестящие доспехи крыш, куполов и минаретов, возвышающихся над садами из водорослей, пропали внизу. Ни один горожанин, ни один раб не проплыли под причудливыми арками; ни один экипаж не пронесся по широким улицам. Такая тишина обычно предшествует нападению врагов — Зайрем догадывался, что Сабл уже знал о его деяниях. Об этом, должно быть, позаботилась Хабэд или кто-нибудь из безавших придворных Хабзура.

Когда Зайрем поднялся выше купола, где висел колокол презрительных молитв Сабла, краем глаза он уловил какой-то черный дым, потянувшийся ему вслед. Вскоре он заметил несколько сотен солдат с акульими хвостами, они были вооружены сетями и копьями с наконечниками из жал подводных тварей. За ними в хитроумных приспособлениях из золота, привязанных ремнями к мощным спинам исполинских черепах с бесцветными глазами, ехали придворные с голубыми волосами.

Через жемчужины в ушах Зайрем услышал крики и требования остановиться.

Хвостатые рабы подплыли ближе, метнули сети, метя копиями в колдуна, но сети растаяли, копия сломались.

Зайрем остановился. Он показал придворным свою добычу в медной клетке.

— Разве вы еще не знаете, что я неуязвим? К тому же теперь я владею вашей магией. Какая польза от ваших затей?

Придворные, нахмурившись, разглядывали мага. Черепахи в золотых удилах бессмысленно ухмылялись.

— Отдай нам злодейски убитого тобой короля.

— Нет. Он будет охранять меня, пока я не покину подводное царство.

— Но нам нужно его тело — он должен восседать в Зале Мертвых. Море превратит его в коралловую статую. Таков наш единственный святой обычай, наш обет Вечности.

Один из придворных, менее высокомерный, нежели остальные, спросил:

— Зачем тебе нести с собой тело Хабзура? Мы и так пропустим тебя. Тебе нечего бояться, мы все равно не сможем причинить тебе вреда. Отпусти клетку.

Но Зайрем не обратил на эти слова никакого внимания, отчасти потому что не особенно доверял Людям Моря, но больше из злобы, насмехаясь над отчаянием своих противников.

Они еще долго преследовали его — за пределами города, среди роц змееподобных пальм, где орхидеи отбрасывали на песок кровавые тени и засасывали неосторожных рыб, подплывавших к их цветкам. Но хоть придворные и продолжали преследование, они не могли помешать Зайрему и прекрасно знали это.

Вскоре они добрались до огромной раковины — ворот Сабла. Здесь Зайрем еще раз остановился. Он издевался над преследователями, предупреждая, что воды за воротами Сабла слишком унылы и поэтому почтенным господам лучше вернуться в город.

— Я хочу заключить с вами договор, — сказал Зайрем. — Когда я буду в безопасности на суше, я верну вам тело Хабзура. Но если вы решите и дальше надоедать мне, я уничтожу его. И чтобы скрепить этот договор, я милостиво позволяю вам заплатить выкуп за Хабзура прямо сейчас.

Смеясь над зловеще мрачными придворными, колдун потребовал золотые кольца, ожерелья из драгоценных камней, дорогие браслеты и еще кинжалы с янтарными рукоятками, выложенные изумрудами, в ножнах из темно-синей акульей кожи. Все это он бросил в свой плащ... Все это время память юноши бурлила, словно море. Перед ним проносились смутные видения, доставлявшие ему удовольствие своей невинностью: молодой жрец в желтых одеждах, лечивший больных, отказывался от их монет и отдавал хрому крестьянину серебряное ожерелье, полученное в храме; молодой жрец, вскоре ложно обвиненный в краже серебряной чаши, нужной ему якобы для того, чтобы заплатить блуднице...

Зайрем ударил по раковине и произнес заклинание.

Раковина сложилась, словно веер, и открыла путь в ледяную тьму морских пучин, лишенных света и тепла стеклянного солнца.

Зайрем прошел сквозь врата, держа в одной руке тяжелый узел плаща, а в другой — тяжелую клетку, он закрыл за собой ворота, поставив на них магическую печать, — чародеям Сабла придется потрудиться несколько дней, чтобы разгадать ее и снять заклятие.

В трех-четырех милях от городских ворот, в могильной тьме, Зайрем, пользуясь обретенной силой, зажег колдовской огонь. В его сиянии вызвал он ужасных подводных тварей.

Черные осьминоги откликнулись на его зов и понесли его к поверхности сквозь подводные леса, мимо затонувших крепостей. Разглядывая их, колдун смеялся: «Вам придется остаться здесь и терпеть дальше, а я поднимусь наверх». На обвалившейся мраморной колонне колдун заклинанием выжег свое имя, чтобы здесь, в море, осталось его клеймо — так часто делают несмышленные мальчишки. Сделав это, Зайрем вдруг увидел, что последняя буква его имени изменилась — так человек-чародей получил новое имя. Он не был больше Зайремом, его новое имя стало — Зайрек.

Когда же вода посветлела и стала зеленой, колдун отпустил осьминогов и призвал акул. Они понесли его вверх, к поверхности моря, и еще дальше, до самого берега.

Глава 7

В ту ночь Зайрек спал на холодном берегу, но не замерз. Он мог теперь вызывать не только колдовской, но и обычный огонь, который и согрел его этой ночью. Из ночной тьмы, словно из черного бархата, он сотворил шатер. У входа в шатер он поставил медную клетку с мертвым Хабзуром. Тело подводного короля уже смердело, вернее, смердело бы, если бы Зайрек-чародей не отгонял омерзительный запах, сжигая в пламени костра черные благовонные смолы. Вся эта колдовская роскошь была доступна ему — в те дни истинный маг мог исполнить почти любое из своих желаний.

В тот вечер Зайрек долго разглядывал Хабзура.

— У тебя есть то, чего нет у меня, — смерть, — сказал Зайрек. — Однако теперь я не жажду смерти.

Но застывшие глаза Хабзура, казалось, ответили ему: «Эту дверь тебе не дано взломать. Такая роскошь тебе недоступна. Смерть не повинуетсЯ Зайреку. Как бы ни изнывал Зайрек от жажды в пустыне жизни, прохладный напиток смерти будет не для него еще долгие века». И на это чародею нечего было возразить.

— Ты сгнил и воняешь, король, — огрызнулся Зайрек.

В мертвых глазах короля отражалось пламя костра: «А взгляда моего тебе все равно не выдержать».

Зайрек вытянулся на мягком бархате и уснул. В те давние дни, когда он был жрецом, он презрел бы такое роскошное ложе. В ту ночь чародею снились женщины, те самые запретные женщины, от которых его держали подальше, предостерегая от плотских удовольствий, — золотистые и бледные, шоколадные и янтарные. Они ласкали колдуна, но, стоило ему добратЬся до вершины наслаждений, кто-то шептал ему: «Любовь — это еще не все». Колдун беспокойно ворочался во сне и слышал: «Так же, как и жизнь». И уже ближе к рассвету в третий раз он услышал таинственный шепот: «Так же, как и колдовство». Но, будучи теперь просвещенным и мудрым, Зайрек вскоре забыл об этом сне.

Когда же он проснулся, солнце уже поднялось. Плоть отслаивалась с трупа короля, словно лазурные листья. Зайрек ударом кинжала отрубил с левой ноги мертвеца большой палец, ставший теперь голой костью.

Хоть небо и было ясным, беспокойное, сверкающее на солнце море кипело, накатываясь на берег.

Зайрек вошел в воду по колено и бросил в море кость.

— Я обещал вам вернуть тело короля, — пробормотал он, — но мы не условились, в каком виде.

Несколько дней колдун шел вдоль берега. Это оказалась не та страна, из которой он уплыл на пиратском судне. Зайрек шел босиком. С самого детства он никогда не носил обуви... Потом люди станут думать, что он делает это напоказ. Зайрек ведь так могуществен! Неужели он не может купить себе обувь? Колдун больше не тащил с собой клетку с гниющим королем — он снабдил ее ногами, и она сама шла за ним следом.

На пятый день Зайрек миновал три деревушки на берегу моря. Узкие рыбацкие лодки были вытаснены на берег, потому что бурное и изменчивое море распугало всю рыбу, и она ушла в глубину.

В первой деревушке мужчины, сидевшие на покрытом галькой пляже, вскочили и сломя голову бросились прочь от человека, за которым шагала по песку медная клетка с мертвецом. Во второй деревушке к нему подошел один из рыбаков и умоляющим голосом произнес:

— Ты, верно, могущественный чародей, господин. Скажи, сколько еще времени погода не пустит нас в море? Наши женщины и дети голодают...

— Я приведу вам рыбу, — ответил Зайрек. Он что-то сказал, повернувшись к морю. Огромная волна накатила на берег и ушла, оставив десятка два бьющих хвостами, задыхающихся рыбин. Это потрясло рыбаков. Ни один земной колдун, о котором они когда-либо слышали, не мог повелевать морем и его созданиями. Однако Зайрек, познавший магию морских королей, посмеялся над рыбаками: когда они бросились собирать неожиданный улов, чтобы унести его домой, о берег ударила вторая волна, промочив до нитки рыбаков, залив их сети и лодки и смыв с берега всю рыбу. Зайрек стоял и смотрел на происходящее со зловещей улыбкой.

Рыбаки в гневе и ужасе стали осыпать чародея проклятиями. А один из них, разозлившись, схватил камень и швырнул его в колдуна. Камень раскололся в воздухе, и его осколки, не причинив Зайреку ни малейшего вреда, упали на землю. Колдун что-то сказал, обращаясь к бурному морю, а потом обернулся к человеку, посмевавшему швырнуть камень:

— Когда ты в следующий раз отважишься выйти в море, твоя лодка пойдет на дно, и ты вместе с ней.

Третья деревня, по сравнению с предыдущими, процветала. На воду, словно ширококрылая птица, опускался вечер. У тропинки, идущей вдоль берега, стояла харчевня, освещенная желтыми огнями. Изнутри доносилось громкое пение. Зайрек вошел в харчевню, медная клетка не отставала от него. В зале тут же воцарилась тишина.

— Вина и мяса, — бросил Зайрек, а когда ему принесли требуемое, он стал есть и пить в своей обычной бесстрастной манере. Страшная клетка скрывалась в тени, но запах разложения — теперь более слабый, ибо немного осталось от плоти Хабзура — просочился во все углы, вызвав у пирующих бледность и тошноту.

— Наверняка этот несчастный был заклятым врагом этого могущественного колдуна, — сделав такой вывод, посетители с поспешностью распрощались с хозяином и разошлись. Вскоре в харчевне остались только Зайрек, владелец харчевни и его семья.

Чародей сидел в зале, освещенной тусклыми светильниками, в которых горел рыбий жир, подперев рукой подбородок. Около полуночи буря усилилась, волны с ревом разбивались о камни. Зайрек выдернул из жаркого нож, отсек с левой руки Хабзура одну фалангу указательного пальца, вышел за дверь и швырнул кость в море.

Хозяину харчевни, выглянувшему за дверь, показалось, что он различил вдалеке на гребнях волн смутные мерцающие очертания — воины с развевающимися волосами, странные колесницы, отблеск акулиных спин. В завывании ветра слышался женский голос, но слов было не разобрать.

Зайрек вернулся в дом.

— Я буду спать в твоей постели, — сказал он хозяину, — с самой красивой из твоих дочерей.

Тот в ужасе согласился. Его дочь пришла к Зайреку, не испытывая ничего, кроме отвращения, но вскоре она уже стонала от наслаждения, а утром, осмелев, попыталась удержать колдуна, но, разумеется, тщетно. Тогда, в глупой уверенности, что она может обходиться с ним, как с другими мужчинами, дочь хозяина принялась визжать и кричать на чародея. Зайрек произнес какое-то слово, и она замолчала... и осталась немой до конца жизни.

Зайрек пришел к городу у моря. Башни вздымались в утреннее небо, а птицы летали над бледно-алым диском солнца. Усталость вернулась к колдуну, он никак не мог выспаться как следует. Он уставал даже от злобы и несправедливости, и уставал очень быстро. Но он не признавался себе в этом. На дороге, которая вилась над морем по склону скалистого утеса, он встретил каких-то людей и изменил цвет их кожи на оливковый — они посмотрели друг на друга и в ужасе закричали. Проходя мимо колодца, Зайрек придал воде в нем вид, запах и вкус крови — один из старейших и гнуснейших колдовских трюков. Когда он добрался до обнесенного стенами города, его башен и птиц, рынка на огромной площади и многоярусной крепости, ему показалось, что он видел уже тысячи подобных городов, хотя в действительности побывал лишь в нескольких. Душевная усталость породила в нем желание

осесть, наконец, где-нибудь в одном месте. То, что в молодости побуждало его к движению, исчезло. Теперь душа его постарела. Однако, пройдя через город, Зайрек облюбовал его предместья. Время от времени он творил какие-нибудь утонченные пакости — это придавало ему сил — и шел дальше, а иначе, как однажды ему подумалось, он мог просто остановиться на месте, обратиться в живой камень.

Путешествие утомляло колдуна. Слишком легко достались ему магия и любовь. Все доставалось слишком легко... или оставалось навсегда недоступным...

Клетка шла за ним следом. Хабзур, лишившись пальца на ноге и на руке, превратился в голый скелет и громыхал костями при каждом шаге клетки.

Впереди, окутанный серо-зеленой дымкой, показался полуразрушенный дом. Зайрек поднялся по полустгнившей лестнице, прошел по запущенному саду, где местами обнажилась горная порода. Двери заскрипели, болтаясь на ржавых петлях. Всю мозаику растащили воры. Сквозь разбитые окна ветер задувал водяные брызги — опять собиралась буря: Морской Народ преследовал Зайрека... Соленая вода давно затопила погреба дома, где из разбитых кувшинов росли теперь морские травы.

Уныние развалин привлекло болезненное воображение Зайрека. Вероятно, этот дом наложился на призрачный образ разрушенной крепости в пустыне, где безумные благочестивые старцы дурно обращались с ним, пытались изгнать «демона», и по-дурацки гладили его по голове. Тогда ему было девять лет, и звали его Зайремом. «Да не построй себе дворца в этом мире...» Какая ирония: поддавшись всем искушениям и попав во все западни, от которых его предостерегали старцы, Зайрек все еще сохранил в душе их стремление к нищете.

И все же, используя свое искусство и людей, заколдованных и уведенных им из города, а также то, что эти люди притащили оттуда, Зайрек привел дом в порядок. На пол легли мягкие толстые ковры, на окнах зашевелились тяжелые занавеси, дом ломился от всевозможных предметов роскоши, украденных или добытых еще более зловещими способами. Время от времени сюда приходили женщины. Они, как во сне, брели по дороге вдоль берега, поднимались по лестнице, шли по запущенному саду, входили в дом и направлялись прямо к черному ложу под черным балдахином. Эта кровать с резными черными столбиками и черным бархатом — случайно или с мрачным умыслом — напоминала могилу. Время от времени в доме для развлечения Черного Мага умирали люди — хотя Зайрек получал от их просьб, мук и смертей не слишком большое удовольствие. Он завидовал их смерти, вернее, прилагал все усилия, чтобы заставить себя хоть что-нибудь почувствовать — зависть, боль, гнев. Но все чувства и ощущения истлели в его сердце. Даже жестокость стала привычкой Зайрека.

Несмотря на то, что дом кишел колдовством, однажды туда все же отважились прийти королевские сборщики налогов. Зайрек соответствующим образом обошелся с незваными гостями, а сам отправился к королю. А потом король, вообразив себя псом, грыз кости и взгромоздился на суку.

Со скелетом морского короля Зайрек обращался чрезвычайно экономно. Он разделил скелет на множество частей, и, когда начиналась буря, колдун выходил на башню, произносил, обернувшись к морю, речь и только после этого швырял волнам очередную порцию костей. Проходили месяцы, годы. Бури стали случаться все реже, словно Морской Народ Сабла тоже устал от гнева и ссор.

Как медленно тянется время! Жизнь, лишенная смысла, — то, о чем старая ведьма предупреждала его мать, когда та настойчиво требовала для сына ужасного огня неувязимости. «Нет такого блага, вместе с которым не шла бы беда». Зайрек размышлял над этим изречением в долгие тихие вечера, когда море, казалось, заполняло небо и землю своими бликами и серебряное безмолвие ненадолго окутывало Зайрека. Почему случилось так, что он, кому столь многое дано, может употреблять это только во зло и страдать от этого? Если б он был уязвим и невежествен, он мог бы найти счастье и покой в жизни — и для себя, и для других. Его толкнули к Злу, но Зло отвергло его. Азарн устами старика мага

отверг его. Почему же тогда Зайрек не вернулся к своей поруганной невинности, не постарался починить разорванные одежды? Потому что он никогда не творил Добра иначе, чем из страха сотворить Зло. Однако Зло больше не было угрозой, и, как ни странно, во зло оборачивалось все, за что бы ни брался Зайрек.

Однажды Зайрек попытался совершить доброе дело. Он шел по городу. Двери, как обычно, захлопывались при его приближении, а люди, оставшиеся на улицах, как обычно, низко кланялись и бледнели. Вдруг колдун увидел маленького мальчика, по недосмотру матери оставшегося играть возле дома. Что-то в этом ребенке почти тронуло Зайрека: может, рыжеватый оттенок его волос напомнил чародею о Симму, хоть глаза мальчугана и не были зелеными. Зайрек сотворил из воздуха нечто, напоминающее по виду обычный леденец, и протянул его ребенку, который без лишних вопросов принял подарок. Вдруг откуда-то примчалась его мать. Она схватила ребенка, прижала к груди и с ужасом уставилась на колдуна. Чародей, продолжая опыт, сказал с необычной для него мягкостью:

— Проси у меня чего хочешь.

— Спаси моего сына, которого ты отравил! — тут же пронзительно выкрикнула женщина.

— Нет, я не отравил его, — промолвил Зайрек и вытянул вперед руку.

Женщина отпрянула от него и, споткнувшись, выпустила ребенка. Он упал на мостовую, размоzzжив череп о камни.

Хоть Зайрек и понимал, что все произошло из-за страха, который он внушал людям в этом городе, он все же принял эту смерть как знамение. Зло, должно быть, сопутствовало ему, как кружащиеся вороны — виселице.

Несколько лет спустя, когда Зайрек очутился перед настоящей виселицей с дергающимся на веревке убийцей, кто-то заговорил за его спиной, назвав чародея его старым именем.

Кто-то заговорил, и пронизывающий, но приятный холод охватил Зайрека. Он вдруг понял, что за спиной у него стоит Владыка Смерти.

Глава 8

Солнце зашло, наступила ночь. Зайрек сидел и при свете алебастрового светильника, украденного из королевской усыпальницы рабами Черного Мага, читал черную пергаментную книгу с серебряными буквами. Книга содержала некоторые сведения и наставления, касающиеся наиболее опасных областей черной магии — воскрешения мертвых и тому подобных хитростей. Зайрек лениво просматривал ее, и тут до него донесся некий звук, побудивший отложить пергамент в сторону.

Никто не входил теперь в жилище Зайрека, кроме несчастных, вызванных его чарами. Все хорошо знали, что страшные заклятия охраняют это место. Однако странный звук повторился — словно металл ударил в каменный пол — кто-то вошел в дом, и его не пугали чары колдуна.

Зайрек осветил свой путь колдовскими огнями, спустился в зал с каменным полом и огляделся.

Занавеси колыхались на ветру, и жуткие тени танцевали на стенах. В огромных канделябрах тускло горели свечи из желтого воска. Крыса, обгрызавшая одну из них, метнулась по каменной кладке. На золотой подставке покоилось то, что осталось от Хабзура, — череп, который Зайрек пока оставил у себя. Колеблющееся пламя свечей не освещало высокого, вырезанного из черного дерева кресла — оно само испускало странное сияние. Зайрек подошел ближе и увидел, что в нем сидит человек в белом плаще, с накинутым на голову белым капюшоном. В правой руке, обтянутой белой перчаткой, незнакомец держал железный посох, обвитый золотой лентой. Этим посохом он и стучал по каменному полу, чтобы привлечь внимание Зайрека.

Вдруг по телу чародея прокатилась волна какой-то испуганной радости, подобной той,

которую юноша или женщина испытывают от неожиданной встречи с позабытым любовником. Зайрек дрожал, и сам удивлялся этому. Человек в капюшоне очень медленно поднял голову. Белый капюшон обрамлял темноту. В ней, словно пара бесцветных огней, горели глаза.

— Не спрашивай, кто я, — сказал гость Зайреку. — Ты знаешь меня. Мы встречались когда-то.

Как давний сон, Зайрек вспомнил тень, которая однажды коснулась его лба, избавила его от отчаяния и разочарования, подарив недолгое забвение. При одном воспоминании об этом у него подкосились ноги.

— Ты — Смерть, — сказал он. — Мне надо пойти с тобой?

— Нет, — ответил Владыка Смерти. — Ты останешься недосыгаем для меня еще долгие века — таким сделал тебя огонь.

— Но ты здесь, — возразил Зайрек.

Левая рука Владыки Смерти была без перчатки и казалась такой же черной, как ручка кресла, на которой она покоилась. Неожиданно Зайрек ринулся вперед и прильнул к этой черной руке — обнаженной руке Смерти.

Коснуться Владыки Смерти — значит, почувствовать прикосновение смерти. Для кого-то это избавление, для большинства — ужас. Для Зайрека, который не мог умереть, пока не износится его неуязвимое тело, это прикосновение принесло блаженство и покой. Оно захлестнуло колдуна, как наркотик, почти оглушило — только это и мог подарить Владыка Смерти Зайреку.

Владыка Смерти отдернул черную руку, и Зайрек, почти теряя сознание, осел на пол рядом с укрытыми белым плащом коленями.

— Не... — Зайрек запнулся. — Не оставляй меня.

Позволь мне служить тебе.

— Не мне ты хотел служить, — проговорил Владыка Смерти.

— Это решили за меня... Но демон меня отверг.

— Я знаю, — сказал Владыка Смерти. Он и в самом деле знал. Ведь он уже успел изучить и жизнь Зайрека, и те пути, по которым шел черный маг.

— Тебе и только тебе я хочу служить, — бормотал Зайрек.

— Во зло другим — будешь ли ты служить мне?

— Ты видел, я не люблю людей, мой господин.

— Кое-кто все же мог бы остановить тебя.

— Никто, кроме тебя.

— А Симму? — поинтересовался Владыка Смерти. — Симму, которого в детстве звали Шелл. То юноша, то девушка. Будешь ли ты служить мне, несмотря на Симму?

Веки Зайрека дрогнули.

— Демоны воспитали Симму, и он предал и бросил меня. Симму — это та лестница, которая привела меня к Злу. Симму — змея, затаившаяся под камнем. И все-таки ради Симму я мог бы вести праведную жизнь — жизнь целителя, человека без амбиций, слепого к соблазнам. Но когда у меня не осталось ничего, кроме Симму, он бросил меня! Ты видишь, что я одинок, величайший из королей.

— И потому ты несчастен.

— Не только поэтому. Я проклинаю свою мать за то, что она подарила мне такую судьбу. Я проклинаю Симму, совратившего меня и тем самым показавшего червей, кишаших в моей душе. Я проклинаю Аззарна, а я, пожалуй, единственный смертный, который может безнаказанно сделать это. Я проклинаю женщину из подводной страны, Хабэд, наделившую меня бессмысленным могуществом, которое я могу употребить только во зло. Я проклинаю весь мир за то, что он боится меня и безропотно подчиняется мне вместо того, чтобы бороться. Этот мир не может уничтожить меня, как я того заслуживаю, и, подобно язве, я паразитирую на его теле. Только ты, величайший из королей, можешь дать мне бальзам, которого я так жажду. Смерть — это все, о чем я прошу и на что не имею права.

— Смерть — это не то, что ты думаешь, — возразил Владыка Смерти. Однако он не стал продолжать, ведь объяснения не входили в его планы. Вместо этого Улум, Владыка Смерти, рассказал чародею совсем о другом и преподнес ему странные дары. Этот договор Улума и смертного отличался от прежних, в которые входило отрезание пальцев, но Владыка Смерти изменился с тех пор, как появился Симмурад.

Зайрем стал рабом Владыки Улума... Утром старый дом опустел, однако прошло немало времени, прежде чем люди, живущие на побережье, отважились выяснить, пуст ли он на самом деле.

На волнах лениво качался череп Хабзура, который Зайрек, наконец, выбросил в море. Но никто не разыскивал его. Хабэд развлекалась с одним из голубоволосых придворных — новым королем Сабла, ее мужем. Зайрек оставил лишь шрам на ее сердце. Ее отец — безголовый кусок коралла в Зале Мертвых — был давно забыт.

В конце концов череп прибило к какому-то рифу, где он и остался лежать, опустившись на дно. Внутри него жили рыбы, а снаружи его облепили ракушки. Через много лет череп зацепила рыбачья сеть и подняла его на борт лодки вместе с остальным уловом.

— Вот так да! — воскликнул рыбак. — Да ведь это череп моего бедного отца, которого пираты тридцать лет назад обезглавили и бросили за борт на этом самом месте. Очевидно, он вернулся ко мне для того, чтобы я его похоронил.

И, будучи почтительным сыном, рыбак принес череп домой. Отказывая себе в еде, чтобы сберечь деньги, он выстроил за деревней роскошный склеп. Этот склеп стал местной достопримечательностью, и потом многие поколения взрослых показывали его своим детям, говоря: «Вот поступок доброго сына!»

Однажды утром, по прихоти судьбы, волны вынесли на берег небольшой бухточки рядом с деревней еще один череп. Но рыбаки, не догадавшись о том, что именно он-то и есть настоящий череп отца их товарища, посчитали это дурным знамением и, бросив череп в высохший колодец, закидали его грязью и с тех пор избегали этого места.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ ГИБЕЛЬ СИММУРАДА

Глава 1

Йолсиппа, бродяга, привратник Симмурада, спал и видел во сне восхитительно косящих девиц. Но вдруг его разбудил знакомый звук — кто-то стучал в медные ворота. Йолсиппа открыл потайную дверь и, еще не совсем проснувшись, выглянул наружу.

— Кто здесь? — заорал он. С некоторых пор толстяк обходился без вежливых приветствий.

За воротами только еще занималась заря. Тьма потихоньку уползала с гор, но еще не рассвело.

— Я спрашиваю: кто здесь?

Снизу, из тени, толстяку ответил мужской голос:

— Тот, кто желает войти.

Йолсиппа вздохнул, налил в кубок вина, выпил.

— Сюда не всякий может войти. Это Симмурад, город бессмертных. Что ты умеешь? В чем проявляется твое мастерство? И так ли уж оно велико, чтобы ради этого впустить тебя?

— Я — Зайрек, чародей, а могу я вот что... — Едва незнакомец сказал это, как молния разорвала тени, ударила в ворота, на мгновение осветив красивого черноволосого и чернобородого человека в желтой мантии, с золотыми кольцами на руках и черным скарабеем на груди. — Еще один такой удар, и твои ворота развалятся.

— Успокойтесь, господин! — прокричал Йолсиппа. — Вы можете войти.

Загремело устройство, открывающее ворота, и Зайрек вошел. Йолсиппа, поспешно

спускаясь с башни, чтобы встретить колдуна, заметил, что мантия чародея блестит от золота, его руки украшали браслеты из янтаря и изумрудов, а на его плечах — ожерелье из драгоценных камней, нанизанных на золотую нить.

— Увы, почтенный господин, — проговорил Йолсиппа, — король Симмурада Симму не позволяет ни мужчинам, ни женщинам вносить в город золото из уважения к некоему князю, который не питает любви к этому металлу.

— В таком случае пусть Азрарн держится от меня подальше, — ответил чародей. — Мое золото останется при мне.

Йолсиппа счел благоразумным больше не возражать.

Они вместе прошли по засаженным зеленью улицам города бессмертных.

— Смотри, — сказал Йолсиппа, с трепетом и гордостью указывая Зайреку на просвет между деревьями, чтобы тот смог увидеть раскинувшийся перед ними Симмурад: розово-алый и молочно-белый мрамор, на который только что упали первые отблески зари, хотя кое-где в башнях и среди колонн еще догорали светильники. — Я лично провожу тебя во дворец Симму.

Прекрасен был Симмурад. Прекрасен... и чужд. На мгновение его красота тронула душу Зайрека. В предрассветном сумраке колдун вместе с Йолсиппой прошел по террасам города. Но даже толстый вор в безвкусных, засаленных и усыпанных драгоценными камнями одеждах, спотыкающийся и рыгающий, не мог умалить величия Симмурада.

В городе было много дворцов, но все они казались пустыми, разве только мелькнет где-нибудь одинокое светящееся окно. На газонах росла мягкая трава, никогда не засыхавшая, но и никогда не ронявшая на землю семян. Деревья шумели пышной листвой, которая никогда не опадала, но никогда и не распускалась. Эти вечные и неизменные творения создали чародеи, пришедшие в город, или демоны — много лет назад. Природа, окружающая бессмертных, была под стать самим бессмертным.

Звери в городе были тоже вечными. Каждому из них дали по капле эликсира жизни. Леопарды, лакающие воду из пруда, имели странный игрушечный вид. Даже в движении они словно оставались неподвижными. Когда чародей и Йолсиппа проходили по саду, которого уже коснулись первые лучи солнца, то увидели там мужчин и женщин, прогуливающих под деревьями. Бессмертные казались то ли куклами, то ли восковыми фигурами. Обитатели города отсутствующими взглядами провожали Зайрека и улыбались вслед Йолсиппу. Казалось, все жители города отчасти окаменели, но то ли не знали об этом, то ли не тревожились по этому поводу. Окаменение с поверхности кожи пробиралось внутрь их тел, пока не достигнув сердца и мозга.

Над городом разгорался рассвет. Йолсиппа остановился перед плитой из зеленого мрамора, чтобы Зайрек мог прочесть надпись.

Я — Симмурад, город Симму, в моих стенах будут жить люди, чья жизнь вечна...

— Это и есть тюрьма для бессмертных? — осведомился Зайрек.

— Бессмертие — удивительный дар, — обиделся Йолсиппа. — Я был здесь, когда все только начиналось. Дивный князь...

— Азрарн.

— Я бы не осмелился...

Но Зайрек, не слушая толстяка, зашагал к воротам дворца.

Заря затопила светом город, окрасив все в розовый цвет и играя на хрустальных окнах.

— Подождите здесь, мой господин, — попросил Йолсиппа и тут же добавил:

— Это всего лишь обычай.

Зайрек, к великому облегчению толстяка, согласился.

Они вошли в зал с куполообразным потолком, словно взлетевшим ввысь и парящим над их головами. Пол зала был вымощен серебряными плитками. Нигде не было видно ни страхи, ни слуг, ни рабов, которые бесшумно скользили бы среди всего этого великолепия, однако все выглядело чистым и ухоженным — благодаря чарам искусных волшебников, которым позволили здесь жить. И все же дворец казался необитаемым, как развалины,

застывшие посреди пустыни или на морском дне.

Зайрек сел. Он выглядел умиротворенным, хотя всякий, подошедший к нему настолько близко, чтобы увидеть призрак жестокости, сквозящий в его глазах, в ужасе отскочил бы. Однако в душе Зайрека зашевелилось нечто неопределенное. Он внимательно наблюдал за этим нечто, и наблюдение почти полностью захватило его. Его пульс ускорился, а в животе забурлило. Но разум Зайрека остался бесстрастным. Он ждал Симму. С теми же ощущениями колдун ждал бы, когда ему снова принесут отведать вина, которым он однажды напился до тошноты. Теперь он хотел лишь пригубить это вино, вспомнить вкус, а после вылить на землю, а лозу — выкорчевать и сжечь.

Прошел час. И вот, наконец, вошел Симму, но не один.

Как и всякий король — а ведь он был здесь королем, — Симму вошел в зал в сопровождении своего двора. Женщины с вплетенными в волосы неувядающими цветами были одеты в необычные платья, представляя одежды самых разных стран; мужчины — воины, чародеи, мудрецы — старые и молодые. Все они походили друг на друга и на те восковые куклы, которые Зайрек уже видел.

На самом Симму тоже появился восковой налет времени. И все же это был Симму, Симму до мельчайших деталей: зеленые рысьи глаза, янтарные волосы, короткая борода, словно из того же янтаря; настороженная, по-кошачьи изящная походка. Кроме того, в Симму-мужчине присутствовало что-то девичье. Он, казалось, ничуть не состарился, впрочем, он на самом деле физически не постарел, а если и постарел, то едва заметно. То время, когда он был героем и странствовал по свету, наложило свой отпечаток, но Зайрек пренебрег им. Другая перемена привлекла его внимание. То, что сделало Симму совершенно неузнаваемым, заключалось в чем-то другом. Зайрек не совсем понимал, как это открытие повлияло на него, но он, несомненно, находился под впечатлением. Казалось, все чувства, покинувшие его, когда он вышел из моря, разом нахлынули на него. Однако, глядя на чародея, никто бы не догадался, какие мысли его одолевают, и какие мучения они ему доставляют.

Рядом с Симму — и это стало последней каплей — Зайрек увидел прекрасную девушку с блестящими светлыми волосами, мрачную и сердитую.

Йолсиппа вышел вперед. Он нелепо поклонился Симму и Кассафех. Зайрек встал. Он видел, что на лице Симму не мелькнуло ни тени узнавания. Симму равнодушно разглядывал колдуна.

«Притворяется? Или забыл? Где же прячется та девчонка, которая прижималась ко мне у соленого озера? Симму... Шелл...» Тут он заметил, что Симму нахмурил брови, — похоже, колдун, показался ему знакомым. «Ну-ну. Не собирается ли он оскорбить меня еще больше, притворившись, будто только что вспомнил?» — подумал Зайрек.

Но Симму ничего не сказал. Зато Йолсиппа принял соответствующую позу и взревел, словно балаганный зазывала:

— Вот Зайрек, называющий себя чародеем. Я видел его искусство своими глазами. Ныне он готов предстать перед королем Симмурада как проситель!

Сколько раз разыгрывалась здесь подобная сцена? Столько же, сколько жителей в Симмураде. Неясно было, остался ли хоть у кого-нибудь из них интерес к этому ритуалу. Но все они собирались в этом зале и разглядывали тех, кто пришел просить бессмертия, словно эта церемония действительно важное дело.

Тут заговорил Симму. Все еще слегка хмурясь, он обратился к Зайреку:

— Ты чародей? Однако в моем городе есть чародеи, тут их предостаточно.

— Что ж, радуйтесь, — сказал Зайрек. Он вдруг понял, что не может заставить себя произнести «Симму» — имя, которым назвалась его возлюбленная у соленого озера. — Я не собираюсь присоединяться к вам. Привратник неверно понял цель моего визита.

Среди придворных Симму, заинтересовавшихся подобным оборотом дел, раздались возгласы удивления.

— И в чем же заключается твоя цель? — спросил Симму.

— Я хотел посмотреть на ваш городок, который смертные называют городом живых мертвецов.

Раздался ропот, но, едва Симму заговорил, все разговоры стихли.

— Твоя шутка...

— Это не шутка. Вы живете вечно, но ваши жизни ничего не стоят. Вы проводите их в оцепенении, не имея никакой цели. Крыса в клетке, бегущая из угла в угол, и та живет лучше.

Симму побледнел.

— Теперь ты, чародей, неверно понял нас. Мы лишь выжидаем, готовясь осуществить наши замыслы.

Один из мужчин, придворных Симму, воскликнул:

— Пусть этот господин покажет свое искусство! Мне, к примеру, кажется, что он просто притворяется.

Зайрек сверкнул глазами.

— Берегись, — предупредил он, — если я что-то сотворю с тобой, тебе придется жить с этим до конца времен.

— Сам берегись, — ответил придворный. — Я тоже чародей. — Он вытянул руку и указал на Зайрема пальцем, с которого сорвался язык пламени. Зайрек не обратил на огонь никакого внимания, ведь тот не мог причинить ему вреда. Стоя в пламени, он сказал:

— Огонь — слишком опасная игрушка для тебя. Тут же пламя погасло. Придворные зашептались.

Искусный хирург, получивший бессмертие за свой талант врачевателя, выступил вперед:

— Не думай, господин, что нас легко уничтожить, раз наши тела уязвимы, — сказал он. — Огонь, конечно, может обезобразить нас, но дотла не сожжет. Однажды я сделал для одной госпожи серебряную ногу вместо обожженной. Серебро заменило поврежденную плоть и не доставляет несчастной никаких неудобств. Скажу больше, ты, видимо, собираешься подорвать наш дух. Я, как врач, тщательно изучил явление бессмертия. Я могу сказать тебе следующее: если ты даже вырежешь сердце у человека из Симмурада, ты не убьешь его. Просто он заснет, а когда я сделаю для него сердце из серебра, он очнется. Сердце его будет работать, как часовой механизм, ведь я обучился многим тайным искусствам, общаясь с карликами Нижнего Мира... Человек, которого ты лишишь сердца, получит новое — искусно сделанное серебряное сердце, и оно будет биться так же хорошо, как и настоящее.

— А скажи мне теперь, — попросил Зайрек, — сколько детей родилось в Симмураде? Хирург скрестил руки на груди.

— Я изучил и это явление и обнаружил, что процесс продолжения рода имеет стихийный характер и происходит, прежде всего, из страха перед смертью. Воин в ночь перед битвой может оплодотворить нескольких женщин. Очень много детей рождается обычно во время голода. А здесь, в Симмураде, избавленные от страха перед смертью, мы более сдержанны, а может быть, даже бесплодны. Это не так уж плохо, ибо у нас остается больше времени на другие дела.

— И на какие же? — спросил Зайрек. На этот раз ему ответил Симму:

— У меня есть скромный замысел: покорить мир, выбирая в нем самых достойных и даруя им бессмертие.

— Этот замысел может заинтересовать лишь твоего хозяина, Аззарна, — сказал Зайрек. — Ввергнуть весь мир в войну. Но после того как ты покоришь всех, что тогда? Неподвижный мир, наполненный заводными игрушками — бессмертными? Я не думаю, что такой мир понравится черному шакалу из Драхим Ванашты.

Симму вспыхнул, но его румянец напомнил румянец на щеках восковой куклы. Он шагнул к Зайреку и замахнулся на чародея, но тот перехватил руку Симму, и, прикоснувшись друг к другу, оба замерли.

— Я неуязвим. Не пытайся ударить меня, ты лишь причинишь боль самому себе.

Симму, казалось, растерялся. Он впился глазами в лицо Зайрека, пытаясь найти объяснение странному чувству, заполнившему его. Но память его оказалась погребена под плитой колдовства и прожитых лет. И все же прикосновение пальцев Зайрека к его запястью показалось Симму смертельным ударом.

— Кто ты? — спросил он.

— Ты знаешь мое имя.

— Мы уже где-то встречались... Я только не помню где...

Зайрек отпустил руку Симму. Усмехнувшись про себя, он вспомнил беззвучное общение, свойственное когда-то Шеллу. Чары Симму, столь сильно действующие на придворных и притягивавшие их, оказались бессильны против Зайрека, находящегося в плену куда более сильных, нечеловеческих чар.

Придворные беспокойно зашевелились. Светловолосая спутница Симму, широко раскрыв глаза, казалось, изменившие цвет, удивленно смотрела то на своего мужа, то на Зайрека.

— Ладно, — произнес, наконец, Симму. — Ты не понимаешь нас, Зайрек... Пойдем, я покажу тебе сокровища города. Я подробнее объясню тебе мои замыслы, чтобы ты мог правильно понять, к чему мы стремимся.

Симму провел Зайрека по дворцу. Словно намеренно противопоставляя себя тому, каким он был прежде, Симму подробно обсуждал с Зайреком то, что тот сказал. Время от времени, замедляя шаг на повороте лестницы или останавливаясь, чтобы указать на какой-нибудь узор из металла или камня, на необычно упавший солнечный свет или тень, Симму на секунду преображался, становясь прежним Шеллом. В эти мгновения сердце Зайрека сжималось, но внешне он сохранял невозмутимость. Симму же, наоборот, становился все более взволнованным и растерянным. Он отпустил придворных, Йолсиппу и удивленную девицу, которая, как оказалось, была его женой. Дрожащими руками повелитель бессмертных открывал многочисленные двери Симмурада, напоминая зверя, попавшего в западню.

Наконец они вошли в большую комнату с высоким потолком. Всю комнату занимала мраморная плита, служившая полем громадной военной игры, в которую играл сам король. Огромная плита представляла собой карту мира; моря были сделаны из синего стекла, земля — вырезана из полированной древесины разных пород, над землей возвышались горы, вершины которых скрывались под хрустальным льдом. Кое-где виднелись великолепные, хоть и миниатюрные, города, а стеклянные моря бороздили корабли размером с жука. Кроме всего прочего, там были целые армии — крохотные фигурки, сделанные из слоновой кости и искусно раскрашенные; мечами им служили тончайшие стальные иглы. Воинственная игрушка — но всего лишь игрушка.

— Я многому научился в этой комнате, — сказал Симму. — В моей библиотеке собраны разнообразные книги, я читаю о различных войнах и в этой комнате воспроизвожу знаменитые сражения. Когда я создам армию Симмурада, ничто на земле не сможет противостоять ей, так она будет превосходно обучена и оснащена.

Но когда он сказал это, лицо его окаменело.

Симму оперся о плиту, смахнув на пол армии из слоновой кости.

— Но есть камень преткновения, который мне нужно обойти, Зайрек. Раз я — герой, у меня нет выбора, и я обязан выиграть эту войну. Но в ней не должно быть убитых, ибо я ни за что не сделаю Смерти такого подарка. Возможно ли такое?

Зайрек не ответил. Он стоял за спиной героя, и в нем постепенно росло желание коснуться рукой волос Симму, чтобы утешить его... или утешиться самому. Однако чародей не поддался этому искушению.

— Смерть... — продолжал Симму, сметая остатки армий ловкими и сердитыми ударами руки. — Сам Владыка Смерти приходил в Симмурад. Я смотрел в его лицо... А может, я лишь видел его во сне, как и все остальное, — мою жизнь, демонов... Нет. — Он,

улыбнувшись, полуобернулся к Зайреку, и тот увидел зеленый камень, который Симму снял с шеи и теребил в руках. — Нет, все чудеса реальны. Но все же, если Владыка Смерти гневается на меня, почему он до сих пор не вернулся? Я вышел и предложил ему сразиться со мной, но он ответил мне пренебрежительно и неопределенно. Несомненно, ему пора бы уже найти какую-нибудь брешь, через которую он смог бы войти сюда.

— Он нашел, — сказал Зайрек.

Симму на мгновение ожил. Как прежде, он задал вопрос взглядом и теперь ждал ответа на него, так леопард выжидает момента, чтобы прыгнуть.

— Да, — подтвердил Зайрек. — Я посланник Владыки Смерти.

Симму рассмеялся. Зайреку был знаком этот смех, но срывающийся не с губ Симму, а с его собственных — безудержный и безумный смех отвращения или отчаяния, но только не радости.

— Так вот почему мне показалось, что встречал тебя раньше. Я видел твоего хозяина у моих ворот. И что теперь? Что он приказал тебе сделать?

— Отравить вашу кровь страданием, а мысли — страхом. Думаешь, этого мало?

Симму вновь склонился над мраморной плитой.

— Страдания и страх неведомы тем, кто живет вечно. Твоему хозяину придется поискать другой способ. Однако как посланника тебя ждет радушный прием. Но почему он выбрал именно тебя?

— Потому что я понимаю, как ты жалок и несчастен, Симму; понимаю, какой платы требует вечная жизнь.

— Симмурад — город чудес, счастья и разума. Мы — боги восточного угла Земли.

Зайрек пристально смотрел на повелителя бессмертных. Колдун понял, что воспоминания и в самом деле стерты из памяти Симму — либо страданиями, либо демонами, с которыми он прежде так много общался. Зайрек распознал также отягощающие Симму цепи ответственности, которых его бывший возлюбленный так боялся, а, согнувшись под их тяжестью, не замечал. Глаза Симму потускнели. В них остались лишь ненависть и мольба. Как однажды Зайрек тщетно просил князя демонов придать его жизни смысл, так и Симму теперь просил Зайрека о том же... и так же тщетно. Неожиданно двери в комнату военной игры широко распахнулись. Вошла светловолосая жена Симму.

— Возлюбленный мой, — холодно обратилась она к Симму, — неужели я не имею права участвовать в твоих делах?.. Я — Кассафех, — обернулась она к Зайреку, — и если Симму — король этого города, то я — его жена, королева. А ты Зайрек-чародей.

— И слуга Владыки Смерти, — подсказал ей Симму.

Кассафех пожала плечами, сверкнув драгоценными камнями.

— Я не верю, что Смерть принимает облик человека, — отозвалась она тоном настоящей купеческой дочери. — И я не верю, что мы на самом деле бессмертны. Мне кажется, что это какая-то хитрость демонов — заставить нас поверить в бессмертие. В последние годы немногие стучатся в наши ворота, — продолжала она, обращаясь к Зайреку. — Почему же никто больше не желает стать вечным, если все это правда? Может, из-за того, что нас называют живыми мертвецами?

— Вообще-то о Симмураде редко вспоминают, — ответил колдун. — Ваш город уже превратился в миф. Лишь отчаявшиеся верят в него.

— Я завоюю их, — прошептал Симму, — тогда они поверят.

— Нет! — закричала Кассафех. — Нет! Ты будешь спать здесь, мой разлюбленный тощий кот, — спать без сил и без любви. Ты — герой! — так я думала когда-то. Я простила бы тебе неверность и равнодушие, но не слабость! — Она солгала, но слова сами слетели с ее губ, и Кассафех удивилась собственной лицемерной страстности. Она нечасто кричала на Симму. Присутствие Зайрека породило в ней ярость, и она осознала, наконец, чего ей не хватает. Неожиданно она спросила саму себя: «Этот красивый чужеземец... Уж не влюбилась ли я в него?.. Если так, то я играю с огнем. Я никогда никого не любила, кроме Симму». На сей раз это было чистой правдой. Многие годы Кассафех ткала, размышляла и

ела сладости — этим она жила, но этого было мало для нее — избранницы из сада золотых дев, а ведь сад оказался менее суровой тюрьмой, нежели застывший рай Симмурада.

«Когда я смотрю на этого мрачного человека, мое сердце бьется чаще и мне становится больно, дышать. Я чувствую, что живу, и неважно, какой срок мне отпущен. Да, я люблю Зайрека».

Глава 2

В Симмураде пировали. На столы подавались ароматные и тающие во рту блюда, созданные колдовством или доставленные колдовством со столов королей. После пира в парке с мягкими лужайками и пышными рощами устроили охоту; львы и олени падали, пронзенные копьями прямо в сердце, некоторое время они лежали на земле, а потом, когда их раны заживали, вскакивали и убегали прочь. Деревья сгибались почти до земли под тяжестью плодов. Но эти плоды не имели ни вкуса, ни запаха — разве что пройдет мимо дерева колдунья и произнесет заклинания, придав им аромат и вкус. Листья деревьев и лепестки цветов, которые никогда не вяли, напоминали вощеную бумагу.

Невидимые пальцы наигрывали прекрасные мелодии. Почтенные горожане играли в шахматы и шашки, стреляли из лука и бросали копья в мишень. В комнате военной игры придворные Симму за день трижды покорили мир.

Со всех концов земли, из краев, лежащих далеко за воротами Симмурада, колдовством были доставлены и тут же испробованы всевозможные наркотики. Точно так же появлялись во дворце вина, сласти и роскошные одежды, редкие и удивительные книги, невиданные растения, диковинные животные, украшения, оружие и благовония. Растения сразу же заколдовывали, превращая их в очередные образчики из вощенной бумаги, зверям давали по капле свинцово-серой жидкости, чтобы сделать из них очередные игрушки. Симму не жалел эликсира. Каким-то образом его всем хватало, и он не кончался — казалось, глиняная фляжка, в которой он по-прежнему хранился, никогда не опустеет, подобно тому, как не иссякнет яд у гадюки.

Немало сделали жители Симмурада, чтобы красота их жизни и величие их будущего произвели на Зайрека впечатление. Но колдун бродил среди них, словно тень, и из этой тени, словно из зеркала, на бессмертных смотрели скука и пустота. Столь многое они могли совершить — но всегда лишь собирались и ничего не делали. Спокойная и безопасная жизнь разрушила их человеческую природу, усыпила их прежде неугомонный дух. Хотя сам Зайрек и не был бессмертным и мог надеяться на смерть и какую-то перемену, он, как ему показалось, понял состояние живущих в городе Симму.

Поздно вечером, когда охота и игры, пир и споры закончились, Кассафех лежала одна в своей спальне, вспоминая все, что Зайрек говорил и делал, каждое его выражение и жест. Светильники в комнате обычно горели всю ночь — не оттого, что красавица боялась темноты, просто с ними было не так скучно. Когда-то это ложе женщина делила с Симму. Позже она хотела привести сюда другого мужчину, ведь в Симмураде хватало красивых мужчин, но всякий раз откладывала. Мудрый хирург был прав. У нее действительно не было любовника, но лишь от лени и пассивности происходила ее добродетель. И вот Зайрек пробудил ее от оцепенения.

Много ночей пролежала она без сна под желтыми огнями, которые никогда не притягивали мотыльков, ибо не было в Симмураде насекомых, да и птицы сторонились города, словно чумы. Множество ночей... одна. За изящными ставнями поднимался прекрасный город, а над ним сияли разбросанные по черному небу редкие звезды. Несколько окон светились, звенели, словно льдинки, струи фонтанов; как маленькие лакированные веера, ударялись друг о друга листья. Наконец Кассафех встала, вынула из сундуков драгоценные ожерелья и вышитые шелка... и поймала себя на том, что прикидывает их стоимость. «Пожалуй, я единственная купеческая дочь в городе чародеев», — подумала она и, побросав все обратно, вышла из комнаты.

Кассафех направилась библиотеку. Она тихо шла темными коридорами, поднималась по широким лестницам, освещенным только звездами. Словно воровка, Кассафех крадучись пробиралась по дворцу, но, подойдя к дверям библиотеки, обнаружила, что они, как всегда, закрыты. Симму был там — из-под дверей просачивался свет, — и Кассафех показалось, что она слышит невнятное бормотание Симму, словно дряхлый старик разговаривал сам с собой. Красавица знала, что он должен быть здесь, потому что в библиотеке он пропадал намного чаще, чем где-нибудь еще.

Кассафех не раз видела, как Йолсиппа открывает отмычкой замки множества дверей. Она вынула из потайного кармана серебряную булавку и воспользовалась ею по примеру ловкого толстяка.

На самом деле ее муж спал на узком ложе, а на полу вокруг валялись книги и пергаменты. Светильник уже угасал, но Кассафех увидела в меркнувшем свете все, что хотела, — там было достаточно светло, чтобы вспомнить свое презрение к герою. Она за этим и пришла; в презрении к мужу красавица хотела почерпнуть смелость для того, что должно произойти потом. Однако внешнее очарование Симму все еще имело над ней власть и, совсем того не желая, красавица подкралась ближе, рассматривая мужа. Тут она услышала, как он стонет во сне.

— Зайрем, — бормотал Симму. — Кругом смерть. Ты был мертв, ты лежал под мертвым деревом, с обрывком веревки на шее, а в твои глаза лил дождь.

Кассафех, замороженная сходством имен, наклонилась ближе.

Вдруг тело Симму вытянулось дугой, кожа его посерела, и он закричал от боли, словно пронзенный ножом. Из-под закрытых век потекли слезы. На лбу повелителя бессмертных выступил пот, а с подбородка начала осыпаться борода. Женщина, в ужасе застыв на месте, увидела нечто невообразимое. Очертания лица и тела Симму изменялись, менялась сама кожа и даже запах. Под рубашкой вздулась женская грудь. Несмотря на очевидность перемены, в нее верилось с трудом. Изменилась даже форма запрокинутой назад головы, искаженные судорогой черты лица стали женскими.

Превращение привело Кассафех в ужас. Уже очень давно Симму оставался мужчиной, не изменяя своего облика. Его жена со страхом наблюдала за всем этим. Но вот судороги боли сменились наслаждением, за которым последовала еще более сильная, невыносимая боль. Муки и наслаждение сменяли друг друга, отражаясь на лице Симму — то ли мужчины, то ли женщины.

Кассафех не забыла о том, как Симму принимал облик женщины в саду золотых дев, но она полагала, что это лишь иллюзия, навеянная чарами демона. Дочь купца никогда не видела подобных превращений и никогда не поняла бы их природы. Теперь же, испуганная увиденным, Кассафех чувствовала себя смертельно оскорбленной. Она поняла, что чародей Зайрек разбудил дремавшие до сих пор желания Симму, чего ей самой сделать не удавалось. И, кроме того, могла ли она не заметить, что Симму-женщина прекраснее, чем сама Кассафех? Нелюбимый муж мог оказаться вдобавок ко всему еще и соперницей.

Кассафех повернулась и выбежала из комнаты, поспешно закрыв за собой дверь. Она очень торопилась, но все же старалась не шуметь. Симму стал теперь ее врагом. Жена ненавидела его. Ненависть эта родилась неожиданно — Кассафех не хватало ее не меньше, чем любви.

По тихим лестницам дворца она ринулась вверх, к комнатам, отведенным Зайреку. Кассафех хотела опередить ту женщину, которая осталась лежать без чувств в библиотеке.

Глава 3

Ради того, чтобы произвести на гостя впечатление, Зайреку предоставили роскошные комнаты. Днем из окон его апартаментов открывался вид на ту самую лужайку, где, бессильно обвившись вокруг фруктового дерева, висел змей-искуситель, посланный Владыкой Смерти.

Кассафех остановилась у открытой двери. Даже здесь, в Симмураде, Зайрек вселял в людей какой-то смутный страх. Однако любовь — или какое-то иное чувство, движущее женой Симму, — оказалась сильнее осторожности, и она прокралась в комнату гостя. Необычные глаза женщины светились в ночной тьме. Она осмотрела спальню, освещенную лишь светом звезд, заметила кровать под балдахином и лежащего на ней человека.

В противоположность ее мужу, Зайрек лежал неподвижно, словно вырезанный из дерева. Даже слишком неподвижно. Во сне не дрожали даже закрытые веки, не шевелились вытянутые руки, а губы были плотно сжаты. Дышал он настолько слабо, что, несмотря на надменные рассказы Зайрека о собственной неуязвимости и долголетию, Кассафех на мгновение показалось, будто слуга Смерти умер. Но Зайрек все же дышал. Убедившись в этом, женщина села на кровать и обняла его.

Тело колдуна оказалось холодным, словно камень. Красавица поняла, что сон его необычен. Прикоснувшись к Смерти — хоть и через посредника, — бессмертная затрепетала, потом, немного подумав, разделась и легла рядом с Зайреком. Она прижалась к колдуну, руками и губами лаская его тело. Тело Кассафех горело, а плоть чародея осталась такой же холодной. Исчерпав все свои силы, дрожа всем телом, Кассафех залилась слезами. Однако даже близость этого неотзывчивого тела успокоила ее, и жена Симму в конце концов уснула.

Первые лучи рассвета, коснувшись лица красавицы, разбудили ее. Она открыла глаза и, встретившись взглядом с Зайреком, испугалась еще больше.

— Я пришла к тебе ночью, — с вызовом сказала она, — но оказалось, что я совсем не нужна тебе.

Ты, наверное, думаешь теперь, что я потеряла всякий стыд... но у меня никогда не было мужчин, кроме мужа, который задолго до свадьбы взял меня силой. — Эта ложь понравилась Кассафех, и она приободрилась. — Я добродетельна, — прошептала она, радостно отдаваясь снедающей ее страсти, — но перед тобой я не смогла устоять.

— Я не давал тебе никакого повода, — удивился Зайрек.

— Не упрекай меня! — почти искренне взмолилась Кассафех, опуская веки.

— Я пришел в Симмурад не ради бессмертных красавиц, — отрезал он.

— Наверное, ты просто не можешь, — надменно объявила Кассафех. — В этом ты похож на бессмертных мужчин. Наверное, мудрый лекарь был прав.

— Я не бессмертен, — возразил Зайрек.

— Так что же нам мешает? Я сгораю от любви... И женщина, прильнув к Зайреку, стала целовать его. Колдуну внезапно пришло в голову, что эту самую женщину ласкал Симму. Стоило Зайреку подумать об этом, как к нему подкралось вожделение — гораздо большее, чем смогла бы вызвать Кассафех. К тому же Зайрек хорошо отдохнул. Он крепко спал, и сон этот был дарован ему самим Владыкой Смерти. Этот дар был не чем иным, как многократно повторяющейся смертью; по крайней мере, Зайрек думал, что смерть именно такова. Все его органы, казалось, замирали, а ощущения исчезали на весь период между последним глубоким вдохом вечером и первым — утром. Спящего не тревожили сны; если они и посещали его, то он, проснувшись, не помнил о них. Это забытие напоминало жуткую могильную яму, но для Зайрека сон казался отдыхом и дарил надежду... Просыпаясь, чародей чувствовал, что с него на мгновение смыто клеймо неуязвимости, и от этого в нем вновь пробуждался интерес к жизни.

И поэтому, когда комната погрузилась в кармин зари, он дал Кассафех все, чего та от него хотела.

Позже она спросила колдуна:

— Может, ты собираешься разрушить Симмурад так же ловко, как мою добродетель?

— Симмурад тоже легко разрушить. Разрушение уже началось, но его начал не я.

— А ты на самом деле служишь Владыке Смерти или это просто выдумка, рассчитанная на то, чтобы сбить с толку моего мужа, вообразившего себя врагом Смерти?

— Я служу Владыке Смерти.

— А я буду служить тебе, — заявила Кассафех. Ее кровь взыграла от предательства, как когда-то — от любви. — Я сделаю для тебя все, что захочешь. Я не останусь верна Симму, ведь ему все равно, где я и что со мной... Мы все равнодушны друг к другу. Нам трудно даже ненавидеть с тех пор, как мы стали бессмертными... если мы и в самом деле бессмертны. Но ради тебя я возненавижу Симму. Он увез меня из страны лжи, и я верила, что мир узнает о нас — Симму станет великим королем-героем, а я — его женой. Но путь наш закончился здесь, и сдается мне, что это место еще хуже, чем та страна, в которой я жила раньше. О нас забыли, никто не вспоминает наших имен. Все в этом городе нереально... кроме тебя, любимый. Скажи мне, чем я могу помочь тебе?

Чародей загадочно смотрел на Кассафех. Ему совсем не нужна была ее помощь, но сам факт вероломства нес в себе магический смысл.

— Принеси мне, сосуд, в котором хранится вода бессмертия, — попросил он.

— Я не знаю точно, где он находится, — медленно произнесла Кассафех. — Но как бы то ни было, я найду его и принесу тебе.

Он видел беспощадное пламя ненависти в ее глазах — яркую вспышку, согревшую Кассафех так же, как его согревала собственная жестокость.

Симму проснулся совершенно разбитым. Он стал женщиной во сне и снова превратился в мужчину, когда пришел рассвет, напомнивший Симму о том, что он — король. Правитель знал, что произошло с ним ночью и почему. Но он не помнил своего детства, проведенного с Зайремом, не помнил их любви и никогда уже не вспомнит об этом, ведь Азрарн потрудился над его памятью. Только смутные следы, тени, обрывки чувств, всплывающие в снах, остались у Симму от той любви. Их оказалось достаточно, чтобы растрогать его, но слишком мало, чтобы понять, почему Зайрек настолько завладел его мыслями и телом. Симму вдруг почувствовал, что протянутая к нему рука Смерти, прежде предававшая смысл его жизни, теперь внушает ему страх. Теперь он боялся и Зайрека, и даже собственного тела, которое в любую минуту могло превратиться в женское и выдать его.

Покинув библиотеку, Симму направился в свою комнату, не замечая окружавшей его пленительной роскоши. Там он открыл серебряный сундук, вынул из него серебряный ларец и уставился на закупоренный глиняный сосуд. Никто никогда и не думал прятать воду бессмертия. Стоило лишь повнимательнее осмотреться, и местонахождение драгоценной фляги стало бы очевидно любому. Теперь же Симму пришло в голову, что эликсир нужно спрятать. Тогда бессмертный правитель принялся бродить по комнатам в поисках места, где можно было бы спрятать сокровище. В эти минуты он напоминал скупца, который ищет, где бы укрыть свои богатства. Вечный, юный Симму вдруг почувствовал, как на него давят все те годы, которые ему еще предстоит прожить, — вечность, оставшаяся вечностью даже теперь, когда на его будущее легла тень Смерти.

Эти ощущения и боль во всем теле измотали его. Наконец, вместо того чтобы похитрее спрятать глиняную фляжку, Симму поставил ее обратно в ларец и прижался лбом к прохладному хрусталу окна. На балконе высокой башни, залитой утренним светом, он увидел Кассафех и Зайрека. Любовники словно стремились к тому, чтобы их заметили вместе.

Симму вдруг почувствовал, что случилось нечто непоправимое. Тупая боль пронзила его тело и ушла прочь, оставив после себя лишь печаль и предчувствие беды. Симму снова стал человеком, ибо испытывал человеческие страдания и человеческое смятение.

Он прикоснулся к зеленому камню на шее, дару эшв. Ему вспомнилось обещание Азрарна, однажды уже исполненное — прийти, если камень бросить в огонь. Но Симму чувствовал, что Азрарн потерял к нему всякий интерес, а Симмурад оказался испытанием, которого Симму не выдержал. Сколько ни бросай теперь камень в огонь, никто не откликнется, даже слуги Азрарна, приходившие в последний раз.

На балконе Кассафех обняла Зайрека, а тот и не думал сопротивляться ее поцелуям.

Симму поднял серебряный ларец с глиняным сосудом, и тут ему внезапно пришло в

голову, что его жена станет тем самым орудием, с помощью которого Владыка Смерти или его слуга похитит эликсир. Где бы он ни спрятал фляжку, его жена обязательно найдет ее. Симму достал сосуд, а ларец отбросил в сторону, и тот, громыхая, покатился по полу. Он откупорил фляжку. Однажды ему уже пришлось попробовать напиток богов. Теперь он приложил фляжку к губам и, запрокинув голову, выпил весь эликсир бессмертия. Не опуская головы и не отнимая фляжку от губ, Симму постоял еще немного, чтобы удостовериться, что внутри не осталось ни капли драгоценной жидкости, а потом швырнул фляжку в стену, и она разбилась. В это мгновение в комнату вошла Кассафех. Ее глаза были цвета сумерек — верный знак того, что она влюбилась. Неожиданно ее нога наступила на черепок разбитого сосуда — она взглянула под ноги, и глаза ее вспыхнули желтым пламенем.

— Что ты наделал?! — закричала она.

— Больше не будет бессмертных, — ответил ей Симму. — Ты не сможешь преподнести Зайреку иного дара в знак любви, кроме своего тела.

В глазах Кассафех засверкала зеленая сталь.

— Я видела тебя, когда ты спал, — сказала она. — Ты изменился. Я обнаружила на твоём ложе женщину. Тебе, пожалуй, стоит призвать демонов, чтобы они спасли тебя.

— В любом случае, — продолжал Симму, — тебе не следует ждать добра от Зайрека, что бы ты для него ни сделала и о чем бы ты ему ни рассказала. Он не тот герой, с которым тебе хотелось связать свое имя.

Кассафех гордо вскинула голову.

— Беее! — закричала она ему в лицо. — Ты такая же овца, как и все остальные!

Испуганная и разъяренная, она выбежала из комнаты.

Глава 4

Долгий рассвет сменил день. А потом заходящее солнце присыпало стены красной пудрой, но и та вскоре исчезла. Закат никогда не бывал в этих краях таким долгим, как восход. Сумерки спустились на сады и колонны, как голубой снег, и голубые восточные звезды взглянули на город бессмертных. Зажгли светильники. В Симмураде начался вечерний пир. Зайрек каждый вечер появлялся на этих пирах. Немногие горожане оставались дома; привлеченные возможностью поиздеваться над мрачным колдуном и разыграть при нем буйное веселье, они все собирались во дворце правителя. И лишь Йолсиппа всегда отсутствовал. Он сильно невзлюбил Зайрека и стал очень добросовестно относиться к своим обязанностям привратника. Толстяк охранял ворота, ублажая себя жирной пищей, красными винами и сладостными грезами, которыми его обеспечивала одна из колдуний Симмурада. В этих грезах шествовали косящие мужчины и женщины, обладавшие чрезвычайно похотливым нравом...

В ярко освещенном пиршественном зале сверкали фонтаны, и заводные птицы заливались трелями в серебряных клетках. Зайрек всегда приходил позже остальных, и, когда он входил в зал, вместе с ним появлялась тень, возбуждающая бессмертных и леденящая их кровь. В этот вечер, однако, тень оказалась чернее и холоднее, чем обычно. Словно сама Судьба, одетая в ледяное молчание, следовала за Зайреком.

На чародее была черная мантия, поверх которой висело золотое ожерелье, отнятое у подданных короля Хабзура, и скарабей из чернильно-черных камней, извлеченных из гробницы какого-то могущественного владыки. Сжимая в руке глиняный черепок, Зайрек направился к серебряному трону Симму. Правитель города сидел неподвижно, рассматривая своего врага.

— Ты сберег мне немало времени, — произнес Зайрек, обращаясь к Симму, но все собравшиеся в зале слышали его. — Я обдумывал, как мне избавиться от эликсира бессмертия, но ты решил мою задачу. Сосуд пуст и разбит.

В зале поднялся шум. Одни кричали, что Зайрек лжет, и просили Симму опровергнуть его слова. Другие, забыв, что совсем недавно признавали Симму своим королем, принялись

оскорблять его. Что же будет теперь с нашим великим замыслом покорения мира, кричали они, если все достойные люди не смогут получить бессмертие?!

Симму встал. Все собравшиеся тут же замолчали, нетерпеливо ожидая его оправданий или опровержений.

— Больше не будет бессмертных, — начал Симму с тех же слов, что услышала от него Кассафех. — Мы — первые и последние. Я выпил эликсир до последней капли. — На этот раз никто не произнес ни звука. Бессмертные понимали, что Симму сказал правду, и это ошеломило их. Симму же продолжал, — Этот человек, Зайрек, вселил в мое сердце такие сомнения и такой страх, что я не мог больше оставаться слепцом. Наши жизни лишены смысла и ценности. Мы, словно птицы, не умеющие летать, словно дороги, ведущие в никуда, в пустоту...

Никто не произнес ни слова. Симму верил, что его подданные скажут что-нибудь, попытаются опровергнуть его мрачное заявление. Но послышалось лишь невнятное бормотание искусного хирурга о том, что его жизнь вовсе не бессмысленна, ему предстоит еще много исследований, которые принесут огромную пользу людям. Однако его голос звучал слишком неуверенно. Он не мог закончить свою мысль, точно так же как не мог закончить ни одного исследования.

— Нет, — продолжал Симму. — То, что мы получили, останется с нами. Пути назад нет. Я не понимаю, почему бесконечность жизни лишает нас наших лучших качеств. И все же это правда. Зайрек сорвал завесу с моих глаз, и я не знаю теперь, какую дорогу выбрать. Я боюсь, но даже страх не вдохновляет меня.

Снова начался шумный спор.

— Кому хочется умирать?!

— Жить, наслаждаясь лишь тихими радостями, лучше, чем потерять жизнь!

Симму сидел молча, не принимая участия в спорах. Молчал и Зайрек, стоявший перед тронном. Кассафех пожирала глазами Зайрека, и ее удивительные глаза стали пурпурными. В тот вечер она позолотила веки и вплела в волосы цветы и сапфиры, но чародей словно не замечал ее усилий. Когда она рассказала колдуну о том, что Симму вылил остатки эликсира, Зайрек лишь кивнул в ответ. А теперь Кассафех охватила тревога за свою собственную жизнь. Она почувствовала, как страх сдавил ее горло. «Любимый, я стану твоей рабыней, — взглядом умоляла она колдуна. — Пощади меня, не проклинай меня, как всех их».

Наконец Зайрек заговорил.

— Вам нечего бояться, — сказал он, — Владыка Смерти не может войти в Симмурад. Ничто и никогда не, умирало здесь и, будучи бессмертным, не умрет. Даже трава на ваших лужайках и львы в вашем парке. А Улум, Владыка Смерти, может прийти только туда, где до него уже побывала Смерть.

Тут колдун с улыбкой взглянул на подданных Симму, и все отшатнулись от него, даже чародеи и мудрецы. Их лица застыли, как застывали в доме Зайрека лица людей, когда перед ними появлялась чаша с ядом. Так или иначе, все присутствовавшие в зале догадались, что задумал Зайрек, однако никто не мог помешать ему. Задуманное им было символическим, но крайне разрушительным действием.

Он снял с груди скарабея, опустил его на пол и тихо произнес заклинание. В этом зале, наполненном колдунами, лишь немногие знали его. Скарабей ожил. Черные самоцветы задрожали, когда Зайрек плюнул на них. Яркие сверкавшие грани камней потускнели до матового обсидианового блеска, и, щелкнув, оживший жук пополз по полу.

— Да, — проговорил Зайрек, — Владыка Смерти не может войти в Симмурад до тех пор, пока кто-нибудь не умрет здесь. Хоть вы и говорите, что вам незачем избегать Улума, вы все же стараетесь не встречаться с ним и не выходите за пределы вашего города.

Зайрек медленно направился за удирающим жуком. Он дал ему возможность проползти под ножками стола сквозь шелковые пещеры скатерти. Посередине зала скарабей остановился, чтобы полюбоваться красным цветком, выпавшим из рук какой-то женщины. Подошедший Зайрек неожиданно с силой наступил босой ногой на спину жука. Стояла такая

тишина, что треск панциря насекомого громом разнесся по всему залу. Колдун убрал ногу, и все собравшиеся увидели раздавленного жука на цветочных лепестках. По залу прокатился глухой стон. Смерть проникла в Симмурад. При желании за ней мог последовать и сам Владыка Смерти. По крепости с ревом пронесся вихрь невиданной силы, предвещая его приход.

Чары Зайрека сковали людей в зале. В первый момент ужас побуждал их бежать, куда глаза глядят, но никто не мог двинуться с места. Даже взгляды их остановились, устремившись на мертвое существо. Зайрек поднял голову, глядя на Симму — такого же неподвижного, как и остальные. Однако лицо героя в отличие от остальных бессмертных казалось бесстрастным. Однажды Симму уже смотрел в глаза Владыки Смерти, вызвал его на бой и даже ударил.

Теперь же он криво усмехался, предчувствуя еще больший ужас, чем мог представить кто-либо из присутствующих. Зайрек словно раздел его донага, и правда, открытая колдуном, ударила Симму, словно острый меч.

Ветер ворвался в окна дворца. Этот вихрь оказался живым. Он, кружась, прошелся по залу, замер, сгустился, и Улум, Владыка Смерти, возник в самом сердце Симмурада, города бессмертных.

— Добро пожаловать, величайший из королей, — приветствовал его Зайрек. — Эти люди не могут поклониться тебе. Они не могут двигаться, находясь под воздействием чар, в основе которых лежит окаменелость их собственных душ. Раньше они напоминали воск, теперь же стали камнем и не могут ни бежать от тебя, ни выразить тебе свое почтение. Они ничего не чувствуют, но все видят и слышат. Произнеси приговор, мой господин.

Но и в час своего торжества Улум, как всегда, не выражал никаких эмоций. Он медленно оглядел зал, вглядываясь в каждую деталь. Когда его пустые глаза останавливались на лицах людей, бросивших ему вызов, в них загоралось что-то вроде голода, даже алчности.

Через некоторое время Улум произнес:

— В парке остались звери, но их можно пощадить. Не звери, а люди начали эту войну, прекрасно понимая, что делают. Именно они в долгу передо мной... Однако как бы то ни было, здесь не все.

Зайрек быстро огляделся. Кассафех исчезла.

— Не понимаю, как ей удалось ускользнуть из кольца моих чар. Впрочем, ей все равно никуда не уйти из Симмурада. Что же касается зверей, то я отошлю их из города, если пожелаешь.

— Я заберу их во Внутреннюю Землю, — объявил Улум. — Там есть женщина, которой они понравятся, а может, она станет охотиться на них.

— У меня есть одна просьба, мой господин, — продолжал Зайрек.

— Говори.

— Симму, зовущий себя твоим врагом, должен и мне кое-что. Отдай его мне.

— Жестокость — твоя пища, она не для меня, — объявил Владыка Смерти.

— Значит, ты отдашь его мне? Ты прав, мой господин, я намерен совершить такую жестокость, что память о ней будет рвать и терзать мое сердце еще много столетий. Есть только одно, что может спасти меня от безумия, — я должен неистовствовать, страдать и раскаиваться. Пока бьется мое сердце, оно должно кровоточить, иначе я не вынесу того, что должен пережить. Вместе с другими твоими дарами, мой господин, отдай мне Симму.

— Забирай его, — ответил Владыка Смерти, — и подари мне Симмурад.

Кассафех бежала по ночным улицам и садам Симмурада. Тени оказались снисходительны к ней, обнимая и пряча ее от колдовского взгляда приятеля-любовника. Но беспощадные звезды заливали светом мраморные улицы, а когда взошла луна, похожая на яблоко из зеленой яшмы, Кассафех чуть не впала в отчаяние. Но, так как никто не пытался ее задержать, ей показалось, что она уже чудесным образом спаслась. Красавица не понимала, что оказалась в ловушке и, куда бы она ни побежала, ей не удастся вырваться на свободу...

Жена Симму выбежала из зала в то мгновение, когда распахнулись окна. Она не продумала заранее план действий. Скорее, она действовала бессознательно. Но то, что она сумела вырваться из кольца чар Зайрека, объяснялось вовсе не этим. Заколдованные мудрецы и чародеи словно выросли в пол. Красавица же смогла ускользнуть, подстегиваемая безумным страхом. Дело в том, что она была дочерью волшебного создания. Колдовство Зайрека не коснулось ее по той же причине, по которой не обольстил ее сад второго колодца. Кровь ее неземного отца — фиолетовая кровь духа стихий, — смешавшись с человеческой, уберегла ее от земного колдовства. Что касается Улума, то она не видела его. Однако было вполне достаточно и того, что она почувствовала его приход. Как и весь Симмурад в ту ночь, она, бессмертная, дрожала от страха перед Владыкой Смерти.

Кассафех бежала к воротам, чтобы проскочить через них, заручившись помощью Йолсиппы. Толстяк ведь оставался единственным свободным человеком в городе, поскольку не присутствовал на пиру. В сущности, женщина больше нуждалась в его дружеском участии. Ее предали, но у нее не было времени горевать об измене Зайрека.

Недалеко от ворот со скоростью, недоступной жене Симму, промчались в противоположном направлении три пятнистых леопарда. Их сверкающие золотистые глаза почему-то привели Кассафех в замешательство. Ей показалось, что хищники нашли выход, который был недоступен ей.

Ее же дорога вела к стене, в которой были сооружены медные ворота, сияющие в лунном свете.

Кассафех быстро взобралась по лестнице, высеченной в скале, и прошла сквозь низкую дверь сторожевой башни.

— Йолсиппа! — закричала она. — Симмурад погиб.

Но Йолсиппа остался лежать на своем ложе, с присвистом похрапывая и что-то бормоча во сне.

Тогда Кассафех схватила кувшин и перевернула его вверх дном над головой привратника. Но это оказалось бесполезно, толстяк уже выпил все вино, и кувшин был пуст. Женщина в ярости принялась хлестать его по щекам и вдруг услышала далекий, но зловещий грохот, камни под ее ногами и над ее головой задрожали.

— Йолсиппа, проснись! Будь ты проклят! Скорее открывай ворота, нам надо бежать отсюда!

Бывший вор, наконец, очнулся и первым делом благоразумно спросил:

— Кто взял город?

— Смерть! Владыка Смерти в городе. Зайрек помог ему! Вот-вот случится что-то ужасное... Не знаю, что это, но мне страшно!

Йолсиппу прошиб пот, и он бросился к рычагам устройства, открывающего ворота.

— А Симму? Как он? Разве он не стал сражаться с Владыкой Смерти?

Кассафех завопила, собираясь, должно быть, рассмеяться. Но из ее глаз полились слезы, хотя красавица и сама не знала, кого оплакивает. Однако, взяв себя в руки, она закричала на Йолсиппу, чтобы тот пошевеливался. Между тем Йолсиппа не спешил, а подозрительно оглядывался по сторонам.

— Боги, которые ненавидят меня, опять проснулись. Ворота не подчиняются мне.

— Зайрек и сюда добрался! — простонала Кассафех.

Толстяк снова налег на рычаги, а Кассафех помогала ему. Ее слезы и его пот ручьями стекали на пол, но ворота и не думали открываться.

— Может, попробуем удрать через потайную дверь? — спросила Кассафех.

— Слишком высоко, да и стена отвесная! Будь проклят тот идиот, который ее придумал!

Однако, горя желанием увидеть, что же им угрожает, они все-таки открыли дверцу и выглянули наружу.

Зеленая луна, не скупясь, заливала все вокруг ярким светом.

Ночь казалась тихой и мирной, вокруг высились горы, а впереди и внизу, до самого

горизонта в звездном свете, сияло огромное море. Но тут снова ударил гром, лунная дорожка на воде задрожала и раскололась, словно разбитое зеркало.

— Море, — испуганно пробормотала Кассафех.

— Ну да, оно беспокойно, — подтвердил Йолсиппа.

— И гораздо ближе, чем прежде!

Йолсиппа вытянул шею, прищурился и подумал, что лучше бы глаза обманывали его. Море, серое и холодное, бурля и вскипая, подобралось к подножию скал. Время от времени огромная волна ударяла в каменную стену. Море медленно наступало на город бессмертных.

Зайрек, владевший знаниями и магическим искусством Морского Народа, вызвал ледяные воды древних морей и с ними всех чудовищ, живущих в их глубинах.

Морские течения отклонились от своих обычных путей. Воды устремились на восток, не обращая внимания на зовущую их багрово-зеленую луну, которая и в те дни, когда Земля была еще плоской, властвовала над соленой водой. Из пучин, из бездны, из лона самой Земли, мощным ударом снеся все преграды, поднялись гигантские волны. Море наступало на сушу. Оно поглотило восточный берег, его пляжи и мраморные укрепления. Однако больше всего оно стремилось поглотить Симмурад.

Зайрек стоял на крыше самой высокой башни города. Симму, его награда, беспомощно распростерся у ног чародея. Маг взывал к морю на древнем языке магии. Он не чувствовал ничего — или почти ничего, кроме своего нечеловеческого могущества — опьянение силой сменилось изжогой ненависти. Владыка Смерти давно удалился, утолив жажду мести — если она вообще существовала.

Преодолев высокие стены и устремляясь вниз, к центру города, море, ликуя, хлынуло в долину Симмурада. Шум водопада и грозы сливался с грохотом исполинских волн, бьющих в склоны гор.

Постепенно сады и бульвары, прекрасные колоннады и дворики города были затоплены. Море, скрывая верхушки деревьев, медленно поднималось по ступеням крепости.

Вода неслышно скользнула в пиршественный зал дворца. Она уже наполовину поглотила зеленую плиту перед входом, добралась до слов Я — Симмурад и теперь нежно целовала их.

Вот вода скрыла пол, охватив изящные лодыжки бессмертных женщин, безобразные ступни мудрецов и сапоги воинов, но никто из них не шелохнулся. Никто не двинулся с места и тогда, когда море, осмелев, поднялось по их ногам выше, лаская застывшие тела. Скованные чарами, бессмертные не ощущали прикосновения моря, но все видели и понимали. Вот вода поднялась до их подбородков, но несчастные не сопротивились и не задыхались. Глаза их напоминали гладкие камни на берегу. Уязвимые, как обычные люди, они утонули, но благодаря приобретенному бессмертию оставались живы. Однако теперь их жизни были не нужны им.

Бессмертных моментально облепили мельчайшие морские создания, зодчие моря. Обычно у них уходили годы на возведение прекрасных сооружений из белого коралла, но по зову Зайрека здесь собрались лучшие подводные строители. Со знанием дела принялись они за работу. Вскоре каждый бессмертный получил персональную тюрьму из белого коралла.

Зайрек лишь ускорил окаменение, которое он заметил в жителях Симмурада, увидев их впервые. Тогда они были восковыми куклами, а теперь стали коралловыми статуями. Они никогда не умрут, но все же Смерть может праздновать победу. Немного погодя вода достигла потолка зала, и рыбы стали сновать туда-сюда через разбитые вихрем окна. Однако море еще не добралось до самых высоких башен города. Теперь оно уже не было бурным, оно стало тихим и ласковым, оно целовало свои жертвы перед тем, как их поглотить.

Кассафех заметила это, так как море, крадучись взбиравшееся по лестнице, казалось, что-то тихо напевало, словно пытаясь успокоить и заворожить ее.

— Мы погибли, — мрачно проговорила Кассафех.

— Это-то мне и непонятно, — уныло согласился Йолсиппа. — Ведь мы не можем утонуть, однако, судя по всему, — так оно и случится. И хотя жизнь в этом городе порядком

надоела мне, я вовсе не желаю очутиться под водой. Как бы то ни было, прошу тебя, не добавляй в этот поток еще и свои слезы.

— А ты не указывай мне, — огрызнулась Кассафех. — Ты слишком глуп, чтобы спасти нас, а я... меня не учили ничему полезному. Я не могу ничего придумать. — Кассафех стояла на верхней площадке лестницы у дверей в башню. Двумя-тремя ступеньками ниже была вода, а над головой — равнодушное небо. — И от вас тоже не дождешься никакой помощи, — обвиняюще бросила небесам Кассафех.

И тут она увидела чайку с белыми крыльями, кружившую в воздухе.

Наступление моря на берег испугнуло птицу. В перевернутом мире захлестывающего горы потопа птица вдруг ощутила нечто сверхъестественное, манившее ее в ночь. Кроме того, ее привлекали радужные рыбы, мелькающие среди волн. Внезапно она почувствовала притяжение еще одной силы.

Кассафех устремила на чайку пристальный взгляд и чарами эшв, которым обучил ее Симму, поманила птицу. Но, схватив чайку за оперенные бока и глядя в ее злобные глаза, Кассафех подумала: «И что теперь?» Ее безмолвная мольба проникла в мозг чайки, но женщина не знала, куда послать за помощью и кто сможет понять послание, переданное хриплым криком птицы? Чайка, придя в себя и видя, что Кассафех колеблется, полоснула клювом по руке женщины и рванулась ввысь. Но на ее перьях, словно написанная светящейся краской, заискрилась мольба о спасении, понятная тому, кто умеет читать такие письма.

Кассафех не знала о поцелуе небесного духа, зачавшего ее. Рассерженная чайка, поднимавшаяся вверх, тоже не знала об этом. А странствующим духам Подвержного Мира люди казались чем-то вроде ходячих глиняных кукол, которые лишь в очень редких случаях могли их заинтересовать.

Несколько этих небесных созданий купались в озерах лунного света на одной из эфирных равнин, невидимых человеческому глазу, когда вдруг среди них появилась чайка. С удивлением прочитали они послание — мольбу Кассафех. И хотя они могли бы тут же отделаться от этой чайки, этого не произошло — с клюва свирепой птицы на прозрачную кожу одного из духов упала капля крови. Он — хотя духи бесполой и больше напоминают мужчин, нежели женщин, — внимательно осмотрел каплю и сказал:

— Эта жидкость текла в жилах бессмертного. И, кроме того, — хоть она скорее красная, чем фиолетовая, — в ней есть частица и от нас.

Духи заинтересовались и, спустившись, увидели залитый водой город. Кассафех, стоя уже по колено в воде, проклинала небеса, а Йолсиппа упрекал владык Верхнего Мира.

— Не богохульствуй, — предостерегли они Кассафех. В их голосах прозвучали отголоски злобы, ибо все они любили богов.

— Тогда спасите нас! — взмолилась Кассафех и ухватила за хрупкие ноги одного из духов. Она почти обезумела от отчаяния, и ей было все равно, кто перед ней.

Духи, увидев ее неземную красоту и окровавленные пальцы, признали в ней свою дальнюю родственницу.

— Может, мы и спасем тебя, — сказали они, рассеянно глядя ее длинные волосы. — Но у нас нет никакого желания иметь дело с этим...

«Этот» — Йолсиппа — поклонился волшебным созданиям до самой воды.

— Мои ноги превращаются в коралл, — сказал он. — Я смирился с тем, что стану живым мертвецом... Но замечу, что эта девушка очень привязана ко мне и будет ужасно страдать, если нас разлучат.

Как раз в этот момент Кассафех вспомнила, как она рассталась с Симму, и слезы потоком хлынули из ее глаз. Она поняла, что, не признаваясь в этом самой себе, все время плачет по своему мужу.

— Вот видите, — скромно потупясь, продолжал Йолсиппа, — как она расстроилась при одном только упоминании о возможной разлуке со мной.

Двое духов быстро спустились и, обхватив Кассафех за талию, подняли ее над водой.

Несмотря на пиры и сладости, дочь купца осталась легкой и стройной, такой легкой, словно ее кости были полыми, как у ее неземных сородичей.

— Не плачь. Твой противный толстяк будет спасен.

Но Кассафех думала о Симму, оставшемся в плену у Улума, и безудержно рыдала, пока духи несли ее в безопасное место.

Вода уже обняла тучную грудь Йолсиппы. Рыбы щекотали его кожу, а кораллы, повинаясь заклинаниям Зайрека, причиняли немалую боль, уже покрыв коркой его икры.

Духи, не желая прикасаться к отвратительному толстяку до последней минуты, парили над его головой. Когда же вода начала заливать рот бывшего вора, они подхватили его за одежду, волосы и бороду и вытянули из воды. Его спасители были гораздо сильнее, чем выглядели, и все же лишь двенадцать духов, взявшись разом, смогли поднять толстяка. Так Йолсиппа, полуживой и обезумевший от страха и потрясения, благословляющий и проклинаящий небожителей, тоже был унесен из Симмурада.

Кассафех и Йолсиппа избегли судьбы, постигшей город бессмертных. Но удалось ли им избежать встречи с Улумом?

Неизвестно, как Зайрек покинул Симмурад, то ли по воде, то ли по воздуху, но передвигался он достаточно быстро, а Симму следовал за ним. Владыка бессмертных, заколдованный и оцепеневший, сохранял способность видеть, и последним, что его немигающие глаза видели в Симмураде, были сверкающие башни, затопленные водой. Трудно сказать, что бывший герой испытал, глядя, как погружается под воду город, — радость или боль.

Взошло солнце, и Зайрек опустился на землю в какой-то долине далеко к западу от затопленного города. Здесь не было никаких следов наводнения. Долина казалась каменной чашей, позолоченной солнцем и исчерченной тенями. До сих пор ничего, кроме солнца, теней и ветра, никогда не появлялось здесь.

Зайрек коснулся лба Симму кольцом с янтарем; другим кольцом, с зеленым камнем, — его губ.

Оцепенение Симму закончилось. От яркого света он зажмурил глаза.

— Не жди от меня пощады. Ты ненадолго переживешь своих подданных, — бесстрастно сказал Зайрек. — Я намерен уничтожить тебя. Ты ведь слышал, как я говорил об этом.

Лицо Симму было бледным, а движения — вялыми.

— Если ты хочешь узнать, боюсь ли я тебя, — сказал он, — то я скажу тебе... Да, боюсь. И все же, несмотря на страх, я чувствую в тебе что-то знакомое. Вероятно, это из-за того, что ты — моя судьба. Как ты думаешь уничтожить меня?

— Скоро узнаешь.

— Да, пожалуй. Но в Симмураде ты говорил, что я что-то должен тебе...

— Ни к чему напоминать тебе о твоих долгах. Не волнуйся, ты их заплатишь.

— Я могу убежать от тебя.

— Никогда.

Зайрек оставил Симму в тени скалы, а сам отошел примерно на сто шагов.

Бессмертный лежал неподвижно. Слабость и недоумение сделали его покорным, инстинкт самосохранения куда-то пропал. Он следил за Зайреком. Неожиданно вокруг чародея за клубился дым и скрыл его. Очередное колдовство. Зайрек не следил за своим пленником, однако Симму подозревал, что его связывают какие-то невидимые пути — или свяжут, если он попытается бежать.

Солнце над долиной превратилось в огромную раскаленную золотую печь. Оно совершенно лишило Симму сил, и он наконец забылся в тяжелом лихорадочном сне.

Ему приснилось, что он сидит на склоне холма и играет на тростниковой свирели. Тихие нежные звуки собрали у его ног множество разных зверей, а потом появился юноша — молодой черноволосый монах, босой, в желтых одеждах. Это был Зайрем — Симму часто вспоминал о нем во сне и забывал, просыпаясь. Зайрем сел на землю рядом с Симму, и тот

вдруг заметил, что абсолютно безболезненно превратился в женщину.

Однако тело Симму, видящего этот сон, не изменилось и даже не пыталось измениться. Симму уже утратил свою странную способность; дар, который в этот час мог спасти его, пропал. Может быть, виной тому была неумолимость Зайрека, а может, мучительная жажда смерти.

Симму спал, полуулыбка забытой любви играла на его губах; он еще не знал о своих потерях.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ ОГОНЬ

Глава 1

То был необычный сад. Высокие каменные стены окружали его. Мелкий зеленый песок шуршал под ногами, а по углам сада горели четыре медных светильника, подчеркивая черный цвет деревьев, с которых свисали оранжевые плоды, и кустов, источавших необычный аромат. Светильники ярко освещали каменный колодец посреди сада. В глубине его пылал огонь.

Под одним из светильников сидела женщина. Ее лицо нельзя было назвать красивым, но кожа казалась молодой и гладкой, глаза — удивительно блестящими, а безупречные зубы — белее снега. Она могла бы гордиться длинными каштановыми волосами, не будь они спутаны и увешаны металлическими кольцами с обломками костей. Однако это было еще не все: у женщины были чрезвычайно худые, морщинистые руки и такие же ноги, торчащие из-под грязных одежд. Она занималась тем, что добывала яд из зубов золотистой змеи, лежащей на ее коленях, а когда плошка наполнилась, женщина довольно хихикнула.

Казалось, ничего не изменилось ни в самом саду, ни во тьме снаружи, однако ведьма неожиданно подняла голову и быстро огляделась.

— Кто здесь? — проскрипела она старушечьим голосом.

— Тот, кто уже приходил однажды, — ответил невидимый гость. Вслед за этим на песке появилось облако дыма. Постепенно оно сгустилось и приняло форму человека. Его одежды и волосы были черны, а руки скрещены на груди, сверкающей золотом. Он стоял без движения, холодно и надменно разглядывая ведьму.

Однако она ничуть не смутилась и прокаркала:

— Ну-ну... Ты, верно, отец всех чародеев, раз смог проникнуть в мой сад. Это место хорошо охраняется, и никто до тебя еще не входил сюда без моего приглашения. Должно быть, ты мудрец, и твое могущество необычайно велико.

— Не стану отрицать, — согласился чародей Зайрек.

— Чего же столь могущественный маг хочет от меня?

— Я хочу испытать силу колодца во второй раз.

— А-а! — воскликнула ведьма. — Теперь я вспомнила... Ребенок четырех-пяти лет, с темными волосами, прекрасным лицом и глазами цвета прохладной воды... Теперь эти глаза похожи на две льдинки с вершины самого холодного ледника.

— Я тоже помню тебя, — сказал Зайрек. — Раньше все случившееся со мной в детстве казалось мне сном, но недавно я узнал некоторые подробности.

— Теперь ты обвиняешь меня во всех своих бедах? — удивилась ведьма. — Я предостерегала твою мать, когда она умоляла меня сделать ее сына неуязвимым, но она была упряма.

— И отдала тебе в уплату за это свои белоснежные зубы.

— Я всегда беру плату за свои услуги и немало выручила за эти годы. Вот, посмотри, эти волосы принадлежали одной девице, а черты лица — другой, правда, не такой уж красавицы, но, по крайней мере, молодой. Если бы ты был хоть чуть-чуть полубезнее, я

могла бы показать тебе еще кое-что, спрятанное от посторонних глаз, что я приобрела у одной дурочки, отрекшейся от мужчин, но прекрасно приспособленной для любви. Вот так, подлатывая себя с помощью этих сделок, я и остаюсь бессмертной, ловко обходя божественный закон равновесия. Хотя ты и очень мудр, мой господин, но я все же мудрее тебя.

— Ты просто старая безумная карга, — возразил Зайрек ровным голосом. — Горяч ли еще огонь в колодце?

— Пока земля будет плоской, огонь не погаснет. Этот древний огонь вечен. Все ли ты помнишь о нем? Только ребенок может выжить в этом пламени и стать неуязвимым, ибо огонь пожирает и грехи, и мудрость... А что, ты привел с собой дитя, чтобы искупать его в колодце?

— Ответ сначала, — потребовал Зайрек, — что будет, если человек, уже побывавший в огне и ставший неуязвимым, снова окунется в этот колодец?

— А-а... — довольно протянула ведьма, и лицо ее приобрело лукавое выражение. — Вот зачем ты пришел. Ответ прост: прыгай в огонь и вернешься невредимым. Он тотчас же извергнет тебя, не опалив и волоса на твоей голове. Даже сам огонь не может уничтожить того, кто в него однажды окунулся. Срок твоей жизни останется неизменен, почтенный чародей, и этих оков тебе не сбросить. — И старая карга широко ухмыльнулась, сверкнув зубами матери Зайрема.

Лицо Зайрека оставалось бесстрастным.

— Я так и думал, — сказал он. — И жизни скольких людей ты уже превратила в преисподнюю?

— Многих, — ответила ведьма. — Но ни один еще не возвращался, чтобы упрекнуть меня за это. Кстати, если ты задумал убить меня, то лучше побереги силы. Огонь защищает своих хранителей.

— Значит, ты тоже неуязвима?

— Ну да, ведь я — хранительница! Есть особые правила, соблюдая которые можно жить вечно, не нарушая равновесия Весов Жизни и Смерти, Добра и Зла. Я знаю секрет.

Зайрек отвернулся от ведьмы. Он начертил в воздухе знак силы и произнес тайные слова. Рядом с ним возникло облако. Ошеломленная ведьма широко раскрыла глаза. Мгновение спустя она увидела юношу в королевской мантии. Он был строен и красив, и глаза его казались такими же зелеными, как гемма, висевшая у него на шее. Лицо юноши было, бледным, а в глазах застыл страх. Несчастный не двигался и молчал. Казалось, он не видел ни Зайрека, ни ведьму.

— Послушай, что я тебе скажу, — произнесла старуха. — Если ты собираешься окунуть в огонь этого человека, то он сгорит дотла.

— Возможно, — согласился Зайрек. — Однако мне все же кажется, что огонь не сможет уничтожить его, ибо он отведал эликсира бессмертия.

Ведьма отступила на шаг.

— Ты не сделаешь этого, — проговорила она.

— Сделаю, — ответил Зайрек. — И этим положу конец твоему доходному промыслу. До конца времен Симму будет кричать, горя и не сгорая в огне неуязвимости. Никто больше не осмелится приблизиться к твоему колодцу, старуха.

— Ты, должно быть, очень ненавидишь этого человека, — сказала ведьма. — Какое же подлое преступление совершил он, если заслужил такую ненависть?

— Это не ненависть, — ответил Зайрек. — Это любовь. Такова моя участь — творить добро из ненависти, а зло из любви. — Зайрек подошел к Симму и поцеловал его в лоб, но Симму не шелохнулся, не сказал ни единого слова. — Ты — единственная рана, которую я могу нанести себе, — сказал Зайрек Симму. — Твои крики будут преследовать меня всю жизнь. Я уйду отсюда. Я заткну уши, чтобы в них остался твой крик. Я буду корчиться от ужаса, обливаться потом при воспоминании о том, что сотворил с тобой. Я буду жить страдая.

Сказав это, Зайрек обнял Симму за плечи и мягко повел его к колодцу.

— Я еще раз повторю... — начала было ведьма.

— Помолчи! — приказал ей Зайрек. — Я сделаю то, что сказал. Не забывай о моем могуществе и молчи.

Старуха отступила в угол сада и присела на корточки. Она потушила светильник, обвила себя золотистой змеей и зажала рот обеими руками, чтобы больше не противоречить Зайреку.

Зайрек и Симму подошли к краю колодца.

Далеко внизу бушевали языки пламени. В этот огонь когда-то опустили маленького Зайрема, удерживая на веревке, вплетенной в волосы. Он погрузился в невообразимое всепожирающее пламя, и оно выжгло у мальчика уязвимость тела и радость жизни.

Симму, наконец, обернулся и посмотрел Зайреку в глаза. Бессмертный по-прежнему молчал. Но, несмотря на то, что лицо его скривилось от страха, глаза ни о чем не спрашивали, ничего не просили. Симму не противился тому, что должно случиться. Зайрек ответил бывшему возлюбленному таким же ясным и недвусмысленным взглядом. Это был их последний разговор, и, казалось, что-то на самом деле произошло между ними, но даже они сами не могли определить, что именно.

Скорчившейся ведьме эти два человека представлялись символами — светлый и темный, свеча и тень, две стороны одного целого. Старуха бормотала себе под нос какие-то заклинания, все еще надеясь, что Зайрек не исполнит свой приговор.

Колдун указал Симму на край колодца, и бессмертный покорно взошел на него. Словно предвкушая новую жертву, огонь столбом взметнулся вверх. Колодец оказался не так глубок, как считал Зайрек, — и это понятно, ведь он был маленьким ребенком, когда видел это место в первый раз.

— Симму, если когда-нибудь ты найдешь способ наказать меня за то, что я сейчас делаю, отомсти мне, — на прощание сказал бессмертному Зайрек.

Симму вздрогнул и качнулся над огнем, словно и сам хотел броситься вниз.

Но Зайрек вовремя толкнул его сзади.

Пытаясь сохранить равновесие, Симму шагнул вперед и, сорвавшись с края колодца, исчез в огне.

Пламя ослепительно вспыхнуло. Зловещее сияние на мгновение залило весь сад. А потом все снова погрузилось в сумрак. Из колодца не доносилось ни звука.

— Что это значит? — спросил Зайрек, повернувшись к ведьме. — Я помню, как сам страшно кричал в этой яме. А сейчас я ничего не слышу.

Ведьма отняла руки от губ.

— Огонь выжег его язык и глотку, — сказала она. — Твой враг кричал бы, если б мог. Ты ждал от этой казни слишком многого.

— Но теперь я не уверен в том, что он будет обречен на вечные страдания.

— Если тебе это так нужно, загляни в колодец и увидишь.

Колдун так и сделал. Он долго вглядывался в языки пламени, а когда он, наконец, выпрямился и отошел от колодца, в его лице и глазах запечатлелось то, что он увидел.

Зайрек покинул сад точно так же, как пришел, — в колдовском облаке... Ведьма в надежде обрести покой, сидя под угасшим светильником, царапала на песке руны. В саду воцарились страх и безумие.

Была на Земле одна каменная пустыня, где песок истерся в пыль, а пыль унесло ветром. Это место и выбрал Зайрек для своего добровольного изгнания.

Посреди этой пустыни возвышались белые, как кость, скалы, в некоторых из них зияли черные пасти пещер. Зайрек выбрал одну такую скалу, нашел подходящую пещеру и, склонив голову, сел у ее порога на горячий голый камень. Так он просидел много лет.

Днем его жгло немилосердное солнце, ночью стегали ледяные ветры. Он питался тем, что приходило к нему само, — воздухом; он пил росу и редкие дождевые капли. И при этом он оставался жив, ведь ни голод, ни жажда не могли убить его. Но тело Зайрека почернело и

высохло, и от его красоты не осталось и следа.

Иногда к скале прилетали хищные птицы. Они без страха приближались к колдуну, принимая его за труп, — обед, приготовленный для них. Чародей не шевелился и не прогонял их, и птицы, обломав клювы о стену его неуязвимости, с хриплыми криками улетали в поисках иной добычи.

Зайрек много спал — тем ужасным сном, дарованным ему Владыкой Смерти. Постепенно этот сон начисто смыл все воспоминания чародея. Его разум — причина всех его страданий — теперь был заперт в темноте за ставнями век; сознание колдуна незаметно разрушалось, и он забывал самого себя. Однако время от времени, плавая в темном озере небытия, Зайрек натывался на воспоминание о Симму, вечно горящем в огненном колодце. Чудовищная боль этого видения стала для него сладкой и желанной. Зайрек не злоупотреблял ею, медленно, капля за каплей, выжимая из своего разума терпкий сок ненависти. Вот и все, что у него осталось; все, что он сохранил для себя. Но прошло время, и даже это воспоминание поблекло...

Вначале люди редко заходили в эти места. Однако проходили десятилетия, и они осмелели. Пришли те дни, когда через каменную пустыню пошли караваны. Хотя караванный путь лежал в стороне от белой скалы, некоторые путешественники заметили, что на камне у входа в пещеру кто-то сидит.

В городе на краю пустыни каждый по-своему рассказывал о таинственном создании.

— Это какой-то необыкновенный зверь.

— Это безумец!

— Да нет, это отшельник, святой человек. Мы видели, как к его пещере слетаются стервятники и, по велению богов, кормят его.

После этих рассказов люди решили, что Зайрек одарен сверхъестественной силой. И к нему через каменную пустыню потянулись паломники. Собираясь по пять — десять человек, они карабкались на скалу и устремляли любопытные взгляды на вход в пещеру.

Зайрек — или создание, в которое он превратился, — смотрел на них с жуткой отрешенностью, но паломники или принимали его за слепого, или считали, что старец слишком глубоко погружен в себя и ничего вокруг не замечает. Колдун же не произносил ни звука в ответ на их благоговейные просьбы, и люди считали, что он дал обет молчания. Они приносили ему медовые лепешки, вино, изюм и холодное мясо. Нетронутая пища гнила на каменном уступе у ног Зайрека, пока кто-нибудь из паломников не выбрасывал ее.

Так прошло несколько бесплодных месяцев, и люди перестали приходить к колдуну; вместо этого в городе на краю пустыни поползли слухи о святости и диком облике старца. Чтобы сделать свои сказки занятнее, люди приписывали отшельнику чудотворчество. Однажды из далеких краев прибыл могущественный князь, слышавший рассказы об отшельнике.

Этот князь путешествовал в золоченой повозке под ярко-красным пологом. По обе стороны повозки бежали по тридцать рабов. Когда князь поднимался по скальной тропинке — там уже давно была протоптана тропинка, — прелестные девы стелили ему под ноги шелка, чтобы его ноги в мягких туфлях не ступали на голую землю.

Князь небрежно кивнул Зайреку в знак приветствия.

— Мне снился конец света. Наше солнце померкло, и на небе появилось новое; горы растаяли, а моря высохли. Что сие означает? — спросил он у Зайрека.

Но колдун не ответил этому князю. Его глаза, когда-то цвета зеленой воды, отражающей голубое небо, при приближении князя закрылись словно ворота.

Князь уехал, так и не получив ответа.

Однако слава есть слава. Через сто лет демоны прослышали о святом отшельнике, который не разговаривает, не шевелится, не ест и не пьет.

Когда взошла луна, трое эшв тихо подобралось к скале и начали танцевать перед ней. Они тоже молчали, легко обходясь без слов. Каждый скользкий шаг говорил за них. Танец вел их вверх по тропинке к входу в пещеру, где сидел Зайрек, склонив голову в сне-смерти.

Ни один человек не смог бы разбудить его, но эшвыдохнули благоуханием на веки колдуна, их длинные черные волосы коснулись его тела, и вскоре Зайрек проснулся. Эшвы беззвучно, одними глазами, рассмеялись и пробежали по его телу своими сладострастными пальцами мягко и нежно, словно кошачьими лапками. Две женщины и один мужчина из эшв были прекрасны, как все демоны, и все же Зайрек не обратил ни на них внимания — к тому времени он почти ничего не чувствовал.

Тут, вспыхнув в лунном свете, ему в глаза ударил луч, исходивший из груди эшвы-мужчины. И Зайрек пробудился. Древний, иссохший скелет, в который превратился изможденный чародей, протянул руку, чтобы схватить камень, свисающий с шеи эшвы. Но трое демонов отпрянули, пристально глядя в лицо отшельника с детской наивной жестокостью. Зайрек заплакал.

Словно дитя, он раскачивался и кулаками размазывал слезы по щекам. Он рыдал, и хриплые стоны скорби вырывались из его горла. Эшвы стояли рядом, пока им не надоело это зрелище, а потом они исчезли в ночи. Однако чародей еще долго рыдал и раскачивался. Тем временем зашла луна, потускнели звезды, и алая роза восходящего солнца расцвела на востоке.

Когда солнце взошло, мимо скалы в сторону города проскакали всадники.

— Что это за стенания? — удивились они.

— Это святой, что живет в пещере, — ответил один, знавший об отшельнике. — Хотя... обычно он более хладнокровен.

С ними ехал священник, и он напыщенно провозгласил:

— Поистине, отшельник оплакивает грехи мира! Но Зайреку не было дела до грехов мира. Он рыдал, не зная, от гнева или от радости, ибо его жестоко обманули.

Глава 2

Сброшенный в огонь Симму, казалось, мгновение висел в воздухе, перед тем как рухнуть в пылающую бездну. Он испытывал неизмеримые муки и настолько нечеловеческую боль, что в долю секунды она превзошла все свои пределы и перестала быть болью, став чем-то другим, чему нет определения. Но от этого она не стала менее ужасной.

Плоть Симму уже сгорела, и теперь горели его мысли. Но его бессмертная суть — то последнее, что не выпускало душу из ловушки человеческого тела, — продолжала жить. Его плоть осталась цела ровно настолько, чтоб не дать ему умереть в пламени колодца.

Между тем в огне горели не только его волосы и кожа, не только его мозг и кости — в огне горел и зеленый камень эшв, оставшийся на шее бессмертного.

Сколько времени это длилось? Говорят, девять лет. А потом, хоть Симму больше ничего не видел и не слышал, что-то возникло перед впадинами его глаз и зазвенело в провалах его ушей. Слова, похожие на музыку, донеслись до несчастного, преодолев огромное расстояние.

— Смотри, камень снова в огне, как я тебе и говорил.

— Уже в третий раз. Как пронзительно кричит этот зеленый камень, чувствуя прикосновение пламени! Но ведь наш князь больше не желает исполнять свою клятву!

— Но ему придется.

Эти мелодичные голоса принадлежали ваздру. А где-то в другом месте карлик дрин стонал и рвал на себе черные волосы от одной мысли о том, что его драгоценное создание, столь искусно ограненный камень, обугливается в пламени. Эшвы, демоны-посланцы, взлетели, словно черные голуби, и понеслись вверх по огненному колодцу. Их прохладные руки подхватили то, что осталось от Симму, и унесли вниз.

Симму не знал, куда движется. Неясные призраки мелькали перед его слепыми глазами, шепот серебряных мыслей эшв проникал, в оглохшие уши. Симму испытывал жуткие страдания. Он забыл даже о демонах, хоть те и пытались, как могли, облегчить его боль. Бессмертного пронесли сквозь три ряда ворот в сверкающий черный город глубоко под

землей.

Как выглядел обгоревший Симму, неизвестно. Его можно было увидеть, но невозможно описать. Боль, которую он испытывал, тоже не поддается описанию.

Бессмертный почувствовал — несомненно почувствовал, хоть никаких ощущений, кроме боли, в нем не осталось, — как к его груди прикоснулась рука. От этого прикосновения плоть Симму осыпалась, словно листья с замерзшего дерева, но он так и не узнал об этом, ибо рука утолила его боль и принесла забвение.

Азрарн взглянул на то, что лежало на полу под окнами из винно-красного корунда. Он поднял камень. Камень почернел, словно мертвый уголь. Даже искусная работа дринов не выдержала пламени колодца.

Тому, что вызвало у демонов интерес, они многое позволяли и многое давали. Все бесплодное или оскорбительное для них — уничтожали. На то, что нагоняло скуку, они просто не обращали внимания. Но при всем этом они оставались непостоянными, а поступки их казались непредсказуемыми.

Симму обманул ожидания Азрарна. Роковую роль в этом сыграло простодушие Симму. Герой, получив бессмертие и в придачу Симмурад, не выдержал испытания. И, встретив однажды ночью на речном берегу Владыку Смерти, Азрарн подсказал ему единственное оружие, с помощью которого тот сможет проникнуть в город, — напомнил о чародее Зайреке. Но вполне вероятно, что Азрарн не просто так сыграл на руку Улуму. Зайрек стал рукой Смерти, но в то же время он послужил ложкой, которой Азрарн смог перемешать варево в котле Симмурада.

Владыка Ночи, которого Симму так не хватало и которого ему так и не удалось призвать в нужный момент, теперь вновь оказался рядом. А может, и во время гибели города бессмертных Азрарн наблюдал за Симму из мрака безлунной ночи или через какое-нибудь волшебное зеркало Нижнего Мира? И если так, то что же он видел? Может, демон собирался наказать того, кто обманул его надежды, разочаровал и утомил? Но и в этом Азрарна опередили — наказание придумал другой. Совершенное наказание. Огонь неуязвимости представлял собой нечто гораздо более ужасное, чем все, что смог бы придумать Азрарн. И если бы он захотел причинить Симму страдания, то не сумел бы сделать больше того, что сделал Зайрек. Теперь же, чтобы показать свое могущество и утолить тщеславие, Азрарну не осталось ничего другого, как спасти Симму. К тому же демонов всегда пленяла справедливость, какие бы ужасные и странные формы она ни принимала.

Азрарн призвал дринов и передал им свою волю. Они в восторге подпрыгивали оттого, что их повелитель обратил на них внимание, и ежились от страха, боясь что-нибудь неправильно понять. Потом они унесли останки Симму — груды пепла, которая, казалось, слабо дышала и время от времени слегка вздрагивала, будто спящий человек.

У озера, воды которого напоминали черную смолу, в звездах ночи Нижнего Мира пылали огни кузниц дринов. Маленький народец из Драхим Ванашты прославился невообразимыми причудами и непревзойденным мастерством во всем, что касалось металлов, камней и разных хитроумных механизмов.

Теперь им предстояло превзойти самих себя, создав удивительное создание. Его рост и очертания были человеческими. Для начала дрины вырезали остов из лучшей слоновой кости, не пропустив ни одного ребра, ни одного сустава пальца. Череп отполировали и снабдили сверкающими зубами, на которые пошла самая белая слоновая кость. Затем скелет одели изумительной плотью из самого прочного шелка и серебряных нитей, и среди всего этого великолепия поместили волшебные органы из бронзы и дерева. Новый механизм был тут же запущен: сердце начало биться, а легкие — вдыхать воздух. После этого на резную кость и шелковую плоть, словно перчатку, надели тонкую кожу из самого белого и тонкого пергамента, а эмалированные вены под ней наполнили благоухающими соками, окрасившими кожу изнутри. Это создание внешне принадлежало к роду демонов. Его волосы были сделаны из черного папоротника Нижнего Мира, а на черные ресницы пошла трава с лужайки Драхим Ванашты. Полированные черные агаты зияли вместо глаз, а ногти на руках и

ногах были вырезаны из перламутра.

Когда это удивительное создание было закончено, оно выглядело живым и в то же время слишком совершенным, чтобы быть живым, пусть даже демоном... Дрины изумлялись собственному искусству. Они в восхищении гладили свое творение руками и влюбленно глядели на него. Но они не собирались предъявлять свои права ни на то, чем это создание было сейчас, ни на то, чем оно станет. Закончив работу, они открыли ларец, в котором хранились обожженные лохмотья плоти, и поместили их внутрь искусственного существа через отверстие в черепе, предусмотрительно оставленное для этой цели.

Запечатав отверстие, карлики принялись грубо трясти создание, словно жестянку, в которую только что насыпали сахар. Завершив этот ужасный ритуал, дрины отступили, словно испугавшись своего творения.

Но ничего не произошло. Увидев это, дрины начали громко укорять друг друга, и каждый клялся, что его сосед забыл вставить какой-нибудь важный орган или произнести нужное заклинание. Их лица стали лиловыми. Мастера стали толкаться, пинаться и размахивать руками, как вдруг распростертое на ложе существо вздохнуло и повернулось, словно пытаясь отгородиться от поднятого ими шума.

В мастерскую вошел Азарн, и дрины, пища, тут же пали ниц. Повелитель демонов подошел к ложу и взглянул на новый сосуд, в котором содержалась теперь бессмертная сущность Симму — не душа или дух, а обгоревшие лохмотья плоти.

— Маленькие искусники, — сказал он тихо, — вы хорошо поработали.

Польщенные и расчувствовавшиеся дрины долго целовали край плаща Азарна.

Отгнав слуг, князь демонов легонько прикоснулся к плечу Симму — тело эшвы, в котором находилась теперь жизнь Симму, имело право и на его имя — и глаза бессмертного открылись. Он взмахнул ресницами из черной травы, и взгляд его лучистых глаз-агатов остановился на князе демонов.

Азарн отвел боль, мучившую Симму, и вернул ему все остальное или почти все. Ожили все чувства бессмертного — вкус, обоняние, осязание, зрение, слух — кроме речи, ведь эшвы не могут — или не хотят — говорить. Исчезла также и память. Симму пробудился, словно родившись заново, не помня ничего о своем прошлом.

Его разум был чист и невинен. Ни следа не осталось от пережитого; ни радости, ни боли. Его ждало первое пробуждение и первые впечатления. И первым, кого он увидел в новом, неведомом мире, стал Азарн Прекрасный.

Именно Азарн спросил его:

— Скажи, кто ты?

Ответ заключался в вопросе. Это был первый урок. И, повинувшись князю демонов, агатовые глаза бессмертного беззвучно ответили: «Демон и твой подданный. Разве этого мало?» Симму склонился перед Азарном. Его превосходно сделанное тело было таким же изящным, как и тела тех созданий, которые послужили для него образцом.

Азарн задумчиво посмотрел на бессмертного. Ему, и только ему, предстояло завершить творение дринов. Он поднял Симму на ноги и увел с собой.

Когда-то Азарн сказал Симму: «Я сам выберу подходящее время. Пока оно еще не пришло». Теперь это время неожиданно наступило. И не имело значения то, что это был всего лишь магический ритуал... Замкнулся круг, затянулась рана. Шепот демонов раздувает паруса Земли, а тьма их мира становится зеркалом, в которое могут заглянуть люди...

Когда Азарн провел рукой по папоротниковым волосам Симму, они стали настоящими волосами; то же произошло и с травой ресниц, касавшихся щек Азарна. Глаза бессмертного наполнились слезами и, оставшись прекрасными, перестали быть агатами. А когда Азарн поцеловал Симму в губы, бархат обернулся плотью, и все тело Симму стало из плоти и крови, совершенных и удивительных, но не человеческих. А когда Азарн овладел Симму, вновь разрушив и пробудив его через подобные смерти муки наслаждения, каждый нерв и мускул, каждая капля крови, весь Симму — внутри и снаружи — стал по-настоящему живым. И это чудо совершил Азарн. Даже среди смертных — и тогда, и теперь — любовь

творит чудеса; Азрарн же — вероятно, придумавший любовь, — мог сделать с ее помощью намного больше, чем любой из смертных. И все же Азрарн был для Симму королем и повелителем, а не любовником. Азрарн любил немногих, да и те были смертными.

С тех пор Симму жил и странствовал с эшвами. Он жил в темном Нижнем Море и в лунные ночи поднимался на землю. Он стал тем, кем мечтал быть в раннем детстве, бродил по ночным лесам, без слов созывая к себе зверей и смеясь над человеческой глупостью. В пылающих грезах эшв он видел тех, кто нашел его и заботился о нем на заре его жизни. Возможно, Симму бродил именно с теми двумя эшвами, которые убаюкивали его своими чарами, когда он был еще младенцем; а может, все трое и не подозревали о том, что они когда-то давным-давно путешествовали вместе.

Волосы Симму не были больше абрикосовыми, а глаза — зелеными. И волосы, и глаза бессмертного стали черными, как у любого демона. Тело Симму больше не изменялось, становясь то мужским, то женским, он стал эшвой-мужчиной, но демоны — а в особенности эшвы — подобны маятникам, их изменчивому, ничем не стесненному естеству доступна всякая любовь.

На шее Симму все еще носил зеленый камень — точное подобие прежнего — подарок Азрарна. Князь демонов часто дарил драгоценности своим подданным, когда те угождали ему. Этот камень, сокровище Симму и предмет зависти его новых братьев, зеленой звездочкой мерцал и вспыхивал среди теней. Поколения за поколениями — убийцы, пробирающиеся по лесам, молодые девушки, по ночам сплетающие венки и делающие амулеты, чародеи, совершающие колдовские ритуалы, — захваченные врасплох демоном Симму, видели мельком зеленое пламя.

Легко и свободно шел Симму сквозь череду тысячелетий; бессмертие перестало давить на него, ибо он был теперь эшвой. Истинно бессмертных — ни демонов, ни богов — не страшит бесконечная жизнь. Она всего лишь одна из сторон жизни и их таинственной сущности.

Вполне вероятно, что однажды ночью Азрарн отправил Симму навестить безумного отшельника в далекой пустыне. Возможно, князь затеял некий розыгрыш, над которым лишь он мог посмеяться. А может быть, совсем другой эшва опустился у скалы и танцевал перед входом в пещеру. До того, о чем Зайрек догадался благодаря этой встрече, он мог бы прийти и сам... Колдун рыдал; а Симму вообще не плакал, разве что иногда, для развлечения, расточительно и бессмысленно, как плачут лишь эшвы. Так бессмертный и жил в Нижнем Море, который стал ему наконец домом — впрочем, к этому все и шло.

ЭПИЛОГ ДОМ НА КОЛЕСАХ

Вдоль широкой равнины двигалось нечто невообразимое.

Мужчины в полях побросали серпы и встали, разинув рты. Женщины у колодцев выронили от удивления горшки и черпаки. Собаки в деревьях лаяли непрерывно, а птицы взмыли вверх, хлопая крыльями, расцвеченными вечерним солнцем. Такого зрелища здесь не видели уже лет тридцать, с тех пор как по этим землям проезжал король, но воспоминание о великолепии королевской процессии тускло перед не правдоподобным зрелищем, открывшимся селянам.

Впереди процессии шествовали огромные угольно-черные слоны. Их красно-золотую сбрую усыпали алмазы и бубенцы. На спине слона, шедшего первым слева, удобно развалившись под навесом, в золотом седле, восседал толстяк, по-видимому, погонщик. Сзади, удерживаемое разукрашенными оглоблями и бронзовыми цепями, катилось нечто вроде передвижного дворца с резными деревянными стенами, красными лакированными дверями, окнами из цветных стекол, черной фарфоровой крышей и шестью высокими башнями, увенчанными куполами. Сооружение это было установлено на медной платформе,

снабженной двадцатью огромными позолоченными колесами. А медные спицы этих громыхающих колес были сделаны в виде драконьих голов и при каждом обороте выпускали клубы благоухающего дыма.

Погонщик слонов не обращал особого внимания ни на раздававшиеся со всех сторон громкие возгласы изумления, ни на тявканье собак, ни на визг детей, бегущих за исполинским домом на колесах.

В маленькой тополиной роще у дороги приютилась харчевня. Купцы, сидящие в саду, окликнули толстяка на слоне.

— Эй, иди к нам и выпей чашу вина за наш счет! Занятную штуку ты везешь! Чем торгуешь? Толстяк остановил слонов.

— Я ничем не торгую, — ответил он звучным голосом. — Я — телохранитель и, осмелюсь добавить, приемный дядя, или даже отец, той, которая готова продать свой товар любому.

— Еще занятнее, — удивился купец, начавший разговор. — Женщина... Интересно, что может продавать женщина?

— Боюсь, ты не о том подумал. Госпожа, путешествующая в этом удивительном экипаже, — доверенное лицо одного могущественного владыки, его посредница, и товары, которые она предлагает, тоже принадлежат ему.

— Так она не продает свое тело? — удивился купец.

— Да что ты! — воскликнул толстяк, замахав руками. — Ты что, никогда не слышал о Доме с Красными Дверями?!

Вокруг воцарилась странная тишина. Закат догорел, в небе осталось только темно-розовое сияние вечерней зари. Тени, которые весь день жались к тополям, теперь раскинули по земле свои крылья — но светильники в деревенском кабачке еще не зажгли. В саду шелестели зеленые листья. «Да, да, — шептали листья, — мы слышали о Доме с Красными Дверями. Кто же не слышал о нем?» Купцы искоса, настороженно поглядывали на пышный дворец на колесах, в наступивших сумерках казавшийся таинственным и призрачным.

— Слухи есть слухи, — сказал купец. — Думаю, им не стоит доверять.

— Дело твое, — отозвался толстяк. — Но если бы ты изменил свое мнение, то мог бы навестить мою госпожу, так как на ночь мы остановимся на соседнем холме. Ну, а теперь, — добавил он, — скажите, можно ли где-нибудь поблизости купить сена для наших слонов? И есть ли тут кто-нибудь косоглазый и не особенно добродетельный?..

Почти час купцы яростно спорили.

— Я не верю этим басням, — сказал один.

— Но дом и в самом деле на колесах, и двери у него красные, как рассказывают. К тому же толстяк точно подходит под описание Йолсиппы-бродяги, Ловкого Йолсиппы, бессмертного балагура, чей конь встает на дыбы при одном упоминании о косоглазых.

— А кто госпожа, живущая в доме?

— Ну, если все остальное — правда, то это Кассафех, служанка самого...

— Тихо! Тихо, будь ты проклят!

Передвижной дворец застыл на вершине холма в четверти мили от деревни. Два пылающих факела, воткнутые в землю перед его дверями, ясно обозначали его местонахождение. Пока купцы шумели и спорили, один из них задумчиво молчал. А когда все отправились ужинать, он встал и, дрожа, отправился к Дому с Красными Дверями.

Это был серьезный мужчина средних лет, худощавый и скромно одетый. Поднимаясь в темноте по склону холма, он прошел мимо слонов, стреноженных на лугу. При его приближении они хрипло затрубили, словно извещая свою госпожу о появлении просителя. Когда купец добрался до факелов, он увидел, что Йолсиппа — если это и вправду был он — сидит перед покрытыми красным лаком дверями и терпеливо поджидает его.

— Ну, и зачем же ты пришел? — закричал Йолсиппа. — Должно быть, желаешь

отыскать и разграбить какую-нибудь древнюю гробницу? А может, жаждешь обменять на сокровища свою только что умершую любовницу? Или ты замыслил погрузиться в сон, подобный смерти, способный обмануть мудрейшего лекаря, чтобы укрыться от сборщика налогов?

Купец побледнел:

— Как можешь ты шутить, если и в самом деле служишь Ему?!

— Я служу своей госпоже, — ответил Йолсиппа. Теперь у купца не осталось сомнений, что это тот самый Дом. — А вот она служит тому, о ком мы говорим, — Улуму, Владыке Смерти.

Купец вздрогнул.

— Однако, — продолжал Йолсиппа, — я должен тебе кое-что сказать. Хоть моя госпожа и способна попросить своего господина сделать тебе одолжение, он может оказаться занят в данный момент и не придет на ее зов. Ты должен понимать, что у него много важных дел. А теперь скажи, что привело тебя сюда. Любовь, алчность или любопытство желаешь ты утолить?

— Если все, что говорят о твоей госпоже, правда, — твердо сказал купец (хотя он старался скрыть испуг, это ему плохо удавалось), — да, если все это правда, то я расскажу о своем деле только колдунье, которая живет в этом доме, — Кассафех.

Йолсиппа пожал плечами.

— Как хочешь, — сказал он. — В любом случае у меня сейчас свидание с мальчонкой, прислуживающим в кабаке. Хотя он и не косит, но уверял меня, что может за три серебряные монеты развернуть свои глазки крест-накрест. — Йолсиппа легонько постучал в красную дверь, которая тут же распахнулась. — Заходи, — пригласил он и не спеша стал спускаться по склону холма, оставив разинувшего рот купца в одиночестве.

Прошло некоторое время, прежде чем тот собрался с духом и вошел в дом на колесах.

Убранство покоев Кассафех завлекало и манило. Со всех сторон горели розовые светильники, открывающие взору всевозможные чудеса. Самой удивительной была центральная комната — помещение с резными колоннами из кедра, расписными стенами и сиреневыми шторами. В золотых вазах благоухали прекрасные цветы; на полу лежала шкура огромного тигра, хитроумно устроенные глаза которого смотрел на купца, куда бы он ни пошел, а из пасти хищника вырывалось негромкое рычание. Рядом стоял ткацкий станок с незаконченным радужным полотном. Купец осторожно приблизился к станку и вдруг отскочил в сторону в неописуемом ужасе, потому что челнок неожиданно дернулся.

— Не бойся, — послышался голос из-за станка. — Это всего лишь женщина за работой.

Купец боялся, что его ждет встреча со старой и безобразной ведьмой, но Кассафех оказалась молода и прекрасна, ее длинные блестящие волосы были чуть светлее ее золотистого платья. Однако глаза колдуньи постоянно меняли цвет, и одно это уже вселяло страх. Женщина, несмотря на приветливые слова, надменно посмотрела на купца, так что он счел благоразумным трижды поклониться.

— Не ты ли, — пробормотал он, — Кассафех?

— Да, это я, — услышал он в ответ. — А теперь садись и поведай, что привело тебя сюда.

Купец присел на диван, оббитый расшитым шелком.

— Какое великолепие! — воскликнул он. — Мне кажется, я вижу сон!

— Это не сон, здесь все настоящее, — холодно ответила Кассафех. — В моем доме нет иллюзий. — Казалось, ее раздражают подобные замечания. Купец, чтобы не сердить ее, тут же принялся объяснять причину своего визита.

— Я бы никогда не решился побеспокоить тебя, если бы не мой престарелый дед, — начал он. — Так вот, мой дед — а ему уже очень много лет — клянется, что в молодости заключил договор с... с тем господином, которому ты служишь. По правде говоря, я всегда думал, что старик просто выжил из ума и похвастается тем, чего не было. Однако мне пришлось притворяться, будто я верю ему, так как после его смерти состояние должно

перейти ко мне, и поэтому вполне разумно потакать ему. И вот теперь, как ты, верно, уже догадалась, мой старик устал от жизни и собирался покинуть этот мир. С радостью он уверял меня, что ему уготовано местечко при дворе... ты знаешь чьем. Дед рассказал мне суть договора. В обмен на огромные богатства из древнего саркофага, который охраняли столь ужасные стражи и заклятия, что лишь... э-э... такой могущественный владыка, как твой господин, мог совладать с ними... Так вот, в обмен на эти богатства мой дед обязался провести тысячу лет во Внутреннем Мире, в обществе... м-м-м... известного лица. Будучи приверженцем всего сверхъестественного, старик в своих снах часто видел, что творится во Внутреннем Мире, который, вероятно, очень изменчив. Там, судя по всему, все могут создавать иллюзии... — Тут купец замолчал и вытер пот со лба. — Все прошло, как они и договорились, гробница, казалось, ждала, пока придет мой дед и заберет сокровища. Теперь его богатство почти что в моих сундуках, но... Однажды дед, пробудившись ото сна, завопил, что отказывается умирать. По всей видимости, — продолжал купец, — на деда снизошло новое видение Внутреннего Мира. Владыка Смерти взял себе жену — настоящее пугало. Говорят, она вся синяя от яда, глаза ее желтые и сверкают, а вместо правой руки — голая кость. Все обитатели Внутреннего Мира падают ниц перед этой дамой, выражая свое почтение, а она, надменная и властная сука, топчет ногами их спины... Но это еще не все. Однажды случилось так, что Владыка долгое время отсутствовал, а когда вернулся, то обнаружил, что эта госпожа взяла власть в свои руки. Ее зовут Наразен, и когда-то она была королевой... Говорят, она заявила, что ее обманом лишили трона и власти, и она будет править Внутренним Миром вместе с Владыкой Смерти, и что она не собирается покидать его владения, когда истечет ее тысячелетний срок. А чтобы придать силу этим заявлениям, она уже построила собственный дворец, и тот в два раза больше, чем дворец самого Владыки! Дворец Наразен из черного гранита. Чтобы украсить его, она ограбила могилы половины земных королей. Необыкновенные бессмертные леопарды бродят по комнатам этого дворца и набрасываются на незваных гостей. Говорят, этих зверей подарил ей сам Владыка. Некоторые оправдывают его, говоря, что это награда, которую он позволил получить Наразен за то, что она предупредила его о замыслах неких глупцов, объявивших себя «Врагами Смерти». Однако, без сомнения, королева злоупотребила своими преимуществами и даже заключила договор с колдунами, а те тайно доставили во Внутренний Мир всякие растения, которые понадобились ей для того, чтобы разбить сады и парки вокруг своего дворца. И теперь ей нужны рабы, и она их получит, как заполучила для постройки дворца тех несчастных, с которыми заключал договор сам Владыка. «Я слишком стар, чтобы гнуть спину из-за такой чепухи», — заявил мой дед. «Брось, — успокаивал я его, — может стать, твой сон — обман». «Как же! — завопил мой дед, размахивая посохом. — Я узнал женщину, которая все время сопровождает Наразен, вечно целует ей руки и ухмыляется. Это она была посредником Его Светлости, когда я сто пятьдесят лет назад пришел, чтобы заключить с ним сделку, — это Лилас из Дома Синего Пса». Вот так, — закончил купец свой рассказ, — мой престарелый родич отбросил всякую мысль об уходе в мир иной, и, будучи необычайно упрямым, этот негодяй протянет, пожалуй, еще несколько десятков лет.

— И чем же я могу тебе помочь? — сурово спросила Кассафех. — Я не Лилас.

— Если ты служишь тому, кому служишь, ты, верно, сможешь повлиять на моего деда, объяснив ему, что никакой Наразен не существует.

— Но она существует, — возразила Кассафех.

— Неужели же твой господин не в силах уговорить эту женщину?

Кассафех улыбнулась. Ее глаза потемнели.

— Улум правит миром, разве не так? Почему он должен беспокоиться о том, что какая-то женщина пытается занять его место, если весь мир и так принадлежит ему?

— Но... Когда я был ребенком, священники учили меня, что Смерть — слуга людей, а не деспот. — Взволнованно пробормотал купец.

— Все люди знают это. Купец поежился.

— Холодает, — сказал он.

— Тому есть причина, — отозвалась Кассафех. — Скоро мой господин будет здесь.

Купца словно подбросило. Он увидел, как в светильниках затрепетало пламя, как закрылись глаза тигра.

— Почтенная госпожа, — прохрипел он, — кажется, мне пора.

С этими словами он выскочил из дома и ринулся вниз по склону холма, и на этот раз даже слоны не осмеливались трубить.

Много лет назад, после гибели города бессмертных, Улум отыскал Кассафех.

Затопленный морем Симмурад погиб, а небесные духи, спасшие Кассафех, оставили ее на каком-то плоскогорье. Моросил унылый дождь, и вокруг не росло ни одного деревца, под которым можно было бы укрыться. Йолсиппу они отнесли в ту же долину, правда, уронив с некоторой высоты.

Двое бессмертных сидели и оплакивали свое бедственное положение. Они служили друг другу своеобразным утешением — просто потому, что находились в равных условиях. Даже слезы, которые Кассафех проливала по Симму, иссыхали.

Когда же дождь прекратился, бессмертные, пошатываясь, побрели куда глаза глядят.

Когда они подходили к какой-нибудь деревне или хутору и просили дать им приют, их с проклятиями гнали прочь, швыряя вслед камни и спуская собак. Йолсиппа, привычный к таким переделкам, спокойно сносил все тяготы и лишения, хотя постоянно жаловался на свою горькую судьбу. У Кассафех же, встречавшейся с подобным отношением только во время путешествия с Симму, сердце сжималась от отчаяния и гнева.

Они с Йолсиппой представляли собой пару, не внушающую никакого доверия, хоть в том не было их вины. Но если Йолсиппа охотно прощал Кассафех ее растрепанный вид, то она не могла ему этого простить.

— Грязный жирный боров в жалких лохмотьях! — кричала она на своего спутника. — Неужели ты не мог прихватить хоть один драгоценный камень, чтобы нам не надо было побираться?

Свои собственные драгоценности она потеряла во время полета — а может, их украли небесные духи.

Однажды в сумерках они тряслись от холода на берегу какого-то ручья. Йолсиппа пытался разжечь костер, а Кассафех в это время ругала его, на чем свет стоит. Вдруг жуткий ледяной ветер прошел по высокой траве, и сердца бродяг сжались от страха.

— Там, на опушке леса, кто-то есть, — пробормотала Кассафех.

— Нет-нет, — громко возразил Йолсиппа. — Нет там никого. И не смотри туда.

Казалось, огромная птица развернула снежно-белые крылья, и перед бессмертными предстал Владыка Смерти — внушающий страх и благоговение, величественный и вездесущий.

Кассафех сделала вид, что лишилась чувств — по крайней мере, она упала на землю и попыталась забыть обо всем. Однако Улума невозможно было обмануть. Даже сквозь закрытые веки женщина все равно видела Владыку Смерти. В ужасе смотрела она на него, в то же время восхищаясь его красотой.

Йолсиппа пал ниц перед Улумом, уверяя, что безгранично обожает его и сделает все, что сочтет нужным приказать ему его господин.

Тогда Владыка Смерти сказал:

— Кроме вас, на земле больше не осталось бессмертных. Вы полагали, что можете избежать встречи со мной. Но я здесь.

— Твой приход радость для нас, — разливался Йолсиппа.

— Я не могу лишить вас жизни, — продолжал Владыка Смерти, — впрочем, мое назначение состоит не в этом. Однако, как бы то ни было, вас я убить не могу. Что же сделать с вами? Не будет мне покоя до тех пор, пока я не решу эту задачу.

— Человечество трепещет от страха, слышав твои шаги... да что там, при одном

звук твоего имени, — сказал Йолсиппа. — Зачем же нужны тебе двое жалких бродяг?

— Я еще ничего не решил, — ответил Улум.

— В таком случае, — предложил Йолсиппа, стараясь не дрожать всем телом, — ты мог бы взять нас к себе на службу. Тогда мы могли бы принести тебе пусть ничтожную, но все-таки пользу. И если наши имена будут связаны с твоим, люди поймут, что мы не избежали твоей могущественной длани и живем только благодаря твоей милости. Разумеется, мы не питаем к тебе никакой вражды, о великий владыка. Нас совершенно случайно втянули в чужие интриги. Меня, к примеру, обманом заставили выпить эликсир жизни...

Кассафех быстро пришла в себя. Она села и, позабыв о своем испуге, отважно посмотрела в лицо Владыки Смерти.

— Чародей Зайрек был твоим посланником. И я могу стать посланницей. Раз у тебя столько дел со смертными, тебе нужны посредники. И поскольку я, как и ты, буду жить вечно, то это логичный выбор. К тому же я когда-то служила Богу, а Смерть тоже, в некотором смысле, Бог. У меня есть опыт.

Бессмертная не знала, да и как она могла знать, что предлагает свою службу тому же самому «Богу», которого прежде оскорбляла и от которого бежала, ибо Черный Бог вешумского сада был не кем иным, как Улумом.

Владыка Смерти взглянул на Кассафех. Возможно, на мгновение он увидел на ее месте Лилас, которая теперь по пятам ходила за синей женщиной, Наразен... Как все изменилось.

— Ты, — обратился он к Кассафех, — искала героя.

— Разве существует герой, способный превзойти величием Владыку Смерти?

Это была правда, и Кассафех говорила искренне. Неожиданно она поняла, что нашла, наконец-то, вечное и непоколебимое имя, с которым мечтала связать свое. Кто осмелится бросать камни в Кассафех, служанку Смерти? Она, дрожа от нетерпения и мучаясь в сомнениях в ожидании ответа Улума, уже собиралась попросить о достойной его служанки роскоши, чтобы не позорить его нищетой. Не было на Земле человека, который не знал бы, что Смерти доступны сокровища любой гробницы.

Улум протянул ей свою изящную черную руку.

Кассафех некоторое время глядела на нее. Сердце бешено колотилось в ее груди, глаза наполнились слезами. Она взяла руку Улума и поднялась. Его прикосновение не могло убить ее, но едва ли оно оставило Кассафех равнодушной. Женщина вся дрожала.

— Я объясню тебе твои обязанности, — сказал Улум.

Он наклонился к Кассафех, и облако его белых волос коснулось ее щеки. Внезапно смятение прошло. Женщина поняла, что отдаст Улуму свою любовь, все еще не нашедшую себе приюта. Она больше не сможет его бояться. Кассафех — как и Йолсиппа — уже сбросила восковое оцепенение Симмурада, испытав лишения и опасности мира за его стенами. А теперь Улум предлагал ей цель, смысл жизни — пусть и мрачный. Кассафех, опьянев от переполнявшего ее восторга и оттого, что сбываются ее сокровенные мечты, приподнялась и поцеловала прекрасные губы Улума, Владыки Смерти. За всю долгую историю человечества никто никогда не делал ничего подобного. А Владыка Смерти, которого происходящее некоторым образом уравнило с обычным мужчиной, ответил на поцелуй бессмертной, и едва заметная тень мелькнула в глубине его глаз.

Йолсиппа, наблюдавший эту картину, вмешался со свойственной ему бестактностью:

— А как же я, мой дивный господин?

— А он? — в свою очередь спросил Улум у Кассафех.

Нежась в объятиях Владыки Смерти, женщина прошептала:

— Пусть он идет с нами, он может пригодиться. Он будет погонять слонов... Если ты, конечно, позволишь мне иметь слонов.

По ночам Владыка Улум бродил по холмам и долинам. Теперь он окончательно перебрался в мир людей. Словно черная тень скользил он по земле, а за его спиной

развевались белые волосы и белоснежный плащ. Иногда вслед за ним неся какой-нибудь зеленоликий ночной кошмар, но обычно Улум шел один.

Конечно же, Наразен не была его женой. Однако то, что она царствовала во Внутреннем Мире, было правдой. Королева на самом деле жила во дворце, увешанном крашеными золотыми украшениями самой искусной работы. Сошедшие во владения Улума то и дело забывали о Владыке Смерти и бежали к Наразен, прося милости... Звезда Симму погасла, и это вернуло бывшее величие, словно она впитала в себя сияние тела или души сына; впрочем, Наразен взяла что-то и от величия Улума.

По-видимому, дело было не в том, что Улуму не доставало сил усмирить непокорную, просто он хотел этого. А может, ее вызов сразил Владыку Смерти одной только невероятной наглостью. Однако для Улума, чья жизнь измеряется вечностью, это тысячелетие вражды показалось не более чем мгновением.

Как бы то ни было, Владыка Смерти отказался от того небольшого владения, Внутреннего Мира, ради другого, гораздо более величественного Мира Живых, недоступного Наразен.

Временами, когда солнце земли вновь умирало, утонув в крови заката, Улум слышал тишайший из звуков — бормотание ткацкого станка своей возлюбленной.

Залитая мягким светом звезд равнина, казалось, испускала призрачное сияние. На холме горели факелы, за ними были видны распахнутые лакированные двери.

Каждый раз при появлении Улума Кассафех поднималась из-за ткацкого станка. Она не преклоняла колен. Ей не нужно было этого делать — почтение и благоговение горели в ее янтарных глазах.

В ее доме у Улума не было трона из костей. Кассафех садилась на пол, а он, Владыка Смерти, устраивался рядом, положив голову ей на колени. Усталость тысяч веков давила на него, ничего удивительного в этом нет.

Молча лежал так Владыка Смерти, а женщина нежными пальцами гладила его лоб. И странная Плоская Земля спешила в ночи по своим делам...